Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский филиал ННГУ

Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ УЧАСТНИКОВ
РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

5 декабря 2019 г.

Арзамас
Арзамасский филиал ННГУ
2020

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

Печатается по решению ученого совета Арзамасского филиала ННГУ
(протокол № 5 от 30.04.2020 г.)

Рецензенты:
д.и.н., профессор Е.П. Титков;
директор Государственного архива
Нижегородской области, г. Арзамас А.А. Гурьянов

Редакционная коллегия:
к.филос.н. А.А. Исаков (научный редактор)
к.и.н., доцент В.И. Грубов (ответственный редактор),

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
В74 **РЕГИОНОВЕДЕНИЯ.** Сборник статей участников Региональной научно-практической конференции (5 декабря 2019 г.) / Науч. ред. А.А. Исаков; отв. ред. В.И. Грубов; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2020. – 289 с. + 12 с. ил.
ISBN 978-5-6042377-5-5

В сборнике представлены доклады участников Региональной научно-практической конференции «Вопросы исторического и экологического регионоведения», проведенной на базе Арзамасского филиала ННГУ 5 декабря 2019 г. Участниками конференции были сотрудники архивов и музеев, краеведы, преподаватели, аспиранты и студенты вузов и средних учебных заведений, учителя и ученики школ Нижегородского региона. В их докладах рассматриваются различные аспекты локальной истории с древнейших времен до наших дней.

Сборник адресован преподавателям вузов и школ, аспирантам, студентам, школьникам и всем интересующимся историей родного края.

УДК 908(063)
ББК 63.3(2Рос-4Ниж) я 43+20.1(2Рос-4Ниж) я 43

Благодарим мэра г. Арзамаса А.А. Щелокова
за помощь в издании сборника

ISBN 978-5-6042377-5-5 © Арзамасский филиал ННГУ, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

Сочнев Ю.В.	Источниковедческие проблемы начальной истории Нижнего Новгорода ……	7
Завьялова А.А., Телухин А.А., Завьялова С.В.	Князь Юрий (Георгий) Всеволодович – основатель Нижнего Новгорода и деятель общерусского масштаба …….	17
Инжутов А.А., Парадеев Е.И.	К вопросу о существовании русских поселений на территории Арзамасского уезда до середины XVI века …….	22
Малышев Ал.В.	К вопросу о времени возникновения монастыря на Выксунской земле ……..	32
Варенцова Л.Ю.	Сергачские будные майданы как составная часть дворцового хозяйства в России в XVII веке …...	36
Климов В.Г.	Пребывание А.В. Суворова в Арзамасе: миф или реальность? …….....	40
Клюшина А.Е.	Село Кремёнки на речке на Кремёнке. Помещики Татищевы ……...……	44
Морозова И.В.	Помещики села Юрьево Сергачского уезда Нижегородской губернии (XVII–XIX вв.) ……	52
Николаев Д.А.	Некоторые вопросы добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г. ..	55
Николаев Д.А.	Влияние сословно-корпоративных факторов на развитие добровольческого движения по вступлению в нижегородское ополчение в 1812 г. …..	60
Игонькин С.А.	Арзамасская инвалидная команда в первой трети XIX века …….	65
Бабкина Т.А.	Развитие шапочного промысла в Княгининском уезде во второй половине XIX – начале XX века	68
Комакова В.Д.	Промыслы Болдинского края в конце XIX – начале XX века ……	73
Потапова Е.А.	Жизненный путь Ф.И. Владимирского ……	77
Маслова Е.И., Щетинин А.И.	Братья Серебровские – революционеры из села Слизнево Арзамасского уезда ……	81
Ефимов О.В.	Заработная плата наемных рабочих в Арзамасе и Арзамасском уезде в конце XIX – начале XX века …….	85
Исаков А.А., Пичугина Е.А.	Попечительство в профессиональном образовании Арзамаса второй половины XIX – начала XX века ……..……	89

Щеглетова А.Е.	Женщины в образовательной среде г. Арзамаса (по материалам музейных фондов) ……..	95
Бегоутова М.А.	Развитие образования в г. Починки Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX века …	100

Раздел II. ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Сапон В.П.	Донбасс в биографиях руководителей Сормовского завода (1920–1930-е гг.) ……..	105
Рябова Л.В.	Всероссийское общество глухих: история и основные направления деятельности (на примере Арзамасского отделения ВОГ) ……..……	110
Федотова И.Ю.	От сердца каждая строка… (обзор писем с фронта в Чернухинскую районную газету «За большевистские колхозы») ……	118
Смирницкий А.Е., Смирнов А.Ю.	Роль железнодорожного училища в развитии социальной инфраструктуры города Шахуньи (1941–1956 гг.) ……...	123
Подрепный Е.И., Титков Е.П.	Подвиг Рихарда Зорге: взгляд через 75 лет после гибели ……..	129
Яшин В.Е., Яшин И.Е., Завьялова С.В.	Прадед-герой в нашей семье …….	141
Колосунин Е.В.	Работа с информационными ресурсами в контексте поисковой деятельности …….	144
Балахонова И.Н.	Мотивация труда работников промысловой кооперации Горьковской области в годы первой послевоенной пятилетки ……	149
Подрепный Е.И., Калмыков И.А.	«Совнархозовская реформа» и советский авиапром (1957–1964 гг.): опыт современной историографии ……	157
Нагорных О.С.	К вопросу о научной и организационной деятельности И.Г. Кочергина в КНР в 1950-х гг.: по материалам центральных и региональных архивов ……	165
Яшина М.О.	Николай Васильевич Яшин – мухтоловский «врач от Бога» …….	169
Завьялова С.В., Завьялова А.А.	Воины-«афганцы» – уроженцы Шахунского района Горьковской области …….	172
Завьялова С.В., Китков А.Д., Волков С.В.	Судьба моряка-нижегородца с подводной лодки К-278 «Комсомолец» ……	179

Хорева Н.В., Муравьёва А.В.	Троицкий храм в селе Архангельском Шатковского района: история и современность ……..…	183
Токарева А.В., Безруков А.А.	Из истории развития дошкольного образования в Арзамасе ……...	187
Шеманаев В.А.	Этапы освоения Старопустынского озерного ландшафта ……..……	191
Любов М.С.	Экологические проблемы Арзамасского региона в начале XXI века …….	195
Кончина Т.А.	Изучение экологического состояния окружающей среды г. Арзамаса средствами биоиндикации ……	199

Раздел III. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Егошин А.Л.	Наборы украшений из цветных металлов в женском костюме мордвы-эрзи IX–XI вв. ……..	205
Неупокоева В.Ю.	Знаки огня на круговой керамике Северо-Восточной Руси ……..	210
Кузьмина А.И.	История одной семьи как источник изучения древнего ремесла …….	214
Малышев Ал.В.	Уходящая Мордовия. Зарисовки по истории и ономастике эрзянских сел Нижегородского Присурья …….	219
Малышев Анд.В.	Академик А.В. Ступин и его художественная школа в Арзамасе ……	232
Пакшина Н.А.	Уроженец Арзамаса художник Василий Степанович Турин ……	245
Михайлов С.С.	К истории формирования ассирийской диаспоры Нижегородского региона: выходцы из области Джилу (племя-миллет джильвая) …….	251
Казнина Т.В.	К истории одного экспоната: пепельница «Башмак» от М. Горького……	258
Кочеткова М.Ф.	Карта Европейской части России. Из коллекции семьи Голиковых …….……..	260
Коннова О.Н., Скрябина С.А.	Экспозиционно-выставочный проект музея «Великий волшебник ТЕАТР» как источник по изучению театральной жизни Арзамаса XIX–XX вв.	263
Кондратьев Б.С.	Арзамасцы – члены Союза писателей России ….	268
Лазарева Т.Н.	Военно-патриотическое воспитание студентов на уроках истории (на материалах краеведческого музея «Родные просторы») ……...	273

* * *

К 70-летию Галины Ивановны Родиной, доктора филологических наук, профессора кафедры истории и обществознания

Родина Г.И. Два поэта-земляка (к 100-летию со дня рождения А.И. Плотникова) …….…… 280

Панкратов В.М. «Труд есть совесть…» ……... 283

Маринина Л.Н. «Хорошо учиться – это патриотично» ……. 286

Приложение 1 (к статье А.А. Инжутова и Е.И. Парадеева)

Приложение 2 (к статье Алексея В. Малышева)

Приложение 3 (к статье А.Е. Щеглетовой)

Приложение 4 (к статье В.Е. Яшина, И.Е. Яшина и С.В. Завьяловой)

Приложение 5 (к статье В.А. Шеманаева)

Приложение 6 (к статье А.Л. Егошина)

Приложение 7 (к статье В.Ю. Неупокоевой)

Приложение 8 (к статье А.И. Кузьминой)

Приложение 9 (к статье О.Н. Конновой и С.А. Скрябиной)

Раздел I
ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ С ДРЕВНОСТИ ДО НАЧАЛА XX ВЕКА

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НИЖНЕГО НОВГОРОДА

Ю.В. Сочнев
НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент
603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12
E-mail: sochnevjobmail@yandex.ru

В статье предметно проанализирована историко-документальная и фактологическая основа, на которой базируется заключение об основании Нижнего Новгорода в 1221 г. Результаты исследования не позволяют в полной мере поддержать традиционный вывод.

Ключевые слова: *Нижегородское краеведение; основание Нижнего Новгорода; история Северо-Восточной Руси XIII века; методы краеведческого исследования.*

Приближается 2021 г., а вместе с ним и празднование 800-летия Нижнего Новгорода. Это событие, безусловно, является весьма важной вехой в истории нашего города и пробуждает интерес к славным страницам его прошлого. В ряду прочих вопросов представляется актуальным затронуть и сведения, связанные с самым началом исторического формирования Нижнего Новгорода – одного из крупнейших и известнейших городов России.

Кто не знает, что традиционным в историографии и нижегородском историческом краеведении является вывод об основании Нижнего Новгорода Владимирским великим князем Юрием Всеволодовичем в 1221 г. на устье р. Оки после большой победы в 1220 г. над Волжской Булгарией. Этот вывод, сформулированный впервые еще историографами XIX века, кочующий по страницам исторических, публицистических и прочих изданий, кажется настолько привычно-убедительным, что мало у кого возникнет желание и потребность задаться вопросом, а на чем же он основывается. Подкованный читатель вспомнит о русских летописях и, вероятно, назовет одну из самых ранних из них – Лаврентьевскую летопись.

Действительно, широко распространенные выводы о возникновении Нижнего Новгорода опираются на летописные сведения, связанные с градостроительной деятельностью Владимирского великого князя Юрия Всеволодовича. Всего в распоряжении исследователей имеются две разновидности таких сообщений – под 1221 г., где записано: *«…Того же лета великий князь Юрий, сын Всеволожь, заложи град на оусть Окы, и нарече имя ему Новъград»* [1, стб. 445], и под 1239 г. в некрологе Юрию Всеволодовичу говорится: *«Милостив же был безмерно, помня слово Господне: блаженны милостивые, ибо*

будут помилованы; потому не жалел имущества своего, раздавая нуждающимся, и церкви строил, украшая бесценными иконами и книгами, и города многие, особенно же второй Новгород на Волге у устья Оки, и церкви многие воздвиг и монастырь святой Богородицы в Новгороде...» [1, стб. 468].

При оценке данной информации следует иметь в виду, что историческая ценность приведенных сообщений абсолютно разная. Наличие двух сходных по содержанию летописных записей как будто свидетельствует об их взаимном подтверждении. Это обстоятельство, по всей видимости, повлияло на восприятие рассматриваемых сведений историками XIX века, чьи выводы воспринимались впоследствии как весьма достоверные. Однако развитие исторической науки и особенно достижения в исследовании летописания во второй половине XX века позволили более объективно и правильно взглянуть на содержание сообщений о закладке крепости в устье Оки. Авторитетные исследователи летописей убедительно доказали, что некролог Юрию Всеволодовичу, помещенный в Лаврентьевской летописи под 1239 г., является сочинением, не относящимся к указанной дате, а был позднее сконструирован из более ранних летописных сообщений и религиозно-литературных произведений [2, с. 141–142; 3, с. 165, 190].

В подтверждение приведем мнение В.Л. Комаровича относительно посмертной похвалы князю Юрию Всеволодовичу, который в ней увидел *«литературный прием во всяком случае не современника. Задачу исторической реабилитации современник выполнил бы, конечно, иначе. Только у биографа из другой эпохи могло оказаться в распоряжении так мало подлинных фактов о реабилитируемом лице. Из всей “похвалы” ведь только вставку о строительной деятельности Юрия можно признать за конкретный признак данного исторического лица, да и то слова “грады многы постави” имеют в виду не столько факты, сколько далеко отстоящую от них по времени возникновения легенду. А все остальное просто перенесенные на Юрия отвлеченные признаки чужих книжных характеристик»* [4, с. 93]. Уточняются и конкретизируются процитированные соображения результатами А.Н. Насонова, который определил: *«Если автор напоминает о постройке Юрием Новгорода Нижнего, то потому, что это был единственный “город”, о постройке которого Юрием рассказывала летопись, а об основании Благовещенского монастыря – потому, что о каких-либо других монастырях (построенных Юрием) летопись вообще не говорила»* [5, с. 455, прим. 51]. Для нашего исследования не столь важно, с какого прототипа были списаны характеристики князя Юрия Всеволодовича, а вот вывод о его градостроительной деятельности очень интересен. Продолжая и поддерживая высказанные оценки, Г.М. Прохоров заключал: *«Совершенно все, что сказано в “похвале” о Юрии, почерпнуто не из жизни, а из летописных текстов»* [6, с. 84]. Обобщая приведенные оценки, можем уверенно констатировать, что сообщение о строительстве Нижнего Новгорода в летописном некрологе Юрию Всеволодовичу вторично и не может расцениваться как достоверное.

Таким образом, для рассмотрения событий, приведших к возникновению Нижнего Новгорода, у исследователя, действующего в традиционной парадиг-

ме, остается только вышеприведенное сообщение под 1221 г. Внимательное знакомство с летописями определенно подводит к заключению, что существуют две версии изложения рассматриваемых событий. Не вдаваясь в детали сложных и громоздких источниковедческо-текстологических обоснований, отметим первую версию в составе т.н. лаврентьевско-троицкой группы летописей (XIV–XVI вв.) и вторую – в Рогожском летописце, датируемом первой половиной XV века, и связанных с ним более поздних летописях (Летописный свод 1497 г. (конец XV – начало XVI вв.); Тверская летопись (XVI век); Ермолинская летопись). Проиллюстрируем это цитатами из наиболее ранних и, следовательно, авторитетных летописных сводов, в Лаврентьевской летописи: *«6729* (1221 г.) … *Того же лета великий князь Юрий, сын Всеволожь, заложи град на оусть Окы, и нарече имя ему Новъград»* [1, стб. 445]; в Рогожском летописце: *«В лето 6729* (1221 г.) *князь Юрьи Всеволодовичь заложи на усть Окы Новъгородъ»* [7, стб. 26].

Как видим, содержательно эти варианты летописных записей не сильно различаются, тем не менее отличия есть – титул Юрия Всеволодовича и акцентация летописца «нарече имя ему».

Летописные сообщения о закладке укрепления в устье р. Оки в начале 20-х гг. XIII века, безусловно, обладают большой исторической достоверностью. Поэтому следует согласиться с патетическим замечанием В.А. Кучкина: *«Невозможно также характеризовать свидетельство летописей об основании Нижнего Новгорода как некую “гипотезу”. Гипотеза – научное предположение, рационально объясняющее явление. Такое понятие не приложимо к тексту летописной записи 1221 г. Запись вполне реальна, как реален… и сам исторический факт, в ней отраженный»* [8, с. 84]. Сделанное в полемическом порыве заявление справедливо, но проблема-то в том, что никто из историков, предстающих его оппонентами, по большому счету, никогда и не оспаривал достоверность данного летописного сообщения.

Сложность заключается в его трактовке и понимании, или, если выразиться упрощенно, в переводе на современный язык. Хитрость в понимании, в первую очередь, связана с многозначностью такого термина, как «град» или «город». В трактовках историков-традиционалистов вольно или невольно присутствует невысказанное, но фактически обнаруживаемое толкование «града» в современном расширенном социально-экономическом и административно-политическом значении. Современному человеку очень сложно уловить все нюансы жизни в прошлые эпохи, тем более в средневековье. Кроме того, такую ситуацию, по всей видимости, во многом определило предыдущее историографическое детерминирование.

Эта проблема давняя и обращала на себя внимание еще дореволюционных историков. Вот что писал Д.Я. Самоквасов по этому поводу в своем специализированном труде: *«Словом, город в древних памятниках означается множество самых разнородных предметов, не имеющих, по современным нам понятиям, ничего общаго с теми понятиями о городе, какия получило это слово в новой России»* [9, с. 32].

«Исследователи русской старины, приступая к чтению исторических памятников с новыми понятиями о городе и встречая в источниках те или другия свидетельства о городах древне-русских, смотрят на последние с точки зрения новых понятий о городе и тем искажают, помимо воли своей, истинный смысл древних исторических свидетельств, а сами впадают в заблуждения» [9, с. 23–24].

Многозначность и специфику в постижении древнерусского термина «град», «город» констатировали и другие известные дореволюционные авторы: *«В древнейших из дошедших до нас памятников слово **городъ**, **градъ**, имеет уже несколько значений, из которых "коренным, первоначальным" считается понятие крепости, укрепления, ограды; защищавшей от неприятеля»* [10, с. 27].

Современные исследователи, активно занимавшиеся изучением средневековых русских городов, поддерживают и развивают высказанные оценки. Сошлемся на мнение авторитетного историка А.М. Сахарова: *«Чаще всего понятие "город" употреблялось в его исторически древнейшем смысле, как военного укрепления. Примеры такого употребления понятия многочисленны, они бросаются в глаза в любом летописном тексте»* [11, с. 62]. Исходя из этого, запись в Лаврентьевской летописи под 1221 г. с высокой степенью вероятности следует понимать только как сообщение о постройке нового укрепления, крепости.

Еще более убеждает в этом конкретный, а не обобщенно-отвлеченный анализ сообщения в хронологическом контексте. Едва ли можно представить, что аутентичная по времени запись летописца подразумевала основание нового города, который неизбежно будет развиваться, богатеть и прославляться. Все это происходило с Нижним Новгородом, но позже, и об этом прекрасно знает современный исследователь, посвятивший изучению истории этого города много сил и времени, что и влияло, порой на подсознательном уровне, на трактовку событий. В начале 20-х гг. XIII века князь и летописец были вправе на все это надеяться, желать этого, но быть уверенными, что в бурную эпоху небольшое пограничное укрепление на границе слабозаселенных русских земель, в условиях только что завершившейся большой войны с воинственными соседями, существенно ущемленными в своих интересах, выживет и будет успешно существовать, конечно же, еще не могли. Обратим внимание, что в соответствующем известии Рогожского летописца нет отдельного упоминания о граде, а говорится только об основании «Новгорода». Этот вариант летописного известия представляется более приближенным к его архетипу. Хотя внешне он создает возможность толковать его как сообщение об основании города, в действительности речь идет всего лишь о начале строительства новой крепости. Кстати сказать, сама краткость сообщения об этом и отсутствие других известий являются подтверждением такого понимания.

Укажем еще на одну тонкость – видимым проявлением отмеченного осовремененного понимания летописного сообщения о строительстве укрепления в устье р. Оки является написание во всех изданиях летописных сводов названия сооружаемого объекта с заглавной буквы как имени собственного (см.

приложение к статье). Это обстоятельство во многом являлось для читателя определяющим; практически никто не замечал, что в подлинном тексте летописей, по крайней мере, в наиболее ранних и наиболее авторитетных из них, этого нет.

Не менее сложным и ответственным оказывается толкование термина «заложи» («заложити»), также присутствующего в летописном известии 1221 г.: великий князь Юрий Всеволодович *«заложи град на усть Окы»* или *«заложи на усть Окы Новъгородъ»*. Определения в словаре И.И. Срезневского хотя и содержат определенную многозначность, в то же время дают одну из наиболее вероятных (применительно к нашему случаю) трактовок древнерусского глагола *заложити – «начать строительство здания, сооружения»* [12, стб. 926]. Тогда буквальное прочтение летописного сообщения 1221 г. означает: великий князь Юрий Всеволодович начал строительство новой крепости (укрепления), а является ли этот факт основанием нового города или же нет, из данного сообщения совсем не понятно. Вывод об основании нового города Нижнего Новгорода, если строго придерживаться принципов научной логики и доказательности, является уже привнесенным результатом последующих комментариев и трактовок историков.

Отметим еще раз, что в традиционной модели изучения начальной истории Нижнего Новгорода, кроме уже рассмотренных, практически нет больше сведений фактологического значения; все, что приводят историки-традиционалисты – всего лишь их предположения, версии, трактовки. Если позволить себе небольшое полемическое заострение, можно даже сказать, что в таком варианте проблема возникновения Нижнего Новгорода выглядит даже больше вопросом веры, нежели научного доказательства. Значительную роль в предопределении итоговой трактовки, также как и в случае с пониманием термина «град», играла предшествующая историографическая традиция. Многие историки просто слишком доверяли авторитетам XIX века, другие же не считали нужным тратить время и силы на отвлеченную от их основной темы проблему, а третьи, однажды заняв позицию, просто защищали и защищают «честь мундира». Справедливости ради согласимся, что в теории многозначность термина «заложити» [13, s. 22–23] дает для этого определенные логические основания.

В историографии даже есть примеры споров известных историков по, казалось бы, давно решенным вопросам (а по учебникам – вообще однозначно-очевидных), порожденных разным толкованием данного термина. Например, неожиданно дискуссионным для неспециалиста оказывается вопрос о закладке храма св. Софии в Киеве во времена князя Ярослава Мудрого, что напрямую связано с прочтением и пониманием термина «заложити». Спор исследователей шел о возможности существования деревянного храма св. Софии, действовавшего уже в августе 1018 г., на основе новгородской записи от 1017 г., которую одни понимали как запись о закладке, а другие – как свидетельство о начале строительства каменного собора Ярославова ктиторства [14, с. 89].

Однако внимательное прочтение летописных сводов дает многочисленные и убедительные примеры в подтверждение вышеизложенных соображений. Приведем только самые показательные из них. В Лаврентьевской летописи под 1158 г.: *«заложи Андреи князь в Володимери церковь каменну святую Богородицю месяца априля ... и еи много имения и свободы купленыя и з даньми и села лепшая и десятины в стадех своих и торг десятыи и город заложи болии»* [1, стб. 348], очевидно, что в сообщении не идет речь об основании города Владимира; под 1192 г.: *«...того же лета заложен бысть град Суждаль и срубленъ бысть того ж лета...»* [1, стб. 409], здесь также нельзя понимать основание города Суздаля, а лишь строительство новых укреплений вокруг него; под 1195 г.: *«того же лета заложи благоверный и христолюбивый князь Всеволодъ Юргевич град Переяславль ... того ж лета и срубленъ бысть»* [1, стб. 412], и это не об основании города Переяславля. В 1213 г. ростовский князь Константин Всеволодович *«заложи церковь святую Богородицю на первом месте падшая церкве месяца априля...»*, как видим, в данном случае еще интереснее – описывается возобновление разрушенного объекта на прежнем месте, но термин используется тот же «заложити» [1, стб. 437]. Аналогичное сообщение, но относительно Суздаля читаем под 1222 г. сразу после сообщения 1221 г. о Нижнем Новгороде: *«...Велики князь Гюрги заложи церковь каменну святыя Богородица в Суждали на первом месте заздрушивъ старое зданье понеже оучала бе рушитися старостью и верхъ ея впалъ бе...»* [1, стб. 445].

В Рогожском летописце также имеются интересующие нас сообщения: *«В лето 6825...* (после завершения противостояния с московким князем Юрием Даниловичем тверской князь Михаил Ярославич) *...поиде в свою отчину въ Тферъ и заложи болшии градъ кремникъ»* [7, стб. 37]. И под 6847 г. имеется интереснейшая запись: *«На ту же зиму месяца ноября в 25, на память святого мученика Климента, замыслиша заложити роубити городь Москву, а кончаша тое же зимы на весну, въ великое говение»* [7, стб. 51]. Если бы не предшествующие упоминания Москвы в летописях, сейчас мы могли бы вести споры, имеет ли это сообщение значение основания данного города. Понятно, что речь идет только о строительстве новых деревянных стен вокруг города. Примеры можно и продолжать, они также довольно многочисленны в других летописных сводах.

Из приведенного материала видно, что использование летописцами термина «заложи» совсем не означает обязательного, некого «автоматического», предопределенного понимания сообщения как основания объекта, а лишь строительства укреплений. Традиционная трактовка применительно к известию 1221 г. логически обосновывается отсутствием упоминаний в летописях Нижнего Новгорода (Новгорода в устье р. Оки) до этой даты. Как некая историографическая традиция это могло устраивать на заре формирования исторической науки, но сейчас, при накопленном огромном источниковедческом опыте, она явно устарела.

Кроме того, с позиций научной логики она и не совсем доказательна. Ведь сейчас достаточно много примеров, когда пересматриваются выводы

о начале формирования городов, при появлении новых данных, добываемых археологами, историками-архивистами и источниковедами. Учитывая специфику летописных сводов как исторических источников, следует признать, что отсутствие предшествующих сведений не является неким особо убедительным доказательством того, что город или крепость не существовали до момента своего первого попадания на их страницы. Такое допущение возможно, но его абсолютизация выглядит на сегодняшний день несколько произвольно. Ну а если нет доказательств, выводы нельзя признать истинными, а мнения историков в этом случае должны оцениваться только как предположения, версии или гипотезы разной степени достоверности?

Очень показательной в этом плане является ситуация с возникновением города Серпухова. В книге «История города Серпухова и Серпуховского края XIV–XVI вв.», со ссылкой на летописные сообщения 1374 г., колоритно описывается, как князь Владимир Андреевич *«заложи градъ Серпухов в своей отчине и повеле его нарядити и срубити дубов, а людем приходящим и гражаном живущим в нем и человеком торьжствующим подасть великую волю и ослабу и многоу льготу…»* [15, с. 26–27]. Четкого вывода не делается, но из контекста понятно, что данное летописное известие, где впервые упоминается Серпухов, рассматривается как факт основания этого города. Ситуация очень сходная с Нижним Новгородом, но Серпухову повезло больше – его формирование относится чуть к более позднему периоду русской истории, от которого до наших времен дошел больший корпус исторических источников. Странно, но почему-то авторы труда об истории Серпухова не обратили внимания на более раннее, нежели летописное, упоминание Серпухова в духовных грамотах Ивана Калиты.

В двух сохранившихся вариантах духовной грамоты, датируемых издателями 1339 г., московский князь разделил свои земли между сыновьями. Младшего сына Андрея Иван Калита благословил рядом городов, среди которых упоминается *«Серпоховъ»*, а в перечне передаваемых ему сел есть *«село Серпоховьское»* [16, с. 7, 9]. Оба завещания дошли до нас в подлинниках, поэтому как источники важны и убедительны. Очевидно, что, помимо села «Серпоховьского», существовало и еще какое-то поселение, именовавшееся «Серпоховъ». Поскольку оно не названо селом, логично считать его укрепленным пунктом, городом (крепостью), которые в то время строились в заселенных местностях и обладали определенным более высоким административным статусом, нежели села. Поэтому «Серпоховъ» в перечне приводится вместе с городами, а потом уже идут села.

Рассмотренные документы были известны еще дореволюционным исследователям, правильно рассматривавшим вопрос о возникновении города Серпухова [17, с. 8–11]. Кстати говоря, в 1874 г., когда отмечалось его 500-летие, на страницах «Московских ведомостей» возникла полемика между двумя видными отечественными историками насчет основания города. Увы, этот сюжет наглядно иллюстрирует пристрастность именно к «своей» истории (оправданную по-человечески, но неоправданную в науке), а у маститых столичных исследователей на это не хватает ни времени, ни интереса. И опять свою лепту

в возникновение ошибочных версий ранней истории Серпуховского края внесли историографы начала XIX века: Н.М. Карамзин в своем известном труде первым допустил неточность в вопросе о построении города Серпухова [18, кн. 1, т. 4, с. 150; кн. 2, т. 5, с. 62, 63]. В реальности в 1374 г. Серпухов, по всей вероятности, был только укреплен дубовыми стенами, точно так же, как незадолго до этого в 1339 г. была укреплена Москва. При этом историк XIX века тонко подметил: *«При чем в летописях говорится так, что с первого взгляда тоже могло показаться, что дело идет об основании города, если бы мы не знали из других мест летописи, что Москва существовала уже в 1147 году»* [17, с. 11]. В Воскресенской летописи под 1339 г. читаем это известие: *«Того же лета заложенъ градъ Москва дубовъ, при князе Иване Даниловиче при Калите»* [19, с. 205; 7, стб. 51].

Однако вернемся к истории Нижнего Новгорода. Практическое изучение летописных известий, как видим, достаточно ясно подтверждает широкое использование термина «заложити» в значении начала строительства. Именно такое понимание и должно быть, в первую очередь, применено к анализу летописного сообщения 1221 г.

Что еще можно к этому добавить? Все исследователи согласны, что начало формирования нашего города связано с его боевой службой как пограничной крепости в слабозаселенном русским населением регионе. Это также необходимо учитывать. Исходя из принципов и способов (а они, безусловно, имелись! – см. многочисленные источниковедческие труды, посвященные изучению русского летописания, в т.ч. XIII–XIV вв.), которые лежали в основе деятельности создателей летописи, невозможно представить, что в начале 20-х гг. XIII века в сложных условиях военной опасности летописец будет фиксировать информацию, исходя из представлений о будущем успешном 800-летнем развитии города, о начале которого он делает запись. Вероятнее всего другая схема. Логически учитывая начальный этап формирования описываемого объекта, понимая, что в условиях пограничных опасностей он может в перспективе и не выжить, летописец, в соответствии с уже определенными и вполне осознаваемыми хронологическими правилами фиксации информации, документирует то, что видит, что ему хорошо известно сейчас. А видит он строительство укреплений на границе – крепости, которая в данных условиях гораздо актуальнее, нежели «солнечный град» на Дятловых горах.

Второе обстоятельство, тесно связанное с вышеизложенным, касается оценки сообщения 1221 г. как летописного архетипа. Большинство историков и краеведов молчаливо исходят из данного постулата, лишь некоторые прямо это провозглашают. Если принимать данный вывод, то его также необходимо применять к трактовке анализируемого известия. Как может начальный текст, создаваемый в конкретных исторических условиях, отражать последующие оценки описываемого события? Все вместе, как представляется, однозначно склоняет вдумчивого исследователя понимать термин «заложи» в летописном сообщении 1221 г. как начало строительства, а его в целом – как краткую запись о

начале строительства укрепления, крепости князем Юрием Всеволодовичем в устье р. Оки.

Подводя итог, констатируем, что имеющиеся на данный момент непосредственные летописные сообщения о начале формирования Нижнего Новгорода в 1221 г. совсем не означают его бесспорного основания как совершенно нового населенного пункта. Несмотря на убеждение автора данных строк в существовании определенной истории Нижнего Новгорода до 1221 г., стремление оставаться в рамках научной логики и доказательности побуждает сделать вывод, что на имеющемся традиционном историческом материале данный вопрос не может быть решен однозначно и окончательно. Чтобы разобраться с этой проблемой, необходимы специальные исследования, дополнительные (лучше объединенные) усилия историков и краеведов. И еще одно замечание, невзирая на критическое отношение к ныне доминирующим выводам о возникновении Нижнего Новгорода: автор статьи не призывает отказываться от празднования юбилейных событий, а рассматривает вынесенную в качестве темы статьи проблему исключительно как научную. Исходя из имеющегося опыта ее изучения и забегая несколько вперед, отметим, что парадигма исторической науки давно трансформировалась, и это должно побуждать нас отказаться от устаревших стереотипов. Применительно к начальной истории Нижнего Новгорода как минимум пора изменить терминологию в обсуждении вопросов. Уже вполне понятно, что возникновение нашего города было не единовременным, а носило дискретный характер и имело определенную временную продолжительность. При изучении предмета внимания следует вести речь не об основании, а о формировании и развитии.

Источники и литература

1. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. I. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.

2. Присёлков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. – СПб., 1996. – 325 с.

3. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV века. – М.: Наука, 1983. – 295 с.

4. Комарович В.Л. Лаврентьевская летопись // История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. – М.-Л., 1945. – С. 90–96.

5. Насонов А.Н. Лаврентьевская летопись и Владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. // Проблемы источниковедения. Т. 11. – М., 1963. – С. 428–480.

6. Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 28. – Л., 1974. – С. 77–98.

7. ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 432 с.

8. Кучкин В.А. Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы II Областной научно-практической конференции, 5–6 декабря 2001 года. – Н. Новгород, 2002. – С. 82–97.

9. Самоквасов Д.Я. Древние города России. Историко-юридическое исследование. – СПб., 1873. – 163 с. Прил.

10. Неволин К.А. Полное собрание сочинений К.А. Неволина. Т. VI. – СПб., 1859.

11 Сахаров А.М. О терминах «город» в источниках XVI века // Общество и государство феодальной России. – М., 1975. – С. 62–66.

12. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка (Репринтное издание) Т. I. Ч. 2. – М., 1989.

13. Poppe A. Materialy do slownika terminow budownictwa staroruskiego. – Wroclaw, 1962.

14. Поппэ А.В. Русские митрополии Константинопольской патриархии в XI столетии // Византийский временник. Т. XXVIII. – М., 1968. – 329 с.

15. История города Серпухова и Серпуховского края, XIV–XVI вв. (Материалы и исследования). – Серпухов, 2009. – 254 с.

16. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л., 1950. – 585 с.

17. Симсон П. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. – М., 1880. – 346 с.

18. Карамзин Н.М. История государства Российского. – М., 1988. (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов). Кн. 1. (Т. 1–4); Кн. 2. (Т. 5–8).

19. ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 360 с.

Приложение

Летописные сообщения о строительстве «Новгорода» в устье р. Оки

1. Лаврентьевская летопись (XIV век)

«6729 (1221 г.) … Того же лета великий князь Юрий, сын Всеволожь, заложи град на оусть Окы, и нарече имя ему Новъград».

(ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 445).

2. Троицкая летопись

«6730 (1222 г.) … Того же лета великий князь Юрий, сын Всеволожь, заложи градъ на оусть Окы, и нарекъ имя ему Новъгород Нижнии».

(Присёлков М.Д. Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 306).

3. Симеоновская летопись

В лета 6730 (1222 г.) … Того же лета великии князь Юрьи, сынь Всеволожь, заложи градъ на оусть Окы, нарекъ имя ему Новъгород Нижнии».

(ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 51).

4. Владимирский летописец (XVI век)

«В лето 6730 (1222 г.) … Того же лета князь великии Юрьи Всеволодичь заложи град на усть Оки и нарече его Новгород Нижнеи».

(ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 85).

5. Московский летописный свод конца XV века

«В лето 6729 (1221 г.) … Тогда же князь велики Юрьи Всеволодич заложи град на усть Оки и нарече и Новъгород Нижнии».

(ПСРЛ. Т. 25. С. 118).

6. Никоновская летопись (XVI век)

«6729 (1221 г.) … Того же лета князь велики Юрьи Всеволодичь заложи градъ на усть Оки реки и нарекъ имя ему Новградъ Нижней».

(ПСРЛ. Т. 9–10. М., 1965. С. 87).

7. Рогожский летописец (первая половина XV века)

«В лето 6729 (1221 г.) князь Юрьи Всеволодовичь заложи на усть Окы Новъгородъ».

(ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М.,1965. Стб. 26).

8. Летописный свод 1497 г. («Летописец от 72-х язык») (конец XV – начало XVI века)

«В лето 729 (1221 г.) … Того же лета князь великии Юрии заложи Новъгород Нижнеи на оусть Оки».

(ПСРЛ. Т. 28. М., 1965. С. 49).

9. Тверская летопись (XVI век)

«6729 (1221 г.) … Того же лета князь великий Юрий Всеволодовичь заложи Новгордъ Нижний на реце Оке».

(ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 334).

10. Ермолинская летопись

1220. «Того же лета князь велики Юрьи заложы Новьгородъ Нижнии на усть Оки».

(ПСРЛ. Т. 23. СПб., 1910. С. 68).

КНЯЗЬ ЮРИЙ (ГЕОРГИЙ) ВСЕВОЛОДОВИЧ – ОСНОВАТЕЛЬ НИЖНЕГО НОВГОРОДА И ДЕЯТЕЛЬ ОБЩЕРУССКОГО МАСШТАБА

А.А. Завьялова[1], А.А. Телухин[2], С.В. Завьялова[3]

[1] МБОУ «Школа №60» г. Нижнего Новгорода,
учитель истории и обществознания высшей категории
603135, г. Нижний Новгород, проспект Ленина д. 55, к. 3;
[2] МБОУ «Школа №60» г. Нижнего Новгорода, ученик 10 класса
603135, г. Нижний Новгород, проспект Ленина д. 55, к. 3;
[3] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

В статье рассказывается о князе Юрии (Георгии) Всеволодовиче – основателе Нижнего Новгорода в связи с выходом в свет научной биографии великого князя, написанной А.А. Кузнецовым.

Ключевые слова: *А.А. Кузнецов; научная биография; князь Юрий (Георгий) Всеволодович; Нижний Новгород.*

Двадцать второго сентября 2015 г. Президент РФ В.В. Путин подписал указ № 473 «О праздновании 800-летия основания г. Нижний Новгород»:

«В связи с исполняющимся в 2021 г. 800-летием основания города Нижний Новгород постановляю:

1. Принять предложение Правительства Российской Федерации о праздновании в 2021 г. 800-летия основания города Нижний Новгород.

2. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления принять участие в подготовке и проведении празднования 800-летия основания города Нижний Новгород.

3. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания» [1].

Основание Нижнего Новгорода обычно ассоциируется с именем великого князя Юрия (Георгия) Всеволодовича. Восемь веков назад на высоком берегу Оки при впадении ее в Волгу был заложен город Нижний Новгород.

В связи с 800-летием основания Нижнего Новгорода актуальными являются следующие вопросы:

- Историческая деятельность Георгия Всеволодовича, его роль и место в истории нашего государства, его героические поступки и заслуги перед Отечеством.
- Факторы, обусловившие значимость Нижнего Новгорода в истории нашей страны.

Долгое время в исторической науке отсутствовала научная биография великого князя Владимирского Юрия (Георгия) Всеволодовича. В 2017 г. в издательстве «Деком» вышла в свет книга известного нижегородского историка А.А. Кузнецова «Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода», в которой автор исследовал ту далекую эпоху. Книгу А.А. Кузнецова можно взять за основу для изучения истории Нижегородского края с древности до начала XX века. В труде А.А. Кузнецова представлена, наконец, научная биография Юрия (Георгия) Всеволодовича, что позволяет занять великому князю Владимирскому недостающее звено в цепи жизнеописания правителей Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. Безусловно, было несправедливым долгое время недооценивать роль Юрия (Георгия) Всеволодовича в истории средневековой Руси: он занимал великий Владимирский престол более 20 лет (с перерывом – 1212–1216 гг.; 1218–1238 гг.), это больше, например, чем период правления его дяди, Андрея Боголюбского.

Юрий (Георгий) Всеволодович – основатель Нижнего Новгорода. Каждый нижегородец своими трудами продолжает дело основателя города, укрепляя его экономический, политический, культурный потенциал, авторитет, поэтому знать биографию основателя города необходимо.

Изучение правления Юрия (Георгия) Всеволодовича затрагивает не только вопрос, связанный с основанием Нижнего Новгорода, но и проблемы истории всей Руси от Балтики до Заволжья, от Северного Ледовитого океана до среднего течения Днепра. Общеизвестные факты его биографии связаны с событиями первых сорока лет XIII века в истории Руси. Поэтому необходимо выявить, каково было место князя в истории домонгольского периода, кануна Батыева нашествия, каковы были результаты его правления, можно ли его причислить к ряду виднейших деятелей истории России? В чем его заслуга перед Отечеством?

Руководитель комитета по делам архивов Нижегородской области Б.М. Пудалов на презентации книги А.А. Кузнецова в декабре 2017 г. в областной библиотеке отметил, что это серьезное академическое исследование, основанное на проверенных фактах, написанное доступным для широкого круга читателей языком. Кроме того, автор показывает личность князя в контексте эпохи, в сопряжении с событиями истории Древней Руси первой трети XIII столетия. Ему удалось создать достоверный портрет человека, что оказалось чрезвычайно сложной задачей, поскольку этот герой отечественной истории оказался обделен вниманием историков. Еще одно несомненное достоинство книги, считает ученый, – это хорошее оформление книги и прекрасный иллюстративный ряд, что явилось большой заслугой авторского коллектива издательства «Деком». *«По объективным причинам, из-за отсутствия внятного научного исследования, обобщающего труда жизнь и деяния Георгия Всеволодовича получили в исторической науке разноречивые оценки. Благодаря появлению этой книги наконец-то уходят домыслы, мифы и стереотипы в отношении этой исторической личности»*, – заметил Б.М. Пудалов [2].

Андрей Александрович Кузнецов на презентации книги рассказал собравшимся о замысле книги – показать владимирского князя как общерусского героя и как основателя Нижнего Новгорода. Историк рассказал также об этапах 15-летней работы над книгой и результатах, которые для самого автора стали неожиданными. *«Анализируя состояние исторического знания о князе и его деяниях, я увидел, что в нем много наносного, противоречивого и отрицательного. Воссоздавая биографию князя, работая с достоверными источниками, я невольно снимал те стереотипы, которые определяют видение князя не только в Нижнем Новгороде, но и в общероссийском масштабе. Я сам для себя обнаружил, что пишу апологию, защиту князя»*, – признался автор [2].

Историк также заметил, что попытался представить в книге новый облик князя и новые его заслуги. *«Совершенно иначе подана битва на Липице, не столь трагедийная, не как иллюстрация феодальной раздробленности. Показана совершенно новая борьба князя за Прибалтику и Поволжье. В этом я вижу зарождение имперской идеи, которая была прервана нашествием Батыя. Если бы не Георгий Всеволодович, в составе России не было бы Карелии. Если бы не он, его племяннику князю Александру Невскому нечего было бы защищать. Если бы князь не вышел в Поволжье, не основал Нижний Новгород, древнерусская цивилизация не стала бы развиваться в сторону российской»* [2].

Второго февраля 2019 г. среди учащихся 9–10-х классов МБОУ «Школа № 60» Ленинского района г. Нижнего Новгорода было проведено анкетирование по следующим вопросам:

1. Когда был основан город Нижний Новгород?

2. Кто был основателем Нижнего Новгорода?

3. Годы Владимирского княжения Великого князя Георгия Всеволодовича? (*1212–1216; 1218–1238 гг.*).

4. Какие внутриполитические задачи решал Великий князь Владимирский Георгий Всеволодович?

5. Какие внешнеполитические задачи решал Великий князь Георгий Всеволодович?

6. Знаете ли Вы, что день почитания основателя Нижнего Новгорода включен в Устав города Нижнего Новгорода в качестве общегородского праздника. Назовите дату (*17 февраля*).

На основании опроса учащихся 9–10-х классов (опрошено 36 учащихся) было выявлено:

1. Дату основания города Нижнего Новгорода знают все опрошенные ученики.

2. 95% опрошенных учащихся назвали имя основателя Нижнего Новгорода – Георгия Всеволодовича.

3. 80% опрошенных затруднились с ответом на вопрос о годах Владимирского княжения Великого князя; 20% опрошенных назвали годы 1212–1216 и 1218–1238, с перерывом 1216–1218 гг. ввиду междоусобицы и битвы на реке Липице. 80% опрошенных назвали дату смерти Георгия Всеволодовича, т.е. окончание его правления, но затруднились с датой начала правления и датами перерыва этого правления.

4. 70% опрошенных затруднились с формулировкой задач, которые решал Георгий Всеволодович в рамках государства.

5. На вопрос о задачах, которые решал Георгий Всеволодович во внешней политике, 60% обучающихся назвали в ряду первоочередных задач в политике Георгия Всеволодовича закрепление на берегах Волги и основание города Нижнего Новгорода; в связи с этим назвали борьбу с Волжской Булгарией и племенами мордвы, а также назвали вторжение монголов в пределы Руси, сражение на реке Сити и гибель Георгия. 40% обучающихся затруднились назвать внешнеполитические задачи, которые решал Великий князь.

6. В ответ на вопрос о дне почитания основателя Нижнего Новгорода 65% назвали дату 17 февраля – день почитания основателя Нижнего Новгорода. У 35% опрошенных ответ на данный вопрос вызвал затруднение.

На основании исследовательской части работы по теме «Георгий Всеволодович как основатель Нижнего Новгорода и деятель общерусского масштаба» выявлено, что научное упущение – отсутствие научной биографии великого Владимирского князя – сказалось и на знаниях учащихся об этом историческом деятеле. В учебниках, по которым обучались опрошенные учащиеся, имеются сведения в основном о сражении на реке Липице, о вторжении монголов и в связи с этим о гибели князя Георгия на реке Сити. Выход в свет научной биографии Георгия Всеволодовича, представленной А.А. Кузнецовым, позволяет пополнить знания наших земляков об основателе Нижнего Новгорода, который занимал Владимирский престол более 20 лет, и связать его деятельность с предшествующими и последующими событиями нашей истории.

Четвертого апреля 2019 г. авторам данной работы удалось провести интервью с автором книги, доктором исторических наук А.А. Кузнецовым и получить ответы на следующие интересующие их вопросы:

1. Почему Андрей Александрович посвятил свой труд основателю Нижнего Новгорода – Георгию Всеволодовичу? Какие проблемы ставил автор перед собой при написании книги?

Андрей Александрович ответил, что давно занимается темой, связанной с личностью Георгия Всеволодовича. На протяжении 18 лет изучал биографию Георгия Всеволодовича, этой теме посвящена его докторская диссертация. *«Георгий Всеволодович был незаслуженно обижен и забыт в истории, ему приписывались неблаговидные поступки, необходимо представить достоверную биографию князя»*.

2. В архивах каких городов работал автор, какие источники легли в основу книги?

Ответ А.А. Кузнецова: *«Архивных материалов до XIV века не имеется. Я, в первую очередь, использовал Лаврентьевскую летопись, созданную в XIV веке в Нижнем Новгороде и работал в Российской национальной библиотеке города Санкт-Петербурга»*.

3. Были ли трудности при написании книги?

Ответ: *«Главной задачей было показать великого князя Георгия таким, каким он был в реальности, развенчать стереотипы о нем»*.

4. Правильно ли мы поступили, что в своей исследовательской работе с книгой «Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода» сделали акцент на том, что Георгий Всеволодович не только основатель Нижнего Новгорода, но и деятель общерусского масштаба?

Ответ: *«Так и было задумано мною. Ставилась цель: в чем главная заслуга Георгия Всеволодовича? Князь основал восточные земли – залог будущего продвижения российской государственности. Это позволило сохранить древнерусское наследие в ордынский период. Георгий Всеволодович – общерусский герой»* [3].

Интервью с автором книги, доктором исторических наук А.А. Кузнецовым доставило нам огромное удовольствие. Мы убедились в том, что мы на правильном пути в осмыслении заслуг Великого князя перед Отечеством. Изучение книги и беседа с ее автором помогли нам узнать биографию Великого князя и его великие деяния.

Источники и литература

1. Подписан Указ о праздновании 800-летия основания Нижнего Новгорода. 22 сентября 2015 г. – URL: kremlin.ru›acts/news/50347 (дата обращения: 07.12.2018).

2. Дружкова М. Состоялась презентация книги нижегородского историка Андрея Кузнецова «Князь великий Георгий – основатель Нижнего Новгорода». 23 декабря 2017. – URL: nne.ru›news…knigi…istorika…kuznetsova…novgoroda (дата обращения: 27.12.2018).

3. Интервью с А.А. Кузнецовым учащегося МБОУ «Школа №60» А.А. Телухина. 04.04.2019 // Хранится в личном архиве А.А. Телухина.

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ РУССКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АРЗАМАССКОГО УЕЗДА ДО СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА

А.А. Инжутов[1], Е.И. Парадеев[2]

[1] Шатковский районный историко-краеведческий музей
Администрации Шатковского муниципального района, директор
607700, Нижегородская обл., р.п. Шатки, ул. Центральная, д. 24
E-mail: al.injutow2010@yandex.ru;

[2] Независимый исследователь, г. Москва
E-mail: eparadeev@gmail.com

В статье анализируется структура размещения русских, мордовских и татарских поселений на территории Арзамасского уезда (территория Утишья – левобережья реки Тёши) на период появления письменных источников второй четверти XVI – начала XVII в. Исследуется вопрос присоединения указанной территории к Москве. Рассматривается вопрос возможного заселения русскими Утишья до похода Ивана IV в 1552 г. Приводятся сведения о существовании русских населенных пунктов до середины XVI века.

Ключевые слова: *Иван IV; Арзамас; Арзамасский уезд; Утишье; арзамасская мордва; служилые татары; дворцовые села; XVI век.*

Летом 1552 г. через территорию несуществующего еще тогда Арзамасского уезда, населенного мордвой, пролегал маршрут боевого похода Ивана IV на Казань. В известном смысле этот поход стал важным событием для истории края. В северо-восточном углу окруженного со всех сторон лесами полевого пространства, получившего название Утишья (Тиши), появляется крепость Арзамас. Происходит наделение землею служилых людей, которые основывают поселения. В последней четверти XVI века Арзамас уже является административным центром Арзамасского уезда. К этому времени относятся и первые источники по его истории. Они сообщают о существовании русских сел, деревень и починков, из которых можно сделать выводы о появлении русского населения ранее существующих первых документов. На самых ранних этапах создания уезда было сформировано его деление на станы. Для поместных и вотчинных земель было образовано четыре стана в Утишье (Подлесный, Иржинский, Ичаловский, Тешский станы). Еще один стан – Залесный, за Собакинским и Шатковским лесами – занимал восточную и юго-восточную часть уезда. Мордовские и бортничьи деревни были разделены по Утишному и Залесному стану.

В рамках настоящей статьи мы будем рассматривать территорию Утишья. Ко времени существования первых источников структура расселения и размещения поселений в целом уже была сформирована. Все русские населенные пункты распределились равномерно по территории Утишья. Здесь, по данным Арзамасских поместных актов (далее – АПА), за период 1578–1618 гг., по подсчетам А.В. Эмаусского, существовал 121 русский населенный пункт [1]. Согласно писцовым книгам Т. Измайлова и Н. Чаплина, в начале 1620-х гг. на всей этой территории число русских населенных пунктов в поместьях и в вотчинах составляло 174 [2]. Фактически их число было от 129 до 174, т.к.

среди них некоторые из 45 вотчинных могли одновременно быть и поместными, т.е. учтены дважды.

Размещение существовавших тогда в Утишье 23 мордовских и бортничьих деревень имело свои особенности. Так, почти все они лежали за пределами окружности радиусом в 30 км по отношению к центру – г. Арзамасу ***(Приложение 1, рис. 1)***. Исключение составляла деревня Пасьянова, жители которой покинули деревню в 1620–1630-е гг. и переселились в починки Алаторская поляна и Кинялгуши на Алатыре. Основная часть мордовских деревень располагалась у лесной зоны, на границе леса и поля. Вдоль южных лесов (Шатковского и Сатисского) расположилось шесть деревень, вдоль западного Муромского – семь. Две деревни (Личадеево и русская бортничья Докукино) сформировались у края обширных лесов междуречья Тёши и Серёжи. Еще шесть деревень вытянулись вдоль дуги радиусом в 35 км по отношению к Арзамасу. Эти деревни расположились у лесных массивов, выдвинутых в сторону поля, к востоку от мордовских деревень, расположенных вдоль Муромского леса. К этой последней группе можно отнести и стоящую слегка особняком деревню Атемасово [3, с. 19]. Деревня Пасьянова расположилась на реке Тёше у границы Собакинского леса.

В процентном отношении число мордовских населенных пунктов к русским составляло около 13–18%.

Между тем топонимы и гидронимы свидетельствуют об ином первоначальном расселении мордвы. И Арзамас, и некоторые населенные пункты в пределах указанного радиуса имели мордовские названия (Кичанзино, Водоватово, Пешелань, Верякуши, Ичалово). На этой территории носили мордовские названия и многие гидронимы и оронимы (Кавлей, Кевлей, Мочалей, Пекшелатка, Чеварлей, Каталей). Вместе с тем русские топонимы также уже были зафиксированы в письменных источниках (Васильев Враг, рч. Озерки, овраг Липовый).

В Ичаловском и Иржинском станах наличествовали населенные пункты непосредственно служилых татар (Комкино) [4, с. 2.] или принадлежавшие служилым татарам (Ичалово, Беговатово, Томаево, Темяшево и др.). Они занимали большую часть Ичаловского и часть восточной окраины Иржинского станов [5].

Заметим, что за 45 лет (с 1578 по 1623 г.) картина размещения русских и мордовских поселений в целом не изменилась; мало изменится она и в течение последующих 50 лет. В связи с этим возникает вопрос: сложилась ли данная структура размещения поселений в течение 30 лет после похода Ивана IV (т.е. с 1552 до начала 1580-х гг.), или же возникновение части русских поселений на территории Арзамасского уезда происходило и в более ранний период и не было связано с походом?

Общепризнано, что вехой, после которой началось массовое заселение территории Арзамасского уезда русским населением, стало именно завоевание Казанского ханства. Последующие события: строительство крепости Арзамаса – военного и административного центра уезда, создание оборонительных за-

сечных черт, перераспределение земельных угодий и наделение земельным окладом служилых людей многократно ускорили приток русского населения на исследуемую территорию. Действительно, многие русские населенные пункты в последней четверти XVI века носили название владельцев, которые еще были живы и упоминались в источниках (Паново, Хирино, Уланки, Страхова, Силино, Хохлово и др.) [6]. Возникновение некоторых поселений на мордовских землях можно проследить по имеющимся документам. В 1585 г. в поместье за Л.И. Пановым числилась деревня Старая Сыресева [6, с. 581]. В землевладения села Силино была включена часть мордовских сыресевских земель [2, с. 244]. О русском селе Атемасово сказано: *«Село Отемасово, что был село (по)чинок Старое Отемасово городище»* [2, с. 320]. Деревня Водоватово была *«за Досадинскою мордвою, а после того было во дворце»* [2, с. 110]. В 1585 г. И.В. Бутурлину принадлежала деревня Серебряново, *«что была кардавильской мордвы»* [6, с. 585]. Характерен один пример, свидетельствующий, каким образом мордовские земли становились поместными: Русское Камкино *«что была прежь сего деревня Камкина, в старину мордовское, и мордва в ней мерла, и после мору подправил под себя Уской Тютчев…»* [4].

Вместе с тем вопрос о начальном проникновении русского населения на рассматриваемую территорию остается открытым из-за отсутствия источников. А. Гераклитов писал, что русская вольная колонизация предшествовала подневольной: русский бортник появлялся среди арзамасской мордвы раньше служилого человека и раньше крестьянина русского помещика [7, с. 189–190]. Многие мордовские селения по переписи 1628 г. были со смешанным русским и мордовским населением (Ардатова, Атемасова, Кечексанова (Череватово Старое), Киргина, Комодеева (Погиблова), Кужендеи, Личадеева, Макателем Новый, Офтодеева, Серякуши (Ризодеева), Сычесева, Тоторшева, Пасьянова) [7, с. 197, 287, 325]. Деревня Докукина была полностью населена русскими бортниками и располагалась на западе уезда.

Имеющиеся письменные источники слабо раскрывают историю возникновения первых русских поселений Утишья на полевом пространстве к западу, юго-западу и югу от Арзамаса.

Политическое влияние Москвы на рассматриваемые территории можно связать с датой установления протектората над Казанью в 1487 г. Самый ранний известный источник, свидетельствующий о контроле Муромской администрацией территории будущего Утишья, датирован 1491 г. Это грамота Ивана III о пожаловании Н. Ознобишина *«мордвою Кирдановскою в кормление»* [8, с. 134–135]. На рубеже XVI–XVII вв. кирдановская мордва проживала в юго-восточном углу Утишья. В писцовой книге Т. Измайлова к кирдяновскому беляку были отнесены деревни Кардавиль, Корино, Пасьяново [9, д. 8, л. 2, 13, 119 об.].

В духовной грамоте Ивана III 1504 г. город Муром завещается *«с мордвами, и с черемисою, что к Мурому потягло»* [10]. В более ранних духовных грамотах Василия I (1423) и Василия II (1462) Муром завещался без мордвы и черемис [11, с. 631]. Упоминаемые в тексте грамоты мордва и черемиса могли

проживать только к востоку от Мурома, т.е. на территории Утишья [12, с. 97; 11, с. 631]. Между прочим, муромская мордва встречается в составе рати, посланной в январе 1558 г. из Пскова воевать Ливонскую землю [12, с. 97]. В 1563 г. в походе на Полоцк муромская мордва и бортники составляли 551 чел., что уже может свидетельствовать о значительной территории ее проживания (в том же походе нижегородская мордва и бортники составляли 293 чел., темниковская мордва – 216 чел., цненские князи, и мурзы, и казаки, и люди их мордва – 232 чел.) [13, с. 144–151]. Кроме того, упоминание такой большой корпорации муромской мордвы в 1563 г. указывает на то, что к этому времени Арзамасский уезд еще не был сформирован.

В духовной грамоте Ивана III также завещались прилегавшие к Мурому и *«князи мордовские все»* [10]. Это были династии татарских князей, в первой половине XVI века управлявших мордовскими административными единицами – беляками, в соответствии с жалованными грамотами от московских великих князей. По своему статусу беляки были сопоставимы с волостями [11, с. 635]. Кроме упоминавшегося Кирдяновского беляка, из источников XVII века известно о существовании в Утишье Саконского и Моргальского беляков [7].

Отметим важный момент. Князья и мурзы в Московском государстве являлись верхушкой служилых татар, которые могли иметь поместья и владеть крепостными людьми [14, с. 311]. Мы видим примеры и во второй четверти XVI – начале XVII века по Утишью. Русскими крестьянами владели князья и мурзы Мустофины, Собаевы, Енговатовы, Енголычевы, Шекаевы, Салтыгановы и др. [6, с. 9, 48, 95, 614–615, 628–629]. Кроме того, в качестве объекта власти в текстах жалованных грамот от московских великих князей татарское население никогда не фигурирует [11, с. 635].

Все вышесказанное необходимо для понимания тех скудных источников, свидетельствующих о ранней истории Арзамасского уезда.

Совсем недавно в РГАДА в фонде 1209 было обнаружено уникальное дело – подлинник отказных книг вдове княгине Марье Шейсуповой с детьми [15]. Этот документ уникален тем, что в нем освещается ранняя история территории будущего Арзамасского уезда. Сам документ датирован 1627 годом. В деле речь идет о земельном споре между княжеским родом Шейсуповых и дьяком Петром Микулиным, который в Смутное время часть их старинных вотчинных земель закрепил за собой в поместье и в вотчину.

Земельный спор, в ходе которого представители княжеского рода восстановили свои исконные права, был известен исследователям. Так, в Центральном архиве Нижегородской области находится датированная 12 апреля 116 (1608) года «Указная грамота из Поместного приказа в Арзамасскую приказную избу об отделе части вотчины князя Давыда Иванова сына Шейсупова его вдове княгине Агафье на прожиток и об отказе оставшейся части в поместье дьяку Петру Микулину, и выпись с книг письма и меры 7093 г. (с. Козаково Арзамасского у.)» [16, д. 1]. Есть документ и в сборнике Арзамасских поместных актов С.Б. Веселовского под № 368 от 25 февраля 121 (1613) года «Отдельные книги вотчины вдовы кн. Давида Шейсупова и поместья дьяка Петра Микулина»

[6, с. 476–478]. А.А. Гераклитов критически анализировал указанное в тексте распоряжение о раздаче вотчины «для крещения» в статье «Раздача мордвы “по жеребью” боярам “для крещенья”» [17, с. 99–103].

Указанные документы, однако, отражают далеко не все сведения. Документ из РГАДА полностью восстанавливает хронологию и преемственность прав владения землями села Казаково. Источник свидетельствует, что в первой половине XVI века кардавильской мордвой владел князь Азбердей. Сын Азбердея – Тахтамыш, получил от царя Ивана Грозного в 7047 (1538/39) жалованную грамоту на княжение над кардавильской мордвой: *«По жалованной Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Русии лета 7047, что Государь пожаловал прадеда их Тахтамыша княж Азбердеева княжением над Кордовильскою мордвою, и ясаком, и под суд к нему ходить, что было за отцем его за Азбердеем…»* [15]. Это пожалование произошло в годы нападений казанских татар на Муром (1537 г., 1539 г.), т.е. в период казанских войн с Сафа-Гиреем. Как мы уже отмечали, земли мордовской деревни Кардавиль исторически входили в кирдяновский беляк. Грамота о пожаловании Н.В. Ознобишина в кормление кирдановской мордвой была опубликована и в трудах Тамбовской ученой архивной комиссии, но в ней сказано: *«А дана грамота лета 7046 года девятого мая»*, при этом на подлинном документе проставлено имя царя Василия Ивановича [18, с. 42–43]. Безусловно, к этому времени (1538 г.) Василий III уже скончался, т.е. данная пометка является более поздней, что могло быть связано с подтверждением прав рода Ознобишиных при Иване Грозном.

Несомненно одно – в 1538–1539 гг. земли Кирдяновского беляка, т.е. части Утишья будущего Арзамасского уезда, по-прежнему контролировались Москвой, т.е., несмотря на войну с Казанью и казанские нападения, власть русского царя в этот временной период продолжала распространяться на будущее Утишье.

Ближайшим городом, где присутствовали представители центральной власти, был Темников. Он располагался в 46 км к югу от края рассматриваемого поля. Причем Темников отличался еще и преобладанием среди жителей служилого татарского населения. В это же время, в 1539 г. Иван IV пожаловал князя Еникея правом *«судити и ведати»* всех проживавших в Темникове служилых татар [11, с. 631]. Мы видим, что пожалования в Утишье происходили в рамках общей политики пожалований, посредством которых московская власть управляла территорией, опираясь на местную татарскую знать.

После Казанского похода 1552 г. были не только подтверждены права Тахтамыша над кардавильской мордвой, но и он сам получил земельные пожалования. Об этом свидетельствует жалованная грамота 7064 (1555/56) г: *«Государь Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Русии Тахтамыша Казака князь Азбердеева сына пожаловал, а то-де и начало тому селу Казакову….»* [15]. Заметим, что земли кардавильской мордвы находились к югу от села Казаково. В начале XVII века от казаковских земель их разделяла чуть более двухкилометровая полоса поместных земель соседних помещиков. О непосредственной связи Казакова и Кардавили упоминаний в источниках нет.

Далее источник сообщает, что Тахтамыш Казак князь Азбердеев принял крещение и стал Иваном, сохранив при этом тюркское прозвище Шейсуп (измененное от шах/шейх Исуп/Юсуф). Не ясно, можно ли связывать грамоту 64 (1555/56) года с крещением (русское имя не указано в жалованной грамоте), но определенно то, что уже к 7076 (1567/1568) г. он умирает и права владения переходят его сыновьям. При этом церковь в селе Казаково, по книгам Игнатия Зубова, была поставлена еще при князе Иване, т.е. до 1567/68 г.: *«А та-де вотчина село Казаково искони вечная, прямая их, старинная прадеда их Тахтамыша Казака Азбердеева сына, коли-де ещо был прадед их и не во крещенье, потому-де прозвища прадеда их Тахтамыш, а князя то село их словет Казаково, а во крещенье-де имя было князь Иван Шейсуп»* [15]. Прозвище Казак можно связать с тем, что Тахтамыш был служилым татарином на окраинных землях (категория городовых казаков).

У князя Ивана Шейсупова от жены Анны было два сына, между которыми вотчина была поделена пополам после смерти, о чем свидетельствует жалованная грамота 76 (1567/68) года: *«76 году пожаловал государь детей его князь Бориса да князь Давыда, дедов их, над тою ж Кардавильскою мордвою как он владел, отец их, князь Иван Казак…»* [15]. Таким образом, кардавильская мордва в конце 60-х годов XVI века еще выплачивала ясак крещеным татарским мурзам [15].

Подлинник отказных книг вдове княгине Марье Шейсуповой с детьми свидетельствует о важных аспектах ранней истории Арзамасского уезда. Во-первых, это преемственность пожалований как до 1552 г., так и после 1552 г. одному татарскому роду. Этот род, после крещения Тахтамыша, по его прозвищу Шейсуп, становится родом Шейсуповых. Во-вторых, продемонстрирована выплата ясака мордвой в пользу татарских князей. В-третьих, еще до принятия крещения Тахтамыш кроме княжения над кардавильской мордвой владеет вотчиной, которая по его прозвищу – Казак получает название Казаково. Эта вотчина впоследствии была записана в писцовые книги по поместным и вотчинным землям. Достоверно известно, что в 80-е гг. XVI века и в более позднее время к ней были приписаны крестьяне, носившие только русские имена. Имеющихся данных не достаточно, чтобы понять, было ли это результатом крещения населения вотчины в 50–60-е гг. XVI века или русские люди были переданы Ивану Шейсупову с царскими пожалованиями.

Как известно, первые описания Арзамасского уезда были проведены Никитой Яхонтовым в 7082 и 7083 (1573/74 и 1574/75) гг. и Игнатием Зубовым в 7092 и 7093 (1583/84 и 1584/85) гг. [6]. Сами писцовые книги до нас не дошли. На них есть лишь ссылки в более поздних описаниях. А между тем, в выписях с них в более поздних документах могут встретиться действительно важные сведения о происхождении населенных пунктов и их ранней истории. Обнаруженное дело о земельном споре Шейсуповых подтверждает эту возможность.

В связи с этим делом мы обратили внимание на ряд документов, обнаруженных в середине XIX века в вотчинном правлении села Нового Усада. На эти документы указывают ссылки в статье «Новоусадская волость», которая была

опубликована П. Пискаревым в двух номерах Неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» за 1849 г. [19]. Среди источников, которые использовал автор при написании статьи, указаны и выписи с писцовых книг Игнатия Зубова 7093 года (1584/85 года). Они сообщают как минимум о двух селах, существовавших на территории Утишья еще до 1552 г.

Так, в селе Новый Усад, расположенном на реке Акше, деревянная церковь Архангела Михаила была построена в 1545 г. [19]. Первоначально село называлось Оксаково («аксак» – тюркское прозвище, означающее «хромой» [20]) и принадлежало Исупову. После 1545 г. стало дворцовым селом: *«княжь Борисова Михайловича вотчина село Новый Усад, что было Оксаково, село Исупова, а что прежь того в прошлом 53 году, государево село…»* [21]. Упомянутому здесь князю Борису Михайловичу Лыкову дворцовое село было отказано в сентябре 1608 г.

Известные источники последней четверти XVI – начала XVII века подтверждают, что представителям рода Исуповых принадлежали соседние земли: это и одноименная деревня, расположенная рядом с Новым Усадом, и соседнее Кожино [6, с. 63–66]. Возможно, что село Новый Усад – Оксаково, также, как и Казаково, являлось владением принявших крещение служилых татар Исуповых. В силу каких-то причин часть поместья была отписана во дворец, часть сохранилась за родом.

Совершенно другая история происхождения села Собакино (в настоящее время – Красный Бор). Оно было основано за полвека до формирования Арзамасского уезда.

Согласно списку с писцовых книг Игнатия Зубова 7093 года, село Собакино на реке Тёше было *«основано на мордовском городище, в 1509 году двенадцатью московскими семействами, сосланными с посада за какое-то еретичество великим князем Васильем Иоановичем»* [22]. До 1572 г. оно писалось *«Село на мордовском городище»* и считалось в числе дворцовых. В этом году оно было пожаловано кравчему Калисту Васильевичу Собакину, брату царицы Марфы Васильевны, третьей супруги царя Ивана Грозного. В дальнейшем, после смерти Марфы и казни К. Собакина в 1577 г., село было в поместном владении за Богданом Юрьевичем Сабуровым, после чего вновь стало дворцовым. В 7117 (1608/09) году царь Василий Шуйский передал их в поместье Никите Болховскому и Ивану Нармацкому [23].

Объединяет Новый Усад и Собакино то, что в самые первые годы существования Арзамасского уезда они являлись дворцовыми селами. Этот факт заставляет по-новому обратиться к истории дворцовых сел и деревень, существовавших в уезде во второй четверти XVI века. Возможно, в истории некоторых из них и находятся ответы к вопросам начального заселения территории русским населением.

Известные источники позволяют проследить, что во второй четверти XVI века на территории Утишья в состав дворцовых входили в разное время не менее 18 (вместе с Новым Усадом и Собакиным) сел и деревень [6]. Это были расположенные на реке Тёше к западу от Арзамаса плотной группой села Вы-

ездная слобода, Красное, Кичанзино, Забелино, Абрамово, Мерлино, Водоватово, Большое и Малое Туманово, вдоль Иржи – Семеновское, Третьяково, Булгаково, Слизнево, Ветошкино, Виняево, Стексово, а также к юго-западу от Арзамаса – Васильев Враг и в верховьях Авши Ореховец. Причем Ореховец в конце XVI века был наполовину дворцовым, другой половиной владели татарские мурзы. Все эти поселения располагались внутри радиуса в 20–25 км от Арзамаса, а на участке между нижним течением Иржи и Арзамасом их число явно преобладало над числом поместных населенных пунктов. Здесь же отмечены и крупные русские гидронимы (Васильев Враг, Озерки), что может быть объяснено достаточно продолжительным сроком проживания русского населения. Кроме того, источники свидетельствуют о существовании административно-территориальных объединений дворцовых сел со своим административным аппаратом. Упоминаются деревни Обрамовского присуда (Виняево, Третьяковская) и Виряевского присуда (Ветошкино, Булгаково, Туманово Большое и Меньшое) [6, с. 430, 432].

Вряд ли такое размещение дворцовых сел является случайным. И хотя такие села, как Виняево, Ветошкино, Мерлино, и названы по первым владельцам помещикам, а происхождение Водоватова прослеживается после 1552 г., другие села – Красное, Абрамово, Большое и Меньшое Туманово, Ореховец – вполне могли появиться, в отличие от помещичьих, в результате более раннего заселения так называемых «вольных» и «охотчих» людей, или переселенных по указу «сверху», как в случае с Собакиным. Тогда вполне возможно, что некоторые из них существовали и до середины XVI века, как в случае с Собакиным и Новым Усадом. Так, при пожаловании Нового Усада в 1612 г. Б. Лыкову в вотчину, земли жаловались из фонда «охотничьих земель» да из «пустошных» [19].

Обратим внимание и на тот факт, что южнее дворцовых сел, к юго-западу от Арзамаса располагался еще один куст – куст поселений, владельцами которых являлись служилые мурзы и татары (возможно, что некоторые этнически происходившие из мордвы): Беговатово, Тамаевка, Онучино, Шахаево, Темяшево, Разгильдеево, Ичалово, Салтыганова и др. Крестьяне, проживавшие в этих поселениях, были русскими. Были и отдельные поселения служилых татар (Комкино). Упоминается татарская деревня Шахаева [2, с. 227]. Функции, которые должны были выполнять служилые татары: *«несение дозорной сторожевой службы на считавшемся опасным полевом участке от современного поселка Сатис, что к западу от Сарова, до Арзамаса. Размещенные во вновь возникших деревнях конные татары (согласно источникам, от одного до трех человек) должны были выполнять задачу своевременного упреждения Арзамаса о приближении грозных противников из азовских, ногайских или крымских степей»* [5]. Хотя исследователи и связывают появление владений с 70-ми годами XVI века [5], нельзя исключать и более раннее наделение предков служилых мурз этими землями и их заселением, также как и в случае с Новым Усадом и Казаковым, с теми же целями необходимости охраны и обороны края.

Принимая все во внимание, структура распределения поселений Утишья, в т.ч. размещение мордовских деревень, о котором мы писали в начале статьи –

по краям обширной поляны, в радиусе 30 км от Арзамаса, приобретает более конкретные очертания. На фоне общего размещения поместных и вотчинных русских населенных пунктов внутри радиуса на севере Утишья наблюдается плотная группировка русских дворцовых сел и деревень. На западе их межи почти вплотную подходят к межам мордовских деревень. За пределами 30 км радиуса между первой (Ризодеева – Истрянова) и второй (Ардатова – Кечексанова) линиями мордовских деревень сформировался Подлесный стан с русскими поселениями, где дворцовых сел не было. По направлению к юго-западу и югу от Арзамаса дворцовые поселения по мере удаления от города исчезают. Здесь, в Ичаловском и на части Ирженского станов среди поместных и вотчинных сел и деревень, присутствуют владения татарских мурз или их потомков, принявших православие. Полосой на юге у самого леса протягивается другая линия мордовских деревень.

Связь такой структуры размещения поселений с Арзамасом как центром уезда является несомненной. Но что было раньше – сложившаяся структура, а затем Арзамас или, наоборот, Арзамас, а затем около него складывающаяся структура – еще предстоит исследовать. Возможно, именно большая плотность русского населения в районе Арзамаса, помимо всех прочих причин, способствовала появлению города в излучине Тёши. Возможно и то, что такое расселение было продумано и явилось одним из целенаправленных мероприятий, предшествовавших созданию уездного центра. Их целью являлась подготовка пространства с преобладанием русского населения около центра вновь создаваемого уезда. С другой стороны, те же мероприятия могли быть проведены сразу после создания уездного центра.

Определенно то, что уже имеющиеся источники свидетельствуют о начавшемся процессе заселения Арзамасского уезда русскими крестьянами до похода Ивана IV 1552 г., что было возможно при административном и политическом подчинении края Москве и лояльном отношении местной знати. Пример с селом Казаково наглядно демонстрирует влияние русского царя на землях Утишья, а русские первопоселенцы на месте села Собакино могли быть далеко не единственными. Но, все же, сведений недостаточно, остается надежда на то, что новые документы помогут найти ответы на вопросы по ранней истории территории Арзамасского уезда.

Источники и литература

1. Эмаусский А.В. Из истории борьбы за землю и крестьян в Арзамасском уезде в XVI–XVII вв. // Труды Кировского научно-исследовательского института краеведения. Т. 7. Вып. 3. – Киров: Кировск. науч.- иссл. ин-т краеведения, 1934. – 35 с.

2. Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг. // Действия НГУАК. Т. 15. Вып. VIII. Кн. 1. – Н. Новгород, 1915.

3. Парадеев Е.И. Писцовая книга В. Киреева и Г. Молчанова 1677–1678 гг. и другие сведения об Арзамасском уезде XVI–XVII вв. Текстовое электронное издание с сопроводительными материалами. – URL: http://paradeev.com

4. Парадеев Е.И. Отказные книги Девятому Шадрину 1617 года // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2, ч. 1. Д. 7060. Л. 950. – URL: http://paradeev.com/2019/10/1039/

5. Сенюткин С.Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края): монография. – 2-е изд., доп. – М.; Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2009. – 476 с., ил. – URL: http://www.idmedina.ru/books/regions/?3820

6. Арзамасские поместные акты 1578–1618 гг. / под ред. С.Б. Веселовского. – М., 1915.

7. Гераклитов А.А. Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // Избранное: в 2 ч. / редкол.: В.А. Юрченков и др. – Саранск, 2011.

8. Юрченков В.А. Мордовский народ. Вехи истории.– Саранск, 2007. – Т. 1.

9. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 1.

10. Духовная грамота великого князя Ивана III Васильевича // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ivan3.htm

11. Акчурин М.М., Ишеев М.Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5. – № 3.

12. Гераклитов А.А. «Кирдановская» мордва // Избранное: в 2 ч.: Ч.1 / редкол.: В.А. Юрченков и др. – Саранск, 2011.

13. Филюшкин А.И., Кузьмин А.В. Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579 гг. – М., 2017.

14. Кадыров Р.В. Особенности социально-правового статуса служилых татар в русском государстве в XVI–XVII вв. // Вестник Казанского технологического университета. – 2013. – Т. 16, вып. 1.

15. Парадеев Е.И. Делопроизводство по землям князей Шейсуповых // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ч. 1. Д. 7062. Л. 792–806 об. – URL: http://paradeev.com/2019/09/987/

16. ЦАНО. Ф. 1403. Оп. 1.

17. Гераклитов А.А. «Раздача мордвы “по жеребью” боярам “для крещенья”» // Избранное: в 2 ч.: Ч.1 / редкол.: В.А. Юрченков и др. – Саранск, 2011.

18. Известия Тамбовской Губернской ученой архивной комиссии. – 1889. Вып. XXV. – URL: https://elibrary.tambovlib.ru/?ebook=5506#n=57

19. Пискарев П. Новоусадская волость // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 62.

20. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др.; АН СССР; Ин-т языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – XXXVIII, 676 с.

21. Пискарев П. Новоусадская волость // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 62 (Список с писцовых книг писца Игнатия Зубова 93 (1585) года, находящийся в архиве Арзамасского уездного суда; Выписи с отказных книг 1613 г.).

22. Пискарев П. Новоусадская волость // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1849. – № 62 (Список с писцовых книг писца Игнатия Зубова с товарыщи 93 (1585) года, и список с жалованной грамоты Нармацкому 1619 г.).

23. Парадеев Е.И. Отказные книги по Калистовской пустоши Собакина 1617 года // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2, ч. 1. Д. 7060. Л. 798–802. – URL: http://paradeev.com/2019/11/1055/

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МОНАСТЫРЯ НА ВЫКСУНСКОЙ ЗЕМЛЕ

А.В. Малышев
Независимый исследователь,
г. Кулебаки Нижегородской обл.
E-mail: ma2502@mail.ru

В статье обосновывается гипотеза о существовании в начале XVII века в округе современной Выксы женского монастыря, о заключении в этом монастыре царицы Марии Нагой и посещении его Григорием Отрепьевым (Лжедмитрием I).

Ключевые слова: *монастырь на Выксе; Иван Грозный; Мария Нагая; Лжедмитрий I; Великая Смута.*

В связи с празднованием 85-летия города металлургов Выксы снова актуальным становится вопрос возникновения этого населенного пункта. Первое упоминание в XVIII веке, от которого ведется счет возрасту Выксы, не может означать дату основания этого населенного пункта. Очевидно, поселение возникло задолго до этого срока, и здесь очень важны известия, связанные с монастырем, существовавшим в древности на выксунской земле.

Предполагать наличие такого монастыря позволяют записи европейского ученого и путешественника Адама Олеария, проплывшего в 1636 г. по Оке в Нижний Новгород. В своих трудах Олеарий дает довольно подробное описание окружающего ландшафта и упоминает многие населенные пункты по берегам Оки, благодаря чему мы можем идентифицировать упоминаемые им объекты и нанести их на современную карту. Двигаясь вниз по реке и миновав Елатьму, корабль Олеария через 20 верст подошел к сухой степной местности справа от реки (т.е. на правобережье). Эта местность называлась Воскресенской мелью, после которой названа *«большая деревня Ляхи»*. Сегодня – это село Ляхи Меленковского района Владимирской области, вместе с которой упомянут *«и монастырь Пречистой Рязанской в 10 верстах»* [1, с. 306]. Если обратить внимание на алгоритм описания Олеарием встречающихся достопримечательностей, то он всегда сначала говорит об объектах, встречающихся на левом берегу, и тут же об объектах, противостоящих им в правобережье. Следовательно, здесь Олеарий упоминает монастырь, противоположный левобережным Ляхам. Монастырь, стоящий в 10 верстах справа от реки, напротив деревни Ляхи – это указание на место, где расположена современная Выкса.

Называется монастырь «Пречистой Рязанской» (*«Pretsisto Resensko»*). Судя по названию, речь здесь идет о монастыре, освященном в честь иконы Богоматери Муромской и Рязанской – чудотворной иконы, известной на Руси с XII века. Из Киева эта византийская икона была принесена в Муром для крещения жителей города, и логично предположить, что монастырь, основанный на противоположном от Мурома берегу, в краю некрещеных язычников, назван по имени этой иконы. Добавку «Рязанская» икона получила потому, что в конце XIII века Муромский епископ Василий перенес ее в Рязань [2].

Здесь проблема в том, что Олеарий не говорит прямо о том, что монастырь находится на правом берегу. Поэтому могут возникнуть сомнения в том, что он действительно справа, а не слева от реки. На помощь приходят средневековые карты. Первые достаточно подробные карты Руси были составлены в XVIII веке, и на них мы можем увидеть в правобережье Нижней Оки (примерно там, где указал Олеарий) значок, изображающий поселение или церковь, с надписью *«Pretsisto Resensko»*. Первая карта, на которой виден подобный значок, – это карта из сборника «Atlas nouveau», изготовленная членом королевской академии наук Гийомом Делилем ***(Приложение 2, рис. 1)***. Атлас был издан в Амстердаме в 1742 г.

Точность этой карты, конечно, сомнительна. Мы видим, что Павлово находится далеко от Оки, на правом ее притоке, названном Morsva (вероятно искаженное «Ворсма»), и можно допустить, что карта изготавливалась со слов некоего информатора. Но очевидно, что этот информатор не сомневался в нахождении «Pretsisto Resensko» в правобережье Оки.

Выксунский краевед В. Королев, одним из первых обративший внимание на эти свидетельства, подкрепил их дополнительными фактами. Изучая карты выксунской округи XVIII–XIX вв., он обратил внимание на четырехугольник с пометкой «Ц.З.» прямо в центре Баташевских владений, на том месте, где в будущем возникнет город металлургов. Причем этот четырехугольник существует как на карте 1778–1798 гг. ***(Приложение 2, рис. 2)***, так и на карте генерального межевания Нижегородской губернии 1780 г. ***(Приложение 2, рис. 3)***. Этот же четырехугольник, помеченный все тем же «Ц.З.», нарисован на карте генерала Менде ***(Приложение 2, рис. 4)***, составленной почти сто лет спустя, в 1850 г.

В. Королев совершенно справедливо отметил, что эта аббревиатура означает «Церковные земли», и допустил, что именно на этом месте находилась древняя обитель [3, с. 40]. Что же послужило причиной исчезновения монастыря? Ведь известно, что к моменту первого упоминания Выксы никакой обители тут не было. Королев убежден, что монастырь канул в лету во времена Петра Великого [3, с. 43], но этот вывод ничем не подкреплен. Мы полагаем, что если монастырь и существовал, то исчезнуть он мог после 1764 г. – когда Екатерина II отобрала у монастырей землю вместе с крестьянами, и у многих обителей не стало средств к существованию. Тогда в России из 954 православных монастырей финансирование получили только 200, а остальные вынуждены были закрыться. Эта участь, вероятно, постигла и выксунскую обитель. Это хорошо согласуется с изображениями на картах, изготовленных как раз после этих реформ. После ликвидации монастыря земли, на которых он стоял, остались закрепленными за Православной церковью. Эту землю не посмели захватить даже Баташовы, но и основывать новую обитель без высочайшего соизволения было уже невозможно.

Когда мог возникнуть монастырь, если А. Олеарий уже упоминал его в XVII веке? Возможно, это случилось после завоевательного похода Ивана Грозного на Казань в 1552 г. В XVI веке завоевания Ивана Грозного открыли российскую страницу истории Выксунского края. Присоединенные земли стали заселяться русскими землепашцами, стали строиться новые деревни и починки. В глухих лесах необходимо было утвердить православную веру, для чего сразу

за воинами шли монахи. Главным оплотом распространения христианства в крае стали монастыри, которые одновременно были и форпостами колонизации. Согласно местным преданиям, первые монастыри были основаны на месте современных сел Монаково, Дедово и Велетьма. Однако живы легенды, гласящие, что на месте, где впоследствии возник город металлургов, тоже стоял когда-то православный монастырь.

Выксунские краеведы, работавшие непосредственно с местными былями, уверены, что монастырь рядом с речкой Выксункой был основан в глубокой древности [4, с. 6]. Следует заметить, что в те далекие времена монастырь был не только местом уединенного моления. В присоединенных землях монастыри были опорными пунктами, из которых велось наблюдение за краем, а также местами укрытия представителей администрации и переселенцев в случае опасности. Монастыри строились на манер крепостей с башнями и стенами. В военное время они и становились крепостями. Кроме этого, в дальние монастыри ссылали государственных преступников и неугодных престолу лиц. Былины о монастыре в местности, где сейчас расположена Выкса, как раз связывают с таким эпизодом российской истории.

Издавна здесь бытуют легенды, что позабытая обитель была местом ссылки одной из жен царя Ивана Грозного – Анны Васильчиковой. Согласно преданию, *«в Выксунском горном крае … жила царица Анна из рода Васильчиковых, да постриглась в Суздали в обители Покровской …Горько плакала красавица, царица опальная, белые руки к небу ясному простирала, убивалася …сердце доброе терзала своею кручиною»* [5]. Сведения о том, что в этой местности содержалась некая царица, подкреплены и местной микротопонимикой. В окрестностях Выксы известно место под названием «Царицыно поле» [4, с. 6]. Рядом с исчезнувшей деревней Чураевкой на дороге есть место, называемое «Царская стража» [7].

Другая легенда о сосланной жене царя связана с именем матери царевича Дмитрия – царицы Марии Нагой. Она была насильно пострижена и сослана в дальний монастырь после гибели царевича. Правда, считается, что этим монастырем была Николо-Выксинская пустынь «в пределах Белозерских», откуда ее потом перевели то ли в Горицкий женский монастырь под Череповцом, то ли в неопознанный Судин монастырь на Выксе, опять же близ Череповца. Об этом говорят и историки. Р.Г. Скрынников, опираясь на источники, писал, что царицу *«сослали в пустынь на Белоозере»* [8, с. 85]. Но есть некоторые моменты, позволяющие связать эпизод ссылки Марии Нагой с монастырем, расположенным в Выксунской земле.

Летопись гласит, что перед тем, как бежать в Речь Посполитую, Гришка Отрепьев (будущий Лжедмитрий) посетил Марию Нагую (в иночестве Марфу) в монастыре: *«…И пришед в монастырь на Выксу с товарищем своим неким старцем, в разодранных и худых ризах. А сказавши приставом, что пришли помолиться, и к царице для милости. И добившись того, чтоб царица их к себе пустила. И неведомо, каким вражьим наветом прельстил царицу и сказал ей воровство свое. И она дала ему крест злат с мощьми и с каменьем драгим сына своего благовернаго Дмитрея Ивановича углецкого»* [8].

Когда состоялся этот визит? Известно, что после разгрома «Романовского» кружка в 1599 г. Гришка Отрепьев бежал в Галич. Также известно, что оттуда он отправился в неблизкий путь, в Муромский Борисоглебский монастырь, после чего уже устремился в Польшу. И тут важно понять, то ли Отрепьев встречался с Нагой, находясь в костромских пределах (откуда недалеко и до Белозёрского края), то ли находясь в Муроме. Логика подсказывает, что будучи «в бегах» и рискуя быть схваченным, Отрепьеву нужна была веская причина, чтобы податься в Муром. Такой причиной могла стать необходимость познакомиться с «матерью» находившейся в это время в монастыре на Выксе. Посетив монастырь «Пречистой Рязанской» и заручившись поддержкой мнимой «матушки», Отрепьев отбыл к своим будущим «спонсорам» – отправился прямиком в Речь Посполитую. Дополнительную уверенность тому, что Нагая содержалась на нижегородской Выксе, придает то обстоятельство, что упомянутый Николо-Выксинский монастырь был основан во второй половине XIV века как мужская обитель [9]. А женщин не ссылали в мужские монастыри, впрочем, как и мужчин в женские.

О том, что древний монастырь «Пречистой Рязанской» был женским, говорит и то обстоятельство, что основанный во второй половине XIX века в Выксе монастырь также стал женским. И более того – опять был освящен в честь иконы Божией Матери, только на этот раз Иверской. Если сравнить место, отмеченное аббревиатурой «Ц.З.» на старых картах, и местоположение современного монастыря, то идентичность их видна, что называется, «невооруженным взглядом».

Таким образом, некоторые факты указывают на то, что под фразой летописца «монастырь на Выксе» подразумевался именно монастырь, основанный в Средневековье на берегах речушки Выксы, на месте, где потом будет заложен Выксунский завод. Но любой древний монастырь всегда сопровождали поселения крестьян, обрабатывавших землю вокруг него. Отсюда следует, что историю Выксы как населенной местности можно начинать уже с XVI–XVII столетий. Дополнительную уверенность в этом могли бы придать археологические изыскания, никогда здесь всерьез не проводившиеся.

Источники и литература

1. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. – Смоленск, 2003.

2. Икона Божией Матери Муромская. – URL: https://azbyka.ru/days/ikona-muromskaja/ (дата обращения: 22.07.19).

3. Королев В.В. Инъекция № 2. – Н. Новгород, 2016.

4. Шестеров Л.В. Преданья старины глубокой // Приокская глубинка. – Выкса – 2007. – Вып. 3.

5. Выкса без формата – URL: Vykza.BezFormata.com›listnews/litca-ulitc-rizadej… (дата обращения: 20.02.19).

6. Шейкин Анатолий. О бедной царице замолвите слово. – URL: http://www.gttp.ru/text/150.htm (дата обращения: 20.05.19).

7. Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. – М., 1980.

8. Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т. 34. – URL: http://russiancity.ru/books/b61.htm (дата обращения: 8.05.19).

9. Насон – История города Вологды – Николо-Выксинский монастырь. – URL: http://nason.ru/nikolo-vyksa/ (дата обращения: 8.05.19).

СЕРГАЧСКИЕ БУДНЫЕ МАЙДАНЫ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ДВОРЦОВОГО ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Л.Ю. Варенцова

Нижегородская академия МВД России, кафедра теории и истории государства и права, кандидат исторических наук, доцент

603144 Россия, Нижний Новгород, Анкундиновское шоссе, д. 3

E-mail: l_varentsova.65@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о развитии дворцового хозяйства в Российском государстве в XVII веке. Сергачские будные майданы представлены как важнейшая часть экономики царского домена. Основными историческими источниками являются опубликованные законодательные акты и делопроизводственные документы.

Ключевые слова: *царские вотчины; царский домен; дворцовое хозяйство, сергачские будные майданы.*

Важнейшее место в экономике Российского государства XVII века занимали частновладельческие дворцовые земли, располагавшие особой системой власти, собственным хозяйством. Их управление копировало систему управления в государстве, было связано и сопоставимо с ней. Дворцовые земли имели самое передовое хозяйство в стране. На их территории велась определенная социальная политика. Царский домен (фр. *Domaine*, от лат. *Dominium – владение*) – это царские наследственные земельные владения, состоявшие из вотчин в разных уездах, городов, волостей, сел, слобод, деревень, лесов, рек, озер, лугов. Московскому государю принадлежало право на обладание недвижимым имуществом для содержания себя, своего семейства и царского двора. Владения носили название дворцовых и состояли в ведении придворных приказов.

Расцвет дворцового хозяйства наблюдался во второй половине XVII века. В нем отчетливо прослеживаются три основных направления: сельское хозяйство, мануфактурное производство, промыслы. Обслуживалось царское хозяйство силами дворцовых уездных и посадских людей. Цель данной статьи – рассмотреть сергачские будные майданы как составную часть дворцового хозяйства в России в XVII веке.

На территории царских вотчин, располагавшихся к концу XVII века приблизительно в 60 уездах Российского государства, развивалось предпринимательство. Некоторые виды продукции из дворцового хозяйства экспортировались [1, с. 3]. Активно на внешний рынок вывозился поташ. Французский офицер-наемник Ж. Маржерет в книге «Состояние Российской империи и великого княжества Московии» отметил, что русский поташ обменивался или продавался за границу [2, с. 246].

Поташное производство – один из старинных химических промыслов России, который к середине XVII века занял важное место в экономике страны. Владели поташными предприятиями крупные вотчинники [3, с. 239]. По определению В.И. Даля, *«поташ – щелочная соль, которая вываривалась из древесной и травяной золы»* [4, с. 301]. *«”Поташные заводы” (“поташни”) – заведе-*

ния, где производился поташ. Их же называли “майданами”, “будами” (старинное слово, означающее “строение”, “постройка”), “будными майданами”» [5, с. 329]. Эти лесные заводы служили местом выварки поташа, сидки смолы, дегтя. Работы на будах начинались в апреле, заканчивались с наступлением морозов, к ноябрю.

В середине XVII века самым крупным владельцем поташных предприятий в России являлся боярин Борис Иванович Морозов, которому принадлежали майданы в Нижегородском и Арзамасском уездах. В начале 1660-х гг. он имел не менее 29 буд. Крупным центром поташного производства было село Сергач Нижегородского уезда. Б.И. Морозов требовал бесперебойной и эффективной работы майданов. В грамоте сергачскому приказчику А. Кучецкому 6 июня 1660 г. боярин указывал, *«чтоб поташ делали на всех майданах самой доброй»* [6, с. 171]. Для крестьян и бобылей, занятых добычей поташа, устанавливались жесткие требования: *«А которой золу худу привезет, и таких бить батоги, и ту худую золу велеть высыпать у них на земь, которая негодна, и золу велеть добрую привесть»* [7, с. 84].

В 1662–1663 гг. вдова боярина Анна Ильинична Морозова продала в казну 94 940 пудов поташа, ей выплатили 359 037 руб. (медными деньгами), чистой прибыли было получено не менее 180 000 руб. [3, с. 249]. После смерти вдовы боярина А.И. Морозовой в 1667 г. проведена перепись крестьянских и бобыльских дворов в Сергаче с округой. Список «Отписной книги с. Сергача и его деревень 1667 г.» был передан в приказ Большого дворца в 1668 г. [8, с. 29]. Сергачские поташные промыслы как выморочные перешли в собственность царя Алексея Михайловича.

В 1668 г. в состав дворцового хозяйства вошли сергачские будные майданы [9, с. 125]: «Кладбицкой», «Мокринской», «Старой», «Задней» и «Ключевой». При «Кладбицком» и «Старом» майданах было по пять житниц с запасами толокна, сухарей, соли. При «Мокринском» майдане имелся амбар с запасами ржаной муки, круп и толокна. Здесь же в особой избе-пекарне выпекались хлеба для наемных работников. При «Кладбицком» и «Заднем» майданах обустроены рубленые конюшни. Майдан «Ключевой», получивший название от одноименной деревни, не выделялся постройками, здесь стояли изба и баня. Самое большое количество поташа вырабатывалось на «Мокринском» и «Кладбицком» майданах. Заводы оснащались корытами для ссыпания золы, медными котлами, ушатами, санями, топорами, долотами, тачками, телегами, стругами. Бочки с поташем взвешивались, снизу клеймились.

На всех серчачских майданах, кроме «Ключевого», работали наемники из Польши. Среди работников предусматривалось разделение труда. Среди них были поливочи, будники, бочкари, воштари, использовался труд кузнеца, колесника. В массовом порядке использовался даровой крестьянский труд. Огромной тяжестью ложилась на дворцовых крестьян работа на будных майданах [10, с. 166]. Таким образом, дворцовое хозяйство имело высокие прибыли от производства поташа. С каждого пуда поташа получалось чистой прибыли по 25 коп. [3, с. 248].

В 1671 г. по указу царя Алексея Михайловича поташ с сергачских будных майданов поставлялся голландцу В. Меллеру, а в 1672 г. – иноземцам Т. Келдермону и К. Коненгитеру [11, с. 284]. Местом продажи считался город Архангельск, где с иноземцев брали за русский поташ по 10 ефимков за берковец (берковец – русская мера веса, равная 10 пудам [12, с. 137], т.е. за 163,8 кг [11, с. 284]). С развитием в странах Европы стекольного, мыловаренного, кожевенного, ткацкого, красильного производств, лечебного дела во второй половине XVII века потребность в этом химическом продукте возрастала. Весь поташ отправлялся в Архангельск, для дальнейшей продажи в Европе.

В 1673 г. в Сергаче насчитывалось 322 двора, 960 человек крестьян и бобылей, 5 дворов земских дьячков, приставов, подьячего [13, с. 140]. «У дозору» и «у наряду поташного дела» были назначены пятеро дворян, контролировавших определенный поташный завод и несших за него ответственность перед дворцовым ведомством.

Заметим, что в Сергаче не было государевой десятинной пашни, и дворцовые крестьяне отбывали повинность обслуживанием майданов – возили на них дрова и золу из леса. В 1678–1679 гг. было произведено поташа 475 бочек чистым весом 1 425 берковцев (142,5 пуда) [13, с. 143]. По-прежнему поташ с дворцовых серчачских майданов поставлялся за границу. Механизм этих доставок был достаточно сложным. Сначала в бочках его поставляли в Нижний Новгород, затем везли по Волге на судах до Ярославля, а потом до Вологды и Архангельска. Нередко путь от Ярославля до Вологды проделывался зимой на санях [14]. Дрова на майданы в Сергач доставлялись из дворцовых сел Лысково и Мурашкино Курмышского уезда, а овес для лошадей – из дворцовой Терюшевской волости Нижегородского уезда.

Для дополнительного обеспечения майданов рабочей силой Алексей Михайлович в 1674 г. указал нанять в Галиче работных людей [15, с. 130]. После смерти царя Алексея Михайловича поташное производство в Сергаче пришло в упадок. Царь Федор Алексеевич указал использовать мастеровых людей Сергача на будных майданах Арзамасского уезда [16, с. 68].

Таким образом, в конце 1660-х – 1670-е гг. важнейшим направлением экономического развития домениальных земель стали дворцовые промыслы. В составе хозяйства царя Алексея Михайловича особое место занимала добыча поташа. Будные майданы Сергача производили продукцию на экспорт. Дворцовый поташ использовался в качестве сырья для химической промышленности Германии, Голландии. Подневольный труд дворцовых крестьян и бобылей в Сергаче приносил хозяйству царя Алексея Михайловича немалые прибыли. Будные майданы стали прообразом мануфактурного производства.

Источники и литература

1. Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов [сост. А.И. Комисаренко (отв. сост.), Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова]. – М.; СПб., 2010.

2. Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия глазами иностранцев / подготовка текстов, вступительная статья Ю.А. Лимонова. – Л., 1886. – С. 225–286.

3. Петрикеев Д.И. Барщина на поташных предприятиях боярина Б.И. Морозова // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И.И. Смирнова. – Л., 1967.

4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 12 томах. Т 9. – М., 2003.

5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 12 томах. Т. 1. – М., 2002.

6. 1660 г. июня 6. Грамота Б.И. Морозова приказчику с. Сергача [Нижегородского уезда] А. Кучецкому с указаниями относительно майданной работы; о покупке лошадей для возки золы // Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова / под общ. ред. чл.-кор. АН СССР проф. А.И. Яковлева; АН СССР. Ин-т истории. – М.; Л., 1945. Ч. II.

7. 1659 г., ноября 4. Докладная выписка по челобитной и челобитная крестьян с. Сергача д. Ключевой [Нижегородского уезда] с жалобой на непосильность возложенных на них изделий и с просьбой о поверстании их в майданном деле против мурашкинских и лысковских крестьян // Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. Ч. II / под общ. ред. чл.-кор. АН СССР проф. А.И. Яковлева; АН СССР; Ин-т истории. – М.; Л., 1945.

8. Отписная книга с. Сергач и его деревень окольничего И.И. Чирикова 1667 г. // Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов / сост. А.И. Комисаренко (отв. сост.), Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова. – М.; СПб., 2010. – С. 29–41.

9. Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в.: По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова / АН СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. – Л., 1967.

10. Буганов В.И. Мир истории. Россия в XVII столетии. – М., 1989.

11. 1673 г. мая 29. Докладная выписка Хлебного приказа относительно продажи поташа // Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. 6. – СПб., 1857.

12. Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. – М., 1975.

13. Водарский Я.Е. Опись владений Хлебного приказа как источник по социально-экономической истории и исторической географии России второй половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1970 год. – М., 1971.

14. 1656 г. апреля 30. Царская грамота об освобождении Б.И. Морозова от пошлин за провоз поташа от Нижпнего Новгорода до Архангельска // Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова. Ч. II. / Под общ. ред. чл.-кор. АН СССР проф. А.И. Яковлева; АН СССР. Ин-т истории. – М.; Л., 1945.– С. 62.

15. Заозерский А.И. Царская вотчина XVII века. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. – М., 1937.

16. Переписная книга с. Сергач и его деревень стольника И.Т. Елизарова и подьячего Н. Соболевского 1679 г. // Памятники писцовых описаний дворцовых вотчин Нижегородского края последней трети XVII века / Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов / сост. А.И. Комисаренко (отв. сост.), Н.Ю. Болотина, А.Ю. Кононова. – М.; СПб., 2010. – С. 41–79.

ПРЕБЫВАНИЕ А.В. СУВОРОВА В АРЗАМАСЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

В.Г. Климов
Независимый исследователь, г. Арзамас
E-mail: klimov1960@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос о пребывании русского полководца А.В. Суворова в Арзамасе в 1774 г. в период Пугачевского бунта.

Ключевые слова: *Суворов; Арзамас; проезд; биография.*

Вопрос о подтверждении или опровержении факта посещения Арзамаса великим русским полководцем А.В. Суворовым на последнем этапе борьбы правительственных войск с крестьянской армией Емельяна Пугачева в 1774 г. (в связи с рассмотрением в 2019 г. Арзамасской городской Думой возможности установления генералиссимусу памятника-бюста) носит для горожан не только познавательный, но и научно-прикладной характер.

Основой для возникновения этого вопроса и, соответственно, для начала настоящего исследования послужил один историографический факт. В 1911 г. наш знаменитый земляк Н.М. Щегольков (1856–1919) издал книгу «Исторические сведения о городе Арзамасе». Материалы для нее автор собирал более 40 лет, опираясь на воспоминания старожилов и отдельные архивные документы, попадавшие ему в руки в период его деятельности в качестве гласного городской Думы, городского головы, делопроизводителя Александро-Невского Общества хоругвеносцев и члена Нижегородской архивной комиссии. Так вот, в своей книге касаемо нашего вопроса Николай Михайлович написал следующее: *«29 июля Екатерина для усмирения бунта назначила графа Петра Ивановича Панина, а потом был вызван с турецкой войны великий полководец Александр Васильевич Суворов. Он ехал* ***через Арзамас*** (выделено нами – **Авт.**). *Для ночлега отведена ему была квартира в доме именитого купца Ив. Ив. Цыбышева, у которого были в то время два маленьких сына: Андрей и Александр. С детским любопытством они рассматривали великого гостя. Добрый Суворов приласкал их, взял младшего, Александра, на руки, усадил на колени и, сняв с себя кортик, подарил ему. Этот подарок хранился у Цыбышевых около 60 лет и лишь крайняя нужда заставила их продать его помещику Штевену за 100 рублей ассигнациями»* [1, с. 47].

К сожалению, данная информация пока не нашла своего документального подтверждения в ходе изысканий местных краеведов в арзамасском госархиве, но этот факт, как ни странно, и не должен вызывать нашего удивления. Даже наоборот, было бы крайне удивительно, если бы такое подтверждение нашлось.

Дело в том, что в августе 1774 г. в Арзамасе царила, в прямом смысле, паническая атмосфера. Все дворяне и наиболее богатые купцы судорожно закапывали свои ценности в землю и готовились к срочному бегству из города, т.к. до них дошли ужасные слухи о том, что передовые отряды пугачевцев, покинув

Казань, захватили Саранск и, повесив там 300 дворян (включая женщин и детей), уже появились в районе Починок.

И хотя воинские части полковника Михельсона, активно продвинувшиеся к этому времени в направлении войска бунтовщиков, уже одним своим появлением заставили отступать его на юг Поволжья – напуганные арзамасцы не сильно верили факту данного отступления. Они были хорошо наслышаны о том, что уже не раз многочисленные пугачевские отряды, быстро рассеявшись при приближении регулярной армии, так же быстро соединялись затем в единое целое в ее тылах, чтобы стремительно напасть на оставшиеся беззащитными населенные пункты.

Поэтому внезапный приезд и размещение на разовый ночлег еще малоизвестного в тот период 44-летнего генерала с небольшим отрядом в 50 казаков никак не могли создать и, естественно, не создали в городе никакого ажиотажа.

Поскольку он еще при этом и остановился не в местном постоялом дворе, а в частном доме (в нашем случае – в доме арзамасского купца И.И. Цыбышева), то в постоялом дворе (или почтовой станции) не осталось и не могло остаться никаких записей об этом. А всей местной элите (включая того же И.И. Цыбышева), мысленно готовящейся к побегу из города, было явно не до фиксации этого знакового момента истории города в своих личных дневниках.

Подчеркнем, что на тот момент А.В. Суворов еще не имел той всемирной славы великого полководца, которую он приобрел в будущем. Взятие Измаила и знаменитые итало-швейцарские походы, как и наивысшие воинские чины генерал-фельдмаршала с генералиссимусом, и титул князя еще только ждали его впереди. А пока он был всего лишь неплохо зарекомендовавшим себя в ходе отдельных боевых действий молодым генералом, сначала отличившимся (будучи в младших офицерских чинах) в Семилетней войне с Пруссией, а затем (после участия в подавлении мятежа польских конфедератов и получения генеральского чина) – в русско-турецкой войне в Придунайских степях, командуя там лишь одной из нескольких частей русской армии, находившейся под общим руководством главнокомандующего генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева.

Возникает вопрос: как же тогда получилось, что именно его кандидатура была выбрана императрицей для направления в район боевых действий с пугачевскими мятежниками? Ответ оказывается очень простым. По совету главы русской внешней политики графа Никиты Ивановича Панина Екатерина II назначила главнокомандующим всеми войсками, действовавшими против Пугачева, родного брата Никиты Ивановича – Петра Ивановича Панина. Последний, в свою очередь, сразу попросил себе в помощники А.В. Суворова, военный талант которого он заприметил еще в совместных с ним сражениях с пруссаками в период Семилетней войны.

Императрица, лично знавшая и очень уважавшая отца А.В. Суворова и наслышанная, в т.ч. и от П.А. Румянцева, о талантах самого Александра Васильевича, не задумываясь, согласилась на просьбу П.И. Панина и повелела

генерал-фельдмаршалу П.А. Румянцеву срочно направить данного генерала к нему.

Легкий на подъем, А.В. Суворов стремительно проследовал из Придунайских степей в Москву, где местный градоначальник князь М.Н. Волконский вручил ему тайное, собственноручно написанное повеление императрицы о его назначении и полномочиях. Двадцать четвертого августа Александр Васильевич предстал перед своим новым главнокомандующим П.И. Паниным, находившимся в тот момент из-за своей болезни в селе Ухолово, на территории нынешней Рязанской области.

Вот тогда-то, получив от Панина конкретные приказания и поручения, А.В. Суворов и проследовал вместе с приданным ему в Ухолово отрядом в 50 казаков в Арзамас, откуда, переночевав, направился через Пензу на Саратов и далее – на Царицын.

Учитывая, что (по данным историков) средняя скорость передвижения А.В. Суворова с его конным отрядом на данном маршруте до Царицына составляла 60–70 верст в день, а расстояние между Ухоловом и Арзамасом было около 300 верст, можно примерно рассчитать дату прибытия А.В. Суворова в Арзамас. По приблизительным расчетам, это историческое событие должно было произойти в период 27–29 августа 1774 г.

Итак, разобравшись с вопросами назначения А.В. Суворова и статуса, в котором он тогда пребывал, делаем простой вывод: если практически нет шансов найти в местных архивах какие-либо письменные сведения, прямо или косвенно подтверждающие посещение им Арзамаса, надо попытаться отыскать их в биографии великого полководца.

Следуя этой логике, обратимся к самой первой биографии А.В. Суворова, изданной еще при его жизни в трех томах под названием «Жизнь и военные деяния генералиссимуса, Князя Италийского, Графа Суворова-Рымникского (с виньетами и планами)».

Первый том этой книги, включающий в себя в т.ч. и описание деятельности А.В. Суворова в период Пугачевского бунта, был издан в Германии еще в 1795 г. Там же были изданы и остальные два тома: второй том – в 1796 г. и третий – в 1799 г. Все – на немецком языке. Впоследствии (еще до смерти полководца в 1800 г.) все три тома данной книги были изданы также на французском, голландском и английском языках.

В 1799–1800 гг. этот знаменитый трехтомник с суворовской биографией был, наконец-то издан и в России – в типографии Медицинской коллегии Санкт-Петербурга (ее перевод на русский язык и печатное издание было осуществлено Максимом Парпурою).

Кем же написан столь значащий для всех суворовских биографов труд? Его автором был один из сподвижников А.В. Суворова – его адъютант (и по совместительству – его личный секретарь) секунд-майор Иоганн Фридрих Антинг. Он, поступив в 1794 г. на службу в штаб Суворова и пользуясь расположением к нему полководца, добился у последнего разрешения написать его

биографию на основании предоставленных ему Александром Васильевичем официальных документов и личных свидетельств.

А теперь внимание: первый том написанной И.Ф. Антингом книги еще до своего первого издания на немецком языке в 1795 г. был отредактирован Суворовым лично! Этот факт широко известен и многократно подтвержден его современниками и биографами.

В частности, в 1841 г. в журнале «Отечественные записки» были опубликованы воспоминания еще одного суворовского сподвижника (служившего начальником штаба у полководца в 1793–1796 гг.) генерал-майора Петра Никифоровича Ивашева. Из этих записок, так и называвшихся «Из записок о Суворове», прямо следует, что Александр Васильевич самолично отредактировал материалы готовившегося к изданию первого тома книги И.Ф. Антинга и поручил П.Н. Ивашеву указать последнему на выявленные им (А.В. Суворовым) недостатки в материалах второго тома данной книги с последующим их исправлением.

Вот что об этом написал сам П.Н. Ивашев в своих «Записках»:

«Антингова: “Histoire des campagnes du comte Souvoroff Rymniksky” тем уважительнее, что в 1795 году, в Варшаве сочинитель читал свое произведение графу Суворову и первый том собственными Фельдмаршала замечаниями тогда же был исправлен. Вторым же томом Суворов был недоволен, поручил мне, по возвращении из Одессы, указать Антингу недостатки и неверные повествования, вкравшиеся в его сочинение от слабого знания русского языка, и часто по той же причине превратно изложен смысл о происшествиях, описанных в реляциях, коими он руководствовался» [2, с. 1–2].

Обращаем внимание читателя на то, что в период 1794–1796 гг. – период написания, редактирования и издания первых двух томов биографии великого русского полководца – оба его главных сподвижника в этом деле (и адъютант-секретарь И.Ф. Антинг, и начальник штаба П.Н. Ивашев) постоянно находились при А.В. Суворове.

Теперь главное! Процитируем отрывок подлинного текста из отредактированного лично А.В. Суворовым первого тома книги И.Ф. Антинга «Жизнь и военные деяния генералиссимуса, Князя Италийского, Графа Суворова-Рымникского (с виньетами и планами)», изданного в 1799 г. М. Парпурою: *«В Августе месяце 1774 года приехал Суворов в Москву и явился к Князю Волконскому. Из первого разговора с ним узнал он тотчас, что пребывание его в Москве не нужно; почему и отправился он весьма скоро во внутренние провинции Государства. Прибыл он к Генерал-Аншефу Графу Панину, которому поручено было главное начальство над войсками, назначенными для прекращения внутренних мятежей. При приезде его получены повеления, принадлежащие до Суворова. Граф Панин дал ему полную власть, и предписал всем начальникам войск и Губернаторам тамошних Провинций, делать исполнение по всем его требованиям. Суворов отправился в тот самый день под прикрытием 50 человек. В проезде своем чрез Арзамас, Пензу и Саратов, старался получить нужные известия»* [3, с. 150].

В дальнейшем все биографы А.В. Суворова, и в первую очередь, самый авторитетный из них – лучший военный историк XIX века генерал-лейтенант Александр Фомич Петрушевский (Санкт-Петербургская Академия наук удостоила его первой Макарьевской премии за написанный им трехтомник «Генералиссимус князь Суворов») обязательно указывали в своих трудах факт проезда великого полководца через Арзамас.

Таким образом, мы полагаем однозначно доказанным факт того, что А.В. Суворов посещал Арзамас в 1774 г. (ориентировочно 27–29 августа) проездом из села Ухолово (ныне Рязанской области) в город Пензу.

Источники и литература

1. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. – Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911.

2. Ивашев П.Н. Из записок о Суворове // Отечественные записки. – 1841. – Январь (№ 1).

3. Антинг И.Ф. Жизнь и военные деяния генералиссимуса, Князя Италийского, Графа Суворова-Рымникского (с виньетами и планами). Ч. 1. – СПб.: Издательство М. Парпуры, Типография Государственной медицинской коллегии, 1799.

СЕЛО КРЕМЁНКИ НА РЕЧКЕ НА КРЕМЁНКЕ. ПОМЕЩИКИ ТАТИЩЕВЫ

А.Е. Клюшина

Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики, архивист

607188, Нижегородская обл., г. Саров, пр. Мира, д. 37

E-mail: aleksa.clyuschina2010@yandex.ru

Благодаря инициативе архивных работников и современным технологиям архивные источники публикуются в электронном виде. Предварительное изучение источников, необходимых при личных генеалогических изысканиях, позволило выделить нам информацию о владельцах села Кремёнки Дивеевского района Нижегородской области в XVII – середине XIX в., церковных приходах села и его административной приписке.

Ключевые слова: *архивные документы; генеалогия; административное деление России.*

История местечка Кремёнки нынешнего Дивеевского района Нижегородской области на протяжении более 200 лет связана с фамилией Татищевых.

В сборнике «Действий Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии» имеется «Записка о деле тайного советника Татищева с графиней Степанидою Толстою, решенном во вменном межевом департаменте сего 1802 года февраля 13 дня о землях», в которой говорится: «*Татищеву в Нижегородской губернии от предков по наследству досталось во владение с. Кременки с деревнями и пожалованыя предком же его в оброчное владение вечно без переоброчки пустоши “Крутая” и “Поляна Теплая”. Село с деревнями и пустошами имело свои границы и межи, показанныя в писцовых книгах, грамотах и других документах 1645, 1658, 1689, 1685, 1690 и 1794 гг. подробно описанных в просьбе на Высочайшее имя в июле 1802 г. и оставались всегда в роде Тати-*

щевых. В 1749 г. владения эти полюбовно размежеваны, определены и утверждены границы и межи. По таковому разграничению и учиненному в том 1749 году разводу и подлежало бы как всякому владельцу в прежних давняго своего владения пределах оставаться, так и последовавшие споры разрешать неиначе, как на основании. Но временной межевой департамент Сената по спору, возникшему при генеральном межевании с владельцем с. Елизарьева князем Цициановым, присвоившим себе около 800 десятин, как бы дошедших к нему по купчей, определил (межевая контора и канцелярия, разсматривавшая спор, по неимению в отводимых им местах многих урочищ, отставила его): 1) намерить к оброчным пустошам к "Крутой" 309, к "Теплой Поляне" 78 десятин, по жалованию же сих пустошей покойным Государем Павлом Петровичем тайному советнику Нарышкину назначеныя к первой 179, к последней 53 десятин отмежевать особо во владение Нарышкина, а оставшиеся 164 десятины отмежевать в казну; 2) к с. Елизарьеву намерить 8-десятинную на душу пропорцию, к с. Кременки с деревнями оставить известную меру, а остающиися земли разделить по числу написанных при сих дачах четвертей; приходящия же по сему земли к оброчным пустошам отдать в ведение казенной палаты.

В силу этого решения из владения Татищева от с. Кременок назначено нарезать самой лучшей и удобренной пахотной земли к с. Елизарьеву более 4000 десятин, а к оброчным пустошам до 1000 десятин, взамен же оной определено намежевать из дач Баташева чрез расстояние не менее 126 футов от с. Кременок совсем к хлебопашеству неудобную и песчаную землю в противности 1) всем в писцовых книгах записям и грамотам, 2) в несогласности с межевой инструкцией и 3) несмотря на бесспорное этими землями владение Татищева более столетия и 4) несмотря на то, что с. Кременки с с. Елизарьевым никакой смежности не имело, а только предполагается, что разделения их живыми урочищами нет (хотя таковыя в писцовых книгах грамотах ясно означены). Упоминаемая же смежность сел, где решением Сената назначены к отрезке к с. Елизарьеву земли, разделяет казенная мордовская пустошь Нальдянова, о которой во время генерального межевания показана писцовою Шацкою землею, что и писцовым книгам значится, что крестьяне с. Елизарьева пашут оную, нанимаю у мордвы; поверенный же с. Елизарьева утаил ее во время межевания, присвоил себе как крепостную, правительство же, разсматривая дело сие, не вняв и не уважа обстоятельство сие, не соблюло предписанных в 13 главе межевой инструкции правил.

Что же касается до оброчных пустошей "Крутой" и "Поляны Теплой", пожалованных отцу прабабки Татищева вечно без оброчно в воздаяние за службу его, то их ему не принадлежащими считать никак нельзя было, уже издавна на той земле по точным словам жалованной грамоты поселилось около 400 душ крестьян» [1, с. 267–269].

Из этого следует, что с. Кремёнки принадлежало Татищевым с 1645 г. Однако здесь есть некоторое лукавство со стороны поверенных Д.П. Татищева[1].

[1] Дмитрий Павлович Татищев (1767–1845) – выдающийся дипломат первой половины XIX века, а также крупнейший российский коллекционер произведений искусства. Его обширная коллек-

В 1626 г. село было на 1/3 в вотчине и на 2/3 в поместье Василия Алексеевича Аргамакова [2, с. 283, 316].

В 1646 г. за нижегородским помещиком Иваном (*Замятнею*) Федоровым сыном Левонтьевым[2] (умер в 1630 г.) в *Замокошском* стану значится вотчина [3, с. 308, 597]. Замятня Леонтьев – отец саратовского воеводы Федора Ивановича Леонтьева (умер в 1687 г.), который принимал активное участие в качестве *товарыща* боярина князя Юрия *(Юшки)* Алексеевича Долгорукова в 1670 г. в Арзамасском и Алатырском уездах в подавлении восстания Степана Разина и воеводы Вятского Андрея Ивановича Леонтьева (умер в 1704 г.).

Десятого октября 1670 г. Юрий Долгорукий в письме к царю сообщал показания перебежчика от восставших Обросимки Мартынова: *«Пришли воровские люди* (разинцы) *от Темникова в Кадомский уезд в вотчину Ивана Замятина сына Леонтьева в село Кременки, от Арзамаса за 30 верст, и собирают из многих уездов для воровства русских людей и мордву и, собрав, хотят приходить под Арзамас»* [4, с. 131–132].

По другим сведениям, 9 октября 1670 г. у села Кремёнки Кадомского уезда произошла кровавая битва. *Товарищ* воеводы князя Ю.А. Долгорукого думный дворянин Федор Иванович Леонтьев разбил отряд восставших (3 тыс. чел.), очистив Темниковский и Кадомский уезды от *«воровских людей»*.

В Кремёнках собралось большое число восставших. Сюда после взятия Саранска прибыл отряд в 500 чел. под предводительством разинского есаула Андрея Осипова. Вслед за первым отрядом прибыл второй (в 200 чел.) под командой атамана Данилы Сидорова. К восставшим примкнули жители Кремёнок. Сюда потянулись крестьяне из соседних населенных пунктов. Из села Страхово-Пуза к повстанцам прибыла делегация в 10 чел. Делегация привезла с собой бочку вина и заявила разинским атаманам, что к ним готовы примкнуть 200 пузинских крестьян. *«Буде же двухсот мало, то пойдут все»,* – заверила восставших делегация. Всего из соседних селений к разинцам, обосновавшимся в Кремёнках, примкнуло 300 окрестных крестьян. Сюда же из Темникова под водительством Исая Фадеева подошел отряд численностью в 500 чел.

Через Кремёнки в те времена шла большая дорога от Касимова в Арзамас. Разинцы намеревались подойти по ней к Арзамасу и ударом взять город. Обеспокоенный намерениями восставших, Юрий Долгорукий послал под Кремёнки отряд регулярных войск под командованием думного дьяка Федора Леонтьева. Федор Иванович имел непосредственное отношение к Кремёнкам – это была вотчина его отца, а в то время – брата Андрея. Отряд состоял из пеших и конных подразделений, усиленных артиллерией. Под натиском регулярных войск разинцы, не обученные воинскому искусству, дрогнули. Многие бросились на-

---

ция, завещанная Николаю I, существенно пополнила собрание Эрмитажа и других крупных музеев России.

[2] Род дворян Леонтьевых происходит от выехавшего из Большой Орды на службу к великому князю Федору Рязанскому мурзы Батура, крещенному на Руси под именем Мефодий. Его сын, Глеб Батурович, был боярином при великом князе Иване Федоровиче Рязанском. У Глеба Батуровича были правнуки Петр и Леонтий; от первого пошли Петровы-Соловоовы, а от второго – Леонтьевы.

утек, но не все. Большой отряд восставших укрепился во дворе *стольника Андрея Замятина* и решил биться до конца. Укрепившихся во дворе стольника приступом склонить к бегству не удалось. Не имела успеха и артиллерия. Тогда двор был подожжен. После этого некоторые повстанцы, прорвав окружение, бежали, а часть разинцев погибли в огне.

В три часа дня на помощь бившимся крестьянам в Кремёнки из окрестных селений прибыл отряд в 2 000 чел. Но помощь опоздала. Тогда прибывшие решили напасть на обоз правительственных войск. Однако к этому времени из села уже была выведена часть подразделений, которые и вступили во вторую битву у обоза. Про этот бой Юрий Долгорукий сообщал царю: *«Ратные люди всех воровских казаков тех побили, а живых на тех боях взяли 50 человек да 10 знамен».* Немалые потери понесли и правительственные войска: многие ратники были ранены, в т.ч. и подполковник Василий Вшеславцев. Особой грамотой из дворца полковому воеводе Юрию Долгорукому и воеводе Федору Леонтьеву была выражена похвала.

У суходольной речки Шеклейки, между Кремёнками и Елизарьевом, высится в поле пологий холм. Окрестные старожилы говорят, что это братская могила погибших в битве при Кремёнках разинцев. Тех, которые бились в селе, и тех, которые опоздали с подмогой и сражались у обоза правительственных войск. Поражение разинцев в Кремёнках не означало прекращения волнений. Восставшие еще ряд месяцев действовали в окрестностях Темникова, Вознесенска, Кадома и в других местах.

С этой битвой связана местная легенда о возникновении Источника Явления Божией Матери в селе Кремёнки, в которой Святая Дева Мария указала людям неисчерпаемый источник родниковой воды для омовения тел погибших воинов.

В приведенных выше сведениях вотчина Кремёнки называется то по имени отца Ивана Федоровича Леонтьева (ко времени разинского восстания уже умершего), то по имени его в то время настоящего владельца сына Замятни Леонтьева стольника Андрея Ивановича Леонтьева (умер 1704 г.).

В 1686 г. владелец села Кремёнки стольник Андрей Иванович Леонтьев совершил обмен своего имения в Шацком уезде на пустошь Балыковка. Новый хозяин решил обживать пустовавшие земли и перевез из села Кремёнки четыре крестьянских двора.

Этому предшествовали следующие события. *«А в даче 166 году* (1658) *написано дано арзамасским недорослям Араслану да Исмаилу Ивакашевским детям Мустафиным деда их Бекбаево поместье Мустафино в Курмышском уезде в сельце Покровском», «…да в Кадомском уезде в Пустоши Балыкове сто четвертей в поле, а в дву потомуж со всеми угодьями…»* После разгрома повстанцев Арослана и Измаила Ивакаевых обвинили в пособничестве *«воровским казакам»*, и *«изменичье»* поместье было отписано доносчику Петру Жадовскому. Восемнадцатого сентября 1673 г. царь Алексей Михайлович подписал грамоту новому владельцу [5].

В 1688 г. думный дворянин Андрей Иванович Леонтьев обратился с челобитной о расширении за счет земель полянки Хвощевки своих владений за труды на государевой службе.

Арзамасский воевода *«Ерей Савельич»* распорядился об установлении, что действительно земли в Кадомском уезде, на которые претендует Леонтьев (в т.ч. и полянка Хвощевка), *«…лежат порозжи, в поместье и в вотчину наперед сего никому не отданы и не мордовские и не чувашские и не черемисские и не ясашные и великих государей к дворцовым селам и к деревням, к засечным крепостям и к заповедным лесам не приписаны»*, что и было подтверждено. И полянка Хвощевка была присоединена к поместью думного дворянина. Полянка располагалась на правом берегу речки Вычкинзы (*Ишкинзе*), на одном из ответвлений большого оврага под названием *«Хвощев»*, отсюда и пошло ее наименование. Предположительно, полянка служила своим хозяевам как пашня и сенокосные угодья [6].

Татищевым, возможно, эти земли отошли в качестве *сговорной рядовой* помещика Андрея Ивановича Леонтьева, сговорившего свою дочь Ульяну (1675–1736) замуж за помещика Данилу Михайловича Татищева (сына арзамасского воеводы Михаила Юрьевича Татищева), с обязательством дать за дочерью вместо приданного свою поместную землю в с. Кремёнки Кадомского уезда и оформить в Поместном приказе право на владение ею зятем. Учитывая, что первый сын Ульяны Андреевны и Данилы Михайловича – Афанасий – родился в 1685 г., а дед умер в 1704 г., но еще в 1688 г. продолжал числиться владельцем Кремёнок, возможен и другой вариант – в 1704 г. Кремёнки отошли в наследство дочери Леонтьева, а далее в наследство ее детей – младшего Сергея – деда Дмитрия Павловича.

Ульяна Андреевна и есть прабабка Дмитрия Павловича Татищева (1767–1845), заявившего претензии о межевании Кремёнковской земли в 1802 г.

Участь Ульяны Андреевны незавидна. В 1718 г. ее муж, Данила Михайлович Татищев, попал в опалу. Он был предан суду с обвинением в том, что *«в бытность ландрихтером в Суздале слышал о пострижении царицы Евдокии Федоровны и приходил к ней на поклон в Покровский девичий монастырь, видел ее в мирском платье, приваживал ей письма и посылки и сам к ней съестные и прочие припасы приносил»*, и *«за то его плутовство и недонесение царскому величеству»* присужден: *бить его батоги нещадно и по наказании освободить»*. Шестнадцатого января 1722 г. в Герольдмейстерской конторе сказан Татищеву указ – в канцелярию разборного дела являться ему *«по вся дни и без указу с Москвы не ехати»*. За те же вины к нещадному битью батогами была присуждена и жена – Ульяна Андреевна, дочь окольничего А.И. Леонтьева, по наказании постриженная в Белгородском монастыре с именем Елизаветы [7, с. 55–58].

По пятой ревизской сказке, в соответствии с записями в Экономических примечаниях к атласу Ардатовского уезда Нижегородской губернии 1798 г. [8, с. 91–99] за Дмитрием Павловичем Татищевым значились: *«Деревни Рузанова* (20 дворов: 54 мужчины и 53 женщины. – **Авт.**) *и Балыкова* (11 дворов: 47

мужчин и 51 женщина. – **Авт.**) *Тайного советника действительного камергера и Кавалера Дмитрия Павловича Татищева – оная дача спорами разделена на две части».*

Характеристика, данная в примечании: *«Деревня Рузанова речки Шишлея направой, а Балыкова Вечкензы и оврага колодезя налевой, и по обе стороны большой столбовой дороги из города Арзамаса в город Темников а далею по обе стороны речки Вечкензы безымянных оврагов и большой вышеписанной дороги. Вышеписанные речки в самое жаркое летнее время глубиною бывают в три вершка, шириною в полторы сажени в них рыбы не имеется. Жители тех деревень водою довольствуются ис копанных колодезей которая для употребления людям и скоту здорова. Земля иловатая на коей родится: рожь, ячмень, овес, горох, греча, проса и сенные покосы средственно. Лес строевой сосновый во трубе от шести до семи вершков, а вышиною от семи до девяти сажень, дровенной березовый, дубовый, олховый, вязовый, можжевеловый. В нем звери и птицы вышеперечисленных родов.*

Крестьяне состоят деревень Балыковой на оброке, а Рузановой на изделье и для господских работ отходят в село Кременки. А всей даче землю запахивают на себя, женщины ж сверх полевой работы упражняются в рукоделии, предут лен, поскнь и шерсть и сукна для себя и на продажу» [8, с. 91–93].

«Поляна теплая отведенная от ардатовского уездного казначейства господину Татищеву из оброку о которой поверенной (Татищева. – **Авт.**) *показывал что оная состоит не в том месте»* характеризуется так: *«На суходоле лес мелкой дровяной (38 десятин 296 саженей) еловой березовой и ивовой между коими сенной покос посредственной которые обрабатываются означенных владельцев* (Татищевых. – **Авт.**) *крестьянами»* [8, с. 93].

«Повереная дача (783 десятины и 1503 сажени) принадлежащая к селу Кременки Тайного Советника Действительного Камергера и кавалера Дмитрия Павловича Татищева и Саровской пустыни монахов». Ее характеристика: *«Речки Сатиса на правой [стороне] и по обе стороны оврага и вершины Тепловской. Сенные покосы средственные, лес дровеной сосновой, елевой, осиновой, березовой ивовой, ольховой, дубовой и можевеловой. В нем звери и птицы вышеписаных родов. Оная дача обрабатывается* (Татищева. – **Авт.**) *крестьянами и темниковского уезда Саровской пустыни монахами»* [8, с. 95–96].

«Село Кременки Тайного Советника действительного камергера и кавалера Дмитрия Павловича сына Татищева (65 дворов: 596 мужчин и 628 женщин. – **Авт.**) *и Коллежского Асессора Андрея Родионова сына Баташева»* (21 двор: 133 мужчины и 150 женщин. – **Авт.**) характеризуется следующим образом: «*Селение речки Кременки (41 десятина и 110 саженей) на правой и по обе стороны оврагов Соснового, Сырова и Большой столбовой дороги лежащей из города Темникова в город Арзамас, а дачею речек Сатиса, Вечкензы, Черной, оврагов Безымянного и Торгомановского направой речки Шашлея, налевой и по обе стороны речек Шашлея, Кременки, Черной, Хохлей, Вечкензы и оврагов Сырова, Соснового, Максимова, Моисеева, Малинового, Тепловского и вершины*

Тепловской, Хвощевой поляны Крутова Кременского и ускрелея и безымянных помянутая река.

Речки в самое жаркое летнее время шириною Сатис в три, а прочие в водную сажень, а глубиною Сатис в пол-аршина, а прочие в четверть аршина, в них рыба пискари и гальцы.

В том селе 2 церкви деревянные: первая во имя Знамения Пресвятыя Богородицы холодная с приделом Николая Чудотворца холодная; вторая – Святых апостолов Петра и Павла теплая, господский дом деревянный с регулярным садом, и во оном же селе венокуреной завод господина Татищева о двух кубах, на котором выкуривается в год 1090 верд, издерживается аржаного хлеба 436 четвертей, дров 218 сажен, а припасы собственные его Татищева из числа онаго поставляется в казну в ардатовской винной магазеин 1000 верд в два срока декабрьской и мартовской в каждой по 500 верд; да на домашний разсход издерживается 90 верд, сей завод обрабатывается и вино доставляется в магазеин собственными его крестьянами; жители ж того села водою довольствуются из помянутой речки и из запруженнаго в овраге Сыром пруда. В них вода для употребления людям и скоту здорова.

Земля иловатая на коей родится рожь, овес, ячмень, горох, греча, просо, лен и сенные покосы средственно (пашни 1 671 десятина и 1 417 саженей. – **Авт.**)*, лес строевой сосновой, березовой, осиновой и еловой во трубе от шести до семи вершков, а вышиною от семи до одиннадцати сажен. Дровяной дубовой, вязовой, ольховой, кленовой, липовой, ореховой, черемуховой и ребиновой, в нем звери медведи, волки, лисицы, заицы, белки и рыси, птицы: тетерева, соловьи, щеглята, дрозды, чижи, синицы, овсянки.*

Крестьяне состоят на изделье, запахивают на господ четвертую часть, а остальную на себя. Сверх полевой работы упражняются в сидении дектя, который и продают по разным селениям. А женщины предут лен, посконь и шерсть, ткут холсты и сукна для себя и на продажу» [8, с. 96–99].

Конец крепостному владению в Кремёнках пришел, как и везде в Российской империи, во второй половине XIX века. В 1858 г. за помещицей Марией Сергеевной Татищевой – племянницей и крестницей Дмитрия Павловича Татищева – значилось 778 душ в Кремёнках, Рузанове и Балыкове, за другой помещицей – подпоручицей Аграфеной Михайловной Дуровой – 330 душ и 970 десятин земли в Кремёнках.

Через два года, согласно Приложениям к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости, Дурова освобождала 164 крепостных крестьянина, а Мария Сергеева Эйхлер (в девичестве Татищева) – 778 крепостных крестьян [9, с. 76–77, 78–79].

М.С. Эйхлер считают прототипом главной героини «Вишневого сада» А.П. Чехова. В основе сюжета чеховской пьесы – история продажи имения Татищевых в селе Вичуга, а также подробности жизни супругов Эйхлер.

Мария Сергеевна Татищева родилась в селе Вичуге 4 октября 1830 г.: *«У Господина Действительного Камергера и разных орденов Кавалера Сергея Павловича Татищева от жены Его Софьи Ивановой родилась дочь Мария, крещ. 6*

октября. Молитвил Протоиерей Николай Барков, а крестил за болезнью его Священник Иоанн Беликов с причтом. При крещении восприемниками (крестными. – **Авт.**) *были Действительный Тайный Советник и разных орденов Кавалер Дмитрий Павлович Татищев и Госпожа Мария Яковлевна Татищева»* [10].

Крестная мать – Мария Яковлевна Татищева – это бабушка Марии Сергеевны, мать Сергея и Дмитрия Татищевых. Родилась она в 1746 г., ее отец Яков Аршеневский был нижегородским губернатором. Именно он представил Екатерине II изобретателя Кулибина, когда императрица во время путешествия по Волге в 1767 г. посетила Нижний Новгород. После этого Кулибин был приглашен в Санкт-Петербург. Губернатор Аршеневский умер в Нижнем Новгороде в 1771 г., возможно, от чумы, которая тогда бушевала в России.

После смерти отца (в 1844 г.), дяди (в 1845 г.) и матери (в 1847 г.) Марии Сергеевне Татищевой было всего 17 лет, а ее брату Павлу – 7 лет. Они стали наследниками целого состояния – двух родовых имений в Вичуге и Татищевом Погосте, двух больших домов в Санкт-Петербурге и огромного торгового центра в Москве на Кузнецком мосту (стоящего около 2 млн руб.) и другой более мелкой, но многочисленной собственности. Однако конец этой истории достаточно трагичен. Мария Эйхлер умерла в 1872 г., на 42-м году жизни, сразу же после продажи родового имения в Вичуге за неспособность вернуть долги, которые наделали супруги после увольнения со службы ее мужа Адольфа Эйхлера.

В 1916 г. крупными землевладельцами в Кремёнках значатся Николай и Иван Николаевичи Ашанины (2 690,5 десятин), Мария Павловна Зворыкина (1 894,5 десятин) и Рузановское сельское общество (305 десятин).

Источники и литература

1. Действия Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии. Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. 8. – Н. Новгород, 1909.

2. Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И.П. Алябьев. – Ульяновск, 2014.

3. Татищевский край. – URL: http://tatiskray.ru/index.html?4/053.htm

4. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. II. Ч. 1. – М., 1957.

5. Степашкин В.А. Древняя история Балыкова // Городской курьер. – 2011. – 20 апреля. – URL: https://courier.sarov.info/2011/04/20/11608

6. Степашкин В. Хвощи. – URL: https://sarov.bezformata.com/listnews/hvoshi/61565759

7. Татищев С.С. Род Татищевых. – СПб., 1900.

8. Экономическое примечание Ардатовского уезда. – URL: https://www.prlib.ru/en/node/899521

9. Россия. Редакционные комиссии для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Приложения к трудам Редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. 2. Московская, Нижегородская, Новгородская, Олонецкая, Оренбургская, Орловская, Пензенская. – СПб., 1860. – URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9488

10. Матершев И. Мария Эйхлер – прототип Раневской. Семейные подробности. – URL: https://valuh.livejournal.com/217733.html

ПОМЕЩИКИ СЕЛА ЮРЬЕВО СЕРГАЧСКОГО УЕЗДА НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ (XVII–XIX вв.)

И.В. Морозова
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Юрьевская средняя школа, учитель
607858, Нижегородская обл., Гагинский район, с. Юрьево,
ул. Центральная, д. 102
E-mail: ira.morozova67@yandex.ru

В статье рассматриваются судьбы дворян-помещиков, владевших в XVII–XIX вв. селом Юрьево Сергачского уезда (ныне Гагинского района) Нижегородской губернии.

Ключевые слова: *дворяне; помещики; имение; село Юрьево.*

С селом Юрьево Сергачского уезда Нижегородской губернии связаны фамилии многих дворянских родов, представители которых на протяжении нескольких столетий здесь проживали, владели имениями и были погребены в этой земле.

Дворянский род Бахметьевых ведет свою родословную от татарского мурзы Аслама Бахмета, прибывшего в Москву в 1469 г. Он привез с собой и двух родственников – царевичей Касима и Ягуна (Якуба), приехавших в первопрестольную «со многими татары». По прибытии в Москву все они крестились в православную веру (Аслам Бахмет – с именем Иеремии) и поступили на русскую службу [1, с. 324].

В «Переписной книге Арзамасского уезда Шатковского, Залесного и Собакинского станов» за 1716 г. владельцами села Воскресенского Юрьево тож значатся стольники царя Петра I Дмитрий и Иван Ефремовы и Анфилофей Никитин дети Бахметьевы. Все они являются потомками татарского мурзы Аслама Бахмета [2, д. 48].

Первый из владельцев села Юрьево – Дмитрий Ефремович Бахметьев – в 1687 г. ходил в Крымский поход, а затем, в звании полковника, участвовал в Северной войне. Стольнику Анфилофею Никитичу Бахметьеву, наряду с юрьевским, принадлежало еще одно поместье с крестьянами в селе Гагине.

Третий владелец села Воскресенского Юрьево тож – Иван Ефремович Бахметьев – в царствование Петра I построил собственный дом в Петербурге. В 1718 г. он был назначен обер-комендантом Уфы.

С кончиной Дмитрия Ефремовича и Ивана Ефремовича Бахметьевых все их юрьевские владения перешли к наследникам: Ивану и Михаилу – сыновьям первого и Ивану – старшему сыну второго. После смерти Анфилофея Никитича Бахметьева его поместье наследовал сын Алексей, дослужившийся на армейской службе до звания полковника.

29 января 1743 г. большую часть села Воскресенского Юрьево тож вместе с окрестными деревнями и пустошами Вотчинная коллегия отказала генерал-лейтенанту, кавалеру и сенатору И.И. Бахметьеву. На военном поприще ему удалось добиться немалых успехов. Также как и отец, он усердно служил Петру

I: в составе лейб-гвардии Преображенского полка Иван Иванович участвовал как в Азовском походе царя, так и в Полтавской битве со шведами. Во всех военных сражениях гвардеец проявил себя смелым и отважным воином. Петр I очень любил бесстрашного офицера, был крестным отцом его сыновей и ласково называл Ивана Ивановича «куманьком».

В последние годы жизни царя и при Екатерине I И.И. Бахметьев состоял при Канцелярии разыскных дел, а в 1729 г. был назначен воеводой в Алатырскую провинцию. В звании генерал-майора гвардеец участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., где вновь отличился своим бесстрашием и отвагой. В 23-дневное регентство Бирона И.И. Бахметьев был произведен в генерал-поручики. С 1740 г., во время царствования Елизаветы Петровны, он состоял сенатором и обер-прокурором Сената, исполнял должность московского наместника. За усердную и безупречную службу императрица пожаловала И.И. Бахметьева чином действительного тайного советника. В 1760 г. 77-летний генерал скончался (его супруга отошла в мир иной раньше).

После смерти И.И. Бахметьева владельцами большей части юрьевского поместья стали два его сына – Григорий и Николай.

В 1796 г. Николай Иванович Бахметьев все состояние передал своей племяннице Наталье Григорьевне Голицыной. Но она стала владелицей только одной части села Воскресенское Юрьево тож, вторая же половина имения перешла во владение гвардии прапорщицы А.С. Чемодановой (племянницы Г.И. Бахметьева по матери, скончавшегося в начале 1792 г.).

В июле 1815 г. отставной гвардии поручик и кавалер князь А.С. Голицын при многочисленных свидетелях был официально введен во владение имением своей матери (Н.Г. Голицыной) в селе Юрьево и деревнях Усовой и Курбатовой.

Когда князь А.С. Голицын стал юрьевским помещиком, другая владелица села – А.С. Чемоданова уже отошла в мир иной. Наследницей всего состояния покойной стала ее единственная дочь Анна, в 1818 г. вышедшая замуж за полковника А.И. Михайловского-Данилевского. Последний, помимо успешного продвижения по служебной лестнице (при Николае I он стал генерал-лейтенантом и адъютантом самого императора), был еще и известным военным историком и детским писателем своего времени. Многие талантливо написанные генералом исторические очерки входили в дореволюционные школьные учебники по истории.

В июле 1832 г. А.И. Михайловский-Данилевский неожиданно овдовел: его 30-летняя супруга после непродолжительной болезни внезапно скончалась. Видимо, остро нуждаясь в деньгах, Александр Иванович решил продать свое имение в селе Юрьево вместе с господским домом, различными службами, хозяйственными заведениями, землей, скотом и хлебом, а также с его дворовыми людьми и крестьянами.

5 августа 1843 г., по совершении купчей крепости, А.С. Голицын стал единоличным владельцем села Воскресенское Юрьево тож, как и земельных угодий близ деревень Усовой и Курбатовой [3].

Родословная князей Голицыных восходит к крестителю Руси святому равноапостольному князю Владимиру, за богопочитание и милосердие прозванному в народе Красным Солнышком [4].

Гвардии поручик А.С. Голицын участвовал в целом ряде сражений против наполеоновских армий.

«В октябре 1814 года в г. Сергач возвратились ополченцы. Они торжественно внесли во Владимирский собор свое боевое знамя, на котором красовался серый медведь с топором в руках. Под этим знаменем долгими дорогами войны прошли гвардии штабс-капитан Н.А. Болотин, гвардии поручик А.Н. Шильников, подпоручик А.И. Нефедьев и другие герои-орденоносцы Сергачского уезда. В числе этих других значился и помещик с. Юрьева гвардии поручик Алексей Сергеевич Голицын. За усердную службу царю и Отечеству князь был удостоен ордена святого Владимира 4-й степени, который к его груди прикрепил сам император» [5].

Когда в 1848 г. А.С. Голицын скончался, то наследником его богатейшего состояния стал его единственный сын Петр, дослужившийся на гражданской службе до чина губернского секретаря. В сентябре 1848 г. он был официально утвержден владельцем всего отцовского наследства в Сергачском уезде.

П.А. Голицын недолго был владельцем сергачского имения. Он влез в большие долги и в 1850 г. вынужден был заложить всех своих крепостных в Сергачском уезде. К 1854 г. долги незадачливого горе-наследника возросли настолько, что со всем своим сергачским имением, как движимым, так и недвижимым, ему пришлось расстаться. 26 августа его купил у князя отставной штабс-капитан А.П. Козлов. Новый владелец села Воскресенского Юрьево тож, помимо господского дома с мебелью и имуществом, стал единовластным собственником и всех помещичьих строений, фруктового сада, скота, птицы и хлеба. В его владении оказались и все голицынские земли.

Алексей Павлович и Прасковья Андреевна Козловы владели бывшим голицынским имением более десяти лет. В 1865 г. их 23-летняя дочь Софья вышла замуж за флигель-адъютанта императорской свиты полковника В.А. Клодта.

Владимир Андреевич Клодт родился в семье выходца из Германии Леонгаро-Андреаса фон Клодта, приехавшего в Россию в царствование Николая I. Здесь практичный и умный немец дослужился до звания генерал-майора и женился на новгородской дворянке, получив за ней несколько небогатых имений в Новгородской губернии. 13 апреля 1844 г. Л.А. фон Клодт вместе с женой Александрой, сыном Владимиром и дочерью Екатериной были внесены в 6-ю часть (древних благородных дворянских родов) Родословной книги Новгородской губернии.

14 августа 1865 г. у четы Клодтов – Владимира Андреевича и Софьи Алексеевны – родился сын Андрей.

Андрей Владимирович Клодт был нередким гостем в сергачском имении. 24 июня 1898 г., будучи в селе Юрьеве, он получил письмо от своей матери. В нем Софья Алексеевна, описав свою жизнь в петербургском свете, просила вне-

сти ее в Дворянскую Родословную книгу Нижегородской губернии. Когда просьба С.А. Клодт была исполнена, она стала постоянной участницей (через своих уполномоченных) избирательных съездов и собраний нижегородского дворянства. В Сергачском уезде в собственности помещицы значились 5 500 десятин земельных угодий, большая часть из которых находилась при ее юрьевском имении.

В статье прослеживается одно из ключевых направлений исследования – изучение конкретных человеческих судеб, изучение повседневности – обыденной жизни с ее живыми подробностями. Благодаря этому мы имеем возможность глубже уяснить суть тезиса о том, что история – это история людей, что корни человека – в истории и традициях своей семьи, своего народа, в прошлом родного края и страны.

Источники и литература

1. Петров П.Н. История родов русского дворянства. – СПб., 1886.

2. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2013. Оп. 602а. Д. 48. Переписная книга Арзамасского уезда Шатковского, Залесского и Собакинского станов (1716 г.).

3. Церковная летопись села Юрьева, составленная священником Иоанном Воскресенским, служителем Воскресенского Храма.

4. Из беседы с жителем с. Юрьево Н.А. Мухиным, историком-краеведом, внештатным корреспондентом районной газеты «Гагинские вести» // Хранится в личном архиве И.В. Морозовой.

5. Материал из фондов школьного краеведческого музея // Хранится в музее МБОУ «Юрьвская СШ».

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ 1812 Г.

Д.А. Николаев

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент

603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2

E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г.: выявлению количества добровольцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора добровольцев. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфические черты местного добровольческого движения.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение; добровольческое движение; Отечественная война 1812 г.; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация.*

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12 928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им, ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

Согласно «Реестру просьбам, входящим на имя Начальника Нижегородского военного ополчения… князя Грузинского от разных персон и другаго звания людям» о вступлении в ополчение и другим документам, количество добровольцев, желавших поступить в нижегородское ополчение, можно определить довольно точно. Основной контингент добровольцев составляли дворяне. Прошения о вступлении в ополчение, хотя и находились в указанном реестре, но писались не только на имя Грузинского; адресовались они и губернатору А.М. Руновскому, и П.А. Толстому (командующему т.н. III ополченским округом, куда входило и нижегородское ополчение); писались они и на «Высочайшее имя», причем не только потенциальными ополченцами, но и их родственниками, и доверенными лицами. Иногда прошения представляли собой достаточно подробные автобиографии, с перечислением мест службы, достижений и наград. Офицерский состав вообще всех ополчений страны принимался на службу исключительно из дворян: «из чинов военных» – в тех чинах, в которых призванные лица состояли в отставке; «из чинов гражданских» – на условиях «паритета» с военными чинами: коллежский регистратор-прапорщик, коллежский и губернский секретарь-подпоручик, титулярный советник-поручик, надворный советник и коллежский асессор-штабс-капитан, коллежский советник-капитан и пр.

В августе 1812 г. прошения о вступлении в ополчение подали 30 чел.; в сентябре 1812 г. «реестр просьбам» пополнился заявлениями еще от 64 лиц [14]; в последующие месяцы (октябрь–декабрь 1812 г.) прошения о поступлении в ополчение поступили от 52 чел. [14, д. 18, л. 281–458]. Далее, согласно отношений губернатора А.М. Руновского *«об исключении из должностей чиновников и разночинцев, объявивших желание служить в ополчении»*, список добровольцев пополнился еще на 16 чел. [14, д. 55, л. 3–18].

К этому списку необходимо присоединить добровольцев – учащихся (дворян) эвакуированного в Нижний Новгород Московского университета, Московской духовной академии и Московского отделения Императорской медико-хирургической академии (26 чел.) [14, д. 86, л. 1–53].

Дворянский, в основном, список добровольцев пополнялся немногочисленными представителями мещан и «экономических крестьян». Среди первых следует назвать: семеновских мещан В.С. Витушкина, Я.С. Сазанова, Е.Н. Разуваева, Я. Красильникова и А. Бочкарева; арзамасских – Г. Волкова, А. Феоктистова; нижегородских – Я. Шкурина, Быкова и Е. Монатаева; макарьевского – П. Гогилаева, а также «примкнувшего» к ним «касимовского мещанина» Кочемасова [14, д. 22, л. 1–408]. В среде крестьян экономических (а также государственных и удельных, которые, согласно царскому Манифесту от 18 июля 1812 г., не участвовали в наборе в «государственное» ополчение) также было достаточно мало добровольцев, которых легко перечислить: М. Афанасьев, М. Поляков, О. Агафонов с «примкнувшими» опять же к ним помещичьими крестьянами П. Пеговым, И. Куняпиным и также не пожелавшим быть «обракованным», малоизвестным (единственный раз упомянутым в документе) «добровольцем Зубовым» [14, д. 6, л. 25]. Следует назвать в числе добровольцев от данной группы как *«феодосийского жителя грека»*, мещанина К. Сидорова, так и некое маргинальное лицо «без определенного места жительства», *«взятого в праздном проживании… Васильева»*; к ним можно присовокупить и отставного унтер-офицера Павлова (14, д. 18, л. 283, 297, 360).

В период с сентября по декабрь 1812 г. шел прием в ополчение и добровольцев-священнослужителей. Епископ Нижегородский и Арзамасский Моисей объявил, что причетники, дети священнослужителей, семинаристы, служители духовных заведений (на различных должностях), а также, что было особо подчеркнуто, *«праздноживущие»* отпрыски священников могут беспрепятственно записываться в ополчение, причем епархия выделяла необходимые деньги на обмундирование и продовольствие ополченцам из духовной среды. Первые списки «изъявивших желание» служить в ополчении церковнослужителей появились в конце сентября 1812 г. Согласно первому из них [14, д. 24, л. 2–3 об.], на службу «представлялись» 11 человек: семинаристы Н.И. Акаевский, В.Г. Кемарский, А.Н. Сперанский, Е.Я. Сперанский [14, д. 24, л. 2–3]; *«исключенные из семинарии ученики»*: И.Я. Воробьев, Н.С. Таврицкий [14, д. 24, л. 3]; послушники Н. Григорьев, О. Макаров; *«праздноживущие церковнослужительские дети»*: И. Николаев [14, д. 24, л. 2], С. Никитин, И. Васильев. Во второй партии *«служителей и причетников»* состояли следующие лица: И. Иванов, Д. Данилов, С. Васильев, В. Петров, В. Логинов, А. Матвеев, Н. Михайлов, И. Андреев [14, д. 24, л. 6–7].

Зачисление таких «ратников» на службу шло согласно отношениям *«правителя канцелярии графа Толстого коллежского асессора Филимонова о церковниках, желающих вступить на службу в ополчение»*; с сентября по декабрь 1812 г. шел *«партионный прием»* довольно большого числа церковников, которых, по дальнейшим, по датам, «представлениям» от епископа Моисея к Тол-

стому и от Филимонова (Толстого) – Грузинскому, можно распределить так: 8 октября, при отношении Моисея к Толстому, «представлены» 2 семинариста (Нижегородской семинарии): Щеглов и Покровский [14, д. 24, л. 22]; 16 октября: М. Иванов, Г. Григорьев, А. Яковлев, П. Михайлов, И. Николаев, А. Поликарпов, А. Николаев, П. Матвеев [14, д. 24, л. 36], А. Васильев; 19 октября: А. Егоров, В. Иванов и *«нижегородской семинарии ученик пиитического класса»* А. Покровский [14, д. 24, л. 25]; 26 октября: Н. Рубцов, Н. Востоков, А. Ильин, Н. Егоров, М. Федоров, К. Попов [14, д. 24, л. 41]; 30 октября: *«дьячок»* В. Александров, *«духовного звания»* М. Зефиров, Н. Богородский, А. Петров [14, д. 24, л. 55], Я. Сергеев, А. Михайлов [14, д. 24, л. 54]; 4 ноября: С. Писарев, П. Салтыков, В. Леонтьев [14, д. 24, л. 58], С. Васильев, П. Яковлев [14, д. 24, л. 68]; 9 ноября: П. Иванов, А. Иванов [14, д. 24, л. 74]; 12 ноября: Г. Никитин, *«дьячков сын»* С. Васильев, С. Григорьев, И. Титов, И. Андреев [14, д. 24, л. 76]; 19 ноября: пономари Е. Дмитриев и М. Степанов, дьячки А. Иванов, П. Яковлев, Г. Дмитриев, С. Яковлев и А. Яковлев, семинаристы И. Вознесенский и И. Бельский [14, д. 24, л. 78]; 28 ноября: М. Парфенов, М. Петров, И. Васильев, А. Федоров [14, д. 24, л. 82]; 29 ноября: С. Матвеев и М. Петров [14, д. 24, л. 76]; 4 декабря: И. Сергеев и С. Гаврилов [14, д. 24, л. 98]; 15 декабря: Ф. Михайлов [14, д. 24, л. 100]; 16 декабря: *«ученик»* (семинарии. – **Авт.**) М. Вишневский [14, д. 24, л. 102]; 23 декабря: пономарь А. Михайлов [14, д. 24, л. 104].

Согласно десятидневному рапорту командира 4-го полка от 30 ноября 1812 г., к ним также можно добавить Е. Сергиевского, А. Иванова, М. Степанова [14, д. 6, л. 9].

Среди заметных особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии, порожденных спецификой военно-феодальной эпохи [15, с. 95], следует отметить массовость дворянского представительства среди добровольцев ополчения; заметность представительства лиц из духовной среды и чрезвычайно малое количество добровольцев из крестьянско-мещанской среды. Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [16, с. 126; 17, с. 119; 18, с. 121; 19, с. 128; 20, с. 116; 21, с. 129].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58–62.

6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

7. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства: материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.// Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 39–43.

12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

14. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 1822. Оп. 1.

15. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6–3. – С. 95–99.

16. Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

17. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.

18. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

19. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

20. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.
21. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

ВЛИЯНИЕ СОСЛОВНО-КОРПОРАТИВНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ПО ВСТУПЛЕНИЮ В НИЖЕГОРОДСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В 1812 Г.

Д.А. Николаев
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра новой и новейшей истории, кандидат исторических наук, доцент
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: dmnikolaeff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г.: выявлению точного количества добровольцев и анализу сословно-корпоративных особенностей эпохи, выявленных в процессе сбора добровольцев. На основе изучения материалов Центрального архива Нижегородской области и анализа историографических трудов выявлены специфические черты местного добровольческого движения.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; нижегородское ополчение; добровольческое движение; Отечественная война 1812 г.; офицерский состав; военные и гражданские чины; мобилизация.*

Первого сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [1, с. 34]. По утвержденной разнарядке (помимо дополнительных рекрутских наборов), всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 «ратников» (12 275 пеших и 653 конных) [2, с. 115; 3, с. 98] для пяти пехотных и одного конного полков [4, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели, особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований и вооружения (являвшихся структурами комитета ополчения Нижегородской губернии) [5, с. 58]. Обмундирование, снаряжение и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков, либо мещанских сообществ [6, с. 121]. Правила набора офицеров [7, с. 136; 8, с. 75; 9, с. 96] и ратников на службу, а также обеспечения их продовольствием и одеждой были утверждены 25 июля 1812 г. [10, с. 58; 11, с. 39]. Согласно им, ежемесячное содержание одного ратника (до выступления в поход, когда полагалось уже казенное обеспечение), начиная с 1 октября 1812 г., определялось в 1 пуд 35 фунтов муки, 1,5 гарнца круп, 2 фунта соли и 1 руб. жалования [12, с. 360; 13, с. 95].

Помимо обязательного призывного контингента, всего добровольцев в нижегородском ополчении 1812 г. значилось: от дворянского сословия –

171 чел.; от лиц «духовного звания» – 81 чел.; от сословий крестьян (всех категорий) и мещан – 21 чел. [4, с. 77].

Рассматривая некоторые тенденции добровольческого движения в Нижегородской губернии в эпоху 1812 г., можно сделать определенные выводы, касающиеся сословно-корпоративных особенностей этого явления. Дворянство (от представителей которого поступило наибольшее количество заявлений о добровольном желании поступить в ополчение) служить стране в период военной опасности было обязано по закону, если позволяли физические и возрастные кондиции. К тому же (что было особенно важно для средне-, мелко-, и беспоместного дворянства, которое и составило основу добровольческого «корпуса»), служить не бескорыстно, а за вполне определенное «паритетностью» военных и гражданских чинов при зачислении на службу вознаграждение, с полным сохранением выслуги лет, пенсионов, чинов и наград и пр., а также с гарантированным «послевоенным» лечением, трудоустройством и обеспечением, что также было важно, поскольку в мирное время «право на труд», а значит, на достойный жизненный уровень, никому, в т.ч. и дворянам, не было гарантировано. Следует учесть, что в условиях «паритетности» при зачислении в ополчение военных и гражданских чинов, а следовательно, при теоретическом равенстве в получаемом жалованье доходы дворян в ополчении (или в действующей армии) были выше, чем на гражданской службе. Доходы эти включали в себя не только непосредственно жалованье как ежемесячное или годовое вознаграждение за специфический труд, но и разного рода надбавки: на приобретение обмундирования (*«для недостаточных дворян»*, стоившего, к слову, очень дорого), «повышающий коэффициент» для находившихся за границей (в военных походах), надбавки и премии за ранения и награды (а также за нахождение в плену у неприятеля(!)), внеочередные денежные премии (например: *«недостаточным* (необеспеченным. – **Авт.**) *офицерам»*, *«по случаю выступления полка в поход»*, *«по случаю возвращения полка домой»*), материальная помощь семьям, оставшимся дома, обеспечение семей служебным жильем, отсрочки по выплате долгов и т.п. Военная служба к тому же давала возможность уйти от ответственности за совершенные «маловажные» административные и уголовные проступки, восстановить свое доброе имя и уважение к себе в своей среде. Но, пожалуй, главным побудительным мотивом к вступлению в ополчение нижегородских дворян стало, помимо очевидных и искренних патриотических порывов многих из них, осознание неизбежности ситуации в условиях безальтернативности социального выбора для данного сословия в данную эпоху. В условиях серьезного кадрового голода (при наличии множества незанятых в ополчении офицерских должностей) возможность занятия вакантных мест не дворянами, учитывая социально-политические реалии эпохи, была полностью исключена. Нет никакого сомнения в том, что подавляющее большинство тех, кто добровольно изъявил желание послужить родине и императору, было бы, в любом случае и вне зависимости от пресловутых желаний, призвано на службу. Исходя из этой «неоспоримой неизбежности», в определенном моральном (и не только) смысле, было бы значительно весомее и выгоднее самостоятельно за-

явить о «принесении себя в жертву» царю, что добавляло в аттестаты и прочие документы присутственных мест, выдаваемые потенциальным офицерам, весьма выигрышные, со всех точек зрения, строки, что данный человек в такую-то кампанию *«поступил добровольцем»*. Вполне возможно, учитывая названные обстоятельства, обозначить данную группу людей как группу «условно-добровольческую».

Одной из доминант историографической традиции изучения нижегородского ополчения (и прочих ополчений страны) является «ретранслируемое» из одного произведения в другое на протяжении многих десятилетий, «аксиоматичное» утверждение о некоей феерической массовости «низового» народно-патриотического движения, развивавшегося в соответствии с прогрессировавшей военной опасностью для страны. Призыв в ополчение стал якобы некоей квинтэссенцией этого движения, *«нашедшего отклик в пламенных сердцах наших земляков»*, заваливших воинские присутствия якобы тысячами заявлений от добровольцев «из народа». Это утверждение, очевидно, в силу «неоспоримости» тезиса об «истинно народном» характере войны («подкрепленное» рамками господствующей идеологии или, точнее, рамками «доминантно-патриотических» воззрений) по сию пору остается «незамеченным» не только в силу социально-политических обстоятельств прошлого и настоящего, но и из-за элементарного нежелания последующих исследователей темы самостоятельно исследовать многие источники и предпочитавших сугубо компилятивные обращения «к авторитетам», вместо того, чтобы обратиться «к истокам».

На самом деле, среди «тысяч» неведомых в природе заявлений от мифических добровольцев – крестьян, горожан, ремесленников – можно точно назвать таковых 12, исходивших от мещан (к тому же, двое из них были явными «наемниками», т.е. пошли по договоренности служить за других) и трое – от государственных и экономических крестьян (к которым можно добавить еще два заявления и еще один «факт», без письменного заявления *«добровольца Зубова»*, о добровольном желании продолжить службу от «обракованных» (воинским присутствием) крестьян помещичьих) [4, с. 77]. Таким образом, имеется всего 18 заявлений (с «примыкающими» к ним членами «маргинального» сообщества: *«греком»* К. Сидоровым, *«праздноживущим»* и *«подозрительным»* гражданином Васильевым и отставным унтер-офицером Павловым) [4, с. 71] от данных категорий населения, среди которых несколько, с учетом приведенных фактов, также можно назвать «условно-добровольческими». Тем не менее автор далек от мысли о «развенчании» идеи массового патриотизма в эту эпоху, поскольку речь идет совсем о другом. В условиях вполне понятного и достаточно изученного в истории социально-экономического строя, вполне справедливо именуемого строем феодально-крепостническим, массовое проявление «недворянского», «практического» патриотизма было практически исключено, поскольку крестьяне помещичьи (составлявшие основу и рекрутов, и ополченцев в «официальном» ополчении) были, в соответствии со своим статусом, лишены, помимо многих юридических прав, возможности самостоятельного «патриотического действия» и за самостоятельный, без разрешения помещика, уход

в ополчение понесли бы «заслуженное» наказание. Прочие же категории крестьян и городские обыватели (с которых никто не снимал рекрутскую повинность), желавшие поступить в ополчение, должны были выполнить целый ряд серьезных «предварительных» требований. Они не должны были иметь долгов и неуплаченных податей, не стоять в очереди на отправление рекрутской повинности и не исполнять обязанности ратника взамен рекрутской повинности (собственной, или кого-либо), достойно (в отсутствие главы семейства) содержать семью и т.д. и во всем этом получить письменное удостоверение местных мещанских и крестьянских обществ. Но даже все выполненные и «формализованные» обязательства не гарантировали успех «частного» патриотического начинания: в условиях минимальной государственной помощи обязанность «социальной поддержки» семей ушедших на войну и не вернувшихся добровольцев также ложилась на плечи пресловутых «обществ», отнюдь не горевших желанием увеличивать податное бремя своих оставшихся «на местах» земляков.

По поводу довольно значительной (81 чел.) группы добровольцев-церковнослужителей (либо потенциальных церковнослужителей) необходимо заметить, что, несмотря на единую сословную принадлежность, эта категория людей значительно различалась по своим общественным стратам (пономари, дьячки, причетники, семинаристы, послушники, исключенные из семинарии, *«священнические дети»*, *«праздноживущие»* и пр.). Далеко не все из этих страт имели реальную востребованность обществом и вполне очевидно, что епископ Нижегородский Моисей, по согласованию со светскими властями, провел среди членов этой во многом «праздноживущей» группы, настолько серьезную и убедительную «разъяснительно-патриотическую» работу, что она очень напоминала скрытую «тотальную» мобилизацию «праздноживущих» священнических отпрысков. Косвенным подтверждением этого служит факт отсутствия заявлений от подавляющего числа потенциальных добровольцев (за исключением четырех человек) [4, с. 72] и многочисленные медицинские «обраковки» ратников этой социальной группы. Результатом же действий Моисея стал заметный приток добровольцев из духовной среды, очень многие из которых имели неважное здоровье и весьма сомнительные морально-волевые (и боевые) качества. Об этом знали и командиры полков, и поэтому очень многие служители церкви были назначены на нестроевые должности, урядниками-писарями и пр.

Среди заметных особенностей добровольческого движения в Нижегородской губернии, порожденных спецификой военно-феодальной эпохи [14, с. 95], следует отметить ***массовость*** дворянского представительства среди добровольцев ополчения; ***заметность*** представительства лиц из духовной среды и ***чрезвычайно малое количество*** добровольцев из крестьянско-мещанской среды. Комплекс документов Центрального архива Нижегородской области позволяет достаточно эффективно решать научные задачи как по изучению различных проблем формирования нижегородского ополчения 1812 г., так и прочих аспектов социально-политической истории начала XIX века, что убедительно доказывают материалы проводимой в Арзамасе на протяжении многих лет

конференции «Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе» [15, с. 126; 16, с. 119; 17, с. 121; 18, с. 128; 19, с. 116; 20, с. 129].

Источники и литература

1. Кауркин Р.В., Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. – Н. Новгород: НО ИРИ, 2012.

2. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – февраль 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2018. – № 2 (99). – С. 115–119.

3. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 – апрель 1813 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2019. – № 3 (106). – С. 98–103.

4. Николаев Д.А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2018. – № 2. – С. 67–77.

5. Николаев Д.А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород, НГТУ, 2017. – С. 58–62.

6. Николаев Д.А. [Рец. на кн.] Участие Саратовской губернии в Отечественной войне 1812 г. / сост. Н.Ф. Хованский / Саратовская губернская ученая архивная комиссия. 1912. Репринт. изд. – Саратов: Изд-во ООО «Орион», 2012 // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 121.

7. Николаев Д.А. Прошения офицеров нижегородского ополчения 1812 г. об увольнении со службы (по делопроизводственным материалам начала XIX в.) // Диалог мировоззрений: жизненный путь личности, общества, государства: материалы XIV Международного симпозиума / Под ред. А.В. Дахина. – Н. Новгород, 2018. – С. 136–137.

8. Николаев Д.А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 2. – С. 75–79.

9. Николаев Д.А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века) // Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород: НГТУ, 2017. – С. 96–99.

10. Хвостова И.А., Николаев Д.А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в ноябре 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 12. – С. 58–61.

11. Николаев Д.А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г. // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции / под ред. В.И. Грубова, А.А. Исакова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 39–43.

12. Николаев Д.А. Из истории нижегородского ополчения 1812 г.: особенности формирования «подвижного магазейна» для снабжения армии // Народ и власть: взаимодействие в истории и современность. – Н. Новгород, 2018. – С. 360–365.

13. Егоров Г.В., Николаев Д.А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2017. – № 5 (96). – С. 95–98.

14. Дроздов Ф.Б., Николаев Д.А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – № 6–3. – С. 95–99.

15. Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2014. – № 1. – С. 126–128.

16. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2015. – № 2. – С. 119.

17. Николаев Д.А., Грубов В.И. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2016. – № 1. – С. 121–122.

18. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2017. – № 2. – С. 128.

19. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2018. – № 1. – С. 116–117.

20. Грубов В.И., Николаев Д.А. Вопросы архивоведения и источни-коведения в высшей школе // Отечественные архивы. – 2019. – № 2. – С. 129–131.

АРЗАМАССКАЯ ИНВАЛИДНАЯ КОМАНДА В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

С.А. Игонькин

Независимый исследователь, г. Арзамас

В статье на основе архивных документов рассматривается история уездных инвалидных команд первой трети XIX века на примере города Арзамаса. Затрагиваются темы социальной адаптации, проживания, обеспечения провиантом и одеждой – все, что касается истории военных инвалидов.

Ключевые слова: *военнослужащие; русская армия, служащие и не служащие инвалиды; квартирная комиссия; первая треть XIX века.*

Имя Михаила Богдановича Барклая де Толли в отечественной военной истории ассоциируется с полководцем и талантливым военным администратором. И это справедливо. Но мало кому известно, что, будучи военным министром, он стоял у истоков реформирования инвалидных рот и команд в 1811 г. В мае этого года в Сенате *«слушали рапорт об устройстве инвалидных рот и команд… о назначения служащим и неспособным инвалидам в уездных городах мест для поселения их…»* [1, д. 1319, л. 7]. Далее следует прокомментировать цитату из архивного документа. Под инвалидами в данном случае понимались заслуженные военнослужащие, неспособные по состоянию здоровья (например, получившие увечья во время боевых действий) служить в полевых войсках. Инвалиды, как значится в документе, делились на две категории – служащие и неспособные. В 1764 г. постановлено было *«всех неимущих отставных и инвалидов не посылать более в монастыри, а направлять в особо назначенные для этого города. Такая мера повлекла образованнее целого ряда команд, так называемых неслужащих инвалидов»* [2, с. 44–45]. Была такая команда и в Арзамасе. Инвалиды получали от казны особое жалование. В указах нижегородского правления за май 1815 г. значились инвалиды рядовые и унтер-офицеры: *«…всем нижним чинам, распределенным по неспособности к прежней службе*

за ранами и увечьями в гарнизоны и инвалиды полевого оклада жалование» [3, д. 63, л. 252]. Государство обязано было выделить деньги на постройку домов для военных инвалидов. И, как правило, такие дома находились на почтовых дорогах, при въезде в город [1, д. 1319, л. 8 об.]. Но очень скоро стало понятно, что выделить казенные деньги на постройку домов – большая проблема. Финансов все время не хватало, вполне возможно, их просто разворовывали.

Вопрос о размещении инвалидной команды в Арзамасе в тот исторический период был связан с т.н. квартирной комиссией. Такие структуры были созданы во всех городах империи. Поскольку казарм для войск не было, то квартирная комиссия распределяла на постой к городским жителям военнослужащих, в т.ч. и военных инвалидов. Комиссия следила за состоянием помещений в городе. Таким образом, городской обыватель среди прочих обязанностей исполнял и квартирную повинность. В феврале 1821 г. арзамасская квартирная комиссия заслушала сообщение начальника городской инвалидной команды майора Швандера. Штаб-офицер просил выделить квартиры *«…на число состоящих в оной команде в наличности инвалидных нижних чинов на годичное квартирование назначить обывательских домов 175-ть…»* [4, д. 5, л. 35]. Порядок заселения квартирующихся был следующим: полицейский чиновник выдавал билет в двух экземплярах (первый – хозяину, а второй – заселяющемуся). Нередко некоторые жители, чтобы избежать квартирного постоя, заселяли квартирантов в дома, недавно выстроенные. У обывателей на постое размещался не только личный состав инвалидной команды. В сентябре 1821 г. квартирная комиссия предоставила под канцелярию, а также сборную избу (помещение для производства сборов и занятий с нижними чинами) и швальню (т.е. мастерскую для пошива обмундирования при полках) помещения *«в доме арзамасского купца Андрея Ивановича Потехина состоящем в 1-м квартале в Затёшном переулке № 648-м»* [4, д. 5, л. 154].

Как уже отмечалось, в 1811 г. всех военных инвалидов разделили на служащих и не служащих. Команды служащих инвалидов были сформированы во всех уездных городах. Структурно арзамасская инвалидная команда подчинялась командиру нижегородского гарнизонного батальона. Служащие инвалиды стояли в карауле у церквей, цейхгаузов, тюремных замков, провиантских и фуражных складов, полицейских будок, конвоировали колодников. При этом огнестрельного оружия военным инвалидам не полагалось – только тесаки, эспонтоны (холодное оружие в виде древка и стального наконечника, с изображением двуглавого орла с вензелем Александра I) и шпаги.

В инвалидных командах числились заслуженные воины (ветераны). В архивном документе, датированном 1822 г., сказано: *«…имеют право на квартиры по поводу и находясь в городах* (в т.ч. и в Арзамасе. – **Авт.**) *отставных за ранами офицеров, состоящих в покровительстве комитета 18 августа 1814 года, неслужащих инвалидных офицеров»* [4, д. 6, л. 69]. Упомянутый комитет был создан в память победы русской армии в сражении при Кульме 18 августа 1813 г. [5, с. 64]. Занимался он покровительством и выдачей пенсионов, денежных средств военным инвалидам и получившим увечья участникам военных кампа-

ний 1812–1814 гг., а также материальной поддержкой вдов и сирот погибших воинских чинов. В 1829 г. материальная поддержка от комитета распространилась и на числившихся в инвалидных командах, престарелых и неизлечимо больных отставных нижних чинов (надо полагать, не служащих инвалидов). Со временем покровительство было распространено и на участников других военных конфликтов. Именно в этот временной период началась история, связанная с крупной денежной растратой в пенсионном фонде комитета. Растрата была выявлена только в начале 1850-х гг. Но эта тема другого повествования.

Увеличение административного аппарата при Александре I, впрочем, как и при Николае I, сильно усложняло работу управленческих структур, прежде всего, в провинции. Большая бюрократическая машина становилась неуправляемой. От возникновения полезной и нужной идеи до ее реализации надо было пройти огромное количество инстанций. И это в лучшем случае, а в худшем – нужные начинания просто растворялись в чиновничьих кабинетах. Человек вставал один на один с чиновничьим беспределом.

Очень характерный пример с покупкой провианта для арзамасской инвалидной команды. Эта история началась в декабре 1815 г. и продлилась до 1820-х гг. А начиналось все так: городничий Бартенев послал сообщение в городскую Думу о том, что денег на провиант арзамасским инвалидам и их семьям не отпущено [6, д. 104, л. 1]. И куда делись финансы – не понятно. Арзамасские купеческое и мещанское общества пришли на помощь городской Думе. Несколько раз купцы и мещане выделяли деньги и передавали городничему на покупку провианта инвалидам. Целых 11 лет шла проволочка по возврату денег купцам и мещанам. И лишь вмешательство нижегородского гражданского губернатора И. Храповицкого в 1827 г. решило финансовую проблему [6, д. 112, л. 6]. В 1822 г. было принято решение провиант и цейхгауз (склад для амуниции и оружия) для инвалидной команды разместить *«в городе Арзамасе 6-ти корпусов бывших соляных амбаров»* [6, д. 129, л. 4]. Но так как в бывших соляных амбарах отсутствовали условия для хранения провианта (из-за сырости и плесени внутри помещения), цейхгауз разместили в деревянных амбарах, принадлежавших купеческому и мещанскому обществам. Эти амбары были расположены около городской Думы (магистрата). А старые соляные корпуса *«в передней линии, что лицом к городу Арзамасу из трех амбаров»* решили отремонтировать.

Инвалиды из Арзамасской команды нередко высылались в соседние уезды на службу во внутреннюю службу или полицию. В архивном документе, датированном 1820 г., значится: *«…на Арзамасских полицейских инвалидов вся потребная амуниция построена* (т.е. сшита. – **Авт**.) *сею гражданскую думою из суммы собранной с обывателей города…»* [6, д. 135, л. 3]. Иначе говоря, все суммы, израсходованные на одежду и амуницию инвалидам, должны были возвратиться в арзамасскую Думу. И деньги должны были прийти от уездных властей, где проходили службу инвалиды.

В 1821 г. в город с инспекцией прибыл генерал-адъютант Комаровский – начальник внутренней стражи, в т.ч. и инвалидных команд. Генерал-адъютанта сопровождали округа внутренней стражи генерал Хитров, штаб и обер-

офицеры [4, д. 5, л. 47]. Воинским чинам были выделены квартиры на Сальниковой улице у купцов Фадеева, Анеева, Васильева, Сторожева, Щеголькова, Кащеева и мещанина Потеряхина. При квартирах были выставлены караулы из числа военных инвалидов.

В целом, инвалидные команды являлись структурами призрения отставных и увечных солдат, позволяя заслуженным воинам и их семьям получать кров и пропитание пожизненно, находясь при воинских частях. Несмотря на богатые традиции призрения военных инвалидов в России, государственная помощь отставным и увечным нижним чинам в начале XIX века была малоэффективна. Военным инвалидам и отставным солдатам было дано право проживать в любом городе империи и заниматься разными ремеслами. А это было важно в бюрократизированном обществе. Военные инвалиды и отставные солдаты не платили подати. Как всегда, армия выступала в России начале XIX века своего рода демократическим шлюзом между сословиями. Военные инвалиды и отставные солдаты за время долгой и тяжелой службы приобретали навыки разных ремесел или обучались грамоте, что было огромным подспорьем для их социальной адаптации после военной службы.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 153. Арзамасский уездный суд. Оп. 97.

2. Столетие Военного министерства.1802-1902 гг. Вып.1. – СПб.,1902.

3. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 34. Оп. 1.

4. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 74. Оп. 1.

5. Игонькин С.А. Государственная помощь отставным военным-инвалидам в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Арзамасского и Ардатовского уездов // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов научно-практической конференции (10 декабря 2009 г.). Выпуск VI / под общ. ред. В.И. Грубова; АГПИ им. А.П. Гайдара, ГАНО, г. Арзамас. – Арзамас: АГПИ, 2010. – С. 62–66.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 33. Оп. 2.

РАЗВИТИЕ ШАПОЧНОГО ПРОМЫСЛА В КНЯГИНИНСКОМ УЕЗДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Т.А. Бабкина

Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, студентка
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: Tankistka1278@gmail.com

В статье представлена история развития шапочного промысла в Большемурашкинской волости Княгининского уезда во второй половине XIX – начале XX века. Основное внимание уделено процессу производства, используемому материалу, рабочей силе, а также расценкам готовой продукции. Отдельно описывается процесс картузного производства.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; Княгининский уезд; Большое Мурашкино; кустарные промыслы; шапочный промысел.*

Во второй половине XIX века во многих уездах Нижегородской губернии для некоторых крестьянских хозяйств было характерно одновременное существование земледельческой и промысловой деятельности. В этот период в Княгининском уезде местные жители занимались промысловой деятельностью для сведения концов в хозяйстве. Богатая почва уезда вполне обеспечивала потребности населения, однако, со временем, истощение почв при постоянно возраставшем населении все больше создавало несоответствие между количеством земли и имевшейся рабочей силой [1, с. 182]. Также развитию промысловой деятельности населения способствовало наличие крупных рынков сбыта.

Выделяют две основные категории промыслов: отхожие (к примеру, бурлачество) и промыслы кустарные – «надомные». Под кустарными промыслами понималось массовое производство товарных изделий мелкими производителями: крестьянами или горожанами. Промысловики, в основном, при производстве товара ориентировались на рынок. Они могли работать на посредника, неизвестного потребителя или же одиночно, справляясь общим семейным трудом, также могли использовать труд наемных рабочих, если того требовал характер производства.

В Княгининском уезде наиболее распространенными были промыслы, связанные с обработкой кож и мехов, сетковязальный промысел, мукомольный, плотничий и различные виды отхожих промыслов. Если рассматривать Княгининский уезд в целом, то он входил в число уездов с наименьшей распространенностью промыслов, кроме одной волости – Большемурашкинской.

По исследованиям местной земской статистики за 1887–1890 гг. было установлено (с учетом Большого Мурашкина): в уезде 42,4% дворов имели заработки от промысловой деятельности. Работников, занятых местными промыслами – 2 956 чел., отхожими промыслами – 7 413 чел. из общего числа мужчин рабочего возраста 25 191 чел. [2, с. 15]. По количеству промысловых дворов уезд занимал последнее место в Нижегородской губернии [3, с. 56].

Зарождение шапочного кустарного промысла в Большом Мурашкине датируется XVII веком. Село уже на тот период снабжало в избытке своими изделиями Макарьевскую ярмарку. Постепенно шапочный промысел переняли и жители уездного города Княгинина [4, с. 23]. Можно предположить, что основным фактором возникновения данного производства было активное развитие овчинно-мерлушчатого промысла в Большом Мурашкине.

Шапочное производство заключалось в изготовлении разного рода шапок и картузов. Тульи для шапок и накружки (внутренние части, узористо-простроченные на машинке) для картузов закупались в готовом виде: тульи на Нижегородской ярмарке, а накружки в Москве. Изготовление этих частей было затратным по времени и требовало усидчивой работы. Покупные тульи и накружки имели клейма, что имело для покупателей немаловажное значение.

Зачастую эти вещи производили сами промышленники, но в незначительном количестве для изделий самого низшего сорта или фасона.

Самостоятельных промышленников, которые сами покупали весь необходимый для работы материал, а потом продавали готовые изделия, насчитывалось в Княгинине и уездных слободах до 70 хозяев, у которых было задействовано около 250 чел., из которых 135 мужчин, остальные – женщины. Некоторые хозяева держали у себя 1–6 наемных рабочих и учеников [1, с. 182].

Рабочий сезон шапочников начинался в середине сентября и продолжался до первых чисел февраля, т.к. в этот период был высокий спрос на данную продукцию. С февраля по июль все производство переходило на изготовление картузов. Однако некоторые шапочники, особенно городские, занимались промыслом круглогодично [1, с. 183].

Шапочный промысел имел как оседлый, так и отхожий характер. Крупные хозяева, изготовив достаточное количество товара, в начале июля уезжали в Сибирь на Крестовскую ярмарку, где занимались производством и продажей изделий, а в первых числах февраля возвращались домой. Подобные поездки производились с целью получения максимального заработка и выгодного сбыта большого количества продукции, т.к. полной реализации товара в пределах Нижегородской губернии не происходило [5, с. 225].

Менее самостоятельные промысловики ежегодно в середине сентября уезжали в южные губернии и там занимались промыслом до начала февраля. На Нижегородской ярмарке промышленники торговали картузами и шапками в разноску (иногда по заказу). Шапочников, которые целый год работали дома и снабжали своими изделиями потребителей Нижегородской губернии, насчитывалось не более 15–20 хозяев в уезде [1, с. 184].

Шапочный промысел производился в жилых домах. В крестьянской избе местом работы служила длинная скамья перед окном, на которой размещался необходимый материал и инструменты. Инструменты для кройки, шитья картузов и шапок были достаточно просты. Большое значение имела швейная машина, а также 35–40 липовых или осиновых болванов, состоявших из пяти частей, утюг, 5–6 пар ножниц, столько же наперстков, деревянный аршин, иглы. Швейные машинки, которые служили около 5 лет, покупали на Нижегородской ярмарке у Попова, Зингера, Блока и других торговцев по 40–80 руб. за штуку. Там же закупались и другие инструменты: болваны – 50 коп. за штуку, ножницы – 50 коп., утюг – 1 руб. 60 коп., наперстки – 2 коп., аршин – 10 коп., иглы (вохменские) – 2 руб. 50 коп. за тысячу [1, с. 186].

Материал для шапочного и картузного материала был достаточно разнообразным: различного рода мерлушки, драпь, сукно, плис, коленкор и др. Весь материал разделялся на два разряда: зимний и летний. Зимний шел на шапки и закупался на Нижегородской ярмарке, а летний – на картузы и закупался в Москве перед Масленицей.

Имеется перечень зимних и летних материалов, их количество и расценки на 1885–1886 г. Зимний набор (шапочный): мерлушки лучшей (каракульки) десяток – 70 руб., мерлушки крымской 10 дес. по 25 руб. – 250 руб., русской

(мурашкинской) 200 дес. по 4 руб. – 800 руб., искусственной мерлушки (мотаньяк) 100 арш. по 1 руб. 50 коп. – 150 руб., трипу 200 арш. по 50 коп. – 100 руб., плису 300 арш. по 30 коп. – 90 руб. и т.д. Летний набор (картузный): сукна 400 арш. по 2 руб. – 800 руб., коленкору для разноцветных внутренних бочков 300 арш. по 10 коп. – 30 руб., накружек коленкоровых 3300 шт. – 105 руб., козырьков – 75 руб., мелкие приборы (ремешки, тесемки, резинки, пуговицы, пряжки) – 50 руб. и т.д. [1, с. 187].

Для того чтобы начать шапочное производство, необходимо было иметь клееную кошму (войлочный ковер из овечьей шерсти). Ее получали следующим способом: на горячей воде делали болтушку из ржаной муки, которой потом смазывали одну сторону кошмы и расстилали на улице для просушки. Обычно данную процедуру производили в июле. Просушенные кошмы разрезали на полосы и убирали на чердак. Наклеивали кошмы для того, чтобы материал был жестче. Сама же шапочная работа не была сложной: сначала красился околыш и верх, который пришивался к первому (иногда верх кроился вместе с околышем без пришивки); к низу околыша пришивалось тулье, под которое вставлялась кошма; шапка немного смачивалась и надевалась на болвань; через некоторое время болвань ставилась в печь на два часа (время зависело от температуры); на заключительном этапе шапка в некоторых местах подстригалась и считалась готовой.

Процесс работы над изготовлением картузов требовал больше машинной работы: сначала кроили верх, сшивали его с полями на машине; после строчился околыш с подложенной картонкой, к которому пришивался верх с полями; затем пришивалось тулье, козырек и внутренний ремешок. Главный труд заключался в изготовлении околышей, особенно если они выкраивались вместе с верхом, как того требовали фасоны.

В среднем, за день рабочий шапочного промысла выполнял следующий объем работы: 15–30 околышей, 7–15 мерлушчатых шапок, 25–30 не мерлушчатых шапок. Если готовое изделие требовалось к кратчайшему сроку, то хозяин отдавал работу на сторону.

Княгининские шапочники производили изделия разных фасонов: московская шапка с мерлушчатым околышем и суконным мехом; под пуговку, со всяким околышем и суконным верхом; татарская с суконным и плисовым острым верхом и т.д. По размеру изделия разделялись на четыре сорта: детский – 10–12 вершков в окружности, недомерочек – 12–15,5 вершка, полный – 12,5–13,5 вершка и крупный – 13,5–14,5 вершка. Цены изделий были различны, все зависело от материала: от 20 коп. до 5 руб. [1, с. 190].

Кроме самих хозяев шапочного промысла, работой были заняты наемные рабочие и ученики. Рабочими по найму с середины сентября до начала февраля становились местные бедные мещане и крестьяне. За рабочий период плата составляла 50–100 руб., а если нанимали рабочего на год, то платили 90–130 руб. Кроме шапочной работы, в случае необходимости, рабочие занимались продажей изделий на сельских базарах и ярмарках. При рабочем имелась книжка с указанием количества товара и цена, по которой потом хозяин проверял выруч-

ку. При найме на работу иногда заключался письменный договор, по условиям которого рабочие обязаны были ежедневно отрабатывать определенное количество часов (16–18 часов), отдавать хозяину выручку с продажи товара, а оставшийся товар сохранять в целости; за прогул рабочий лишался 2-х рублей. Подобные условия заключались далеко не всеми, да и не имели большого значения, т.к. не могли предотвратить последствий, какие могли нанести рабочие. Например, при выходе на работу рабочий брал задаток в 20–30 руб., но через некоторое время он мог оставить прежнего хозяева и наняться к другому. Бывали и случаи, когда выручку от продажи рабочий попросту пропивал или проигрывал.

Ученики также набирались из местных жителей: в основном, мальчики 12 лет, служившие в этом звании до 18 лет, после переходившие в разряд мастеров. В первые два года они занимались не шапочным производством, а лишь мелкими делами по хозяйству. Во время всего обучения ученики не получали жалования, а только одежду и питание от хозяина. Иногда ученики нанимались на три года: в этом случае хозяин предоставлял только пищу. Но и от учеников хозяева нередко несли убытки, т.к. они могли также ранее указанного срока уйти от одного хозяина к другому.

Изделия княгининских шапочников сбывались через розничную продажу на городских и сельских базарах и ярмарках. Время пребывания на ярмарках зависело от спроса на товар: иногда удавалось реализовать весь товар за пару дней, но в основном задерживались на неделю, а то и на более длительный срок [1, с. 194].

В целом, шапочный промысел Княгининского уезда не имел себе аналогов во всей Нижегородской губернии. Данное производство, центром которого было Большое Мурашкино, являлось следствием интенсивного развития овчинно-мерлушчатого производства. Сам промысел в основном имел отхожий характер, что, в свою очередь, приводило к большому оттоку рабочих рук из сел и деревень, особенно мужчин. Такое явление, безусловно, сказывалось на состоянии развития сельского хозяйства в Княгининском уезде.

Источники и литература

1. Руновский Н.И. Краткий статистический очерк Княгининского уезда // Нижегородский сборник. Т. IX / под ред. А.С. Гациского. – Н. Новгород: Тип. Нижегор. губерн. управления, 1890. – С. 181–194. – URL: http://ns.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/acg/nn-sbornik/

2. Плотников М.А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Н. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1894. – С. 15–18.

3. Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. – СПб., 1896. – С. 56.

4. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1895 год / Изд. Нижегор. губ. правл. – Н. Новгород: Тип. Нижегор. губ. правл., 1895. – С. 23.

5. Нижний Новгород и Нижегородская губерния. Справочная книжка и календарь на 1905 г. Издание Барона Таубе и Сомова. – Н. Новгород, 1905. – С. 225.

ПРОМЫСЛЫ БОЛДИНСКОГО КРАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В.Д. Комакова
Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, студентка
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: komakova.vera@yandex.ru

В статье анализируются особенности развития промыслов Болдинского края рубежа XIX–XX вв. Описываются санный, рогожный, сарпиночный промыслы ряда сёл болдинской округи. Характеризуется процесс производства, условия работы мастеров и характерные особенности получаемого продукта.

Ключевые слова: *болдинские сани; багреные сани; сарпинки; тканье рогож; А.Г. Ермолова.*

В конце XIX – начале XX века земли Болдинского края входили в состав земледельческих уездов Нижегородской губернии. Удаленность от железных дорог и отсутствие крупных промышленных предприятий обусловили развитие в селах болдинской округи преимущественно сельскохозяйственного и промыслового производства.

Развитие промыслов на болдинских землях началось еще в первой половине XVII века и было связано с необходимостью преодоления экономических последствий Смуты. Тогда большинство крестьян были вынуждены добывать себе средства к существованию за счет развития промыслового хозяйства. В пореформенный период промыслы получили еще более широкое распространение. Объяснялось это необходимостью выплачивать значительные выкупные платежи в сочетании с недостаточными доходами от сельскохозяйственной деятельности.

Наличие большого количества лесов в Болдинском крае способствовало развитию в конце XIX – начале XX века старинных деревянных промыслов, наиболее значимым из которых являлось круглогодичное производство саней в селе Большое Болдино, а также в некоторых домах Малого Болдина и Львовки. Основной заработок болдинское население получало именно от этого промысла.

Для изготовления саней использовался лес, скупаемый болдинскими крестьянами у помещиков Нижегородской и Симбирской губернии. Для выделки использовали обычно дуб, ясень и липу. Всего изготовляли в год до 4 тыс. запряжей саней весом от 65 до 98 кг в каждой.

Насчитывалось три сорта болдинских саней: простые дровни, багреные сани (название происходит от слова «багрец» – названия красной краски темного оттенка), кресла [1, с. 326]. Низшая цена изделий составляла 75 коп., высшая – 2 руб. за сани. Могли изготавливать сани и на заказ для «господской» езды. Они стоили намного дороже, но такие заказы были очень редки. Рабочая плата за выделку саней колебалась в зависимости от сорта изделия, от 15 до 40 коп. Последняя цена устанавливалась обычно осенью, в самое горячее время работы, по случаю усиленной отправки саней из Болдина. В это период один

рабочий успевал за сутки изготовить одни дровни, на выделку же багряных саней требовалось не менее полутора суток.

Продавались болдинские сани частью на базарах соседних сёл Абрамова, Бутурлина, Талызина и Адашева. Но главным образом болдинские сани отправляли на возах, по 4–5 саней на возу, в города Уральск и Гурьев. В Уральск отправляли преимущественно баргеные сани, а в Гурьев – дровни. Вывоз саней из Болдина на восток особенно усиливался с 29 августа вплоть до Масленицы. В этот же период усиливалось и их производство, не прерывавшееся круглый год [1, с. 325]. На Нижегородскую ярмарку болдинские сани не попадали.

Санный промысел в Большом Болдине отличался от подобных промыслов других сёл, где крупные производители раздавали рабочим сырой материал на руки и получали его обратно в виде изделий, давая за это довольно низкую плату (часто в виде муки, солонины, лаптей). В Болдине же каждый работал сам на себя своим семейством. Лес покупали сами, исходя из своих материальных возможностей, и производили то или иное количество саней в год, исходя из имевшихся средств. Но и здесь не обходилось без наемных рабочих, с помощью которых наиболее зажиточные крестьяне выделывали до 200 запряжей саней в год.

Кроме саней, в Болдине изготавливали ободья, колеса и телеги, но в очень незначительном количестве, преимущественно для местного употребления.

На болдинской земле в сёлах Мадаевка и Новая Алексанровка Кочкуровской и Большеболдинской волости был распространен также рогожный промысел – тканье рогож из липового мочала и шитье из них кулья. За год здесь вырабатывалось до 1,5 млн единиц кулья. Мочало для тканья рогож доставляли из Лукояновского и Сергачского уездов, частью из смежных уездов Пензенской губернии. Снимали мочало обычно в июне, тканье рогож начиналось с октября и продолжалось до апреля. Сорта рогожного товара, выделываемого в Болдинском крае, различались по качеству и назывались первым, вторым (или средним) и третьим [1, с. 332]. Цены на них за 100 единиц товара варьировались следующим образом: первый сорт – 10–12 руб., второй сорт – 8–12 руб., третий сорт – 6–8 руб.

Ткали рогожи обычно шесть человек попеременно: трое работали, а трое в это время отдыхали. При этом их работа распределялась так, что на сон каждому из шести рабочих, особенно в жаркую пору, выпадало не более трех часов в сутки. Работу с мужчинами разделяли также женщины и дети; последние привлекались к работе с шестилетнего возраста. За одну неделю работы шесть хороших рабочих выручали от тканья рогож первого сорта около 5 руб., второго сорта и третьего – 2 руб.

Занятие рогожным промыслом не приносило большого заработка болдинским крестьянам, но, несмотря на довольно небольшую плату за нескончаемый труд с помощью своих жен, взрослых и малолетних детей, мастера считали свое положение вполне удовлетворительным.

Следует отметить, что в некоторых из болдинских промыслов наряду с мужской частью населения принимали участие и женщины. Обычно они выполняли ту часть работы, которая не требовала особых физических усилий. Но в Болдинском крае, как и в ряде других уездов Нижегородской губернии, имелись и специальные женские промыслы, в которых мужчины или не участвовали вовсе, или участие их было совсем незначительным. Это такие промыслы, как прядение, тканье, шитье, вязание и пр.

Один из таких промыслов возник в селе Черновское Сергачского уезда в начале XX века под руководством местной землевладелицы Александры Григорьевны Ермоловой. Здесь изготавливали *сарпинки* – легкие хлопчатобумажные ткани полотняного переплетения, с полосатым или клетчатым рисунком (название ткани происходит от места преимущественного производства – в Саратовской губернии, где протекала река Сарпа [2, с. 141]). В 1902 г. в распоряжение Ермоловой было передано от особого комитета, состоявшего под предводительством наследника престола, 4 тыс. руб. на организацию женского труда среди населения Сергачского уезда, пострадавшего от неурожая 1891 г. [3, с. 381]. Ермолова выбрала именно ткачество, т.к. этот промысел являлся наиболее доступным для крестьянок. Начинался этот промысел в незначительных размерах при 10–15 работницах. К середине 1903 г. было зарегистрировано следующее количество ткачих: в селе Черновское – 81, в соседнем сельце Заист – 51, в деревне Дубровке – 32, в деревне Лизинке – 6, в селе Адашево – 25.

Для осуществления производства Ермолова выписывала различную хлопчатую бумагу от известных московских фирм Франца и Людвига Рабенек, Жучкова, Белкина и др. при посредстве старшего маклера Нижегородской биржи П.И. Лелькова. Цена на бумагу колебалась в зависимости от цвета от 23 до 37 руб. и выше за пуд. Через того же Лелькова выписывали льняную пряжу. Из таких материалов черновские мастерицы ткали бумажные, хлопчатобумажные и шелковые материи.

Каждая ткачиха обычно работала один-три месяца в год. Меньше всего работали в августе, больше всего – в мае [3, с. 382]. В июле, августе и сентябре, в разгар полевых работ, ткачеством было занято самое меньшее число ткачих. В октябре и ноябре количество ткачих увеличивалось, но молотьба хлеба еще не позволяла заняться промыслом всем мастерицам села. С декабря количество занятых женщин увеличивалось, достигая к маю наибольшей величины, за исключением апреля, в котором цифра рабочих понижалась до 14. Это явление объяснялось тем, что страстная неделя, Пасха и тканье холстов для себя отвлекали часть ткачих от сарпиночного промысла. В июне цифра занятых ткачих снова понижалась в связи с началом женских полевых работ – полотья, сенокоса, огородничества.

Производство сарпинки организовывалось следующим образом: ткачихам выдавалась бумага определенного количества, в таком же количестве позже мастерица должна была предоставить готовой сарпинки. Работали ткачихи дома на собственных обыкновенных ткацких станках. Поначалу А.Г. Ермолова выдавала ткачихам металлические станки «Берда», но они были чуть шире крестьянских

и доставляли неудобства. Их выписывали из Москвы, стоили станки 1 руб. 69 коп. за штуку. Также предполагалось начать использовать станки «Самолет», употребляемые в селе Мотовилово Арзамасского уезда у В.А. Доливо-Добровольской. Но выяснилось, что эти очень громоздкие станки не пригодны для обычных крестьянских изб. Поэтому черновские работницы были вынуждены остаться при обыкновенном крестьянском ткацком станке. Для сучения употребляли прялки, выписываемые из села Порецкое Симбирской губернии.

Стоимость заработной платы зависела от сорта изготовляемой сарпинки. Сорт определялся, в свою очередь, количеством входящих сортов бумаги и тем, использовалась ли сучёная бумага или простая. За счет этого заработок с аршина изготовленной сарпинки колебался в пределах от 5 до 10 коп. [3, с. 382]. В том случае, если при тканье получался брак, то с установленного заработка каждого аршина скидывалось, смотря по сорту, от 1 до 3 коп. Ткачиха, испортившая изделие, лишалась лишь некоторой доли заработка. Это не допускало халатного отношения работниц и в то же время не разоряло ткачих, особенно начинающих, у которых не было навыка к выработке того или иного сорта сарпинки.

С каждым годом черновская сарпинка становилась все более известной, расширялся круг потребителей. Кроме соседних губерний, сарпинка вывозилась на продажу в Петербургскую, Оренбургскую, Уфимскую губернии, в Западный край, Кавказ и другие места Российской империи. Покупателями являлись, главным образом, люди со средним достатком: священники, учителя, писари, фельдшеры, различного рода служащие, зажиточные крестьяне и пр.

Черновская сарпинка получила следующие награды: диплом 2-го разряда на Нижегородской выставке, серебряную медаль на Киевской выставке и почетный диплом в Глазго. Кроме того, заведующая этим промыслом А.Г. Ермолова была удостоена Высочайшей благодарности за развитие ткацкого промысла и заботы о сбыте крестьянских изделий.

Таким образом, промысловое производство играло немаловажную роль в экономической жизни Болдинского края рубежа XIX–XX вв. Готовая продукция шла не только на удовлетворение собственных нужд населения, но и приносила определенный доход крестьянским семьям. Несмотря на то, что производство осуществлялось не в специально оборудованных помещениях, а в обычных жилых домах, итоговый продукт обладал высоким качеством. Поэтому значительное количество промысловой продукции Болдинского края получало широкий сбыт в соседних губерниях и заслуживало ряд наград на международных выставках.

Источники и литература

1. Гациский А.С. Болдино и Кочкурово // Нижегородский сборник / под ред. А.С. Гациского. Т. 4. – Н. Новгород: Типография Нижегородского губернского правления Г.А. Педрина, 1871. – С. 322–336.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4. – 2-е издание. – СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. – 710 с.

3. Шурупов И. Сарпиночный промысел в селе Черновском Сергачского уезда // Нижегородская земская газета. – 1903. – 23 декабря. – № 17. – С. 381–383.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ Ф.И. ВЛАДИМИРСКОГО

Е.А. Потапова
Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, студентка
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: ktrnvb@mail.ru

В статье проанализированы основные вехи из жизни общественного деятеля города Арзамаса – священника Ф.И. Владимирского. Рассмотрены различные направления деятельности протоирея. Отмечен его вклад в развитие системы водоснабжения и города в целом.

Ключевые слова: *Ф.И. Владимирский; общественный деятель; депутат Государственной Думы; Арзамасский водосбор; Почетный гражданин города.*

Федор Иванович Владимирский – неординарная личность, оставившая заметный след в истории города Арзамаса. Родился он здесь, 8 февраля 1843 г. Предки Владимирского были бесфамильными. Первым, кого стали записывать по фамилии, был отец Федора – Иван Федорович. В силу того что последний около 54 лет прослужил в арзамасской Владимирской церкви, ему была дана фамилия по названию храма. В возрасте 8 лет Федора отдали на обучение в Арзамасское духовное училище. После его окончания Ф. Владимирский поступил в Нижегородскую духовную семинарию, откуда был выпущен в 1864 г. с аттестатом 1-го разряда [1, с. 462]. В годы учебы Федор Иванович, «малообеспеченный семинарист», воспитывал детей крупного общественного деятеля и писателя, составителя всемирно известного Толкового словаря русского языка В.И. Даля.

Впоследствии Федор женился на дочери священника – Екатерине Дмитриевне Раевской. В совместном браке у них родилось восемь детей: Михаил, Мария, Елизавета, Алексей, Александра, Софья, Елена и Иван. Отметим, что дети Федора Ивановича не пошли по духовной стезе. Старший его сын Михаил в 1894 г. окончил курс духовной семинарии, но в дальнейшем поступил на медицинский факультет сначала Томского, затем Московского университета, учился и за границей (в Гейдельбергском и Берлинском университетах), но в 1903 г. получил диплом Казанского университета. Уехав в Нижний Новгород, он приобщился к революционному движению и марксизму, всю свою дальнейшую жизнь посвятив этому. В историю нашей страны М.Ф. Владимирский вошел как революционер, а затем советский государственный деятель и политик, председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП (б), народный комиссар здравоохранения РСФСР в 1930–1934 гг. Младшие сыновья Федора Ивановича – Алексей и Иван – ушли из жизни еще молодыми. Несомненно, это не могло не повлиять на дальнейшую судьбу священника, который тяжело переживал утраты. Дочери, по примеру старшего брата Михаила, тоже стали придерживаться революционных взглядов. Так, Мария имела в городе репутацию сильной женщины с волевым характером. Обучалась она в Смольном институте благородных девиц в Санкт-Петербурге, была замужем за телеграфистом,

церковным старостой Н.Н. Доброхотовым, в браке с которым у нее родилось 12 детей.

В апреле 1866 г. Ф.И. Владимирского определили на должность священника в Арзамасский Воскресенский собор. Но Федор Иванович не был священником в обычном понимании. Он не чуждался передовых идей своего времени, ему были близки идеи христианского социализма – неспроста он проявлял интерес к людям «новой эпохи», например, к М. Горькому [1, с. 547]. Помимо этого, отец Федор принимал активное участие в общественной жизни родного города: был гласным городской Думы, попечителем публичной библиотеки, одним из основателей Александро-Невского общества хоругвеносцев. С 1898 г. он являлся действительным членом Нижегородского статистического комитета.

Федор Иванович активно занимался педагогической и литературной деятельностью. В 1867–1870 гг. он преподавал Закон Божий в 49-й резервном батальоне, в 1872–1879 гг. – в Арзамасской уездной команде, а также в начальных Кирилло-Мефодиевском и Троицком училищах. Известен один интересный случай, произошедший со священником. Как-то раз арзамасский художник Алексей Иконников выразил желание написать портрет Ф.И. Владимирского. В ответ на это отец Федор сказал, что Владимирские, мол, никогда не отличались красотой, а потому вместо этого Федор Иванович пообещал художнику написать литературный портрет духовной личности, который впоследствии он назвал «Мое кредо». В этой работе прослеживаются гуманистические начала, говорящие о высоком предназначении человека, о его духовной сущности, но в то же время затрагивается и аспект греховности человека. Заканчивается труд евангельскими заповедями, словами святых проповедников: «Носите бремена друг друга так и исполните закон Христов» [1, с. 567]. В 1900 г. Федор Иванович написал работу под названием «Закон Божий: Наставление в православной Христианской вере и благочестии», а в 1926 г. – «Пятидесятницу», которая имела прямую связь с его покойным сыном Иваном. Это произведение, небольшое по размерам, от начала до конца пропитано высокой эмоциональной окраской. Сам Ф.И. Владимирский впоследствии говорил, что запоздание написанного ничуть не искажает точности повествования, поскольку по прошествии десятка лет помнится это событие так живо, точно оно произошло вчера [1, с. 569].

Зарекомендовал себя Федор Иванович и как общественный деятель общероссийского масштаба, став в феврале 1907 г. членом Государственной Думы II созыва. Из книги М.М. Бойовича мы узнаем, что Ф.И. Владимирский придерживался конституционно-демократических взглядов [2, с. 196]. Выдвижение его кандидатуры имело свою причину. Дело в том, что отец Федор многое сделал для Арзамаса. Так, в 1895 г. в Арзамасе было завершено проектирование железной дороги. По проекту инженера Александрова, железная дорога, соединяющая Нижний Новгород с Ромоданово, должна была проходить за Выездной Слободой. Это обстоятельство крайне не устраивало жителей Арзамаса, которые обратились к отцу Федору за помощью. Владимирский отправился в Московское железнодорожное ведомство и убедил столичных чиновников

в том, что здание вокзала и все строения должны располагаться над «Заводским участком». Все эти пожелания были учтены.

Кроме того, городская управа Арзамаса неоднократно обращалась к Ф.И. Владимирскому с просьбой помочь открыть в городе женскую учительскую семинарию и добиться возвращения земель, отрезанных еще в 1798 г. по сенатскому решению [3, с. 3]. В мае 1899 г. по инициативе Федора Ивановича учащиеся школ города заложили около Рамзайских источников сосновую рощу в честь столетия со дня рождения А.С. Пушкина. Будучи членом Государственной Думы, Владимирский ходатайствовал перед высшими властями за простой народ. Известно, что он добился от Николая II замены смертной казни на каторгу для нижегородских крестьян И. Абрамова, В. Лебедева, В. Курышева и В. Иванова [1, с. 554]. За свою общественную деятельность был награжден орденами Св. Анны 3-й и 2-й степеней.

Ф.И. Владимирский был одним из первых, кто лично познакомился с сосланным в Арзамас в мае 1902 г. Максимом Горьким [4, с. 3]. Писатель вспоминал о Владимирском: *«Приехав в Арзамас под надзор полиции, я застал его в конце работы по собиранию источников. Этот человек, истощенный каторжным трудом и несчастиями, был первым арзамасцем, который решился познакомиться со мной, – мудрое арзамасское начальство, строжайше запретив земским и другим служащим людям посещать меня, учредило, на страх им, полицейский пост прямо под окнами моей квартиры»* [5, с. 383]. Писатель помнил об их первой встрече, которая оказала на него неизгладимое впечатление: *«Отец Федор пришел ко мне вечером, под проливным дождем, весь с головы до ног – мокрый, испачканный глиной, в тяжелых мужицких сапогах, сером подряснике и выцветшей шляпе – она до того размокла, что сделалась похожей на кусок грязи. Крепко сжав руку мою мозолистой и жесткой рукой землекопа…»* [5, с. 383]. Между отцом Федором и Максимом Горьким завязались крепкие дружеские отношения. Общение писателя с Владимирским не прошло даром. В письме к журналисту К.П. Пятницкому от 27 июля 1902 г. Горький написал, что «в городе среди сонных и трусливых баранов он встретил энергичного человека». Весьма интересно то, что в письме указываются слова священника, который говорит: «А? Человек-то! Что есть лучше человека? Ничего нет, государь мой! Так и знайте – ничего нет! И другим поведайте – нет ничего, что было бы лучше человека в мире сем!» Сразу вспоминаются слова самого М. Горького: «Человек – это великолепно! Это звучит – гордо!». Несомненно, прослеживается сходство этих двух высказываний. Можно предполагать, что именно отец Федор вдохновил писателя на это крылатое выражение [1, с. 470].

После окончания ссылки в сентябре 1902 г. М. Горький не забыл о своем арзамасском друге. Писатель рассказывал о Ф.И. Владимирском своим друзьям и родным, говорил о его небывалой энергии, целеустремленности и старательности, вел с ним переписку и даже планировал написать о нем книгу [6]. Книгу о Владимирском Горький так и не написал, но он всегда помнил об отце Федоре, что нашло свое отражение в литературном персонаже. В 1930–1931 гг. писатель работал над неоконченными пьесами «Евграф Букеев» и «Христофор Бу-

кеев». В них перед нами предстает некий священник по имени Самсон, который с завидным упорством строит водопровод для своего небольшого городка с населением в 10 000 чел., а знатные люди мешают этому делу. Священник проходит и через горнило революции – тот же путь и Федора Ивановича [1, с. 574]. Здесь явно прослеживается сходство с его биографией.

Нельзя не отметить в деятельности этого человека, пожалуй, главное дело его жизни, за что впоследствии Владимирский получил звание Почетного гражданина города. Речь идет об устройстве городского водосбора. Каких небывалых усилий это стоило отцу Федору, мы можем лишь догадываться. В письмах Горький называет Владимирского «Арзамасским Моисеем». Только Моисей смог добыть воду одним лишь ударом палки по камню, а вот Федору Ивановичу пришлось положить на это несколько десятков лет [3, с. 3].

Будучи неравнодушным в отношении многих проблем города, он инициировал и создание водопровода. Свою общественно-значимую деятельность Владимирский начал с должности гласного городской Думы. Находясь на этом посту, он всячески пропагандировал строительство водосбора [5, с. 94]. Ф.И. Владимирский сумел найти выход из затруднительного финансового положения: предложил использовать деньги, оставленные арзамасскими купцами П.И. Серебренниковым и И.С. Белоусовым в размере 40 тыс. руб. [7, с. 4]. В доказательство своих предположений он лично провел исследование источников Мокрого оврага и выпустил в свет «Записку об устройстве водосбора». В этой записке, составленной при помощи инженера Е. Кнорре, было проведено территориальное и геологическое заключение источников [8]. В результате общественными, в т.ч. и личными усилиями Владимирского, 1 мая 1911 г. была открыта водонапорная башня, а 22 января 1912 г. состоялось торжественное открытие водопровода [9, с. 11]. Впоследствии, уже при Советской власти, Ф.И. Владимирский был избран членом постоянного бюро Всесоюзных водопроводных и санитарно-технологических съездов.

За свою активную общественную деятельность отцу Федору часто приходилось терпеть упреки со стороны епархиального начальства, которое нередко указывало на то, чем ему было необходимо заниматься по роду своего занятия [10, с. 75]. Тем не менее Ф.И. Владимирский продолжал трудиться на благо родного города. Вплоть до самой смерти он был рачительным хозяином того, что досталось Арзамасу с таким большим трудом. Умер Федор Иванович 9 июня 1932 г., не дожив год до своего 90-летия. Решением Арзамасской городской Думы от 27 ноября 1996 г. Ф.И. Владимирскому было присвоено звание «Почетный гражданин города Арзамаса».

Источники и литература

1. Еремеев П. В. Арзамас-городок: рассказы о былом. – Арзамас: Юпитер, 1998. – 586 с.

2. Бойович М.М. Члены Государственной Думы. Второй созыв. – М.: Тип. Сытина, 1907. – 519 с.

3. Панкратов В.М. Арзамасский Моисей // Правда. – 1993. – 16 октября, 19 октября, 22 октября.

4. Ермишин И. Святая вода // Арзамасская правда – 1992. – 25 декабря.
5. Горький М. Книга о Леониде Андрееве. – М.: Изд-во З.В. Гржебина, 1922.
6. Каплун М. Сказ о воде // Арзамасская правда. – 1962. – 8 апреля, 14 апреля, 15 апреля.
7. Каляев В. Барская прихоть помещика Стобеуса // Арзамасские ведомости. – 2015. – 14 мая.
8. Владимирский Ф.И. Записка об устройстве водосбора из источников Мокрого оврага в городе Арзамасе. – Арзамас: Тип. Доброхотова, 1915. – 70 с.
9. Булыгин В. Главнейшее из удобств // Арзамасские новости. – 2002. – 2 февраля.
10. Иванов А.А. Очерки и рассказы. – Чебоксары: Чебоксаркская типография, 2001.

БРАТЬЯ СЕРЕБРОВСКИЕ – РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ИЗ СЕЛА СЛИЗНЕВО АРЗАМАССКОГО УЕЗДА

Е.И. Маслова[1], А.И. Щетинин[2]
[1] Независимый исследователь, г. Нижний Новгород
E-mail: schetinina.katerina@yandex.ru;
[2] Независимый исследователь, г. Арзамас
E-mail: aleksej-shhetinin@mail.ru

Статья посвящена молодым революционерам из села Слизнево Арзамасского уезда Владимиру и Павлу Серебровским. Рассматривается их происхождение, приобщение к идеям народничества, роль в деятельности нижегородского кружка. Отдельное внимание уделено анализу их судебного дела.

Ключевые слова: *братья Серебровские; революционеры; народничество; кружок; судебное дело.*

Явная ограниченность т.н. «Великих реформ» Александра II стала одной из причин нарастания в стране во второй половине XIX века оппозиционного движения, представленного различными течениями и группировками. В 1860–1870-х гг. особого подъема достигло народничество (причем народничество революционное, или «действенное»), идеологи которого выступали за переход России к социализму через крестьянскую общину, минуя капитализм. Свои основные цели они видели в ликвидации феодально-крепостнических пережитков, справедливом наделении крестьян землей, а также в демократизации общественного строя. Идейными лидерами народничества были Михаил Бакунин, Петр Ткачев и Петр Лавров. «Бунтарская» теория Бакунина, преобладавшая среди народников в 1870-х гг., рассматривала русского крестьянина как бунтаря по природе, уже готового к революции. Задача же интеллигенции, по мнению Михаила Александровича, заключалась в том, чтобы при помощи социалистической пропаганды сплотить разрозненные крестьянские бунты в одну мощную всероссийскую революцию. Для этого в 1874 г. было организовано т.н. «хождение в народ», охватившее 37 губерний, в т.ч. и Нижегородскую. Здесь возник пропагандистский кружок под руководством Александра Ивановича Ливанова, в который входили учащиеся семинарии, студенты, революционно

настроенная молодежь. Были среди них и уроженцы Арзамасского уезда – братья Владимир и Павел Серебровские.

Они родились в селе Слизнево Арзамасского уезда в семье священника Спасской церкви Петра Семеновича Серебровского. Служивший в приходе в течение 40 лет (с 1854 по 1894 г.) П.С. Серебровский пользовался большим уважением как среди своих прихожан, так и среди представителей уездного духовенства. В 1861 г. им было открыто училище, которое располагалось в его собственном доме. Священник безвозмездно учил крестьянских детей грамоте и закону Божьему [1, д. 275, л. 82 об.]. У Петра Семеновича и его жены Анны Павловны было девять детей – трое сыновей и шесть дочерей. Старший сын Владимир родился в 1855 г., Павел – два года спустя. Первоначально жизнь мальчиков была типичной для детей духовенства того времени. Успешно завершив обучение в Арзамасском духовном училище, Владимир поступил в Нижегородскую духовную семинарию; Павел же закончил свое обучение в Арзамасе. Сохранился список для чтения, составленный учителем русского языка для Павла Серебровского. Он свидетельствует, что мировоззрение юноши формировали романы А.И. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, книги и статьи писателей-демократов Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева, западноевропейских социалистов Ф. Лассаля и П.Ж. Прудона, брошюры по рабочему вопросу в России и Западной Европе, а также материалы по истории, географии, математике, химии [2, с. 6].

После обучения братья не пошли по стопам отца, избрав для себя гражданскую службу. В начале 1870-х гг. Владимир поступил писцом в Нижегородское губернское правление и проживал в собственном небольшом домике, куда вскоре перебрался и младший брат Павел. Вероятно, именно тогда братья Серебровские вдохновились идеями народничества и вступили в конце 1873 г. в революционный кружок А.И. Ливанова. К весне 1874 г. квартира Серебровских превратилась в настоящий штаб для участников кружка. Кроме того, здесь находили себе временное прибежище пропагандисты из Петербурга и Москвы Н. Аносов, Д. Аитов, М. Нефедов, Н. Теплов, А. Лукашевич. Последний оставил об этом следующую запись: *«Приказчик, после краткого разговора, дал мне в провожатые мальчика, и мы с ним пошли через весь город, почти к самому острогу. Там стоял в конце пустынной улицы небольшой одноэтажный домик. Мальчик довел меня до него, сказал, что надо постучаться в первое окно, а сам куда-то исчез. Обитателями домика оказались два брата Серебровские. Старший служил писцом в какой-то канцелярии, а младший прежде учился в духовном училище, но должен был уйти оттуда вследствие какой-то истории. Оба брата были очень молоды. Их квартира служила как бы станцией для всех народников, направлявшихся на Волгу или возвращавшихся снизу»* [3, с. 24].

Лукашевич прибыл на квартиру Серебровских летом 1874 г., где уже находились петербургские пропагандисты Усачев и Фомин. В том же году здесь жил и известный пропагандист-народник Н.К. Судзиловский, скрывшийся из Самарской губернии. Владимир Серебровский даже одолжил ему свою одежду, когда тот уезжал в Москву.

Уже позднее, во время допроса, пропагандист Фомин рассказывал, что на квартире Серебровских часто устраивались сходки, на которых говорилось о необходимости идти в народ и проповедовать анархические идеи [4, с. 109]. Здесь читались и обсуждались сочинения Бакунина «Стенька Разин», «Отщепенцы», «История одного французского крестьянина». Ливанов, будучи лидером группы, живо описывал бедственное положение простых крестьян и призывал пробудить в них желание к восстанию. Серебровские горячо поддерживали эти идеи и оказывали посильную помощь единомышленникам, останавливавшимся в их доме. Так, например, благодаря братьям Серебровским летом 1874 г. Лукашевич и Александровский обзавелись фальшивыми паспортами для поездки в Москву. Несомненно, подобные услуги оказывались и другим народникам.

Широкий размах революционного движения в Нижнем Новгороде не мог не привлечь внимание властей. Семнадцатого августа 1874 г. на квартире Серебровских был проведен обыск и обнаружено большое количество запрещенной литературы, карты, крестьянское платье, семинарское свидетельство Александровского и кошель с павловскими ножами, с которыми «ходил в народ» Ливанов. На следующий день в Нижнем Новгороде было получено письмо на имя Владимира Серебровского с подписью «твоя Раскольникова». Между строк данного письма химическими чернилами было написано другое, частью зашифрованное послание, в котором сообщалось о положении революционного дела в России [4, с. 112]. Братьев Серебровских арестовали. Уже находясь в заключении, они пытались связаться со своими сторонниками, чтобы согласовать дальнейшие показания, однако записки, тайно посылаемые ими, были перехвачены стражей. Вскоре были схвачены и другие участники революционного кружка, причем некоторых из них задержали непосредственно на квартире Серебровских. Началось следствие.

Владимир Серебровский, равно как и другие члены кружка в лице семинариста Духовского и крестьянина Биткина, признал свою виновность и дал чистосердечные показания. Некоторые усмотрели в этом слабость, другие же признавали, что изначально молодой семинарист Серебровский был малопригоден для революционных действий. А.О. Лукашевич вспоминал: *«Не знаю, по каким соображениям и кем собственно были первоначально „вовлечены“ эти как будто и симпатичные, но совсем мало развитые и далеко не сознательные юноши. Я даже не уверен в том, что привлечение их к „практике“ нашего дела не произошло как-нибудь само собой, неумышленно и „по инерции“. Возможно, что один кто-нибудь, случайно, только раз переночевал у них, да в порыве откровенности рассказал всю правду – кто он и куда идет... Другой, по примеру первого, тоже соблазнился для временного приюта укромно расположенным домиком и тоже не сдерживал языка перед такими хорошими парнями. А потом нагрянула уже целая компания, да так оно и пошло. В мое время братья Серебровские уже считались как бы „своими“: знали многое и многих, оказывали посильное содействие в разных мелких заботах по части „снаряже-*

ния“... В это время показалось бы уже и неловким, даже несправедливым особенно как-нибудь секретничать перед ними» [3, с. 24].

Владимир и Павел некоторое время содержались в тюрьме Нижнего Новгорода. Их дело было приобщено к делу «О пропаганде в Империи», известное также как «Дело 193-х», по числу обвиняемых. На время подготовки к суду (а она заняла два года) братья были освобождены из заключения. Владимира освободили до решения дела 5 февраля 1875 г. и передали под особый надзор полиции; с Павла же обвинения были сняты, и впоследствии он проходил по делу лишь как свидетель [5, стб. 1472]. В 1877 г. Владимира снова арестовали и отправили в Петербург для судебного разбирательства. Суд проходил в Особом присутствии Правительствующего Сената с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г. Этот процесс при закрытых дверях имел широкий резонанс не только среди русского общества, но и за рубежом. Подсудимые обвинялись в подготовке к ниспровержению порядка государственного строя, к совершению различного рода преступлений, истреблению чиновников и зажиточных людей [6, с. 9, 104]. Владимир Серебровский подтвердил чистосердечные показания, данные им на предварительных допросах. Суд, приняв это во внимание, признал его невиновным. Однако за ним, как за политически неблагонадежным лицом, устанавливался негласный надзор полиции. Всего было оправдано около 90 обвиняемых, 28 человек были приговорены к каторге на срок от 3 до 10 лет, 36 – отправлены в ссылку, в т.ч. и руководитель нижегородского кружка Ливанов.

Как сложилась судьба Владимира Серебровского после окончания дела, точно неизвестно. По воспоминаниям Александра Павловича, сына П.П. Серебровского, тюремное заключение и суд пагубно отразились на здоровье Владимира Петровича [7, с. 160]. Вскоре после освобождения он заболел и умер в Нижнем Новгороде. Точная дата его смерти и место захоронения неизвестны.

Павел же переехал в Уфу, завел семью, получил работу управляющего деревообрабатывающей фабрики. Скончался он 6 октября 1925 г. Его младший сын Александр впоследствии стал заметной фигурой среди «капитанов» социалистической индустрии. В советское время А.П. Серебровский руководил крупнейшим нефтяным трестом «Азнефть», а в 1932–1937 гг. являлся заместителем наркома тяжелой промышленности СССР. В период массовых репрессий он был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и казнен 10 февраля 1938 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР. В 1956 г. его посмертно реабилитировали.

Пропагандисты-народники вписали важную страницу в историю нашей страны. Свою роль здесь сыграли и уроженцы Арзамасской земли братья Серебровские.

Источники и литература

1. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 558.

2. Серебровский А.П. На нефтяном фронте / под ред. Ю.В. Евдошенко. – М.: Нефтяное хозяйство, 2015.

3. Лукашевич А.О. В народ! (из воспоминаний семидесятника) // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения (СПб.: Типо-Литография «Энергия»). – 1907. – № 3 – С. 1–44.

4. Процесс 193-х [судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в особом присутствии Сената с 18 окт. 1877 по 23 янв. 1878 г.] / с предисл. В. Каллаша – М.: В.М. Саблин, 1906.

5. Деятели революционного движения в России: Биобиблиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 4: С–Я / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932.

6. Государственные преступления в России в XIX веке: сб. полит. процессов и др. материалов, относящихся к истории революц. и оппозиц. движений в России. Т. 3: (Процесс 193-х) / сост. под ред. [и с предисл.] Б. Базилевского (В. Богучарского). – СПб.: Типо-Литография «Энергия», 1904.

7. Серебровский А.П. На золотом фронте – М.: АН СССР, 1936.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА НАЕМНЫХ РАБОЧИХ В АРЗАМАСЕ И АРЗАМАССКОМ УЕЗДЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

О.В. Ефимов

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: istros2008@rambler.ru

В статье рассматриваются проблемы капиталистической эксплуатации. На местном историческом материале анализируются особенности капиталистических отношений в конце XIX – начале XX века.

Ключевые слова: *наемный рабочий; эксплуатация; капитализм; заработная плата; условия труда; кустарные промыслы; предприниматель.*

В 1914 г. на 36 предприятиях города Арзамас работали более 1 тыс. рабочих; объем перерабатываемого сырья в денежном отношении возрос по сравнению с 1899 г. с 500 тыс. руб. до 2 млн руб.

В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» (1899) заметил, что фабрично-заводская статистика отражает лишь незначительную часть развивающейся капиталистической промышленности, что этот процесс значительно глубже. Он показал, как рыночные отношения проникают в деревню, как капиталистическая эксплуатация скрыта кустарным промыслом при использовании труда крестьян и ремесленников на дому.

Статистика насчитывала в Арзамасе в 1890 г. всего шесть кожевенных заводов с 64 рабочими; и это – лишь небольшая частичка капиталистической мануфактуры, обнимавшей промыслы скорняжный, сапожный и др. Те же заводчики нанимали рабочих на дому и в городе Арзамасе (в 1878 г. их насчитывалось до 400 чел.), и в пяти подгородных селениях, где из 360 домов скорняков 330 работали на арзамасских купцов из их материала.

В.И. Ленин выявил внутреннюю связь кустарно-промыслового предпринимательства с развивавшейся капиталистической фабрикой и показал, что в Арзамасе и ближайших исторически сложившихся центрах кустарного производства (селах Выездной слободе, Красном и Кирилловке) постепенно развивалось фабричное производство. С технической стороны это – ручное производство. Организация работы – кооперация, основанная на разделении труда. Кооперация эта – капиталистическая, ибо во главе ее стоит крупный капитал. Громадное большинство производителей превратилось уже в детальных рабочих, работавших на предпринимателей при крайней степени эксплуатации и в антигигиенических условиях.

Крупные промышленники, имея значительные средства и возможности неограниченного кредита в городском общественном банке, быстро увеличивали капиталы за счет эксплуатации крестьян, ставших в результате малоземелья более дешевой рабочей силой, в т.ч. и высококвалифицированной [1, с. 112].

Положение рабочих в кожевенном производстве было настолько тяжелым и вредным для здоровья, что Арзамасское земское собрание вынуждено было выработать для кожевенных заводов специальные правила, требовавшие чистоты на рабочих местах, тепла и света. *«Если выполнить все эти требования, – отвечал заводчик Бебешин, – то какие это расходы. А к чему?»* [2, с. 157].

Не лучшие условия труда были у войлочников: *«Работают нагие в температуре 22–24°. В воздухе носится тонкая и нетонкая пыль, шерсть и всякая дрянь из нее. Пол на “фабриках” земляной (именно в стирнях)…»* Скорняки трудятся на своих хозяев по 14 часов в сутки за 6–9 руб. в месяц, *«поэтому-то они – народ бледнолицый, слабосильный, вырождающийся»*.

Люди работали в тесных клетушках с плохим освещением в пару, грязи и удушливом зловонии. В таких условиях работали и подростки, в т.ч. и девочки. Туберкулез косил людей в возрасте до 40 лет.

Внутренний порядок на фабриках поддерживали мастера. В своих корыстных интересах они часто штрафовали и обсчитывали рабочих, особенно женщин и детей. Система штрафов порой лишала половины заработной платы.

Одинокие рабочие жили в грязных и тесных общежитиях при фабриках, многие приходили на работу из близлежащих сел. Если рабочие оставались ночевать на фабрике (что было часто в связи с непогодой), то спали на полу или на столах, где работали. В обеденный перерыв ели здесь же – на своих рабочих местах.

Не легче был труд и жизнь кустарей. Ремесленный труд обесценивался, не выдерживал конкуренции товаров фабричного производства. Жизнь арзамасских кустарей-ремесленников корреспондент «Нижегородских губернских ведомостей» описал в 1869 г. так: *«Ближе к концу города каменных домов более не видно, деревянные же глядят как-то уныло. Многие погнили, покачнулись набок, иные вросли в землю. Луч света с трудом прокрадывался в них сквозь позеленелые стекла. Нужда и горе выглядывают со двора, через покачнувшуюся калитку. Тут приютился какой-нибудь бедный скорняк, дни и ночи проводя-*

щий за своей грубою и неблагодарною работой, окруженный кучей детей и больной женой, умирающей, быть может, без всякого пособия» [2, с. 157–158].

В начале XX века положение кустарей и рабочих не улучшилось. Развитие рыночных отношений усилило эксплуатацию и деформацию общества, что впоследствии станет одной из причин социальных потрясений [2, с. 398.]

В качестве примера можно обратиться к «Товариществу А.Н. Будылина и Г.Г. Кащеева» – владельцев ломовского спиртзавода, купцов, членов земской управы. На их весьма доходном предприятии трудилось 380 чел. Рабочий день длился 12–15 часов. Заработки рабочих не превышали 7–8 руб. в месяц. Не все рабочие выдерживали высокую интенсивность труда, антисанитарные условия, отсутствие социальных гарантий. Многие уходили, но нужда заставляла беднейшее крестьянство соглашаться на мизерную заработную плату и тяжелые условия труда.

А.Н. Будылин в 1909 г. стал владельцем кошмовальной фабрики; там условия труда и оплата были не лучше.

На пивоваренном заводе, принадлежавшем наследникам купца И.И. Стригулина, зарплата работников не превышала 9 руб., условия труда тяжелые, антисанитарное состояние цехов [3, с. 14].

К 1914 г. в Арзамасском уезде было четыре винокуренных завода, и везде заработная плата была одинаково низкой (по всей вероятности, это был сговор предпринимателей).

В среднем по России в 1902–1913 гг. самая низкая заработная плата была у поденных рабочих – 10–15 руб., у чернорабочих – 30 руб. У представителей интеллигенции хуже всего оплачивался труд народных учителей – 15–20 руб. Учитель гимназии получал от 60 до 170 руб., профессора и инженеры – 170–250 руб.

Если рассматривать оплату работников кошмовальных и войлочных фабрик, то она не превышала 10 руб., за редким исключением – 15 руб. Следует учитывать также тяжелые условия труда. Но в целом, по Арзамасу и Арзамасскому уезду зарплата была ниже зарплаты неквалифицированных рабочих, которая считалась общепринятой по стране среди работодателей.

В Арзамасе не было предприятий с высококвалифицированным трудом (средняя зарплата металлистов доходила до 50 руб., монтеров – 70–80 руб., машинистов – до 100 руб. в месяц). Но представителей этих специальностей в городе были единицы, они, конечно, не составляли основную массу населения.

Существовавшая система скупки и реализации изделий кустарного промысла давала возможность сильно обогащаться скупщикам, в то время как рабочие-кустари при этом едва сводили концы с концами. Например, по данным земства, скупщики покупали у изготовителей шкафы по 17 руб. за штуку, а перепродавали их по 35 руб. Столы скупались по 7 руб. за штуку, а перепродавались по 15 руб., сотня рогож отдавалась кустарем за 9–10 руб., а скупщик перепродавал по 14–15 руб. и т.д. Очень часто скупщики платили рабочему не деньгами, а продуктами, как правило, ему и не нужными, причем по завышенным ценам. Такая ситуация способствовала появлению тонкой прослойки

состоятельных купцов и торговцев, с одной стороны, и большой массы бедных кустарей – с другой.

После Февральской революции положение рабочих, несмотря на существование в городе Совета рабочих депутатов, только ухудшалось. Советы восполняли роль профсоюзов и реально воздействовать на предпринимателей не могли. О положении работниц кошмовальной фабрики А.В. Жевакина свидетельствует жалоба работниц в Совет: *«Нам приходится работать 2–3 дня или даже неделю не работаем. Явка на работу производится ежедневно, если даже работы нет – а работаем сдельно. Живем в селах, добираться трудно. Хозяин давно уже не выплачивает зарплату за сделанную продукцию. Мы работаем сдельно, то есть каждая из нас должна сделать в день полторы кошмы и получить за это 1 руб. 15 коп. А мужчина делает 2 кошмы того же размера и получает за каждую кошму 2 руб. 70 коп. А за 2 – 5 руб. 40 коп. Ввиду чего мы желаем, чтобы нам за полторы кошмы платили ту же стоимость, считая так – кошма по цене 2 руб. 70 коп. и полкошмы – 1 руб. 35 коп., всего – 4 руб. 5 коп., и желательно, чтобы работа была ежедневно, а не как прежде – в неделю 2 или 3 дня»* [4, д. 2а, л. 153].

После Февраля заработки поднялись, но деньги обесценились. Предприниматели в этих условиях находили для себя выгоду. Они «дифференцированно» подходили к оплате труда. За одинаковую работу детям, женщинам и мужчинам платили по-разному. Существовала открытая дискриминация работников в оплате труда.

Тяжелые условия труда, низкая оплата, отсутствие медицинской помощи пагубно влияли на продолжительность жизни арзамасцев. Во многих уголках России был невысокий рост населения. Однако в центральной ее части была очень высокая рождаемость и самая низкая продолжительность жизни населения. В Арзамасе же и в уезде ситуация была аномальной – небольшая рождаемость сопровождалась достаточно высокой смертностью. Так, например в 1905 г. в Арзамасе насчитывалось всего 11 578 жителей, из них мужского пола – 5 230, женского – 6 348. Число родившихся составляло всего 459 чел., число умерших – 350 чел. Прирост населения низкий. К 1916 г. ситуация изменилась. Смертность начала сравниваться с рождаемостью. В самом крупном пригородном селе – Красном – за пятилетие 1894–1899 гг. население увеличилось всего на семь человек, а в 1916 г. смертность превысила рождаемость [2, с. 160].

По тем временам это были из ряда вон выходящие показатели.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. В 55 томах. Т. 3. – М: Изд-во полит. литературы, 1986.

2. История Арзамаса / авт. кол.: О.В. Воробьева, В.И. Грубов, А.Л. Егошин и др.; отв. ред. О.В. Ефимов; администрация г. Арзамаса, Арзамасский филиал ННГУ. – Саранск: Красный Октябрь, 2015.

3. Гордеевцев И.А. Путь длиною в шесть поколений. – Н. Новгород: Барс XXI век, 2004.

4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-23. Оп. 3.

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ АРЗАМАСА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

А.А. Исаков[1], Е.А. Пичугина[2]
Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
кафедра истории и обществознания,
[1]доцент, [2]магистрант
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: Blauer-Reiter@yandex.ru

Статья посвящена эволюции института попечительства в профессиональном образовании Арзамаса. Хронологические рамки охватывают пореформенный период, преимущественно 1870–1910-е гг. В статье показано, что за счет попечительства удавалось решать такие задачи, как бесплатная медицинская помощь, бесплатный доступ к учебной литературе, бесплатное горячее питание учащихся. Однако соединить эти достижения в рамках одного учебного заведения не удалось.

Ключевые слова: *профессиональное образование; либеральные реформы; попечительство; Арзамас; духовное училище; учительская семинария; школа ремесленных учеников.*

Первым профессиональным учебным заведением в городе стало Арзамасское духовное училище. Духовные училища представляли собой тип учреждения начального (низшего, как говорили в то время) профессионального образования; в них можно было поступить после окончания сельской или городской приходской школы, пройдя годичное обучение в подготовительном классе. С 1884 г. четыре класса училища соответствовали первым трем классам гимназии, т.е. давали еще и основное среднее образование. Выпускник духовного училища не обязательно становился священником. Желанным для многих бурсаков вариантом развития карьеры была должность учителя в начальной школе. Тем более, что в духовном училище можно было официально сдать экзамен на учительское звание. В школах уезда такой педагог мог совмещать должность законоучителя, что давало ощутимую прибавку к жалованию при небольшом увеличении нагрузки.

Некоторые формы благотворительности мы наблюдаем только в Арзамасском духовном училище. Здесь, видимо, впервые в городе всерьез задумались о систематической медицинской помощи учащимся. Два десятилетия проблема эта решалась за счет одного-единственного человека. В октябре 1869 г. смотритель училища сообщал епископу Филарету, что *«Арзамасский градский врач коллежский советник и кавалер Николай Гаврилович Рачинский, состоя на службе в г. Арзамасе с 1850 года, с всегдашнею готовностью принимает у себя на дому заболевающих воспитанников училища и посещает больных на их квартирах, без всякого вознаграждения»*, – и просил епархиального архиерея исходатайствовать Н.Г. Рачинскому орден св. Станислава 2-й степени. Наверное, это не было такой уж большой благодарностью за почти два десятилетия непрерывной и безвозмездной борьбы за здоровье учеников [1, д. 6, л. 6].

Одновременно с Н.Г. Рачинским к награде был представлен *«Почетный блюститель по хозяйственной части при Арзамасском духовном училище,*

лейб-гвардии поручик Сергей Алексеевич Кожевников». Он *«…со времени определения его в должность почетного блюстителя 22 августа 1866 года внес пожертвований на училище 730 рублей»*. Как показывают приложенные документы, С.А. Кожевников внес в 1866 г. 100 руб., в 1867 г. – 200 и еще 30 на больницу для учеников, в 1868 и 1869 гг. – по 200 руб. и претендовал на орден св. Станислава 3-й степени [1, д. 6, л. 6 об., 8]. Для нас здесь важно то, что при С.А. Кожевникове училище находит новый способ беречь здоровье бурсаков – при нем открывается настоящая, хотя и очень маленькая, больница. Именно с ней во многом связаны в дальнейшем усилия почетных блюстителей.

Тринадцатого ноября 1874 г. смотритель училища архимандрит Макарий вновь обратился в епархию с просьбой о поощрении благотворителей: *«Прилагая при сем наградной список Почетных блюстителей по хозяйственной части Арзамасского Духовного училища и больницы временного Арзамасского 2-ой гильдии купца крестьянина собственника села Выездновской Слободы Сергея Везовова и Потомственного почетного гражданина Арзамасского 2-ой гильдии купца Сергея Бебешина долгом почитаю почтительнейше представить вниманию Вашего Преосвященства следующее: Почетный блюститель по хозяйственной части училища Сергей Васильев Везовов и Почетный блюститель по училищной больнице Сергей Николаев Бебешин, состоя в должности Почетных блюстителей с 25 ноября 1871 года, они, сочувственно относясь к нуждам училища, делали вспомоществования на улучшение училищного хозяйства. Так Везовов в продолжение всей службы внес на нужды училища 375 р. и кроме того снабжал в случаях надобности кошмами, а Бебешин внес на нужды больницы 450 р. И кроме того сменил на собственные средства деревянную больничную посуду на металлическую. Пожертвования эти могут показаться не вполне значительными, но принимая во внимание, с одной стороны, горячее усердие обоих и готовность помогать нуждам училища, а с другой стороны для поощрения их к большим пожертвованиям на пользу училища – осмеливаюсь почтительнейше просить ходатайства … о награждении крестьянина Везовова и купца Бебешина серебряными медалями для ношения на шее на орденской ленте св. Станислава»* [1, д. 76, л. 9, 9 об., 10]. Из приложенных документов следует, что С.В. Везовов платил по 125 руб. в год, С.Н. Бебешин – по 150, а металлической посуды было закуплено на 50 руб. [1, д. 76, л. 11 об.–12].

Однако епископом к тому моменту стал Иоанникий, имевший, видимо, несколько иной взгляд на дело. Ответ епархиальной канцелярии от 6 января 1875 г. сводился к следующему: во-первых, наградной лист в принципе не может быть оформлен на два лица сразу; во-вторых, в училище не может быть двух Почетных блюстителей без разрешения епископа, и поэтому одного из попечителей нужно представить к награде как рядового благотворителя [1, д. 76, л. 13–13 об.]. В ответ смотритель училища сообщал, что две должности Почетных блюстителей были введены с согласия предыдущего епископа Филарета его же резолюциями от 24 и 25 ноября 1871 г. [1, д. 76, л. 16]. Новый епископ, судя по всему, не оценил усилий по созданию училищной больницы, которая, как видно из приведенных документов и цифр, стала главным достижением

в деле улучшения быта учащихся. Смотритель училища архимандрит Макарий в 1871 г. смог выбить должность второго почетного блюстителя конкретно для больницы, и его вклад оказался даже большим, чем вклад почетного блюстителя самого училища. Судя по следующему документу, епископ все же изменил свое мнение, и награды нашли благотворителей.

Несмотря на то, что часть выпускников духовного училища и женской гимназии шли работать учителями земской школы, нехватка качественных педагогических кадров оставалась острой. Проблема была в том, что во всех перечисленных учебных заведениях не учили учить, не давали методической подготовки. Чтобы компенсировать этот пробел, в России начали открывать учительские семинарии – всесословные учебные заведения с трех–четырехлетним курсом обучения, в котором упор делался на методику преподавания. Поступать в них, как и в духовные училища, могли выпускники уездных и городских начальных школ в возрасте 15–17 лет (юноши и девушки при этом могли учиться как вместе, так и раздельно). Однако диплом учительской семинарии не давал права поступать в высшие учебные заведения – мы, таким образом, снова имеем дело с формой начального профессионального образования, дающего вместе с профессией лишь основное среднее образование. Интересно, что в семинариях была принята система, похожая на распределение, – студент, обязавшийся после выпуска четыре года проработать по специальности, получал право на выплату стипендии.

В Арзамасе семинария открылась в 1908 г. Ввиду бесплатности обучения конкурс в семинарию был большим: в первый раз отбор прошли лишь 30 из 80 абитуриентов. Однако отсутствие платы за обучение привело к тому, что во избежание потери или порчи книг пришлось брать плату за пользование ими. Понятно, что платный характер библиотеки сказывался на эффективности обучения. Проблемой было и расселение студентов по квартирам. В тех учебных заведениях, где была принята плата за обучение и проживание, эти проблемы решались обращением к соответствующим сословным корпорациям города и уезда. Земство платило за детей крестьян, купечество, мещанство и цеховые ремесленники – за своих. Формально бесплатной семинарии приходилось рассчитывать только на чистую благотворительность.

В 1911 г. педагогический состав семинарии решил создать Общество вспомоществования нуждающимся ученикам Арзамасской учительской семинарии. Его устав гласил, что целями Общества являются: 1) *«снабжение книгами бесплатно или со скидкой»*; 2) улучшение одежды, пищи, условий проживания и получаемой медицинской помощи; 3) *«назначение в исключительных случаях денежных пособий»*; 4) устройство экскурсий, литературных вечеров и т.п. Постоянный член общества должен был единовременно внести не менее 30 руб., почетный – не менее 100. Учредителями общества выступили директор семинарии Василий Логинов, священник Богословской церкви (и духовник училища) Александр Доброхотов, учитель Михаил Михайлович Соколов, наставники Алексей Петрович Цветаев, Александр Авксентьевич Копылов, Владимир Данилович Рудницкий [2, д. 33, л. 6–9 об.].

В 1912 г. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Арзамасской учительской семинарии был опубликован. Новый директор семинарии Вячеслав Григорьевич Тихальский таким образом призывал арзамасских благотворителей к участию в Обществе. Однако отклик получился не таким дружным, как в случае с Арзамасской Екатерининской гимназией и Кирилло-Мефодиевским братством, которые имели приоритет в использовании подобной формы организации благотворительной помощи. Изданный в следующем году отчет Общества уместился на семи страницах [3; 4]. Один и тот же круг благотворителей по самым простым финансовым соображениям не мог одинаково поддерживать все учебные заведения, возникшие в городе за одно десятилетие.

На рубеже столетий настоятельно стала чувствоваться потребность в целенаправленной подготовке не только учителей. Промышленное развитие России резко подняло спрос на квалифицированных рабочих. Поначалу высокую квалификацию можно было получить, лишь работая на самых современных предприятиях (коих было немного) или на железной дороге. Но рост промышленности и транспорта к 90-м гг. XIX века стал существенно опережать темпы подготовки кадров непосредственно на производстве. В 1893 г. Министерство народного просвещения издало Положение о школах ремесленных учеников. Впервые идея открытия такой школы в Арзамасе обсуждалась в 1899 г. – инициатором был тогдашний глава города А.И. Бебешин. Ему удалось найти понимание у нижегородского губернатора Н.М. Баранова – в ноябре 1900 г. на уровне Нижегородской губернии была создана комиссия о соответствии профессиональных училищ условиям местной промышленности в составе А.Б. Нейдгарта, А.М. Меморского, И.П. Кутлубицкого и священника И.З. Виноградова [5, д. 6, л. 2 об.]. В мае 1901 г. комиссия провела масштабную проверку профессионального образования в нашем крае и, собственно, не обнаружила соответствия такового нуждам промышленности. Это позволило железно мотивировать необходимость открытия в Арзамасе технической школы, но Высочайшая воля по этому поводу была озвучена лишь 11 марта 1902 г., а занятия предполагалось начать только осенью 1903 г.

Изданный в 1903 г. «Альбом городских голов Российской империи» так характеризовал главного радетеля школы – А.И. Бебешина: *«Службу по городским выборам Алексей Иванович начал в 1884 г. гласным городской Думы; затем в 1896 г. он был избран городским головой, а в 1897 г. – почетным мировым судьей. Из городских сооружений за период его службы во главе управления города заслуживают внимания следующие: устройство нового колодца и дренажа, пристройка здания городской богадельни и устройство при ней домовой церкви и переустройство пожарной каланчи. Как представитель города, Алексей Иванович участвовал в Комиссии по вопросу о проведении через г. Арзамас железной дороги. Кроме того, Алексей Иванович состоит председателем или членом во многих благотворительных учреждениях: в Попечительстве детских приютов, в Попечительных советах богадельни и Общества призрения бедных детей, в Кирилло-Мефодиевском братстве и других»* [6,

с. 11]. Алексей Иванович завещал в неприкосновенный капитал училища купоны четырехпроцентной государственной ренты на сумму 100 руб. Умер он 22 июня 1913 г. [7, д. 104, л. 10, 16].

Однако Арзамасская школа ремесленных учеников была обязана своим возникновением еще одному человеку – московскому мещанину Мясницкой слободы Михаилу Семеновичу Колесникову. Волею судеб его сын, Алексей Колесников, стал первым учителем-инспектором школы. На момент открытия школы (1 июля 1903 г.) Алексею Михайловичу было 27 лет, он окончил Комиссаровское техническое училище в Москве и последние четыре года проработал в Нижегородской школе ремесленных учеников [7, д. 6, л. 9 об.]. Михаил Семенович, многое сделавший для народного образования в Подмосковье (и, видимо, повлиявший на профессиональный выбор сына), горячо включился в дело оборудования Арзамасской школы ремесленных учеников. Первый комплект станков и верстаков был прислан им в дар со своего производства в Москве. В дальнейшем М.С. Колесников продолжал помогать школе, и в 1911 г. ее коллектив ходатайствовал о представлении М.С. Колесникова к золотой медали. К тому моменту Михаил Семенович уже имел серебряную медаль на ленте св. Станислава за многолетнюю помощь земским школам Подмосковья. 21 июля 1911 г. московский губернатор (а ходатайствовать пришлось перед ним) разрешил наградить благотворителя золотой медалью на ленте ордена св. Анны – более высокой награды ни мещанин, ни купец ожидать не могли. Тем не менее бюрократические проволочки продолжались до ноября [7, д. 81, л. 16, 26, 39, 41]. Хотя А.М. Колесников покинул училище 3 сентября 1914 г. [7, д. 115, л. 10], отношения с Михаилом Семеновичем поддерживались. Телеграмма о его смерти 8 февраля 1917 г. стала поводом для проведения целого комплекса траурных мероприятий [7, д. 167, л. 4].

Попечительный совет школы сначала возглавил Иван Алексеевич Поляков. В него входили также А.И. Бебешин, И.А. Смирнов и А.М. Колесников. Однако осенью 1906 г. начинается бурный рост членства в совете. Процитируем для наглядности протокол от 12 ноября: *«По открытии заседания, по предложению господина Председателя, единогласно были избраны в Почетные члены Совета согласно Высочайше утвержденного 24 апреля 1905 г. мнения Государственного Совета о попечительствах при промышленных училищах, следующие лица: 1) сенатор, тайный советник Николай Андреевич Зверев как принимавший горячее участие в учреждении школы; 2) уездный исправник Арзамасского уезда, статский советник Владимир Семенович Сафонов и 3) арзамасский купец Павел Пафнутьевич Никитин, как горячо принимавший живое участие в работах строительной комиссии … и 4) московский мещанин Михаил Семенович Колесников как сделавший значительное пожертвование станками для мастерской школы…»* [7, д. 46, л. 1].

Фигура Н.А. Зверева слишком примечательна для нашей темы, чтобы не посвятить ему несколько слов. Родился он в 1850 г. в промышленном селе Ворсма в семье вольноотпущенного крестьянина. Благодаря стипендии арзамасского купца Дмитрия Васильевича Хотяинцева он смог окончить Нижегород-

скую гимназию и поступить в Московский университет. С 1875 г. начинается его карьерный взлет, которым он был обязан фундаментальности образования и широте интересов. Среди занимаемых им должностей – профессор, ректор Московского университета, профессор Императорского училища правоведения, товарищ (заместитель) министра просвещения, сенатор, член Государственного Совета. Николай Андреевич скончался в 1917 г. – в разгар Февральской революции. Его биография – яркий пример плодов благотворительности наших предков и глубокой человеческой благодарности, пронесенной через всю жизнь.

Одной из ведущих забот Попечительного совета было взаимодействие с сословными обществами Арзамаса – купеческим, мещанским и ремесленным, а также уездным земством. Земство, например, обеспечивало в 1912 г. шесть стипендий по 25 руб. в год и две стипендии – по 23 руб. [7, д. 104, л. 5]. Сословные общества также нередко вносили плату за принадлежавших к ним учеников. Но главной задачей, которую решали таким способом, было обеспечение учащихся горячим питанием – ведь занятия в училище продолжались целый день. Поначалу сословные общества просто оплачивали обеды детей, чьи родители принадлежали к этим обществам. Так, в ноябре 1907 г. староста Арзамасского мещанского общества сообщал попечительству, что общество согласно оплачивать обеды пятерых учеников с 1 декабря 1907 г. по 15 июня 1908 г. из расчета 1 руб. 30 коп. на человека в месяц [7, д. 46, л. 21–21 об.]. Нетрудно посчитать, что речь шла о сумме в 42 руб. 25 коп. Купеческое общество просто выделяло на содержание столовой 100 руб. в год [7, д. 46, л. 18], ремесленное – от 20 до 50 руб. [7, д. 46, л. 22; д. 115, л. 9]. Целевые взносы на столовую делали члены Попечительного совета – от 10 до 50 руб. [7, д. 46, л. 24]. По 50 и 100 руб., соответственно, выделяли уездное и губернское земства [7, д. 135, л. 15; д. 115, л. 5].

Однако попечительство стремилось решить вопрос раз и навсегда. Вот как характеризовалось положение дел в 1913 г.: *«Столовая при Арзамасской школе ремесленных учеников выдает бесплатные обеды (из двух блюд) и вечерний чай с хлебом ученикам школы, так как весь состав учащихся состоит из детей беднейшей части населения. ... Необходимость школьной столовой обусловливается тем важным обстоятельством, что учебный день в школе продолжается с 8 часов утра до 6 с четвертью часов вечера. ... Школьная столовая предоставляет ученикам самую простую пищу – щи и кашу. Такой обед, вместе с вечерним чаем, составляет ежедневный расход на каждого ученика около 5–6 копеек, что в течение месяца на всех учеников составляет около 140 рублей. Средства Попечительства крайне малы…»* На этом основании делался вывод о необходимости содержания бесплатной столовой для всех учеников. До войны эту проблему решить не успели, и лишения военного времени лишь обострили ее. В январе 1916 г. Арзамасское купеческое общество уже не нашло денег на традиционную субсидию (хотя ремесленники и земцы по-прежнему оказывали финансовую помощь) [7, д. 149, л. 3].

В ноябре 1916 г. столовая оказалась на грани закрытия. В городе нельзя было достать крупы, и даже обращение к городской управе не помогло – крупы не было не только в продаже, но и на городских складах. Чтобы хоть как-то по-

мочь школе, в число попечителей вступает городской голова Николай Михайлович Щегольков. Ему удалось объединить общественные организации Арзамаса для помощи школе ремесленных учеников: городская Дума на 1917 г. выделила 500 руб., уездная управа – 200 (вчетверо больше, чем обычно), губернское земство – 100, ремесленная управа – 25 и купеческое общество – 50 руб.; кроме того, было принято два новых почетных члена и два новых члена-соревнователя [7, д. 149, л. 1–4, 6–6 об., 7, 11, 14, 18–19].

Эта финансовая поддержка позволила уже летом этого года преобразовать Арзамасскую школу ремесленных учеников в ремесленное училище, т.е. перейти на следующую ступень в системе учебных заведений империи. Поступательное развитие училища на какое-то время прервала лишь Гражданская война и вызванные ею тяготы.

Итак, Арзамасское духовное училище первым в городе создало собственную больницу и обеспечило бурсаков бесплатной медицинской помощью, Арзамасская учительская семинария смогла сделать бесплатной учебную литературу, Арзамасская школа ремесленных учеников добилась организации бесплатного горячего питания. Достичь этого удалось преимущественно благодаря работе попечительств, которые объединяли усилия отдельных лиц и общественных организаций.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 26. Оп. 1.
2. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 44. Оп. 1.
3. Устав Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Арзамасской учительской семинарии. – Арзамас, 1913. – 12 с.
4. Отчет Общества вспомоществования нуждающимся воспитанникам Арзамасской учительской семинарии за 1912 год. – Арзамас, 1913. – 7 с.
5. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 10. Оп. 1.
6. Альбом городских голов Российской империи. – СПб., 1903.
7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 157. Оп. 1.

ЖЕНЩИНЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ г. АРЗАМАСА (по материалам музейных фондов)

А.Е. Щеглетова
Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
старший научный сотрудник
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9
E-mail: schegletova.lina@yandex.ru

В фондах Арзамасского историко-художественного музея хранятся личные коллекции 30 женщин-педагогов, в разные годы преподававших в образовательных учреждениях города. Многие из них за свой труд получили высокие государственные и ведомственные награды.

Ключевые слова: *Арзамас; Екатерининская женская гимназия; педагог; учитель; школа; награды; образование; коллекция; документы; фотографии.*

В фондах Арзамасского историко-художественного музея хранится коллекция по теме «Образование в городе Арзамасе». В ней – личные коллекции педагогов, в разное время преподававших в образовательных учреждениях города. Из них – коллекции 30 женщин. Многие из них окончили Арзамасскую Екатерининскую женскую гимназию, имели высокие государственные награды, Почетные грамоты, медали, в их числе «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 30]. В данной статье представлен краткий обзор наиболее значительных из этих коллекций.

Татьяна Ивановна Бабайкина (Приложение 3, фото 1) – старейший учитель города, родилась в Москве в 1875 г., через три года семья приехала в Арзамас. С 1894 г. начался ее педагогический путь, который продолжался более полувека. Она работала сельским учителем в Лукояновском уезде, затем в арзамасских школах: пятой начальной, в школах имени Ворошилова и Пушкина. С 1918 по 1944 г. была директором начальной школы № 5. Дважды избиралась депутатом Арзамасского горсовета, в 1939 г. – депутатом Горьковского облисполкома. За многолетнюю работу была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени, званием Заслуженный учитель школы РСФСР [2, с. 250–251]. В коллекции, кроме фотографий, привычных наградных документов и удостоверений, хранится также письмо учителя-фронтовика Ф.Ф. Веселова (1944 г.) с благодарностью за помощь его семье дровами от школы, избирательные листовки, а также книга И.А. Печерниковой «Учитель-орденоносец Т.И. Бабайкина» с дарственной надписью Арзамасскому музею [3].

Евпраксия Петровна Белянинова родилась в семье арзамасского мещанина в 1889 г. По окончании Екатерининской женской гимназии в 1908 г. работала учителем начальной школы в Арзамасе, а затем в с. Порецком Вадского района. Была депутатом Горьковского облисполкома. За активную трудовую и общественную деятельность награждена медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», грамотами, благодарностями, премировалась библиотекой и экскурсионной путевкой по Волге, о чем говорят записи в ее трудовой книжке. Коллекция содержит интересные дореволюционные фотографии, сделанные в арзамасской фотомастерской Л. Сажина и фотомастерских Нижнего Новгорода, портретные и групповые снимки советского периода, а также личные документы педагога [4].

Лидия Николаевна Бессонова работала в Арзамасском педучилище, заведовала начальной школой и методкабинетом гороно, затем была завучем в Пушкинской школе. В ноябре 1941 г. была мобилизована на оборонные работы, за что в 1945 г. награждена медалью «За оборону Москвы». Отличник народного просвещения, ветеран труда. Педагогическую деятельность Лидии Николаевны можно охарактеризовать по почетным грамотам, благодарностям, удостоверениям к наградам, а ее теплые искренние взаимоотношения с учениками –

по многочисленным почтовым открыткам и поздравительным адресам от ее учеников [5].

Маргарита Александровна Ботникова (Гартман) и ***Ирина Николаевна Атрощенко*** – мать и дочь, две представительницы династии пяти поколений арзамасских педагогов, история которой насчитывает более века. Все представители этой династии – высокопрофессиональные педагоги, преподававшие в разных учебных заведениях города, настоящие арзамасские интеллигенты. Педагогическая династия продолжается и сегодня. Коллекция династии Гартман – Ботниковых – Атрощенко насчитывает около 50 музейных предметов, среди которых большое количество фотографий, документов, а также личные вещи, принадлежавшие семье [6].

Александра Петровна Вереина после окончания Нижегородского епархиального женского училища работала учителем начальных классов школ Вадского района и арзамасских школ имени Чкалова и Гайдара. За свою многолетнюю профессиональную деятельность награждена орденом Ленина, Почетной грамотой Министерства просвещения РСФСР, дважды избиралась депутатом сельского совета в 1929 и 1934 гг. [7].

Валентина Николаевна Верхоглядова – кавалер ордена Ленина, Заслуженный учитель школы РСФСР – родилась в 1886 г., окончила Арзамасскую Екатерининскую женскую гимназию. Работала заведующей начальными школами в селах Новоселки, Озерки, затем была переведена учительницей в Сталинскую начальную школу (в селе Сталино; до революции – Ямская Слобода, ныне – Заречное), где проработала до пенсии. Была настоящим профессионалом своего дела, награждена медалями «За трудовую доблесть» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вела большую общественную работу, уделяя особое внимание повышению грамотности и культуры сельчан. В 1930, 1933, 1950 гг. избиралась депутатом Сталинского сельсовета [8].

Надежда Ивановна Гусева родилась в Лукояновском уезде в 1890 г., в 1909 г. окончила Екатерининскую женскую гимназию, в 1915 г. – физико-математическое отделение Петроградских (Бестужевских) высших женских курсов с награждением серебряной медалью. Работала учителем физики и математики Арзамасской школы имени Ворошилова (ныне имени Горького). Награждена орденом Ленина (в 1950 г.), а также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Заслуженный учитель школы РСФСР (1956 г.). Коллекция представлена документами о профессиональной квалификации, наградами и наградными документами, личными и коллективными фотоснимками [9].

Надежда Андреевна Добровская – кавалер ордена Ленина, учитель начальных классов, заведующая Кирилловской начальной школой. В ее коллекции можно увидеть здание этой школы, организацию учебного процесса в сельской школе, учебный быт и одежду детей. В коллекции представлена также фотография старейшей учительницы М.П. Михайловой с интересной подписью: *«Сима! Не пужайся и не всем показывай! 1914 г. января 6 дня»*, которая указывает на то, что, несмотря на строгий интеллигентный вид, их характеру

были не чужды некоторая шутливость, игривость, женственность. Это подчеркивают и некоторые вещевые экспонаты, например, щипцы для завивки волос [10].

Зинаида Васильевна Зюзина – кавалер ордена Ленина, Отличник народного просвещения, заведующая Арзамасским районным отделом народного образования. Работая в этой должности в годы Великой Отечественной войны, приняла самое активное участие по сбору учащимися сельхозпродукции для фронта, а также средств на строительство самолета «Арзамасский школьник», за что была награждена благодарственной телеграммой И.В. Сталина. Коллекция содержит около 40 музейных предметов и представлена преимущественно фотографиями и документами, характеризующими профессиональную деятельность педагога [11].

Надежда Владимировна Костякова родилась в 1887 г. в Арзамасе. Кавалер ордена Ленина, учитель начальных классов средней школы имени Ворошилова в Арзамасе, старейшая учительница города. Коллекция представлена фотографиями, документами об образовании, наградными документами, поздравительными открытками [12].

Мария Петровна Михайлова (Приложение 3, фото 2) – еще один старейший педагог г. Арзамаса. В 1915 г. она окончила Московские женские педагогические курсы имени Д.И. Тихомирова. С 1918 г. по 1956 г. работала учителем арифметики и начальных классов школ имени Ворошилова и имени Чкалова в Арзамасе. Мария Петровна – кавалер ордена Ленина, награждена также медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1939 г. избиралась депутатом Арзамасского горсовета депутатов трудящихся. Коллекция Марии Петровны, кроме фотографий 1940-х гг., содержит также удостоверения, наградные документы и книгу «Последний приют поэта» с дарственной надписью: *«Моей первой учительнице Марии Петровне Михайловой. 1969 г. В.И. Леонкова»* [13].

К числу старейших учительниц города принадлежит и ***Варвара Алексеевна Перетрутова***. Более 50 лет она проработала учителем в начальных школах Ардатовского и Арзамасского уездов, в Арзамасе. За это время сделала 20 выпусков. Многие из ее учеников занимали ответственные посты. За плодотворную деятельность награждена орденом Ленина. В коллекции хранятся документы о ее образовании, поощрениях и наградах, а также редкие документы – свидетельство об окончании и похвальный лист Арзамасского женского Рождественского приходского училища [14].

Личная коллекция ***Галины Арсентьевны Пучковой*** – кандидата филологических наук, Заслуженного учителя России, профессора кафедры литературы Арзамасского пединститута имени А.П. Гайдара, театрального критика – самая обширная. Она насчитывает около 100 музейных предметов, характеризующих личную жизнь и профессиональную деятельность известного в городе педагога. Среди них особый интерес вызывают документы советского периода: партийный билет, членский билет ДОСААФ, аспирантский билет, удостоверение к знаку «Победитель соцсоревнования», обложка советского паспорта. Важным

источником по изучению жизни и деятельности Галины Арсентьевны являются групповые и сюжетные снимки, фотопортреты разных лет. Многочисленные грамоты, благодарности и дипломы характеризуют Г.А. Пучкову как высокого профессионала своего дела, общественника с активной жизненной позицией, а многочисленные поздравления позволяют раскрыть в ней замечательного человека, любимого учениками [15].

Мария Николаевна Рувимова – кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Ее трудовая педагогическая деятельность началась в с. Ямская Слобода (ныне с. Заречное) Арзамасского уезда, продолжилась в арзамасских средних школах имени Чкалова и имени Кирова, где Мария Николаевна преподавала математику. В начале 1930-х гг. М.Н. Рувимова была названа лучшим математиком города [16, с. 51]. Еще работая сельским учителем, Мария Николаевна вела активную работу по ликвидации безграмотности на селе, особое внимание уделяла сельским женщинам, являясь руководителем женского делегатского собрания. В коллекции много фотографий ее учеников, которые были присланы значительно позднее окончания школы, что говорит о взаимном уважении [17].

Проанализировав обширный материал по теме «Женщины в образовательной системе Арзамаса», можно сказать, что эти уникальные источники являются подлинным свидетельством того, какую важную роль играли арзамасские женщины в истории не только города, но и страны в целом. Практически все из них в автобиографиях упоминают о том, что их ученики жили и живут в разных уголках нашего государства, занимают высокое общественное положение. Безусловно, это стало возможным во многом благодаря той базе, которые заложили в них эти утонченные, интеллигентные, но сильные духом женщины.

Подводя итоги исследования, можно выделить следующие моменты: в музее собраны богатые материалы, рассказывающие о женщинах-преподавателях, которые внесли свой вклад в воспитание и обучение молодежи нашей страны, преимущественно первой половины XX века. Положительные отзывы учеников, их письма, поздравительные открытки и адреса с рассказами о достижениях в жизни, подарки с дарственными надписями – тому подтверждение.

Интересен и тот факт, что фамилии многих из этих женщин одинаковы в аттестатах об окончании гимназии, трудовых книжках и пенсионных документах, что является красноречивым свидетельством отсутствия у них личной жизни и подтверждением их неутомимому труду и полной отдаче любимому делу.

Определенно наметились направления для собирательской деятельности музея. К сожалению, в фондах практически не представлены учителя-предметники, женщины-преподаватели средних специальных учебных заведений. Совсем не представлены женщины, работавшие и работающие в сфере дошкольного образования.

Тематическую коллекцию также хотелось бы пополнить документами представителей современной учительской корпорации, награжденных государственными наградами или высокими званиями, получивших гранты за новые идеи и достижения в области образования и воспитания.

Источники и литература

1. От Арзамаса до Берлина / Г.П. Голубев, А.П. Демочкин, А.Д. Одинцов и др.; под ред. И.А. Гордеевцева. – Арзамас, 1993. – 300 с.
2. Балакин М.Ф., Балакина М.А. Арзамас в XX веке. В 2 кн. Кн. 1. – Арзамас, 2012. – 451 с.
3. Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области (далее – ИХМ ГАНО). Инв. номер АКМ 266.
4. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 5294.
5. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 5060, 5210.
6. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 5061.
7. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2878.
8. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2330.
9. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 3092.
10. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 4633.
11. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 4067, 4387.
12. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 4333.
13. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2870.
14. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 3127.
15. ИХМ ГАНО. Инв. номера АКМ 6081, 7679, 8098.
16. Акишина О.В., Гулялова Н.С. Арзамасская муниципальная гимназия: история и современность. – Арзамас, 2004. – 496 с.
17. ИХМ ГАНО. Инв. номер АКМ 2982.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В г. ПОЧИНКИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М.А. Бегоутова

Починковский сельскохозяйственный техникум, преподаватель
607910, Нижегородская обл., Починковский р-н, с. Починки,
ул. Планты-2, д. 18
E-mail: Begoutova.mariya@yandex.ru

В данной статье рассмотрен процесс развития образования в г. Починки Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX века. Здесь за достаточно короткое время, при содействии священника Константина Владимирского были открыты приходские школы и гимназия. Значительное внимание в статье уделено летописи Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок Нижегородской епархии, в которой рассматривается процесс развития образования.

Ключевые слова: *Нижегородская губерния; г. Починки; Христорождественский собор; священник Константин Владимирский; «Летопись»; женская гимназия; приходская школа.*

По данным, приведенным в книге В.П. Илюшечкина «Починки и Починковский район Нижегородской области», первое поселение к югу от речки Помалатки было мордовской деревней [1, с. 5]. В 1647 г. эти земли были куплены у казны боярином Б.И. Морозовым, который наладил здесь крупное производство поташа. Примерно через сто лет, после прекращения поташного производ-

ства (когда все окрестные леса были вырублены), в Починках был основан конный завод.

Еще в конце XVII столетия Починки вновь были отобраны в казну. Тогда они входили в Темниковский уезд (будущей Казанской губернии), затем в статусе села были отнесены к Саранскому уезду Пензенской провинции. В 1779 г. Починки были возведены в ранг заштатного города и причислены к Лукояновскому уезду Нижегородской губернии.

Через два года, в марте правительство утвердило генеральный план застройки, а вслед за этим 16 августа указом Екатерины II городу Починки был пожалован герб в форме щита, в верхней части которого изображался символ Нижегородской губернии – олень, а в нижней части – золотой конь в зеленом поле, *«означавший знатные конные заводы, находящиеся в окрестностях сего города»* [1, с. 24].

Накануне революции 1917 г. заштатный город Починки был готов заявить о себе как о торговом, духовном и образовательном центре уезда. Множество уездных учреждений размещалось именно в Починках, а не в Лукоянове, являвшемся официально центром уезда.

Выгодное географическое положение способствовало превращению Починок в крупнейший ремесленно-торговый центр южной части Нижегородской губернии. По данным за 1866 г., в городе насчитывалось 7 748 жителей, 1 252 дома, из них 81 – кирпичный, одна каменная и пять деревянных церквей, 31 склад, 39 торговых лавок, богадельня, училище, лазарет с аптекой на конном заводе [1, с. 32].

Особенно славились починковские базары, на которые издалека ехали за породистым скотом. Корову-ведерницу, сильную упряжную лошадь, красавца рысака, молочную свиноматку, добротные сортовые семена овса, ржи и пшеницы покупали здесь, потому что на всем этом был фирменный знак «починковское».

В Починки, в 1869 г. обогнавшие Лукоянов по численности населения, были переведены уездная земская управа, съезд мировых судей, сессия окружного суда. Затем здесь были открыты *«присутствие по крестьянским делам, рекрутское, податное, питейное, ссудо-сберегательное товарищества, камера мирового судьи и нотариальная контора»* [2, с. 50].

В 1888 г. в Починках было 8 415 чел., а в Арзамасе – 6 727. Однако расположение железной дороги кардинально поменяло ситуацию. В 1916 г. в Арзамасе насчитывалось уже 14,5 тыс. жителей, тогда как в Починках – 11,5 тыс.

Ценным и информативным источником по истории города Починки является «Летопись (или историческо-статистическое описание) соборной Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок, Нижегородской епархии, составленная Священником Константином Владимирским», опубликованная в Арзамасе в типографии Н.Н. Доброхотова в 1891 г.

Данные о самом священнике крайне скудны. Предположительно, иерей Починковского Христорождественского собора Константин Владимирский проживал на Большой улице в селе Починки, где-то рядом с псаломщиком Ве-

телевым в каменном доме. Сведений о его семье нет. О себе в летописи он пишет следующее: *«Иерей Константин Иванович Владимирский окончил курс Нижегородской Духовной семинарии, рукоположен в иерея в 1857 году»*. Далее перечислены его множественные награды [3, с. 25]. Родился Константин Владимирский в 1836 г., умер, по данным Починковского музея, в 1915 г. Информация о его смерти в метрических книгах не найдена. В архивных документах, относящихся к 1914 г., Константин Владимирский значится протоиереем.

Итак, благодаря сохранившейся «Летописи Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок, Нижегородской епархии», мы находим ссылки на документы, утраченные в годы Советской власти, когда ризница собора была разорена, а богатейший соборный архив вытряхнут на площадь, и архивные документы долго еще носило ветром по улицам села.

В разделе «Умственное развитие прихожан» Константин Владимирский писал: *«Стремление к умственному развитию в народе есть. Оно проявляется в обучении грамоте и в желании читать книги. Грамотных в приходе мужчин в настоящее время большинство, немало и женщин грамотных. Желающих учиться грамоте очень много, так что каждый год, к сожалению, приходится многим отказывать в приеме за неимением места в училищах. При этом не обходится без слез детей и ропота их родителей. В Починках немало проживает разночинцев, но так как они ничего не платят на квартирное содержание училищ, а расходуют каждогодно на этот предмет до 600 рублей одни крестьяне, то ввиду сего в 1887 году крестьяне составили приговор, которым они обязали учителей принимать в училища детей исключительно только починковскихъ крестьян.*

Охота к чтению книг у починковцев сильно развита; читают книги всякие, какие только попадутся им, но преимущественно читают и любят читать книги духовного содержания. Многие имеют евангелия, псалтири, четииминеи на славянском языке, сочинения святителя Дмитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского и других св. отцов. Ученики любят читать евангелие и псалтирь; покупают на базаре краткие жизнеописания святых на русском языке. Теперь едва ли найдутся такие старухи, которые не очень давно говорили, что "земля на трех китах стоит", что "во время грозы пророк Илия катается по небу на огненной колеснице", или "радуга пьет воду"» [3, с. 38].

Именно из летописи Константина Владимирского мы узнаем об облике нашего села, о традициях местного населения, о развитии образования в заштатном на тот момент городе Починки.

В 1840 г. правительство обратило внимание на отсутствие в Починках каких-либо образовательных учреждений и открыло в соборном приходе мужское первоначальное училище. Дом под училище был отведен починковским обществом. В 1845 г. в Починках было открыто и женское первоначальное училище, дом для которого был устроен именитым крестьянином Михаилом Ивановичем Шапошниковым. Однако желающих обучаться в новом учебном заведении девочек набралось не так много: сказался консерватизм многовекового патриархального сознания. В связи с этим в 1859 г. женское училище закрылось.

В 1861 г. протоиерей Христорождественского собора Константин Владимирский открыл в собственном доме бесплатное училище, которое с февраля следующего года было возведено правительством в ранг штатного. В 1867 г. это училище было соединено с 1-м Починковским первоначальным училищем. В этом объединенном училище К. Владимирский преподавал Закон Божий. Вместе с учителем Николаем Кемарским он добился открытия при училище в 1876 г. отделения для девочек. Уже через год из-за большого количества учениц Константин Владимирский и Николай Кемарский вынуждены были ходатайствовать перед Лукояновским училищным советом об открытии в Починках особого женского училища. Прошение было удовлетворено, женское училище открыто в 1877 г.

В сентябре 1890 г. оба училища были размещены в новом здании, освященном *«в память чудесного избавления Благочестивейшего Государя Императора Александра Александровича и Его Августейшей Семьи от угрожающей опасности 17 октября 1888 года, с наименованием мужского училища Александровским в честь государя Императора Александра Александровича, а женского Мариинским в честь Государыни Императрицы Марии Феодоровны»* [3, с. 45].

Всего со времени открытия первого начального училища (в 1840 г.) и по 1891 г. все починковские школы окончили около 1 тыс. чел.

Кроме того, в Журнале Министерства внутренних дел (Ч. 42, 1853 г.), в статье «Заштатный город Починки», написанной со слов местных наблюдателей из Императорского Русского географического общества, помещена информация об общих достопримечательностях города. В их числе упомянут каменный дом волостного правления, в котором размещалось училище для детей коннозаводских крестьян. В 1847 г. было открыто училище для крестьянских девиц. В журнале также указано, что усилиями крестьянина Григория Светошкова было открыто убежище для нищих и бездомных [4, с. 280].

В 1867 г. в Починках было открыто еще одно учебное заведение, которым стало духовное училище. Размещалось оно близ собора на Базарной площади, в пожертвованном крестьянским обществом каменном доме, где до 1860 г. находилось окружное правление. Среди причин открытия духовного училища именно в Починках называлось более удобное размещение центра уезда здесь, а не в Лукоянове. Для размещения этого училища в 1908 г. на Березенской площади было построено прекрасное трехэтажное каменное здание, при котором находилось все необходимое, в т.ч. домовая церковь.

Начало XX столетия ознаменовалось в Починках открытием новых начальных земских и церковно-приходских школ. В 1900 г. на Напольной площади было построено каменное здание для второклассной церковно-приходской школы, которая функционировала там до 1918 г. (затем в этом здании был размещен детский дом). Тогда же было открыто начальное земское училище при конезаводе, рассчитанное на 32 ученика. В 1913 г. была открыта частная женская прогимназия, ставшая в 1917 г. гимназией. В том же году

усердием местной интеллигенции (Сапунов, Андросов) было создано частное реальное училище [1, с. 36].

Несмотря на прогресс в развитии народного образования по сравнению с дореформенным периодом, школ, даже низших, было явно недостаточно. В школах учились, главным образом, дети состоятельных родителей. Большая же часть бедного населения Починок оставалась неграмотной, его детям были недоступны даже начальные школы.

В 1898 г. уездное земство учредило библиотеку, которая содержалась за счет земства. Библиотекарем при ней состоял заведующий школьным хозяйством А.А. Перуанский, окончивший курс духовной семинарии. Появилась и идея о создании краеведческого музея, реализованная спустя много лет усилиями Т.Ф. и Н.И. Ермошиных. Эти события важны для развития культурной жизни села.

Современная образовательная среда Починок включает в себя три общеобразовательных школы (МБОУ «Починковская средняя школа № 1», МБОУ «Газопроводская средняя школа» и МБОУ «Конезаводская начальная школа»), а также МКОУ «Починковская школа-интернат» 8-го вида и ГБПОУ «Починковский сельскохозяйственный техникум» (бывшее училище механизации сельского хозяйства, появившееся уже после революции).

Источники и литература

1. Илюшечкин В.П. Починки и Починковский район Нижегородской области. – Н. Новгород, 1992. – 154 с.

2. Белякова М.М. О Починках – с любовью. – Н. Новгород, 1997. – 207 с.

3. Летопись Соборной Христорождественской церкви и прихода заштатного города Починок, Нижегородской епархии, составленная свящ. Константином Владимирским. – Арзамас: Типография Н.Н. Доброхотова, 1891. – URL: http://pochinki.nnov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=237%3A2012-10-28-18-46-25&catid=5%3A2009-10-26-19-26-23&Itemid=3

4. Журнал Министерства внутренних дел. 1853. Ч. 42. – СПб., 1853. – URL: https://rusneb.ru/catalog/005664_000048_RuPRLIB12050150/viewer/

Раздел II
ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

ДОНБАСС В БИОГРАФИЯХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОРМОВСКОГО ЗАВОДА (1920–1930-е гг.)

В.П. Сапон
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин, доктор исторических наук, доцент
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
E-mail: vladimail2008@mail.ru

В первые десятилетия Советской власти многие сормовичи, получив опыт практического руководства крупными коллективами, направлялись на работу в различные регионы страны, включая Луганск и Юзовку (Сталино). В статье освещаются донбасские эпизоды из жизни некоторых «красных директоров» Сормовского завода.

Ключевые слова: *Сормовский завод; Донбасс; «красные директора»; 1920–1930-е годы.*

Краеведы подсчитали, что за 170 лет производственной деятельности Сормовского завода единолично или коллегиально предприятием управляло более трех с половиной десятков человек [1]. Имена нескольких сормовичей указанного разряда связаны с историей Донбасса. Впрочем, круг таких ответственных работников был значительно шире и включал не только представителей директорского корпуса.

Самые широкие возможности для превращения рядовых рабочих в руководителей промышленных предприятий и крупных политических организаторов создала Октябрьская революция 1917 г. В первые десятилетия Советской власти многие сормовичи, получив опыт практического руководства крупными коллективами как по производственной, так и по партийной линии, направлялись на работу в различные регионы страны, включая Луганск и Юзовку (Сталино).

Коренной сормович ***Иван Дмитриевич Чугурин (1883–1949)*** устроился на работу в вагонный цех Сормовского завода одиннадцати лет «от роду» [2, д. 1184, л. 24]. Вступил в РСДРП после знаменитой первомайской демонстрации 1902 г., описанной Максимом Горьким в романе «Мать». Уже в следующем году был арестован за принадлежность к социал-демократической партии и по подозрению в убийстве провокатора. В декабре 1905 г. входил в руководящую пятерку Сормовского восстания, при нападении на его квартиру полиции и казаков оказал вооруженное сопротивление [2, д. 1184, л. 24]. Сумел скрыться из родных мест, работал в партийных организациях Перми, Киева, Екатеринослава, Сормова, Тулы. В 1911 г. от Сормовской организации РСДРП

получил направление в партийную школу в Лонжюмо. В перерывах между этими событиями подвергался арестам, заключению в крепости, ссылке в Нарым. Отбыв ссылку в 1916 г., продолжил подпольную работу. Был введен в Петербургский и Выборгский районный комитеты РСДРП (б), принимал активное участие в событиях Февральской революции в столице.

В послеоктябрьский период Иван Дмитриевич выполнял различные ответственные поручения, с началом гражданской войны получив от председателя Совнаркома В.И. Ленина полномочия не только *«действовать при фронтовой полосе для организации продовольственных отрядов»*, но и *«выступать как политический комиссар при военачальниках»* [3, с. 261; 4, с. 246–256; 5, р. 1–12].

В январе 1920 г. И.Д. Чугурина перевели на хозяйственную работу: в ходе национализации каменноугольной промышленности он возглавил правление угольных копей Сибири («Сибуголь»). Через год бывший сормовский рабочий оказался уже в Донбассе – ему доверили руководство районным управлением Юзовского каменноугольного бассейна. На V Всеукраинском съезде Советов (25 февраля – 3 марта 1921 г.) его избрали членом ВЦИК Украины.

Иван Дмитриевич, вероятно, в силу своего должностного положения, оказался в группе Г.Л. Пятакова, в ноябре 1920 г. поставленного во главе Центрального правления каменноугольной промышленности Донбасса (ЦПКП). В январе 1922 г. Г.К. Орджоникидзе докладывал в Политбюро ЦК РКП (б), что *«работа, произведенная ЦПКП, колоссальна»* [6, с. 229]. Однако проводимая Пятаковым «диктатура угля» встретила отпор со стороны ряда региональных ответственных работников, которые указывали, что в Донбассе *«имеется также первостепенная база металла республики и, наконец, главная химическая промышленность»* [6, с. 230]. Кроме того, юзовцы и луганчане выражали недовольство тем, что *«ЦПКП и его органы умаляют значение и авторитет местных органов»* [6, с. 230]. К сожалению, Чугурин подлил масла в этот конфликтный огонь своими старорежимными привычками, что, по оценке того же Орджоникидзе, «не могло способствовать укреплению связи и содружества» между пятаковцами и юзовцами [6, с. 231]. Чтобы не доводить дело до громкого политического скандала, Г.Л. Пятакова и некоторых других участников коллизии направили для продолжения службы за пределы Донбасса.

В сентябре 1921 г. И.Д. Чугурин, по его словам, был «переброшен» в Сормово заместителем директора завода. С 8 ноября 1922 г. директором Сормовского завода стал В.И. Курицын (о нем речь ниже), помощником по технической части – И.Е. Аппак; Иван Дмитриевич сохранил должность заместителя директора [7, с. 287]. В это время И.Д. Чугурина избрали делегатом X Всероссийского съезда Советов, а затем – членом ВЦИК СССР.

Если у старого революционера назначение на руководящую должность в Сормове состоялось после донбасского этапа его жизни, то у двух других «красных директоров» профессиональная биография развивалась в обратном направлении.

Иван Гаврилович Макаров (1888–1949), несмотря на юный возраст, успел принять участие в Сормовском декабрьском восстании 1905 г., после чего ему пришлось надолго покинуть родные места. В 1909 г. был арестован и сослан в Мезень (Архангельская губ.). Вернувшись из ссылки в 1913 г., молодой революционер активно включился в подпольную деятельность на Сормовском заводе. По словам одного из участников событий, в 1914–1915 гг. социал-демократами в Сормове велась работа *«в направлении подбора новых сил и их марксистской подготовки на бой с нашим классовым врагом»* [8, с. 154]. Занятия с пролетариями проводили немногочисленные члены партии из числа образованных нижегородцев, *«из своих доморощенных "интеллигентов", способных читать тот или иной реферат был только И.Г. Макаров»* [8, с. 154]. В годы Первой мировой войны рабочий-активист стал одним из членов Сормовского комитета РСДРП [9, д. 580, л. 3 об.; 10, с. 19, 31]. Кроме того, Иван Гаврилович приобрел опыт легальной общественной деятельности – он был избран в правление заводской больничной кассы, которая к осени 1916 г. насчитывала 22 тыс. членов [11, с. 38]. Самым громким делом дореволюционного периода стала двухдневная забастовка, организованная на Сормовском заводе в июле 1916 г. эсерами и социал-демократами [12, с. 37–39]. На судебном процессе, который состоялся в феврале 1917 г., виновными признали лишь двоих организаторов забастовки – одним из них оказался большевик Макаров [12, с. 88]. За несколько недель до Февральской революции он вернулся в Сормово и с головой ушел в партийную работу. После свержения самодержавия Иван Гаврилович переходит в разряд революционной элиты губернского уровня: его избрали товарищем председателя Нижегородского совета рабочих депутатов первого состава, позднее он вошел с мандатом Совдепа в Губернский исполнительный комитет Временного правительства [12, с. 133, 136]. В августе 1917 г. большевики направили Макарова в коалиционный Временный революционный комитет, сформированный для нейтрализации корниловской угрозы [12, с. 217]. Сормович не остался в стороне и на новом этапе революции: в октябре того же года он вошел в состав тройки, сформированной Нижегородской организацией РСДРП (б) для подготовки к восстанию частей местного гарнизона [12, с. 252].

В конце 1918 г. Макаров вернулся на Сормовский завод, но уже в высоком статусе председателя коллегии заводоуправления. Менее чем через год, в ноябре 1919 г., его перевели на такую же должность в Коломенский машиностроительный завод [7, с. 249]. Здесь Иван Гаврилович также надолго не задержался – его назначили директором металлургического завода в Юзовке. Эту должность он занимал дважды: в 1922–1924 и 1932–1937 гг., причем во втором случае город уже носил имя Сталино [13]. Именно в 1930-х гг. достижения «командира социалистической промышленности» из Сормова получили высокую оценку партии и правительства: в 1935 г. И.Г. Макаров награжден орденом Ленина, в 1934 г. избран кандидатом, а в 1937 г. – членом ЦК ВКП (б); в 1938 г. его назначили заместителем наркома тяжелой промышленности СССР (правда, ненадолго – до января 1939 г.) [13].

Василию Ивановичу Курицыну (1892–1937) в дореволюционный период довелось в поисках лучшей пролетарской доли исколесить империю от Екатеринбурга до Ревеля и Баку; в 1912 г. он попал в поле зрения Нижегородского губернского жандармского управления за активное участие в антиправительственной акции на судоверфи недалеко от Кулебакского горного завода [14, док. 114, с. 174]. В 1915 г. Курицына мобилизовали на воинскую службу. С таким жизненным багажом он вошел в революционную эпоху, когда вчерашним бунтарям и забастовщикам пришлось взяться за выполнение грандиозной задачи по строительству нового общества.

После прихода к власти большевиков (сам Курицын вступил в эту партию в апреле 1917 г.) бывший слесарь в течение нескольких лет приобрел управленческий опыт на ряде крупных предприятий в Кулебаках и Выксе, а затем возглавил Приокский горный округ. В начале ноября 1922 г. Василия Ивановича назначили директором крупнейшего предприятия региона – Сормовского завода [15, с. 141]. При Курицыне, в 1925–1926 хозяйственном году, завод «Красное Сормово» впервые в послереволюционный период принес прибыль [7, с. 307]. В этой должности он находился до марта 1927 г., а затем с ноября 1932 г. по сентябрь 1933 г. [16]. (В 1927–1932 гг. Курицын возглавлял правление Государственного треста объединенных машиностроительных заводов – ГОМЗа.)

В 1933–1935 гг. опыт руководителя «Красного Сормова» пригодился в Донбассе – в этот период он занимал пост директора Луганского паровозостроительного завода. В конце 1920 – начале 1930-х гг. предприятие подверглось крупномасштабной реконструкции и стало по своим производственным мощностям самым крупным в Европе и вторым в мире [17; 18]. В августе 1933 г. Луганский паровозостроительный завод имени Октябрьской революции начал серийное производство грузового паровоза серии ФД («Феликс Дзержинский»), который, наряду с изделием серии ИС («Иосиф Сталин»), был отмечен золотой медалью на Всемирной выставке в Париже в 1938 г. [17]. После перевода в Москву В.И. Курицын занимал ряд высоких постов в Наркомате путей сообщения СССР и наркомате местной промышленности РСФСР. С июля 1930 г. он – кандидат в члены ЦК ВКП (б), с февраля 1935 г. – член ВЦИК СССР [16]. Жизнь бывшего «красного директора» оборвалась в 1937 г., в 1956 г. он был реабилитирован [19].

Жизнь трех «красных директоров», о которых шла речь в статье, имела немало схожих черт как в дореволюционный период, так и в первые десятилетия советской эпохи, хотя финальные этапы их биографий сложились весьма по-разному. Главное, что их объединяло, – это причастность к созданию принципиально нового социально-экономического строя, который раскрыл мощный потенциал как революционного общества в целом, так и многих тысяч пассионарных личностей. Яркими вехами на пути к такому строю, к социализму стали «Красное Сормово» и Донбасс.

Источники и литература

1. Финюкова М. Из пастухов – в наркомы, из токарей – в директора // Красный сормович. – 2017. – № 3; 4.

2. Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (далее – ГОПАНО). Ф. 244. Оп. 2.

3. Каюров В.Н. Мои встречи и работа с В.И. Лениным в годы революции // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 10 т. Т. 5. – М., 1990.

4. Сапон В.П. О деятельности И.Д. Чугурина в послеоктябрьский период // Записки краеведов: очерки, воспоминания, статьи, хроника. – Н. Новгород, 2010.

5. Sapon V.P. White J.D. The Memoirs of Ivan Chugurin // Revolutionary Russia (Great Britain). 2011. – Vol. 24. – Issue 1.

6. Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927: Сборник документов. – М., 1996.

7. История Красного Сормова / под ред. В.П. Фадеева. – М., 1969.

8. Богданов И. Из деятельности сормовского подполья в 1914–1916 гг. // Материалы по истории революционного движения / под ред. В.Т. Илларионова. В 4 т. Т. 4. – Н. Новгород, 1922.

9. ГОПАНО. Ф. 1866. Оп. 2.

10. Маслов К.П. Из истории борьбы рабочего класса за власть Советов и ее упрочение. «Красное Сормово» на великом рубеже. – Горький, 1964.

11. Сапон В.П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): монография. – Н. Новгород, 2014.

12. Сапон В.П. Нижегородская губерния в 1916–1917 гг.: от «феврализма» к большевизму: монография. – Н. Новгород, 2017.

13. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. – URL: http://www.knowbysight.info/MMM/05313.asp

14. Революционное движение в Н. Новгороде и Нижегородской губернии (1907 – февраль 1917 гг.): сборник документов / под ред. проф. В.П. Фадеева. – Горький, 1971.

15. Худяков А., Бусарев Н. Счастье быть бойцом // Революцией призванные: Очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии, вступивших в партию в 1917 году / сост. В.А. Казаков, науч. ред. Ф.А. Песикин. – Горький, 1987.

16. Курицын Василий Иванович. – URL: http://serg.e-stile.ru/page806/

17. Луганский тепловозостроительный завод. История. – URL: https://www.geschichte.ovh/allgemein/tab/ru/Луганский_тепловозостроительный_завод/7f913970f98034f1276fcc93b54fb6be13725fb3#cite_note-9

18. Луганский завод. – URL: http://pro-parovoz.ru/index.php/ parovozostroitelnye-zavody/90-informatsionnye-materialy/parovozostroitelnye-zavody/parovozostroitelnye-zavody-rossii-i-sssr/122-luganskij-zavod

19. Василий Иванович Курицын [Электронный ресурс] – URL: http://www.libnav.ru/images/revoluciya/kuricin.pdf

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ГЛУХИХ: ИСТОРИЯ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материалах Арзамасского отделения ВОГ)

Л.В. Рябова
Независимый исследователь, г. Арзамас
E-mail: ryaboly@mail.ru

Статья посвящена истории Общества глухих в России как субкультурной общности в историческом контексте. В ней отражено место в обществе и государстве, обозначены пути развития в сфере обеспечения и защиты прав глухих в советский период и современной России, в частности, городов Арзамаса и Нижнего Новгорода (Горького).

Ключевые слова: *Всероссийское общество глухих; глухой; инвалид по слуху; жестовый язык; сурдоперевод; Арзамас; Горький.*

Примерно 7–8% всего населения планеты (около 300 млн чел.) страдают тяжелыми нарушениями слуха, их них более 250 тыс. чел. проживают в России. По данным 2007 г., в Нижнем Новгороде и области проживало 2 500 чел., из них в Арзамасе и Арзамасском районе – 171 чел. [1, т. 1, с. 232].

Невозможность воспринимать чужую речь на слух значительно дестабилизирует жизнедеятельность человека, что проявляется в особенностях формирования его личности и характере взаимодействия с другими людьми. В свою очередь, и общество не в полной мере готово к общению с гражданами, имеющими ограничения по слуху.

Всемирная федерация глухих (ВФГ) – одна из ведущих организаций мира, занимающаяся решением проблемы уравнивания в правах глухих и слышащих людей; она объединяет 133 национальные организации всех пяти континентов. Членом ВФГ является и Всероссийское общество глухих (ВОГ). В данной статье мы проследим историю его возникновения, развития и деятельности.

Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское общество глухих» – некоммерческое общественное объединение, основанное на членстве граждан РФ с нарушением слуха, являющихся инвалидами, членов их семей, законных представителей инвалидов по слуху [2]. ВОГ является продолжателем традиций Всероссийского объединения глухонемых, созданного в 1926 г.

В 1926 г. Всесоюзная перепись населения СССР выявила 1,123 млн глухонемых. Назрел вопрос о создании их общегосударственного объединения. В июне 1926 г. СНК РСФСР утвердил «Положение о Всероссийском объединении глухонемых», а также распорядился приравнять глухонемых (вместе с находившимися на их иждивении членами семейств), в отношении медицинской помощи, квартплаты и т.п. к инвалидам, имевшим право на социальное обеспечение. В сентябре 1926 г. на I Учредительном съезде было образовано Всероссийское объединение глухонемых. Его Устав, официально зарегистрированный государственными органами, был утвержден 19 октября 1926 г. [1, т. 1, с. 68].

ВОГ ставило перед собой следующие задачи: защитить права и интересы лишенных слуха людей, вовлечь их в общественную жизнь, ликвидировать безграмотность и безработицу. Можно по-разному относиться к советскому прошлому, но лишь в советский период права неслышащих получили законодательное обеспечение. Даже «революционное» Временное правительство предлагало официально приравнять глухих к умалишенным [1, т. 1, с. 26]. Только Конституция РСФСР 1918 г. предоставила глухим всю полноту гражданских прав. За годы советской власти сформировалась совершенно новая система образования и профессиональной подготовки глухих, вовлечения их в трудовую деятельность. Государственной задачей стало социально-культурное обслуживание глухих, для них были предусмотрены социальные гарантии и дополнительные льготы [3, с. 173].

В Нижнем Новгороде первый кружок глухонемых в составе 20 чел. появился в 1918 г., но просуществовал он всего около двух недель. В начале января 1919 г. в Сормове образовался еще один небольшой кружок во главе с глухонемой О.Д. Антоновой (Скалиной), дочерью царского генерала. Воспитанная в состоятельной семье и получившая хорошее образование, она выучила грамоте многих глухонемых [1, т. 1, с. 37].

В марте 1927 г. в Нижнем Новгороде состоялось первое объединенное собрание всех глухонемых города и рабочих поселков Канавино и Сормово. Был организован Нижегородский губотдел ВОГ и избрано его правление во главе с присланным из Москвы Г.Р. Вагановым – выпускником Вязниковской школы глухонемых. Имея хозяйственные и организаторские способности, он увлекся организацией артелей. Его сменил сотрудник «Нижегородской крестьянской газеты», художник М.Ф. Чапкин. В 1928 г. председателем отдела стала О.Д. Калинина.

На 1 января 1928 г. по Нижнему Новгороду на учете состояло 155 глухонемых, из них – 62 ребенка. Обществом были созданы учебно-производственные мастерские (УПМ) переплетно-пакетнокартонажного производства. Пункты ликбеза посещали 46 неслышащих граждан. Была организована школа для глухонемых, в которой обучалось 55 чел.

В середине марта 1930 г. на первой Нижегородской краевой конференции был образован Нижегородский краевой отдел ВОГ (в 1929 г. путем объединения Нижегородской области, Марийской АО, Вотской АО и Чувашской АССР был образован Нижегородский (с 1932 г. – Горьковский) край). Председателем Нижкрайотдела ВОГ был избран А.Я. Вакштейн, окончивший Ленинградскую профтехшколу им. М.В. Фрунзе [1, т. 1, с. 93].

По состоянию на 1 января 1931 г. в целом по Нижегородскому краю на учете состояло 8 тыс. чел. с нарушениями слуха, из них 5 460 чел. по области. Но членами ВОГ являлись только 410 чел. ВОГ заключил договоры с дирекцией предприятий (ГАЗа, «Красной Этны», «Красного Сормова», «Красного якоря», Решетихинской сетевязальной фабрики и др.) на трудоустройство глухонемых с обеспечением их общежитиями. Во всех районах края были открыты опорные отделы ВОГ по обслуживанию глухонемых. При клубе ВОГ была

открыта фотомастерская, доходы которой шли на культработу. Силами глухонемых артистов были поставлены спектакли «Мать», «Начеку», «Пограничники». На общем собрании членов Нижегородского отдела ВОГ было решено вступить в соцсоревнование по следующему плану: немедленно погасить задолженность по членским взносам; вовлечь в 1929–1930 гг. в члены ВОГ глухонемых Нижегородского края и организовать районные ячейки Общества; организовать вторые УПМ и укрепить положение уже имевшихся; добиться помещения под клуб, восстановить культработу, укрепить работу кружка физкультуры, обучить всех неграмотных глухонемых Нижнего Новгорода, организовать экскурсию в Москву, организовать общежитие для беспризорных и приезжающих в Нижний глухонемых [4, д. 78, л. 10].

Первого августа 1931 г. было организовано Арзамасское отделение ВОГ. Представителем КрайВОГ Малиновским был сделан доклад о целях и задачах ВОГ и о необходимости развертывания его деятельности в Арзамасе. Была достигнута устная договоренность с РайСО о предоставлении глухонемым комнаты под красный уголок, канцелярских принадлежностей и средств на ликбез, а также о принятии глухонемых на работу в мастерские, артели и государственные предприятия (кожзавод и войлочную фабрику) [5, д. 1, л. 46]. Несмотря на небольшую численность членов (6 чел.), Арзамасское отделение ВОГ смогло добиться открытия в городе школы-интерната для глухонемых детей. Располагалась она на ул. Мучной ряд (в этом же здании располагался красный уголок объединения глухонемых г. Арзамаса). В школе обучалось более 90 детей. Долгое время школой для глухонемых детей руководила Н.В. Быкова. В 1959 г. школа была закрыта. Детей, не закончивших обучение, перевели в другие специальные образовательные учреждения Горьковской области [5, д. 1, л. 7, 10, 46].

В довоенный период областное Общество достигло неплохих результатов. Это ликвидация безработицы и значительное уменьшение доли неграмотных среди глухих, активизация политико-просветительной работы в клубах, появление первых групп глухих с переводчиками на рабфаках и в вузах, проведение первых спортивных спартакиад и смотров художественной самодеятельности глухих. ВОГ самым активным образом участвовал в проведении всеобуча, проводил перепись глухих детей, помогал в создании школ и их материальном обеспечении. В 1939 г. состоялся Областной слет глухонемых стахановцев металлообрабатывающей промышленности. На трудообучение направлено 103 глухих выпускника школ, при ФЗУ Автозавода организована группа инвалидов по слуху (15 чел.). При Областной школе глухонемых был организован кружок по изучению военного дела, собраны средства на самолет «ВОГовец» и танк «ВОГовец» [1, т. 2, с. 399–406].

В 1940 г. на Автозаводе работало 75 членов ВОГ, на «Красном Сормове» – 105, на Решетихинской фабрике – 71 чел. Кроме того, было организовано профессиональное обучение глухонемых в Рекшинской УПМ по швейному делу (20 чел.), Горьковской слесарной и Арзамасской сапожной мастерских (50 и 30 чел. соответственно). Политехническим образованием было охвачено 291

чел. Художественная самодеятельность в Обществе имела: драматических кружков – 8 (89 чел.), танцевальных – 7 (78 чел.), ИЗО – 4 (30 чел.), художественной вышивки – 6 (80 чел.). На 1 января 1941 г. насчитывалось 12 школ для детей с нарушениями слуха в Горьком, Арзамасе, Большом Мурашкине, Горбатове, Кологриве, Ветлуге, Красных Баках, Семенове, Муроме, Ардатове, Лукоянове и Сергаче (всего обучалось 937 детей) [1, т. 1, с. 354].

22 июня 1941 г., в день нападения фашистской Германии на СССР состоялись митинги глухонемых. Собрания проводились под девизом: «Всё для фронта – всё для победы!», 38 человек записались в доноры. Освобожденные от воинской обязанности, глухонемые проявляли чудеса самоотверженности и упорства в труде. Неслышащие люди осваивали «слышащие» профессии, тяжелую мужскую работу зачастую выполняли глухонемые женщины. Огромный объем продукции, отправленной на фронт, содержал немалую долю их труда. До конца войны многие коллективы глухонемых Горького и Арзамаса, коллектив Областного отдела и клуба вносили свой однодневный заработок в Фонд обороны. Несмотря на военное время, был проведен 2-й Областной смотр художественной самодеятельности, в котором участвовало 180 чел., было подготовлено 355 номеров [6, с. 125–131].

В ноябре 1946 г. состоялся юбилейный пленум Областного отдела ВОГ, посвященный 20-летию Общества. На нем отмечалось, что за период своего существования Горьковский отдел ВОГ увеличил количество своих членов с 45 до 2 000 чел., число районных и городских отделов – до 13. Увеличилось количество глухих, занятых в госпромышленности (с 12 до 770 чел.). 2 ноября 1951 г. Горьковский Облсовет депутатов трудящихся принял решение «О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы Областного отдела ВОГ», которым обязывал районные и городские исполкомы оказывать помощь отделам Общества в работе с инвалидами по слуху. На основании этого решения были организованы школы взрослых глухонемых в Арзамасе, на Бору, в Богородске, Урене, Дзержинске, Шахунье, Кулебаках, Ветлуге, Городце, Работках.

В 1954–1959 гг., когда ОблВОГ возглавляли А.С. Векшин и А.Н. Туровилов, было начато строительство учебно-производственного предприятия (УПП) ВОГ на п. Стройгаз и общежития для его рабочих. Развитию УПП ВОГ большое внимание уделял и председатель ОблВОГ в 1963–1977 гг. А.П. Куковеров. При нем был заключен договор о кооперации с телевизионным заводом им. Ленина на выпуск телекорпусов, построены два жилых дома, Дом культуры «Звезда» на 400 мест, детсад на 75 мест, школа-интернат глухих детей [1, т. 2, с. 132–145]. В ремесленном училище Автозавода обучалась неслышащая молодежь со всего СССР по востребованным профессиям: токаря, слесаря, фрезеровщика.

В 1966 г. отмечалось 40-летие ВОГ. За эти годы оно превратилось в массовую общественную организацию, способную самостоятельно решать вопросы жизнедеятельности глухих граждан. Значительно укрепилась материально-техническая база ВОГ. Учреждениями культуры Общества была проведена большая работа: члены ВОГ участвовали во Всероссийском смотре художе-

ственной самодеятельности, в фестивале любительских фильмов. Спортсмены ОблВОГ участвовали в первенстве СССР и РСФСР по многим видам спорта. Спортсмен А. Гришанов участвовал в зимних Всемирных играх глухих (США, 1975 г.), где завоевал «золото» и «серебро» в лыжных гонках, соответственно, на 15 и 30 км. Впервые в истории ОблВОГ была организована туристическая поездка группы глухих в Болгарию. На УПП с 1984 г. велась профориентационная работа с учащимися школы № 65 для слабослышащих детей [1, т. 3, с. 431–445].

По состоянию на 1 января 1990 г. в области было учтено 4 975 чел. глухих и слабослышащих. В УПП ВОГ трудились 334 чел., из них 171 ударник коммунистического труда. Для членов ВОГ работало 14 клубов, физкультурно-спортивная работа проводилась в 11 спортколлективах. Коллективу ДК «Звезда» было присвоено звание «Народный театр» за постановку спектакля «Васса Железнова» по пьесе М. Горького. Была организована тургруппа глухих в ГДР и вторично в Болгарию.

Детский театр «Пиано» участвовал на международном фестивале в ЧССР, где, кроме диплома, получил специальный приз. Детскому коллективу пантомимы и хореографическому кружку было присвоено звание «Народный». При ПТУ № 47 была организована группа по обучению глухих швейному делу [7, с. 408].

В 1995 г. на региональном телевидении был организован сурдоперевод нижегородских новостей. С этой целью было приобретено и смонтировано специальное оборудование. При центре социальной, трудовой и творческой реабилитации инвалидов по слуху открыт прокат видеофильмов с субтитрами.

Во второй половине 1990-х гг. Областным правлением ВОГ были приняты все меры по сохранению предприятий и культурных учреждений Общества: организован выпуск продукции (дверей, мебели по заказам), помещение конторы ВОГ предоставлено под выставку-продажу изделий УПП. Большинство помещений ДК «Звезда» сдавалось в аренду коммерческим структурам, чтобы иметь средства на выживание. Сам ДК был преобразован в Центр социально-трудовой и творческой реабилитации инвалидов по слуху Нижегородского региона. В июле 1999 г. ОблВОГ переименовали в региональное правление ВОГ. В октябре того же года был открыт Центр сурдопереводческих услуг. 24-я Областная конференция ВОГ приняла и утвердила Целевую программу по социальной защите инвалидов по слуху на 2000–2005 гг. [1, т. 2, с. 489].

История Арзамасского общества глухих сохранила имена тех, кто пытался организовать жизнь глухих в российской глубинке. Мы не знаем всех конкретных дел каждого руководителя, но знаем, что все они, от самого первого председателя Е.Н. Сидорова, болели душой за свое дело. Нам известны их имена – А.А. Павлов, В.М. Соколов, А. Базанов, В.Г. Тихонов, В.А. Сахаровский, В. Земцов, В.С. Мелкозеров, В.А. Сухова, В.С. Баннова, Р.В. Родионова, В.П. Шилин, Е.А. Савелова, Н.А. Глазова, Р.Н. Грачева. Все они вкладывали в дело развития общества глухих на арзамасской земле и душу, и горячее желание сделать жизнь неслышащего человека достойной. Под клуб глухих было

выделено двухэтажное здание с частичными удобствами (ул. Володарского, д. 7). В 1952 г. в рядах Арзамасского отделения ВОГ состояло 515 чел. В период существования самостоятельной Арзамасской области (1954–1957 гг.) в городе была создана артель «Единение» и УПП, где глухие арзамасцы занимались изготовлением и перетяжкой мягкой мебели, мелким ремонтом [8].

Председатели Р.В. Родионова, В.П. Шилин, Е.А. Савелова (1970–1985 гг.) уделяли много внимания решению проблем, связанных с повышением образовательного и профессионального уровня глухих. В этот период жизнь глухих Арзамаса заметно оживилась. Были организованы: кружок художественной самодеятельности, секции футбола и волейбола, шашек и шахмат. Молодые и активные братья Уткины, отвечавшие за спортивную работу, привлекали глухих к участию во всех спортивных мероприятиях. На стенах клуба располагалось множество грамот, свидетельствовавших об успехах глухих спортсменов. В клубе регулярно читались лекции, работал драмкружок, библиотека, выпускалась стенгазета [8].

Арзамасское отделение ВОГ на собственные средства выписывало популярные газеты и журналы; все это, аккуратно подшитое, было всегда доступно для глухих. Хорошие результаты давало сотрудничество ВОГ с государственными органами власти, профсоюзами. Глухие обеспечивались реабилитационной техникой (в т.ч. слуховыми аппаратами), развивалась система кинообслуживания членов ВОГ фильмами с субтитрами. Кинооператором стал молодой глухой активист Н.В. Аверьянов. Дважды в неделю по выходным в клубе демонстрировались фильмы с субтитрами. Глухие приходили целыми семьями, дети весело играли друг с другом, не обращая внимания на наличие или отсутствие слуха. На территории Общества была отличная спортивная площадка, где проводились мини-соревнования и спортивные праздники. Каждое лето глухие уходили в двух- и трехдневные походы на реки Тёшу и Пьяну. На госпредприятиях города работали более 70 человек неслышащих; большинство было организовано в компактные группы, обслуживаемые инструкторами-переводчиками.

Экономический кризис в стране сказался, безусловно, и на деятельности Арзамасского отделения ВОГ. К огромному сожалению, было потеряно здание Общества, глухие лишились своего второго дома. Лишь в 1994 г. в Арзамасе было выделено новое помещение под клуб глухих (пр. Ленина, д. 162). Но оно маленькое и неудобное. Глухие заходят сюда лишь по делам. Никакой деятельности, кроме социальной, в то время не проводилось. Глухие арзамасцы, в основном, продолжали трудиться на заводах. В 1992 г. слабослышащий А.И. Максимов создал кооператив «Творчество», в котором трудилось 15 инвалидов по слуху. Они изготавливали мебель по индивидуальным заказам.

В 1992 г. по просьбе группы родителей и ходатайству Арзамасского отделения Общества глухих на базе детсада № 51 была открыта группа компенсирующего вида для 15 малышей, имевших различные нарушения слуха, с перспективой обучения в коррекционных классах в массовой школе. В 1994 г. на

базе коррекционной школы VIII вида был открыт первый коррекционный класс для глухих и слабослышащих детей, в 1996 г. открылся еще один.

Арзамасское отделение ВОГ не выпускало обучающихся глухих ребят из поля своего зрения. Дети с педагогами и родителями приглашались на праздники. Здесь они знакомились, учились общаться. В 2001 г. Арзамасское отделение общества глухих участвовало в проекте «Летний отдых детей с нарушениями слуха». Первое место и полученный грант подарили маленьким глухим арзамасцам незабываемый отдых. Кстати, именно во время летних каникул в рамках проекта началось экспериментальное изучение русского жестового языка под руководством Т.В. Серковой. Из 10 глухих выпускников двое окончили среднюю школу с отличием, остальные получили аттестат о полном среднем образовании. Д. Серебряков после школы поступил в вуз, получил высшее образование, сейчас работает программистом в центре социальной помощи семье и детям Арзамаса.

В 2000 г. председателем Арзамасского отделения ВОГ стал С.А. Ушаков. В 2001 г. обществу глухих выделено помещение на базе Центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов г. Арзамаса. В 2002 г. два переводчика прошли курсы повышения квалификации в Нижнем Новгороде и Москве. В 2003 г. С.А. Ушакова на посту председателя Арзамасского отделения ВОГ сменила Л.В. Рябова, которая возглавляет общество уже 17 лет. Арзамасское местное отделение ВОГ и сейчас проводит работу по защите интересов инвалидов по слуху в Арзамасе и Арзамасском районе. Деятельность организации направлена на выявление и учет граждан, имеющих нарушение слуха, нуждающихся в различных видах социальной помощи и услугах; на организацию и координацию социального обслуживания граждан через органы соцзащиты, комитеты общественного самоуправления, учреждения здравоохранения, государственные организации и учреждения Арзамаса и районов. За заслуги перед Обществом члены правления Арзамасского отделения ВОГ Т.Ф. Кузнецова и В.М. Аверьянова награждены Почетными грамотами за подписью президента ВОГ В.Н. Рухледева. Председатель Арзамасского отделения ВОГ Л.В. Рябова награждена Почетной грамотой и нагрудными знаками «Отличник ВОГ» и «За особые заслуги» III степени [8].

В Арзамасском местном отделении ВОГ в 2019 г. зарегистрирован 171 чел., страдающих глухотой и тугоухостью, 117 из них состоят во Всероссийском обществе глухих. Как живут сейчас, в XXI веке, неслышащие арзамасцы? Они участвуют в разных проектах, таких, например, как «Ветер перемен» (в нем юноши постигали секреты сапожного мастерства); в психологических тренингах «С верой в успех». Глухие принимали участие в областном конкурсе среди граждан с ограниченными физическими возможностями «Равные права – равные возможности». Первую премию получила автор конкурсной работы «Право избирать» М.Н. Макулова, вторую – автор конкурсной работы «Выбирать, а не голосовать» В.М. Аверьянова. При клубе действует кружок жестовой песни и драматизации (Т.Ф. Кузнецова, Т.И. Свистунова, супруги С.А. и М.Н. Горбовы, супруги Ф.В. и Г.А. Вахтеровы, Т.Г. Синицына, Н.А. Брынза).

В целях приобщение к культурной, спортивной и общественной деятельности организуются экскурсии в музеи города и района, например, в Музей природы, музей «Русский дом» в р.п. Выездное, Подземный музей горного дела, геологии и спелеологии (с. Бебяево). Арзамасские глухие с удовольствием посещают все культурные выставки, которые организуются в городе. В октябре 2019 г. Арзамасское отделение ВОГ приняло предложение Центра развития добровольчества «Мой город» по проведению первой экскурсии «По старинным местам Арзамаса» для людей с ограниченными возможностями здоровья, в рамках проекта по развитию инклюзивного туризма «#ЯПОКАЖУ», с сурдопереводом для инвалидов по слуху. Доброй традицией в Арзамасском отделении Общества стало проведение спортивно-оздоровительной акции «Золотой марафон» в Декаду старшего поколения совместно с Центром соцзащиты Арзамаса. Молодые глухие участвуют в различных спортивных мероприятиях, например, фестивале «Яркий мир. Спорт глухих», посвященном Международному дню глухих, и др. Дважды для членов Общества были организованы курсы обучения компьютерной грамоте. История Арзамасского отделения ВОГ – это яркие биографии замечательных людей, добившихся впечатляющих успехов вопреки глухоте.

В настоящее время ВОГ объединяет около 100 тыс. чел., из них 95% – инвалиды по слуху. ВОГ принимает активное участие в разработке и реализации Государственной программы «Доступная среда» на 2011–2015 гг. В целях информирования общества о положении глухих, их правах, потребностях, возможностях, вкладе в жизнь общества ВОГ создает собственные средства массовой информации и развивает их деятельность; разрабатывает и готовит к изданию информационные материалы о положении глухих, их правах, потребностях, возможностях, вкладе в жизнь общества, размещает информацию в федеральных, региональных и местных СМИ, на сайтах ВОГ; проводит всероссийские и региональные выставки, посвященные положению глухих, их правам, потребностям, возможностям и вкладу в жизнь общества; содействует созданию на общероссийских и региональных телеканалах специальных программ и фильмов по проблемам инвалидности и инвалидов по слуху; организует и проводит мероприятия, посвященные Всемирному дню глухих, Международному дню инвалидов и другим памятным датам и событиям [2].

Источники и литература

1. История Всероссийского общества глухих / сост. В.А. Палённый. – М., 2007. Т. 1. – 688 с.; Т. 2. – 528 с.; Т. 3. – 670 с.

2. Устав Общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих». – URL: https://voginfo.ru

3. Концепция развития ОООИ «Всероссийское общество глухих» на период до 2020 года. – М., 2016. – 104 с.

4. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-651с. Оп. 1с.

5. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 5948. Оп. 1.

6. Судьбы, опаленные войной (глухие России и стран СНГ в годы Второй мировой войны). – М., 2005. – 320 с.

7. Базоев В.З., Палённый В.А. Человек из мира тишины. – М., 2002. – 815 с.

8. Документы Арзамасского местного отделения НРО ОООИ ВОГ. Статистические отчеты, заявка на конкурс, материалы СМИ // Хранятся в НРО ВОГ (г. Н. Новгород) и Арзамасском МО ВОГ.

ОТ СЕРДЦА КАЖДАЯ СТРОКА…
(обзор писем с фронта в Чернухинскую районную газету «За большевистские колхозы»)

И.Ю. Федотова
Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас,
ведущий архивист отдела информационно-поисковых систем
и использования документов
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Мира, д. 13А
E-mail: official@arhiv.arzamas.kreml.nnov.ru

В статье представлен обзор писем с фронта в Чернухинскую районную газету «За большевистские колхозы» периода 1943–1944 гг. Со страниц газет эти письма звучали как отчеты фронтовиков перед своими земляками, в которых они давали клятвенные обещания громить врага, не жалея сил и самой жизни. Боевые дела односельчан служили примером патриотизма для тружеников тыла. Статья подготовлена на основе документов Государственного архива Нижегородской области, г. Арзамас.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; письма земляков с фронта; редакция газеты; фронт; тыл; патриотизм.*

А письма
В треугольниках солдатских!
Они для нас
До сей поры полны
И мужества, и доброты, и ласки,
И грозного дыхания войны.
(Г. Серебряков)

Чем дальше уходят годы Великой Отечественной войны, тем с большим волнением и бережностью относимся мы к запечатлевшим те героические и драматические события документальным свидетельствам. Особое место среди них занимают письма фронтовиков, столкнувшихся с войной лицом к лицу.

Письма с фронта… Обожженные, надорванные, пожелтевшие от времени, истончившиеся в местах сгибов, исписанные, как правило, простым карандашом, реже чернилами листочки с поблекшими штампами полевой почты и отметками «Просмотрено военной цензурой»… Трогающие до глубины души. Письма с фронтов Великой Отечественной – как ждали их! Не зря фронтовой «треугольник», за каждой строчкой которого стоит человек, остался в нашем сознании одним из символов той грозной эпохи. Но... прошло время, и они стали архивными документами, по которым мы можем читать страницы нашей истории.

Периодическая печать в годы Великой Отечественной войны была одним из наиболее сильных и действенных средств политического воспитания и просвещения, вселяющим в сердца советских людей уверенность в победе над Германией. В своих письмах, присланных в различные газеты, бойцы рассказы-

вали о борьбе с фашистами на фронтах, о подвигах своих земляков, друзей-однополчан. Со страниц газет эти письма звучали как отчеты фронтовиков перед своими земляками, в которых они давали клятвенные обещания «громить врага», не жалея сил и самой жизни.

Военное время внесло изменения в содержание газет. Так, и редакция Чернухинской районной газеты «За большевистские колхозы» в годы Великой Отечественной войны решала новые, отвечавшие времени военно-патриотические задачи. Главные из них – информировать население о положении на фронтах, освещать героизм советских воинов и тружеников тыла, мобилизовать жителей района на помощь стране и фронту. В годы Великой Отечественной войны сложилось прочное единство армии и народа, фронта и тыла. Оно укреплялось изо дня в день обоюдными усилиями воинов и тружеников.

Неотъемлемой частью «воинских писем» и почтовых карточек было их художественное оформление с использованием стихов, лозунгов, изображений военно-патриотической тематики. Усиливали патриотический настрой портреты русских полководцев, сцены боев, изображения поверженного противника, распространена была официальная цитата Сталина: «Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти».

В газете появились новые тематические направления, главным из которых было «Всё для фронта, всё для разгрома врага!», стиравшие грань между подвигом боевым и подвигом трудовым. На страницах газеты в рубрике «Письма с фронта» публиковались письма фронтовиков своим землякам-чернухинцам с призывом к труду и полной отдаче сил для приближения общей победы над врагом. Так, житель с. Меньщиково Константин Михайлович Теплов в своем письме, датированном (по штемпелю полевой почты) 3 октября 1944 г., обращался к землякам:

«Здравствуйте, дорогие земляки!

Шлю я вам свой фронтовой привет. Мы на фронте день и ночь помогаем нашим лётчикам громить врага. Но мало этого, ещё учимся в свободное время. Мы вчера получили новую эскадрилью самолётов от трудящихся города Чапаевск, которую они построили на свои собранные деньги. Прошу вас, дорогие земляки, помогайте фронту чем можно: быстрейший обмолот хлебов и поднятие зяби – это тоже удар по врагу.

Прошу мое письмо напечатать в райгазете и немного его поправить, а то я очень плохо пишу.

Житель меньщиковского колхоза “Гигант” Константин Теплов» [1, д. 2, л. 49–49 об.]. Гвардии младший сержант Константин Михайлович Теплов был призван на военную службу Чернухинским РВК в 1944 г., 23 февраля 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги» [2].

Ненависть к немецко-фашистским захватчикам, уверенность в победе, готовность ради нее отдать все свои силы, а если потребуется – и жизнь, звучат практически в каждом письме. А в словах *«…русский народ и русские воины любят свою родину – помрут, но на колени не встанут. Тяжелые минуты бывают тогда, когда вспомнишь о погибших и оставшихся товарищах, которые*

пали в борьбе за наше счастье и которые боролись с ненавистным врагом, не жалея своей жизни за независимость матери Родины, и еще больше вскипает в нас ненависть и хочется сделать еще что-то большее, чтобы скорее добить эту гадину, которая всеми силами старается задержать наступление нашей победоносной Красной армии… Скоро придет конец этим вероломным хищникам, и тогда вернемся, чтобы вместе с вами отпраздновать день победы и торжества» – утверждающая уверенность в победе над врагом. Так писала с фронта в редакцию газеты санитарка «*Полкунова Женя из п. Сады*», письмо датировано 18 июля 1944 г. [1, д. 2, л. 20–21].

Евгения Федоровна Полкунова была призвана в РККА Чернухинским РВК 24 июля 1942 г. Служила в 30-м отдельном медико-санитарном батальоне 29-й Гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии 10-й Гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта санитаркой [2].

«Уважаемый тов. редактор.

Прошу вас поместить мою заметку в вашу районную газету «Большевистский колхоз».

Мать-героиня и ее дети.

Полкунова Евдокия Ивановна из поселка Сады воспитала 7 детей. Из них двое на фронте, остальные работают на трудовом фронте … во всех работах в первых рядах. Сын, старший лейтенант, сражался в первых рядах под Сталинградом.

Дочь, Полкунова Евгения Федоровна, также на фронте в борьбе с фашистскими захватчиками, работает в одном из медицинских учреждений, оказывает помощь раненым бойцам и командирам, отдает все силы, работая без отдыха 4–5 суток, и никогда не услышишь слова, что она устала. Относится к раненым бойцам и офицерам с материнской заботой, проводя … множество бессонных ночей по уходу за ними. Много написала писем родным раненых, в которых сообщает об их ранениях и о состоянии их здоровья, получая от родных раненых письма и благодарности за ее материнскую заботу к бойцам и командирам. Командование оценило, наградили 2 медалями: медалью "За боевые заслуги" и медалью "За отвагу".

Весь личный состав гордится дочерью Евдокии Ивановны. За воспитание такой дочери также весь личный состав благодарит мать Евгении Федоровны, Евдокию Ивановну.

Обрат. адр.: полевая почта 15284, старшина Тюкалов Авдей Иосифович» (дата отсутствует) [1, д. 2, л. 17–17 об.]. Автор этого письма, санинструктор 30-го отдельного медико-санитарного батальона гвардии старшина А.И. Тюкалов обращается в редакцию газеты с просьбой опубликовать заметку о санитарке Е.Ф. Полкуновой.

Почти в каждом письме можно прочесть строки о боевых товарищах, погибших в боях, желании отомстить за них. Кратко, но драматично звучат слова о гибели своего земляка в письме Василия Ивановича Пыхтова от 31 июля 1944 г.: *«…Находились мы в Калининской области у Пушкинских гор на реке Великой. Когда был получен приказ прорвать линию обороны немцев, мы свои*

зенитные пушки выставили вперед и стали бить прямой наводкой по немецким батареям и наблюдательным пунктам врага. Уничтожили 2 батареи противника и несколько наблюдательных пунктов. На поле боя после зенитной артподготовки осталось около двухсот трупов солдат и офицеров противника. В этом бою погиб наш боевой товарищ, земляк мой из села Вторусское – Сергунин Иван Михайлович, награжденный орденом Отечественной войны II степени. Он был у нас командир орудия. После этого появились в воздухе немецкие самолеты. Тогда мы открыли ураганный огонь и сбили семнадцать самолетов противника. Так была линия обороны немцев прорвана…» [1, д. 2, л. 12–12 об.]. Ефрейтор Василий Иванович Пыхтов, уроженец с. Поголовка, был призван на военную службу Чернухинским РВК в 1940 г., служил радиотелеграфистом 397-го Отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, 23 февраля 1945 г. награжден медалью «За боевые заслуги» [2]. Сержант Иван Михайлович Сергунин погиб в бою 29 марта 1944 г. и был похоронен в д. Тетерино Новоржевского района Псковской области [3, с. 506].

Среди сохранившихся писем с фронта представляют интерес письма от старшего сержанта Ивана Павловича Папанова, который в 1942 г. был призван на военную службу Чернухинским РВК, 15 июня 1944 г. был награжден медалью «За боевые заслуги», а 7 февраля 1945 г. – орденом Славы III степени [2]. В его письмах можно встретить короткие рассказы о солдатских буднях и подвигах, стихи, слова военных песен.

«В редакцию “За большевистские колхозы” для опубликования в районную газету. Пишет бывший селькор Папанов Иван Павлович из действующей армии с фронта.

Дни бегут, идут недели и войне четвертый год.
Показал себя на деле богатырский наш народ.

Посмотри по школьной карте, где мы были в феврале,
Сколько верст прошли мы в марте по родной своей земле.

Здесь в апреле мы стояли, здесь войска встречали май.
Тут мы сколько пленных взяли, что попробуй подсчитай!

Слава нашим генералам, слава нашим адмиралам
И солдатам рядовым – пешим, плавающим, конным,
В жарких битвах закаленным!

Слава павшим и живым, от души спасибо им!
Но на фронте, каждый знает – и солдат, и генерал:
Батарея не стреляет без того, что шлет Урал.
И не тронутся машины в грозном танковом полку,
Если в баках нет бензина из далекого Баку.

Нужно каждого солдата снарядить не как-нибудь,
Нужно каждого солдата накормить, одеть, обуть.

Чтоб всего ему хватало – вволю хлеба, вволю сала,
Вволю сена для коня и патрона для огня.
Как бы там ни трудно было людям фронта воевать,
Но не легче людям тыла – это надо понимать.

Да! Нельзя добить фашистов и очистить мир от них
Без московских трактористов, без ивановских ткачих,
Без того, кто днем и ночью вот уже который год
Сеет хлеб, снаряды точит, в шахтах уголь достает.

Писал бывший селькор из деревни Лидовки Коваксинского сельсовета Чернухинского района Горьковской области Папанов Иван Павлович. Пишу письмо для выпуска в газету, заметки из солдатского говору… 31 июля 1944 года» [1, д. 2, л. 5–5 об.].

Не было на фронте человека, который не скучал бы по родному краю и родным людям. Не случайно почти все письма в редакцию начинаются с обращений: *«Дорогой редактор! Прошу Вас передать всем чернухинцам горячий боевой привет! Здравствуйте, родные!», «Здравствуйте, дорогие земляки!», «Дорогие колхозники и колхозницы! Разрешите передать вам свой степной юго-западный фронтовой гвардейский горяче-пламенный привет!».*

Поскольку письма писали прямо с поля боя, «с переднего края», фронтовики, по мере того, как шла война, все чаще указывали места, где шел бой. Обычно всего одной строкой: *«Привет с фронта из советской Латвии!», «Привет с польского фронта!», «Сейчас нахожусь в Белоруссии», «Дошли мы до райцентра Витебской области».*

Письма с фронта – живые свидетели высочайшего патриотизма советского человека, его беззаветной преданности Отчизне, непоколебимой веры в неизбежный разгром врага. И чем больше будет проходить лет, тем ценнее и важнее они будут для истории страны, для истории Великой Отечественной войны.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-2168. Оп. 1.
2. Проект «Дорога памяти» на сайте «Память народа». – URL: https://pamyat-naroda.ru
3. Книга памяти арзамасцев, павших в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. – Арзамас, 1995.

РОЛЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО УЧИЛИЩА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА ШАХУНЬИ (1941–1956 ГГ.)

А.Е. Смирницкий[1], А.Ю. Смирнов[2]

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, факультет гуманитарных наук,
[1]кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин,
кандидат исторических наук, доцент
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 1
E-mail: ya.alex-smir1974@yandex.ru;
[2] студент
E-mail: sm.al.yu@yandex.ru

В статье рассматриваются причины создания железнодорожного училища в городе Шахунье Горьковской области, его задачи во время Великой Отечественной войны, а также роль в развитии социальной инфраструктуры поселения.

Ключевые слова: *Шахунья; социальная инфраструктура; железнодорожное училище; система государственных трудовых резервов.*

Железнодорожное училище № 3 в городе Шахунье Горьковской области было основано в августе 1941 г. в рамках создания по всей стране системы Государственных трудовых резервов.

Организация училища именно в Шахунье обосновывалась имевшейся там хорошей учебно-практической базой в виде паровозного и вагонного депо, а также расположением штаба 8-й дистанции пути Горьковской железной дороги.

Перед коллективом училища была поставлена задача – готовить квалифицированные кадры для железнодорожного транспорта в тылу и на фронте [1].

В годы Великой Отечественной войны для комплектования учебных групп из мальчиков и девочек была создана специальная комиссия при райисполкоме, которая проводила отбор и направляла в училище по путевкам. Все зачисленные в училище учащиеся считались мобилизованными.

Первый набор насчитывал 227 чел. Из них 115 чел. ушли на фронт после досрочного выпуска. Среди них Вячеслав Гаврилович Воробьев, Викентий Александрович Дмитриев, Валентина Виссарионовна Буянова, Владимир Иванович Веселов и многие другие [2, с. 91].

В тяжелые военные 1942–1943 гг. из училища уходили на фронт и преподаватели. Среди них удалось установить имя мастера производственного обучения – Сергей Иванович Кокорин [3, д. 3, л. 30].

Оставшиеся в тылу всеми силами помогали фронту. Так, в 1943 г. коллектив училища передал заработанные денежные средства в Фонд обороны Родины на строительство танка для фронта. За оказанную помощь фронту Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин объявил благодарность коллективу училища.

Также в архивах училища есть правительственная телеграмма № 2635 от Сталина: *«Прошу передать учащимся, мастерам производственного обучения и сотрудникам железнодорожного училища № 3 г. Шахунья, собравшим дополнительно 7 тысяч рублей облигациями госзаймов в Фонд помощи детям детского дома "Муравейник" мой горячий привет и благодарность правительства Союза ССР»* [4].

После победы в войне училище помогало вернувшимся с фронта в устройстве их дальнейшей жизни. Например, в приказе № 109 от 13 октября 1945 г. читаем: *«Демобилизованную из РККА Горшечникову Елену Степановну по заявлению с 13.10.1945 назначить на должность воспитателя с месячным испытательным сроком с окладом содержания согласно штатному расписанию»* [3, д. 5, л. 7]. Впоследствии Елена Степановна была устроена на должность библиотекаря училища.

В 1946 г. директор училища Кропотин подводил итоги вклада училища в победу: *«30 человек нашего училища, призванных во время войны на защиту Родины, сейчас офицеры Красной армии. За геройство и храбрость в боях они награждены орденами и медалями Советского Союза»* [1].

В 1943 г. в Железнодорожном училище № 3 после окончания полного двухгодичного курса обучения был проведен первый выпуск помощников машиниста паровозов, слесарей по ремонту паровозов, вагонов и автотормозов, бригадиров по ремонту железнодорожного пути. Среди выпускников были Анатолий Михайлович Струнин, Раиса Семеновна Шарова, Манефа Павловна Туманина, Галина Федоровна Береснева (Дисса), Александр Иванович Вычугжанин и др.

Училище направляло своих выпускников на Горьковскую, Казанскую, Южно-Уральскую железную дорогу, а также в Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности [2, с. 93]. Но основным местом будущей работы для выпускников училища являлись железнодорожные предприятия Шахуньи. Станция нуждалась в трудовых резервах, так как многие профессионалы уходили на фронт.

В период обучения в мастерских и цехах железнодорожных предприятий станции ученики заменяли взрослых рабочих. Они сами ремонтировали паровозы, вагоны, пути, а также изготовляли инструменты для нужд фронта и предприятий железнодорожного транспорта.

Однако отношение учеников к их обязанностям не всегда характеризовалось положительно. Например, в документах училища отмечаются нарушения учащимися правил внутреннего распорядка их базового предприятия – паровозного депо: *«Учащиеся Герасимова и Созинова 12.08.44 года, будучи предупрежденными старшим нарядчиком о том, что их вызовут в поезд, ушли самовольно домой, обманув, что им дирекция дала отпуск, тогда как они по договору переданы паровозному депо».*

«Учащийся Исаев не явился в поезд и не находился дома, в результате чего депо вынуждено было вызвать другого кочегара» [3, д. 4, л. 53].

Такие нарушения были неоднократными, они вызывали большие затруднения в работе депо и трактовались как *«срыв планов Государственных перевозок в период Отечественной войны и задержка своевременной помощи тыла фронту»*. В качестве наказания учащимся выносился выговор с занесением в личное дело.

В рамках заявленной темы работы нельзя не рассмотреть устройство хозяйственной базы железнодорожного училища.

«Несмотря на организационные трудности, встречавшиеся в первые годы, мы настойчиво добивались улучшения материальной базы, старались строить обучение наглядно», – отмечал в 1946 г. Н.Н. Кропотин, второй директор Шахунского железнодорожного училища № 3.

«За 5 лет училище преобразилось. Сейчас мы имеем свой учебный корпус с хорошо оборудованными мастерскими и помещениями для теоретических занятий, общежитие для учащихся, своё подсобное хозяйство и т.д.», – продолжает Кропотин в своем докладе, опубликованном в районной газете «За коммунизм» от 4 августа 1946 г. [1].

Однако эти его слова немного противоречат решению ученого совета железнодорожного училища от 25.11.1946 по вопросу проработки приказа Министерства Трудовых Резервов СССР № 183 от 15.10.1946, отмечавшего, в частности, что *«недостаточная учебная и материально-техническая база училища не обеспечивает хорошую подготовку квалифицированных рабочих. Несмотря на то, что к началу 1946/47 учебного года мы получили в эксплуатацию новый учебный корпус, всё же оснащение этого корпуса механическим оборудованием является незаконченным»* [3, д. 1, л. 12].

А в 1944 г. в приказе от 15 декабря еще А.И. Улыбин – первый директор училища – отмечал проблемы с общежитиями: *«Ввиду особых обстоятельств из-за расположения общежитий в трёх местах при одном дежурном коменданте, а также неудобного расположения кладовых из-за недостатка концентрированных помещений в помощь дежурному коменданту выделять ежедневно 3-х дежурных из учащихся на круглые сутки, которые используются в ночное время с 17 часов до 8 часов утра для охраны трёх постов. В период между дежурствами отдыхают в своих комнатах, а в дневное время по очереди бодрствуют, находясь в канцелярии в качестве связных»* [3, д. 4, л. 6].

Помимо хозяйственных проблем, были и учебно-организационные. Так, хотя штат мастеров и преподавателей и был укомплектован полностью, большинство из них имело низкую квалификацию. Культурно-массовая и спортивно-оздоровительная работа также была слаба, в результате дисциплина и культура учащихся стояли не на должной высоте.

Ученый совет решал проблемы следующими постановлениями:

«Довести до сведения и настоятельно просить руководителя базового предприятия – ТЧ-4 – т. Павлович, а также замначальника Горьк. ж/д Захарова о немедленной помощи в быстрейшем дооборудовании учебного корпуса и подводки водопровода, а также в окончании ремонта общежития.

Обратить внимание начальника паровозного депо, что учащиеся на производственной практике в депо не обеспечиваются должным обучением и что это положение необходимо серьёзно изменить.

Имея в виду, что некоторые преподаватели и мастера не имеют достаточной квалификации в проведении уроков, Совет ставит задачей перед учебной частью о регулярном проведении открытых уроков.

Внедрить помощь учащимся в подготовке к занятиям путём регулярного проведения консультаций учащимся со стороны преподавателей, для чего учебной части разрабатывать планы и графики консультаций.

Установить, что вечер каждой субботы будет "вечером молодёжи" и использовать его только по целевой установке, и как правило в начале вечера поводить лекции и беседы, а затем сопровождать концертами или постановками.

Регулярно проводить физкультурные соревнования на первенство групп» [3, д. 1, л. 13].

«Устранить имеющиеся недостатки в организации кружков и обеспечить повышение идейного уровня худ. самодеятельности согласно последним постановлениям ЦК ВКП (б).

Организовать и обеспечить массовое вовлечение учащихся и сотрудников училища в кружки художественной самодеятельности: хоровой, драматический, танцевальный, акробатический.

Ходатайствовать перед директором училища т. Кропотиным о выделении необходимых фондов для участников художественной самодеятельности, как-то: грим, необходимые костюмы, парадное обмундирование для выступлений, декорации и др.

Создать шумовой оркестр и ходатайствовать перед директором училища т. Кропотиным о выделении необходимых средств – ок. 300 руб. – для приобретения музыкальных инструментов» [3, д. 1, л. 15].

Как уже было указано, задачей училища являлась подготовка кадров для тыла и фронта. О том, как проходил набор учеников, можно также узнать из доступных архивных источников.

Согласно объявлениям в газете «За коммунизм» первой половины 1940-х гг., Шахунское железнодорожное училище № 3, располагавшееся по адресу ул. Плаксина, д. 110, приглашало на обучение по специальности «помощник паровозного машиниста» мальчиков в возрасте 14–15 лет с образованием не ниже 5 классов [5]. Для обучения по специальности «плотник-столяр» также объявлялся набор только юношей в возрасте 14–15 лет [6], а для обучения на бригадира по ремонту железнодорожного пути был прием как мальчиков 14–15 лет, так и девочек 15–16 лет [7].

Особо стоит отметить девушек училища. Их училось по сравнению с юношами значительно меньше. Например, по заявлению замдиректора по политчасти П. Некаева, в 1945 г. в училище было всего 42 девушки. И все они обучались по непрофильным для слабого пола специальностям: помощник паровозного машиниста, слесарь по ремонту паровозов и вагонов.

Большая часть девушек по теоретической и производственной учебе имела отличные и хорошие оценки, перевыполняла производственные задания (например, Ольга Варакина, Лида Копосова, Надя Голубева, Нина Варакина, Валя Тубалина), занималась общественными работами, в частности – девушки читали учащимся художественную литературу (например, Апполинария Макарова) и вели стенгазету (например, Фаина Гусева и Галя Торопова) [8].

Что касается повседневной жизни учащихся, то все они в бытовом плане обслуживали себя сами, совместно занимались заготовкой и разделкой дров на отопительный сезон, на имевшемся подсобном хозяйстве площадью в 10 га выращивали зерно, овощи, картофель. К тому же оказывали еще и шефскую помощь колхозу им. М. Горького в деревне Январи. Единственной тягловой силой в училище был бык Спиря [2, с. 91].

С 20 апреля 1943 г. по приказу директора была введена утренняя проверка в строевом порядке: с 6.45 до 7.00. Сигналом построения служил горн. Присутствие являлось обязательным для всех учащихся, а также мастеров. Только строго согласно рапорту по итогам утренней проверки бухгалтерии разрешалась выдача талонов на питание [3, д. 3, л. 99].

Документы за 1949–1950 гг. позволяют установить, что в училище была введена специальная форменная одежда, за ношением которой строго следили. Не по форме одетым запрещалась выдача питания, белья, обмундирования, зарплаты, различных справок и документов, а также выдача книг, пособий и журналов [3, д. 11, л. 77].

Наличие на улицах Шахуньи учеников в форме создавало специфический социокультурный облик города.

На праздники учащимся железнодорожного училища была разрешена поездка к родителям. Мастерам было поручено подготавливать учащихся в дорогу, вплоть до проводов отпускников на поезд или автомашину. За нарушение внутреннего распорядка учащиеся лишались отпуска [3, д. 11, л. 98].

В целом, хозяйственную базу и организацию учебной деятельности в Шахунском железнодорожном училище № 3 можно оценить удовлетворительно. В качестве противопоставления можно взглянуть на письмо Ю. Чегурова и его товарищей из школы ФЗО № 23, публикуемое аспирантом НИУ РАНХиГС А.И. Поляковым в статье «Роль системы Государственных трудовых резервов в решении кадровых проблем в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области)»:

«Я нахожусь в школе ФЗО № 23, наша жизнь очень плохая. Обуви нам так и не дали, уже месяц в столовую ходим за два километра, если бы ближе была, стали ходить босиком. Если в столовую не сходим, хлеб и картошку принесут и дают нам всего по 100 грамм и по 1 ложке картошки. От ужина и от обеда повара оставляют себе по две буханки хлеба и по ведру картошки. Мало того, что они съедают наш хлеб, и комендант рвет нас за уши…Мы каждую ночь не спим, ищем вшей, вши нам не дают спать, мы живём, как в немецком плену, над нами издеваются, над советскими детьми, а нам ещё по 14 лет…» [9].

Оценивая итоги работы Шахунского железнодорожного училища, можно уверено сказать, что оно успешно справилось с поставленной задачей. С 1941-го по 1946 год было подготовлено свыше 500 высококвалифицированных рабочих, в том числе около 200 помощников паровозных машинистов, свыше 200 слесарей по ремонту паровозов и вагонов, 100 бригадиров по ремонту пути, 25 столяров-белодеревцев. Многие из выпускников продолжили обучение в техникумах и на курсах повышения квалификации. За пять лет учащиеся училища дали продукции стране на сумму более миллиона рублей. В новой сталинской пятилетке восстановления и развития народного хозяйства была поставлена цель увеличить подготовку в полтора раза [1].

Однако с переходом железной дороги на тепловозную тягу с последующей ее электрификацией паровозное депо на ст. Шахунья ликвидировали. Не стало учебно-практической базы для подготовки учащихся. Отпала необходимость в кадрах паровозной специальности. 1 января 1957 г. училище реорганизовали в училище механизации сельского хозяйства № 9 по подготовке трактористов широкого профиля для целинных земель Казахской ССР [2, с. 93].

Результаты исторического исследования показали, что фактором образования железнодорожного училища именно в Шахунье явилось наличие на станции большой учебно-производственной базы. С появлением училища в поселке зафиксирован прирост населения и увеличение фонда жилых и производственных помещений. И это с учетом убывших на фронт и вообще в целом тяжелых условий периода войны. Благодаря наличию специализированного училища железнодорожные предприятия Шахуньи не имели больших проблем с нехваткой кадров. В 1943 г. по решению Горьковского облисполкома Шахунья получила статус города, в чем есть и заслуга работы училища. Наличие в городе учащихся в специальной железнодорожной форменной одежде придавало городу особый социокультурный облик. Также можно заключить, что появление железнодорожного училища № 3 закрепило за Шахуньей статус образовательного центра на севере Горьковской области. Доказательством этого является тот факт, что после ликвидации железнодорожного училища в 1956 г. на его базе было создано училище механизации сельского хозяйства № 9.

Источники и литература

1. Кропотин Н.Н. Кузница квалифицированных кадров // За коммунизм. – 1946. – № 48. – С. 2.

2. Кошкин В. Профессиональный лицей // Город у дороги. – Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1999. – С. 91–94.

3. Сектор по делам архивов администрации г.о.г. Шахунья. Ф. Р-190. Оп. 1.

4. Высшая правительственная телеграмма № 2635 // За коммунизм. – 1945. – № 22. – С. 1.

5. Объявления // За коммунизм. – 1945. – № 51. – С. 2.

6. Объявления // За коммунизм. – 1944. – № 26. – С. 2.

7. Объявления // За коммунизм. – 1943. – № 24. – С. 2.

8. Некаев П. Девушки нашего училища // За коммунизм. – 1945. – № 12. – С. 2.

9. Поляков А.И. Роль системы Государственных трудовых резервов в решении кадровых проблем в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) // Клио. – 2016. – № 9. – С. 135–138.

ПОДВИГ РИХАРДА ЗОРГЕ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 75 ЛЕТ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ

Е.И. Подрепный[1], Е.П.Титков[2]

[1] ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой истории, кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
603000, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: podrepnyy@yandex.ru

[2] Арзамасский филиал ННГУ, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-методического центра по изучению дискуссионных вопросов отечественной истории
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: istcentr@mail.ru

В статье сделана попытка краткого историографического анализа деятельности прославленного советского разведчика, Героя Советского Союза Рихарда Зорге. Основное внимание авторы уделили новейшей литературе по проблеме. В статье рассмотрены методы и приемы разведывательной работы Р. Зорге как аналитика, журналиста, ученого и патриота своего нового Отечества – Советского Союза. Материал подбирался авторами с учетом возможного использования в преподавательской деятельности в вузах и школах. Имелось также в виду приближение 75-й годовщины Великой Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: *информация; историография; оценка; предупреждение; разведка.*

Прошло 75 лет после казни в токийской тюрьме Сугамо советского разведчика, Героя Советского Союза Рихарда Зорге, но тема жизни и смерти этого человека продолжает волновать исследователей, свидетельство тому – непрекращающийся поток публикаций на эту тему. Историков и публицистов особенно интересует роль предупреждений и прогнозов Р. Зорге относительно развития событий накануне Великой Отечественной войны и в ее первые месяцы [1, с. 5]. По сей день дискутируется вопрос: можно ли было советской стороне спасти своего разведчика в 1944 году? [2, с. 11].

В настоящей статье сделана попытка анализа современной отечественной историографии жизни и деятельности Рихарда Зорге применительно к возможностям использования этого материала в вузовском и школьном курсах истории Отечества и всемирной истории.

Биография прославленного разведчика довольно хорошо изучена. Одной из лучших работ советского периода можно считать труд М.В. и М.С. Колесниковых [3]. Судя по тексту и иллюстрациям, авторам была предоставлена возможность работы с письмами Р. Зорге и другими засекреченными архивными документами той эпохи. Авторы использовали иностранную литературу, бывшую в 1970-е гг. практически недоступной для советского читателя [3, с. 301].

Отметим, что иностранные авторы биографию героя обычно излагают кратко, не вдаваясь в мотивы его работы на советскую разведку. Так, Джеффри Т. Ричелсон связывает выбор Р. Зорге с послевоенной разрухой и крахом его

иллюзий, в результате чего *«он присоединился к революционному движению»*. Успехи большевиков убедили его *«поддерживать движение не только теоретически, но и стать реальным его участником»* [4, с. 121; 5, с. 148–149]. Об этом же пишет и Элизабет Порецки, добавляя мнение о некоторой *«политической наивности»* Р. Зорге [6, с. 123–124].

Примерно так же трактуют данный период жизни молодого Рихарда Зорге западные историки спецслужб Ф. Дикин и Г. Стори [7, с. 14–16].

Не особо отличается от оценок вышеназванных авторов история становления советского разведчика и мнения отечественных исследователей, как советских [3, с. 22–32], так и постсоветских [8, с. 16–30]. Все биографы, как правило, опираются на один источник – воспоминания, «Тюремные записки» Рихарда Зорге, составленные им в токийской тюрьме Сугамо [см.: 9, с. 24–34]. Наиболее подробно цитировал «Тюремные записки» Зорге в своей работе Б.В. Соколов [10, с. 12–18].

Все авторы подчеркивают выдающиеся аналитические и теоретические способности героя. Р. Зорге, по его собственным словам, внимательно изучал идеологию как правящего класса тогдашней Германии, так и ее противников. *«Я детально изучал эту идеологию в Берлинском университете, особенно старательно ее теоретический фундамент. Я читал и греческую философию, и оказавшую влияние на марксизм философию Гегеля. Я прочитал Энгельса, а затем и Маркса, что попадало в руки. Я изучал также труды противников Маркса и Энгельса, т.е. тех, кто противостоял им в теории, философских и экономических учениях, и обратился к изучению истории рабочего движения в Германии и других странах мира. В течение нескольких месяцев я приобрел фундаментальные знания и овладел основами практического мышления»* [10, с. 17].

В январе 1918 г. Рихард Зорге был уволен с военной службы по инвалидности. По его собственному признанию, война привела к глубокому духовному перелому, в результате чего он сблизился в госпитале с левыми социалистами и стал марксистом. Поэтому, по мнению Б.В. Соловьева, закономерным стало его участие в германской революции, последовавшей после поражения Германии в Первой мировой войне [10, с. 17–18].

Ладислас Фараго добавляет к этим сведениям некоторые подробности: *«Одна странная женщина сыграла важную роль в духовном формировании Зорге. Она была женой преподавателя, у которого он учился в Кильском университете, довольно распространенный тип “жены профессора”, того, кому мало дела до супруги и которая, как следствие, проявляет повышенный интерес к студентам мужа. Эта женщина была намного старше Рихарда и сумела превратить своего почитателя в фанатичного идеалиста и даже привезла его в Советский Союз. Большевики приняли его с распростертыми объятиями и поручили ему ряд тайных поручений в разных странах Европы»* [11, с. 198].

Отметим, что все цитированные выше работы, за исключением трудов А.Е. Куланова [12; 13; 14], относятся к разряду научно-популярных трудов, поскольку лишены научного аппарата.

А.Л. Куланов делает вывод, что к началу 1919 г. Рихард Зорге стал уже совершено другим человеком. *«На смену кайзеровскому солдату, бившему морду фельдфебелю, пришел молодой, энергичный и дерзкий подпольщик, собирающийся изменить мир»* [9, с. 42]. Период становления Рихарда Зорге как идейного борца идентично показан в советской историографии [3, с. 25–48], в постсоветской [например: 8, с. 21–31], а также в западной литературе по истории спецслужб [5, с. 148–149].

В становлении будущего военного разведчика важнейшую роль сыграл Ян Карлович Берзин [4, с. 79–80; 16, с. 12–16]. Об этом писали как советские авторы [3, с. 62–67], так и их коллеги за рубежом [см., например: 7, с. 52–57]. Профессиональная деятельность Рихарда Зорге как разведчика хронологически делится на два периода: «китайский» и «японский».

Документы, показывающие роль Я.К. Берзина в привлечении Зорге к разведывательной работе в Китае, были опубликованы только в 2000 г. Е.А. Горбунов делает вывод, что Зорге сам предложил себя военной разведке и сам предложил район своей деятельности – Китай. Он правильно решил, что в Европе уже достаточно примелькался и мог попасть под подозрение полиции и контрразведок европейских стран. В этом случае опытные разведчики, а Зорге уже можно было считать опытным ***партийным разведчиком*** (выделено нами. – **Авт.**), обычно меняют район деятельности. И роль Берзина в этом была не столь значительной, как пишут советские авторы, хотя решение о переходе Зорге в Разведывательное управление (Разведупр) Красной армии было принято, конечно, им, и в этом его несомненная заслуга. Отметим также, что, по воспоминаниям секретаря Берзина Н.В. Звонаревой, *«у них с Зорге сложились хорошие и теплые отношения, они понимали друг друга»* [15, с. 103–104].

Е.А. Горбунов дает полезный для преподавателей истории Отечества историографический анализ проблемы. «Можно отметить, – пишет он, – о многом, что стало у нас известно в 2000 г., на Западе писали значительно раньше». Книга Ф. Дикина и Г. Стори «Дело Рихарда Зорге» была издана в Лондоне в 1966 г. Русский перевод появился только в 1996 г. Авторы дают свою оценку советским публикациям 1960-х гг.: *«Нет никакого намека на существование какой-либо связи между Зорге и Коминтерном или какого-то ключа к природе его деятельности в течение предыдущих четырех лет, которую он кратко и умышленно туманно описал для японских следователей. Коминтерновская интерлюдия исчезла из его показаний, и Рихард Зорге выходит из московского сумрака лишь в роковом 1929 году, чтобы сразу же оказаться в офисе генерала Яна Карловича Берзина, всевидящего и всезнающего главы 4-гоУправления разведки Красной армии»*.

Конечно, как историки, они имели право на версии и предположения, и одна из этих версий заслуживает пристального изучения: *«Во время его пребывания в Москве в 1925 году он, конечно же, заполнил обычную анкету и написал автобиографию еще до своего вступления в советскую партийную организацию, и копии этих документов ушли в 4-е Управление. Таким образом, вполне вероятно, что дело Зорге просматривали в офисе Берзина в 1929 году или*

благодаря вмешательству Пятницкого (Осип Пятницкий – заведующий Отделом международных связей Коминтерна с 2 мая 1921 г. [16, с. 65]), *или как часть известной процедуры в тот момент политического кризиса и беспорядков в советской машине, когда военные разведывательные власти протянули свою защищающую длань, чтобы спасти ценных и опытных иностранных коммунистов, которые были изгнаны сталинской политической полицией – ГПУ из аппарата Коминтерна и других агентств»*. Вот еще одно предположение английских авторов, на которое следует обратить внимание: *«У Берзина, вероятно, было досье на Зорге, начатое еще в бытность последнего в Германии и, уж конечно, со времени его прибытия в Москву. Опыт Зорге в качестве журналиста представлял особый интерес для 4-го Управления как отличное прикрытие для операций за границей и необходимое дополнение для политического наблюдателя. Его бесспорный и разнообразный военный опыт, возможно, имел еще большее значение»*. Природа таких утверждений не в гениальности английских историков. Просто на Западе о деятельности Коминтерна и его Отдела международных связей (ОМС) было известно многое, да и воспоминания Вальтера Кривицкого [17], изданные на Западе в 1939 г., читались весьма внимательно.

Ф. Дикин и Г. Стори, в отличие от наших историков, отлично знали содержание всех трех томов «Дела Зорге», изданных в Японии еще в 1962 г., и полностью использовали протоколы допросов Зорге, неизвестные у нас даже в XXI веке.

А в этих протоколах есть ответы на некоторые вопросы, которые у нас начали исследоваться только в самое последнее время. На одном допросе Зорге сказал, что он представил в ОМС свои предложения; суть их заключалась в том, чтобы разделить ОМС и шпионские организации, связанные с политическими и экономическими проблемами: *«И далее я предложил, что Москве следует решительнее, чем это было в прошлом, развести тех агентов-шпионов в зарубежных странах организациями Коминтерна, с тем чтобы быть уверенными, что степень отдаления отвечает требованиям секретности»*. О переплетении разведывательных сетей триады политической, военной и партийной разведок у нас стали говорить в исторической литературе сравнительно недавно, а на Западе это широко обсуждалось еще сорок лет назад. И далее на последующих допросах Зорге сообщил, что он предложил Пятницкому такие изменения: *«Поскольку был уверен, что шпионаж, который мне нравился и для которого, думаю, я был вполне пригоден, был бы невозможен в тесной структуре партийной деятельности… Мой характер, вкусы и устойчивые предпочтения – все вело к политической, экономической и военной разведке, как можно дальше от партийных споров»*. Так что уже в 1929 г. Зорге принимает решение уйти на работу в военную разведку [15, с. 105–106].

Е.А. Горбунов считает, что Зорге получил свой псевдоним «Рамзай», очевидно, еще перед поездкой в Китай, а не при разработке знаменитой операции, как об этом писали некоторые авторы [15, с. 106–107].

«Китайский период» жизни Зорге исследователи разведывательных служб освещают по-разному. «Китайскому периоду» посвящен фундаментальный труд М. Алексеева [18]. Этой проблеме отводит несколько глав своего научного труда о Рихарде Зорге А.Е. Куланов [9, с. 123–194].

А.Е. Куланов дает краткую характеристику методов работы Р. Зорге – резидента советской разведки в этот период. Он *«отбирал наиболее ценные сведения, комментировал их и сортировал: наиболее срочные зашифровывались и передавались по рации в “Висбаден”, другие материалы, прежде всего микропленки, отправлялись почтой через Китай в Москву. Всего Рихард Зорге за время своей работы в Шанхае отправил 13 почтовых “посылок”. Последняя из них пришла в Москву 10 января 1933 года и содержала 55 материалов на девятистах страницах на немецком, английском и китайском языках – поистине грандиозный объем работы, выполненной в чрезвычайных условиях нелегальной резидентуры военной разведки. Говоря же об оценке материалов, присланных “Рамзаем”, надо иметь в виду, что далеко не всегда мнение резидента по тому или иному вопросу совпадало с мнением Москвы. Сохранились данные об оценке, данной Центром, некоторым документам, полученным от “Рамзая” по почте в период с 27 февраля по июль 1932 года: из 125 документов 65 были признаны “ценными”, 48 – “заслуживающими внимания”, остальные не представлялись Центру столь интересными, как это виделось “Рамзаю”:*

– подавляющее большинство направляемых в Центр материалов носило военный характер и освещало состояние и организацию различных группировок войск…

– большинство материалов, как и в предыдущих почтах, было направлено лично “Рамзаем”;

– грань между оценками как ценные и заслуживают внимания была весьма условна» [9, с. 224–225].

Добыча таких пластов информации была сопряжена с огромным риском, и все три года «Рамзай» находился на грани провала. Но – и это главное – провала так и не произошло. Подозрения существовали, но ни резидентура в целом, ни сам Рихард Зорге не были окончательно «засвечены» ни одной из полиций, действовавших в то время в Шанхае и в Китае вообще [9, с. 225].

В.И. Лота в своей монографии [19] уделил этому периоду жизни Зорге пару страниц своего обширного труда [19, с. 176–177]. Б.В. Соколов приводит обширные фрагменты из «Тюремных записок» Зорге, посвященных его работе в Китае, которые можно использовать в преподавании соответствующих курсов и спецкурсов по истории Отечества [10, с. 61–72]. Находясь в Шанхае, Рихард Зорге приступает к изучению Японии: *«[Я] намеревался при этом стать знатоком японской истории и внешней политики»* [10, с. 71].

Важнейшим периодом в жизни и деятельности советского разведчика Рихарда Зорге стал «японский» [см., например: 3, с. 105–106; 7, с. 94–97]. Деятельность Зорге в Токио проанализирована А. Колпакиди и А. Севером [20], а также Е.А. Горбуновым в труде «Схватка с черным драконом» [21].

И.А. Дамаскин дает высокую оценку последней из упоминавшихся работ. Он пишет: *«Большинство авторов, писавших о Зорге, основывались не на архивных материалах, а на уже напечатанных, а зачастую и сфабрикованных. Дело в том, что никто из авторов полного доступа к архивам ГРУ* (Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. – **Авт.**) *не получил. Опираясь либо на имеющиеся открытые источники, либо на материалы, выборочно представляемые цензорами из аппарата этого ведомства. В результате родился миф, в который, к сожалению, поверили и сами авторы, и их читатели.*

Серьезный анализ информации, поступающей от Рихарда Зорге в 1941 году, стал возможен совсем недавно. Опубликован сборник документов об истории военно-политического противоборства СССР и Японии в 1930–1940-е годы. В нем впервые приводятся полные тексты радиограмм группы "Рамзай" за 1941 год.

Исследователь Е.А. Горбунов в своей глубокой и умной книге "Схватка с черным драконом" проанализировал все, что было напечатано о Зорге, начиная от первых публикаций 1965 года и до 2002 года. Он ссылается также на книгу другого исследователя, Фесюна, "Дело Зорге" с подзаголовком "Неизвестные документы". Это – наиболее полная подборка документов из "Дела Зорге", хранящегося в архиве ГРУ. Читателям, которых особенно заинтересовала тема Зорге, мы советуем обратиться к этим источникам» [16, с. 249]. Полезно также знание методов работы Зорге-аналитика, или, если хотите, Зорге-историка.

В Японию приехал журналист-международник высшего класса, прекрасно разбиравшийся во всех тонкостях запутанных международных отношений, новейшей истории и внешней политики крупнейших мировых держав. Это был ученый, великолепно овладевший диалектикой познания событий. Но это был человек, который уже тогда, в 1933 г., отлично понимал, как он должен работать в новой стране. Вот выдержка из его записок: *«Мое убеждение состояло в том, что если думать об успешном выполнении наших разведывательных целей в Японии, то необходимо глубоко разобраться во всех вопросах, хотя бы в какой-то степени имеющих отношение к нашей миссии, и всегда полагал, что человек, находящийся в таком положении, не должен удовлетворяться простым сбором информации, а обязан приложить все усилия, чтобы обладать полным пониманием вопросов, имеющих отношение к его собственной деятельности. Несомненно, что сам по себе сбор информации – умение анализировать материал и дать ему оценку с общеаналитической точки зрения»*. Вот метод разведывательной работы в Японии! И как следствие этого метода – фраза в «Записках» Зорге: *«В результате возникла необходимость постоянно и последовательно анализировать и проблемы Японии»* [21, с. 146].

Но для такой аналитической работы нужны были обширные знания. Тех знаний дальневосточных проблем, с которыми Зорге приехал в Японию, а они были весьма солидными после трехлетней работы в Китае, было недостаточно. И поэтому до самого дня ареста он стремился как можно больше узнать

о стране, в которой жил. Как следствие этого, вывод, отраженный в его «Записках»: *«Знания, приобретенные мною в период проведения работы в Японии, ничуть не уступали тем, которые были получены мною в немецком университете. Осенью 1933 года я перешел к детальному изучению японских проблем…»* [21, с. 146].

Как же проходило изучение этих проблем? Собиралась вся научная литература по Японии. В личной библиотеке Зорге к моменту ареста было около 1 000 книг по самым различным вопросам, касающимся Японии. Использовалась библиотека посольства и личная библиотека посла, а также библиотека Восточно-Азиатского германского общества в Токио, в которой было очень много научной литературы. Заказывались переводы из солидных японских журналов. Собиралось и тщательно изучалось все, что могло хоть что-то добавить к его знаниям о Японии. И, конечно, последовательность изучения японских проблем. Вот как он сам писал об этом: *«Я изучал древнюю историю Японии, политическую, экономическую и социальную историю древнего периода. Полученные знания помогли мне разобраться в вопросах экономики и политики современного периода. Поэтому я детально изучал аграрную проблему, затем перешел к проблемам мелкой и крупной промышленности, и наконец, тяжелой промышленности…»*. Совершено новый подход к разведывательной работе, о котором в 1930-е гг. не могла догадаться ни одна контрразведка. Зорге хорошо понимал, что добиться серьезных результатов в разведывательной работе можно только таким путем. Поэтому неудивительно, что в его «Записках» появились такие строчки: *«Не следует забывать, что моя разведывательная работа в Китае и позднее в Японии носила совершенно новый оригинальный и к тому же творческий характер»*.

Этот новый творческий метод в разведывательной работе, основанный на глубочайших знаниях всех проблем, хотя бы косвенно имевших отношение к разведывательной деятельности, начали признавать и на Западе, когда там появились книги о Зорге. Английского писателя Чарльза Уайтона, автора нашумевшей в свое время книги «Величайшие разведчики мира», нельзя обвинить не только в любви, но даже и в симпатиях к Зорге. И все же он вынужден был признать превосходство советского разведчика именно в методах его работы. Вот характеристика, данная им Зорге: *«С какой бы меркой ни подходили к нему, нельзя не согласиться с тем, что человек он был выдающийся: доктор философии, наделенный недюжинным умом, в совершенстве знающий немецкий, английский, французский, русский, японский и китайский языки, крупный специалист по каждой из стран, где ему приходилось заниматься разведывательной деятельностью. Можно не сомневаться, что Зорге добился бы огромных успехов в любой области, которую бы он выбрал. Именно поэтому они стал непревзойденным разведчиком»* [21, с. 147]. Признание весьма красноречивое!

То, что на Западе стало ясно в 1950-е гг., Зорге отлично понял в начале 1930-х гг. Творческий подход к разведывательной деятельности, основанный на тщательном изучении всех проблем, касающихся разведки, и на научном анализе основных вопросов, был новым для того времени. В те годы крупнейшие

разведки мира, проповедовавшие принцип плаща и кинжала, жили легендами о похождениях Лоуренса Аравийского, или Дальневосточного Лоуренса, – Доихара Кенази, руководителя японской разведки на азиатском континенте, о похождениях которого в Северном Китае шумела мировая пресса. Умный, обладавший большими знаниями, знавший множество языков – он весь свой талант и энергию бросил на организацию политических заговоров, похищений, диверсий, убийств из-за угла. Он был антиподом и полной противоположностью Зорге. И неудивительно, что в незримом поединке с резидентом советской военной разведки в Японии руководитель «континентальной службы» потерпел сокрушительное поражение [21, с. 147–148].

Такая тщательная исследовательская работа не имела непосредственного отношения к получению разведывательной информации. Но предоставим слово Зорге: *«Я был уверен, что абсолютно необходимо по возможности полно разбираться во всех проблемах государства, в котором я нахожусь, в данном случае Японии. Осуществляя такую исследовательскую работу, я мог оценить степень важности того или иного вопроса, того или иного события с точки зрения политики и истории в широком смысле этого слова… Наконец, благодаря своей исследовательской работе, я не только мог собирать необходимую информацию и точно передавать ее – я был в состоянии давать свою собственную оценку положения с точки зрения политической, экономической, военной»*.

Помимо оперативной информации, содержащейся в радиограммах, отправленных в «Висбаден» (СССР. – **Авт.**), в Москву с курьерами шли обстоятельные доклады по различным вопросам политического, экономического и военного характера. И именно для составления таких докладов исследовательская работа, проводимая Зорге в Японии, имела неоценимое значение. Зорге в своих «Записках» писал: *«Я составлял доклады о внутриполитическом, международном положении, а также доклады по военным вопросам. В них содержалось краткое изложение и анализ развития важнейших событий после того, как были посланы соответствующие донесения. Опираясь на обширную информацию и результаты моей исследовательской работы, я старался нарисовать правильную, объективную общую картину изменившейся обстановки и развития основных событий. Такие доклады, требовавшие большого труда, были бы немыслимы, если бы не была поведена глубокая исследовательская работа и отсутствовали глубокие знания»*. Зорге мог с гордостью заявить, что изучение страны – исследовательская работа, которой он занимался с первого дня приезда в Японию до дня ареста, помогли ему полностью удовлетворить те высокие требования к качеству анализа и оценок важнейших событий, которые предъявляла Москва. Такая исследовательская работа помогла ему совершенствоваться не только как крупнейшему журналисту по Японии и проблемам Дальнего Востока, но и как специалисту-разведчику [21, с. 148–149].

Одним из важнейших источников информации Зорге был Ходзуми Одзаки – журналист, корреспондент газеты «Асахи» в Китае, затем сотрудник редакции газеты. Сотрудник исследовательского отдела концерна ЮМЖД (Юж-

но-Манчжурской железной дороги), после прихода к власти принца Коноэ – неофициальный советник премьера по китайским вопросам. Крупнейший специалист по проблемам Китая, автор книг и статей в журналах и газетах на эту тему. Его антимилитаристские взгляды на японскую экспансию не были секретом для Зорге еще в Китае. Несколько лет не изменили мировоззрения Одзаки, его взгляды остались прежними, и после беседы с ним Зорге передал в Москву: *«Связался с Одзаки и после основательной проверки опять решил привлечь его к работе. Это очень умный, верный человек. Занимает видное положение в крупной газете, имеет необыкновенно широкий круг знакомств»*. Японский журналист стал членом группы «Рамзай» и первым помощником советского разведчика [21, с. 150].

Одзаки оставался основным поставщиком сведений Зорге, но были и другие информаторы. В целом, численность лиц, задействованных в его сети, составляла от 36 до 50 лиц: от 57-летней портнихи до 21-летнего служащего при «Китайском исследовательском институте», что служило кодовым названием японской спецслужбы. Среди сотрудников Зорге были государственные чиновники, журналисты, художники, студенты, двое брокеров и врач. У некоторых из них был доступ к материалам японской секретной службы. Дополнительная разведка осуществлялась благодаря доступу к материалам германского посольства, к которым у Зорге имелся допуск.

В информационный массив включалось огромное количество подлинных документов, многие из которых Одзаки получал от высокопоставленных государственных чиновников, обращавшихся к нему за консультациями. Одзаки передал Зорге даже некоторые совершенно секретные государственные бумаги, полученные от князя Коноэ. Документы фотографировались на микропленку и вывозились из Японии, главным образом курьерами, прибывавшими за ними из Москвы, но иногда радистом Максом Клаузеном и Зорге.

В течение шести лет Клаузен работал на своей рации без перерыва, причем практически без пауз. Радистам в «Висбадене» Клаузен был известен как Фриц. Зорге загружал радиста до предела, постоянно снабжал его невероятным объемом информации. За 1939 г. Фриц провел в общей сложности 60 радиосеансов, всего 23 139 слов. Пик был достигнут в 1940 г., когда в эфир было послано около 30 000 слов [11, с. 202]. В период с января 1936 г. по октябрь 1941 г. Р. Зорге отправил в «Центр» 805 срочных сообщений. В 1936 г. 49 радиограмм, поступивших от Зорге в «Центр», были обработаны сотрудниками информационного отдела и *«доложены правительственным инстанциям и руководству НКО СССР»*.

В 1937 г. 48 донесений Зорге оказались в числе «доложенных» высшему политическому руководству страны и командованию Красной армии. В 1938 г. было доложено 86 информационых донесений «Рамзая», в 1939 г. – 85, в 1940 г. – 59 и в 1941 г. 36 донесений Зорге было направлено «правительственным инстанциям».

Скупая фраза *«доложены правительственным инстанциям и руководству НКО СССР»* была высшей оценкой результатов опасной деятельности Ри-

харда Зорге. В целом, за 4,5 года 363 донесения «Рамзая» были доложены Сталину, Молотову, Берия, наркому обороны, начальнику Генерального штаба [20, с. 345].

Анализ отношений между СССР, Японией и Германией был главной целью специальной миссии Зорге. И он справлялся с поставленными задачами вполне успешно. В частности, 2 мая 1941 г. «Рамзай» прислал в Центр следующее донесение: *«Я беседовал с германским послом Оттом и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой»* [19, с. 346–347].

В том же сообщения Зорге отмечал, что, по мнению германских генералов, *«система обороны (СССР) на германо-советской границе чрезвычайно слаба».* 6 мая 1941 г. Зорге вновь сообщил, что *«немецкие генералы оценивают боеспособность Красной армии настолько низко, что они полагают, что Красная армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба».* Сталину такую информацию не докладывали – пишет А.Б. Мартиросян [22, с. 285]. Он пишет, что *«19 мая 1941 г. Зорге информировал о том, что стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши»*. Информация была фактически проигнорирована самим Главным разведывательным управлением (ГРУ) Генерального штаба [22, с. 285].

Первого июня 1941 г. Зорге сообщает, что наиболее сильный удар вермахт нанесет левым крылом. Увы, и в этом случае начальник ГРУ Ф.И. Голиков ничтоже сумняшеся принял решение не докладывать об этом Сталину под предлогом, что-де информация сомнительная и от сомнительного источника! – пишет А.Б. Мартиросян [22, с. 285].

Двадцатого июня 1941 г. Зорге информировал о том, что *«стратегические оборонительные позиции до сих пор еще более не боеспособны, чем это было в обороне Польши»*. Сталину опять об этом не докладывали [22, с. 287].

Тот факт, что в радиограммах Зорге содержится много дезинформации, объясняется просто. И посол, и военные атташе Германии имели задание распространять дезинформацию о сроках нападения Германии и численности войск, «поощрять всякую фантазию». И даже вполне доверяя Зорге и делясь с ним «военной тайной», они допускали, что он как журналист, в свою очередь, может с кем-то поделиться «новостями» и тем самым способствовать распространению дезинформации.

Поэтому обвинять Зорге ни в чем нельзя. Великий разведчик сделал все, что было в его силах. Отметим, что в документах кануна войны о дате ***22 июня*** не может быть и речи.

Последняя телеграмма перед войной поступила от Зорге 20 июня 1941 г. В ней говорится: *«Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна. Германское военное превосходство дает возможность разгрома последней большой европейской армии».*

Симптоматично, что в опубликованном тексте этой телеграммы нет никаких резолюций и пометок о рассылке. Следовательно, Сталину она не докладывалась. А новость сообщения в ней уже не была новостью: о ней кричала вся мировая пресса [16, с. 250].

В.И. Лота пишет, что начальник ГРУ Ф.И. Голиков не доверял Зорге [19, с. 352].

Отметим, что даже в новейших публикациях по истории разведывательных служб продолжает муссироваться тезис о том, что *«Сталин проигнорировал донесения Рихарда Зорге, своего лучшего агента в Японии, что заставило этого безукоризненного и добросовестного советского шпиона в отчаянии воскликнуть: "Москва не верит мне!"»* [23, с. 68–69].

Донесения Зорге, поступавшие в Центр летом и осенью 1941 г., в основном, были посвящены решению важнейшей для советского руководства проблемы военно-политического характера – вскрытию планов японского руководства по вступлению в войну против СССР [19, с. 356]. Так произошла ***«трагедия Зорге»***.

Биограф Зорге А.Е. Куланов пишет: *«Трагедия Зорге состояла в том, что его героическая работа и поступающие от него сведения не использовались нашим командованием. Исключительно важные данные о предстоящем нападении Японии на США, о неприсоединении Японии к германской агрессии против СССР в сентябре–октябре 1941 года так и осели в наших архивах»*. Есть и иное мнение: информация Зорге регулярно, хотя и с преступным опозданием, докладывалась Сталину [1, с. 5].

В Разведуправлении существовали разные мнения относительно работы «Рамзая». Сотрудники Сергей Будкевич, Алексанлр Рогов, лично знавшие Зорге, говорили о нем как о человеке преданном, глубоко порядочном, в высшей степени профессиональном. Однако были и те, кто не доверял Зорге [2, с. 11].

А дивизии с Дальнего Востока перебросили под Москву в октябре 1941 г. лишь потому, что у Сталина не имелось других готовых к боям резервных боевых соединений. Если даже информация Зорге при этом и учитывалась, то не играла существенной роли в принимаемом решении [9, с. 465].

Кто Вы, доктор Зорге? На этот вопрос современные авторы отвечают неоднозначно. Так, Б.В. Соколов считает: *«Рихард Зорге оставался романтиком революции. И этот романтизм, смешанный с долей здорового авантюризма, помог ему достичь выдающихся успехов в качестве разведчика-резидента. По времени и интенсивности разведывательной работы, а также по ценности собранного им военно-политического материала Зорге по праву считается одним из самых успешных разведчиков в мире. Иногда его даже называют "разведчиком № 1"*.

Рихард, хотя и занимался сугубо тайной деятельностью, да еще и работая на одну из тоталитарных диктатур, оставался внутреннее очень свободным человеком и вел образ жизни, который для обычных советских разведчиков считался предосудительным. Но он-то был необычный. Можно сказать, что Зорге был самый несоветский из советских разведчиков» [10, с. 254].

Архивные документы ГРУ говорят, что Зорге был убежденным коммунистом. Долгие годы сначала в Шанхае, а потом в Токио, он честно и преданно работал на свою духовную родину – Советскую Россию. Да, он вел разгульный, с точки зрения советских руководителей, образ жизни. Но это было своеобразным прикрытием. Ни у кого не возникало ни грана сомнения, что Зорге – журналист, глубокий аналитик, преданный член НСДАП. Эта «крыша», как говорят разведчики, работала прекрасно, обеспечивая доступ к документам государственной важности [2, с. 11]. Поэтому фигура Зорге должна занимать достойное место в преподавании курса Отечественной истории.

Источники и литература

1. Чинкова Е. Называл ли Рихард Зорге Сталину дату нападения на СССР // Комсомольская правда. – 2019. – 30 октября – 6 ноября.
2. Болтунов М. Эшафот для Рамзая // Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета. – 2019. – 29 октября – 4 ноября.
3. Колесникова М.В., Колесников М.С. Рихард Зорге. – М.: Молодая гвардия, 1971. – 304 с.
4. Ричелсон Дж. Т. История шпионажа XX века. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 560 с.
5. Ричелсон Дж. Т. Шпионы XX века: от царской охранки до ЦРУ и КГБ / пер. с англ. А. Филонова. – СПб.: ЗАО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. – 611 с.
6. Порецки Э. Тайный агент Дзержинского. – М.: Современник, 1996. – 415 с.
7. Дикин Ф., Стори Г. Дело Рихарда Зорге / пер. с англ. Н. Лихачевой. – М.: ТЕРРА, 1996. – 384 с.
8. Кондрашов В.В. Рихард Зорге. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 398 с.
9. Куланов А.Е. Зорге Неудобный. – М.: Молодая гвардия, 2018. – 652 с.
10. Соколов Б.В. Рихард Зорге. Джеймс Бонд советской разведки. – М.: Вече, 2015. – 256 с.
11. Фараго Л. История шпионажа времен Второй мировой войны / пер. с англ. А.Л. Уткина. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2019. – 351 с.
12. Куланов А.Е. В стране Восходящего солнца. – М.: Вече, 2014. – 352 с.
13. Куланов А.Е. Зорге. – М.: Молодая гвардия, 2019. – 591 с.
14. Куланов А.Е. Шпионский Токио. – М.: Вече, 2014. – 320 с.
15. Горбунов Е.А. Сталин и ГРУ. – М.: Яуза; Эксмо, 2010. – 352 с.
16. Дамаскин И.А. Сталин и разведка. – М.: Вече, 2004.
17. Кривицкий В.Г. Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика / пер. с англ. И. Вишневской. – М.: Современник, 1996. – 415 с.
18. Алексеев М. «Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае. 1930–1933 гг. – М.: Кучково поле, 2010. – 800 с.
19. Лота В.И. За гранью возможного. Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. – М.: Кучково поле, 2008. – 656 с.
20. Колпакиди А., Север А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. – М.: Яуза; Эксмо, 2009. – 720 с.
21. Горбунов Е.А. Схватка с черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М.: Вече, 2002. – 512 с.
22. Мартиросян А.Б. Сталин и разведка накануне войны. – М.: Вече, 2014. – 480 с.
23. Хьюз-Уилсон Дж. История катастрофических провалов военной разведки / пер с англ. О. Мичковского. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. – 496 с.

ПРАДЕД-ГЕРОЙ В НАШЕЙ СЕМЬЕ

В.Е. Яшин[1], И.Е. Яшин[2], С.В. Завьялова[3]
Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
в г. Нижнем Новгороде,
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а;
[1, 2]студент
[3] кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

В статье рассказывается о ветеране Великой Отечественной войны Иване Андреевиче Яшине, о его боевом пути. Воспоминания фронтовика запечатлены в тетради, которая бережно хранится в семье Яшиных.

Ключевые слова: *прадед; Иван Андреевич Яшин; Великая Отечественная война; тетрадь; воспоминания.*

В Великой Отечественной войне наши деды и прадеды отстояли свободу и независимость нашей Родины, дав нам – их потомкам – возможность мирно жить, учиться и трудиться. Во многих российских (и не только) семьях чтут память родственников-ветеранов той войны, видевших все своими глазами. Наша семья – не исключение.

Наш прадед Иван Андреевич Яшин ***(Приложение 4, фото 1)*** участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 год, отмечен многими боевыми наградами: орденами Боевого Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, а также медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [1].

По воспоминаниям Ивана Андреевича, в июне 1941 г. он был призван на защиту Родины и попал он в разведку. «*15 июля наш полк своим ходом направили на Северо-Западный фронт. По прибытии во фронтовую полосу впечатление желало бы ожидать лучшего, чем нам пришлось столкнуться. У пехоты не хватало оружия, то есть не у всех были винтовки, не говоря уже об автомашинах. Я попал в дивизионную разведку, реактивной системы залпового огня – "Катюши". В нашу задачу входило, чтобы разведывали скопление противника и его техники и докладывали своему командованию данные. После каждого залпа "Катюши" немцы не досчитывались своих солдат, а также техники, это оружие было очень мощное, и ее немцы очень боялись*» [2].

Командир взвода разведчиков Титов неоднократно брал с собой на боевое задание Ивана Андреевича, которому он полностью доверял и на которого мог надеяться в трудную минуту. Иван Андреевич как-то рассказывал своим детям, как они с Титовым из разведки вернулись с «языком». Тот, чтобы спасти свою жизнь, подробно рассказал потом о местах сосредоточения немецкой техники и живой силы. После таких данных огонь наших минометов был особенно точен, и немцы понесли большие потери [1].

Довелось Ивану Андреевичу освобождать город Калинин (ныне Тверь), где противник нес большие потери. В декабре 1942 г. полк, где служил прадед, был расформирован. Ивана Андреевича направили в школу офицерского состава в город Миасс Челябинской области, в артиллерийское училище, по окончании которого присвоили звание младшего лейтенанта разведки [2].

В конце июля 1942 г. 88-й полк направили на Сталинградский фронт, где Иван Андреевич был командиром взвода разведки. Он вспоминал: «*Здесь пришлось расходовать боеприпасы экономно, в исключительно тяжелых условиях, так как враг находился в пределах Сталинграда. Когда пехота врага с криками за танками шла в рост лавиной, тогда-то наши "Катюши" и охлаждали противника, и на поле боя оставались десятки трупов солдат и офицеров, а танки поджигала наша артиллерия и пехота связками гранат и бутылками с зажигательной смесью. Двести дней вели наши войска оборонительные тяжелые сражения. Был приказ "Ни шагу назад!" Под Сталинградом в период 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. было полностью уничтожено и разгромлено 32 дивизии и три бригады вермахта, а 16 дивизиям было нанесено тяжелое поражение. Потери немецко-фашистских войск составили около 800 тысяч человек. Всего же на Южном крыле было разгромлено более 100 дивизий. Противник под Сталинградом потерял убитыми, ранеными, пленными или пропавшими без вести около 1.700 тысяч человек, 24 тысячи орудий, свыше 3,5 тысяч танков и 4,3 тысячи самолетов. В защиту Сталинграда я тоже внес свою лепту. Мне приходилось под непрерывным огнем и бомбежкой восстанавливать связь, чтобы она действовала безупречно. Были также и у меня потери солдат. При станице Клецкой у нас подбили танкетку, на которой было установлено орудие "Катюши". Мне было приказано взорвать орудие. Этот приказ я выполнил с честью, орудие не попало в руки врага*» [2].

В августе 1942 г., в период жарких боевых действий под Сталинградом И.А. Яшин получил боевую задачу – корректировать огонь нашей артиллерии. Для этого надо было как можно ближе подобраться к немецким позициям и по телефону сообщить о целях и результатах их обстрела. Разведчики укрылись в одном из блиндажей, откуда вели корректировку огня нашей артиллерии. Немцы, пойдя в наступление, окружили блиндаж с разведчиками. Чтобы избежать плена, И.А. Яшин по телефону сообщил координаты блиндажа и вызвал огонь на себя. Немцы близко подошли к блиндажу и предложили разведчикам сдаться, но тут их накрыл огонь нашей артиллерийской батареи. Немцы в страхе бежали. Но один из снарядов попал в блиндаж. Разведчиков завалило землей, многих ранило. Жизнь Ивану Андреевичу и другим разведчикам спасла медсестра, которая откопала людей из-под обломков блиндажа и оказала им первую медицинскую помощь. Этот боевой эпизод навсегда остался в памяти прадеда [1].

Со Сталинградского фронта И.А. Яшина отозвали в Москву на повышение. Он приехал в штаб армии за направлением. Там ему вручили орден Боевого Красного Знамени за участие в битве под Сталинградом и присвоили звание старшего лейтенанта. Иван Андреевич получил в свое подчинение парковую

батарею и направление на Орловско-Курскую дугу в составе 16-й гвардейской бригады [1]. «*На Орловско-Курской дуге дело было намного “веселее”, так как силы выросли, боевой дух наших войск был приподнятый. Орловско-Курскую дугу лучше бы назвать Орловско-огненная дуга. Вы не можете представить весь объем кровавой битвы. Превосходство сил клонилось в нашу сторону, но враг еще был силен. Вы представьте себе: на поле боя стреляют десятки сотен орудий разных калибров, летают тысячи самолетов с той и другой стороны в воздухе. Сотни танков и другого оружия, земля как при землетрясении ходит, то есть перемещается с места на место. В воздухе самолеты как грачи налетают друг на друга. Гудят десятки самолетов. Спускаются на парашютах и немецкие, и наши летчики. Падают с визгом подожженные машины. Танки идут на таран и также горят, пехота идет в рукопашный бой. На это жутко смотреть, но советские воины выстояли*», – вспоминал Иван Андреевич [2]. За мужество и героизм, проявленные на Орловско-Курской дуге, И.А. Яшин был награжден орденом Красной Звезды. Его взвод должен был провести разведку боем. Это означало пойти в атаку на немцев, чтобы те открыли по ним огонь, засечь координаты их огневых точек и подавить артиллерийским огнем перед наступлением наших войск. Практически после разведки боем лишь единицы из разведчиков остались в живых. Зато было спасено много жизней других советских солдат, пошедших потом в атаку на немецкие позиции [1].

Боевой путь И.А. Яшина пролегал на запад через Украину и Польшу. В 1945 г. он был под Берлином. В апреле 1945 г. гвардии капитан Яшин был командиром автопаркового дивизиона отдельной артиллерийской бригады. Дивизион обеспечивал боеприпасами артбригаду. С 16 по 30 апреля артбригада непрерывно участвовала в боевых действиях по взятию Берлина, обрушивая на немцев многие тонны стали и огня. Дивизион И.А. Яшина в тяжелых условиях ночной светомаскировки под обстрелом немецкой артиллерии обеспечивал нормальное снабжение бригады боеприпасами и другими средствами для ведения боевых действий за 200 км от баз снабжения. За успешное выполнение этой боевой задачи И.А. Яшин был награжден орденом Александра Невского [1].

Вот таков вклад нашего прадеда в общее дело Победы. А наш долг – никогда не забывать того, что сделали наши прадеды. А самое главное – никогда не допустить повторения страшной войны.

Источники и литература

1. Ермишев В. Вызвал огонь на себя // Сельские вести. – 2014. – 7 ноября.

2. Воспоминания И.А. Яшина об участии в Великой Отечественной войне (рукопись) // Хранится в семейном архиве Яшиных.

РАБОТА С ИНФОРМАЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ В КОНТЕКСТЕ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.В. Колосунин
Арзамасский приборостроительный колледж имени П.И. Пландина, преподаватель
607230, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Жуковского, д. 2
E-mail: pak-725@mail.ru

В статье представлен обзор наиболее доступных информационных ресурсов, которые могут быть использованы в реконструкции фронтовой биографии участника Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *информационные ресурсы; поисковая работа; Великая Отечественная война.*

У всех народов во все времена было и остается непреложным правилом своевременное и достойное захоронение павших воинов и увековечение их имен. К сожалению, только по официальным данным, число пропавших без вести советских воинов в годы Великой Отечественной войны составляет 4,5 млн человек [1]. Кто-то из них действительно остался не преданным земле, а имена большинства нигде не увековечены. Их судьбой уже более полувека занимаются тысячи добровольцев, которые сейчас представляют общественную организацию «Поисковое движение России».

Возникнув как всенародное движение по розыску и захоронению павших воинов, постепенно «поиск» превратился в комплексное систематическое изучение истории Великой Отечественной войны и реконструкцию фронтовых биографий конкретных участников военных действий. В данной статье термин «поисковая деятельность» будет использоваться именно в таком контексте.

Реконструкция фронтовой биографии включает в себя определенные сведения о жизненном пути участника боевых действий конкретного хронологического периода, которые могут быть подтверждены документами либо свидетельствами очевидцев. Возможность воссоздания биографии защитника Отечества и степень ее полноты в каждом отдельном случае зависит от конкретных обстоятельств.

Поиск невозможно вести при отсутствии информации. Качественная и эффективная поисковая деятельность предполагает изучение комплекса источников различных видов, которые поисковики могут найти на различных информационных ресурсах.

Информационные ресурсы – это документы и их массивы, расположенные в информационных системах (например, библиотечных и архивных фондах, электронных банках данных). В результате проделанной работы планируются и организуются поисковые экспедиции на местах былых боев, а по итогам экспедиций ведется уточнение обстоятельств минувших событий, устанавливаются имена, проясняются фронтовые судьбы павших, идет поиск родственников погибших. Отсюда эффективность алгоритма поисковой работы:

информационные ресурсы – поисковые работы на местности – информационные ресурсы.

В силу объективных причин не все информационные ресурсы одинаково доступны. В данной статье мы остановимся на тех ресурсах, с которыми может ознакомиться любой интересующийся историей Великой Отечественной войны или занимающийся исследованием фронтовой судьбы своих родственников. Начнем с традиционных письменных источников, сосредоточенных в библиотечных и архивных фондах.

Письменные источники, сосредоточенные на этих информационных ресурсах, включают в себя документы официального происхождения (военно-оперативные документы, учетную документацию, личные дела офицеров, наградные листы), документы личного происхождения (переписку фронтовиков с семьями, письменные и устные воспоминания очевидцев событий военной поры), периодические издания, литературу на документально-художественной основе.

В 1989 г. официально в масштабе Советского Союза началась работа по подготовке и изданию Всесоюзной Книги Памяти 1941–1945 гг. На 1 января 2017 г. общее число вышедших Книг Памяти насчитывает более 1 800 томов, которые совмещают в себе функции справочника и мартиролога. Эти издания построены по региональному принципу (по субъектам РФ). Дальнейшее расположение материала также строится по административно-территориальному принципу (по районам).

Каждая справочная статья в Книге Памяти располагается в алфавитном порядке и содержит следующие данные: имя, отчество военнослужащего, год и месяц его рождения, место призыва (военкомат), информация о фронтовом пути (погиб, пропал без вести, умер от ран) и, если известно, дата гибели и место захоронения. Таким образом, каждый заинтересованный может узнать о фронтовой судьбе военнослужащего, открыв том соответствующего района в республиканской, краевой или областной Книге Памяти.

В настоящее время Нижегородская Книга Памяти состоит из 16 томов. Анализ материала показывает, что общие потери в Нижегородской области составили 333 120 чел., погибли в бою, плену, умерли от ран и болезней – 178 283 чел., пропали без вести – 154 837 чел. Соотношение числа пропавших без вести воинов-нижегородцев к общему числу не вернувшихся с войны – 46,46% [2, с. 15].

Информация о наших земляках – уроженцах Арзамаса и Арзамасского района, погибших или пропавших без вести – содержится в 3-м и 16-м (дополнительном) томах. Сведения из Книг Памяти могут стать опорными на начальной стадии поисковой работы. Весь материал доступен и находится в библиотечных фондах. Однако технический прогресс привел к развитию информационных ресурсов, что позволило расширить визуальные возможности Книги Памяти. Они оцифрованы и выложены в интернете.

Работая с информацией, которая представлена в этих томах, следует помнить, что она, во-первых, не может быть абсолютно полной. Архивная работа,

ежегодный поиск во время полевых экспедиций дают возможность получать новые сведения о военнослужащих, которые числятся в них без вести пропавшими или не упомянуты вообще. Во-вторых, имеющиеся о погибшем официальные сведения могут содержать многие неточности или искажения. В этом случае имеет смысл обратиться к другим информационным ресурсам.

Стартовой позицией при реконструкции фронтовой судьбы военнослужащего часто становится фраза «пропал без вести». В этом случае есть смысл обратиться к поисковой онлайн-базе данных «Саксонский мемориал». Это электронная мемориальная Книга Памяти, постоянно обновляемая и на настоящее время – самая обширная база данных советских военнопленных в Германии. Картотека с данными примерно 700 тыс. наших военнослужащих времен Второй мировой войны открыта для всеобщего пользования в интернете с 2009 г. [3].

Все советские военнопленные, доставленные на территорию рейха, проходили регистрацию. На каждого поступившего в лагерь заводилась личная карточка, содержащая все основные личные и военные данные. В нее заносилась также информация о местах трудового использования военнопленного, его болезни, побеги, наказания. В случае смерти военнопленного его личную карточку передавали в Справочную службу вермахта по военным потерям и военнопленным в Берлин. Эта информация о завершении фронтового пути, размещенная в онлайн-ахиве, может помочь установить дату смерти и место захоронения пропавшего без вести.

Важнейшим информационным ресурсом в поисковой работе являются архивные фонды. Основной массив документов официального происхождения находится в федеральных и ведомственных архивах, например, в ЦАМО РФ и других. Там хранятся журналы боевых действий, документы по учету рядового и сержантского состава, документы по учету офицерского состава, персональный учет безвозвратных потерь и многое другое. Это важнейшие документы для реконструкции фронтовой биографии военнослужащего. Дистанционная работа с ними возможна. В последние годы небольшая их часть оцифрована и размещена в электронных базах данных. Но это лишь небольшая часть фондов, а объективные причины зачастую не позволяют организовать выездную работу. Какими архивами можно воспользоваться непосредственно по месту жительства? Это могут и должны быть Книги призыва местного военкомата.

Книги призыва Арзамасского райвоенкомата 1941–1945 гг. представляют собой три рукописных журнала в достаточно хорошем состоянии. В них от руки в алфавитном порядке идет список всех, кто был призван на фронт через местный военкомат. Хронологически информация относится к весне 1941 – весне 1945 гг.

Максимальные данные о каждом призывнике могут быть следующие: 1) фамилия, имя, отчество; 2) год рождения; 3) состав (рядовой, младший начальствующий); 4) ВУС (военно-учетная специальность); 5) место жительства; 6) год, месяц, число призыва; 7) номер команды; 8) в какую часть направ-

лен. Последняя 9-я графа должна была указывать дальнейшую судьбу военнослужащего, но она практически не заполнена [4, с. 67].

Данные, которые исследователь может получить, работая с книгами призыва, дают возможность проследить движение бойца от момента призыва из дома к фронту через промежуточные запасные полки и запасные бригады. Конечно, добытая информация не может быть исчерпывающей о судьбе погибшего или пропавшего без вести. Но она может дать указание хотя бы на район боевых действий или на конкретные участки линии фронта, где сражалось соединение, в которое попал боец с маршевым подразделением после призыва и отправки на фронт. После этого к работе можно будет подключать другие информационные ресурсы, прежде всего, электронные.

Развитие электронных поисковых ресурсов началось с 1990-х гг. и количество их стремительно растет. К ним относятся базы данных, специализированные сайты, электронные справочники и электронные Книги Памяти. В результате необходимая для поиска информация стала мобильной и доступной.

Самым популярным и используемым электронным ресурсом в поисковой работе можно считать Обобщенный компьютерный банк данных (ОБД «Мемориал»). Он содержит информацию о защитниках Отечества, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны [5]. Данные для наполнения Обобщенного банка данных взяты из основных федеральных и ведомственных архивов РФ. Основной массив документов – это донесения боевых частей о безвозвратных потерях, другие архивные документы, уточняющие потери (похоронки, документы госпиталей и медсанбатов, карточки советских военнопленных), а также паспорта захоронений советских солдат и офицеров.

На сайте можно найти информацию о звании погибшего, части, в которой он служил, дате и причине смерти (убит, умер от ран, пропал без вести) и месте захоронения. Более того, на сайте выложены отсканированные копии всех обработанных документов-первоисточников. Эти документы позволяют с большой долей вероятности идентифицировать павших, поскольку в них часто содержится информация, в частности, имена и адреса родственников, которым отсылались похоронки.

В рамках проекта отсканировано и предоставлено в Интернет-доступ более 16,8 млн листов архивных документов. В результате можно ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

Примером такого исследования стала работа, проведенная участниками поискового отряда «Рассвет» г. Арзамаса. Первоначально на основе архивных источников (Книги призыва Арзамасского горвоенкомата) была составлена электронная база данных воинов-арзамасцев, входивших в личный состав 624-го стрелкового полка 137-й Горьковской стрелковой дивизии. В базе данных оказалось 771 фамилия. По результатам сверки базы данных со списками Книги Памяти Нижегородской области и информацией сайта ОБД «Мемориал» была установлена фронтовая судьба 11 воинов-арзамасцев данного воинского подразделения, которые ранее числились в списке без вести пропавших. По материалам ОБД «Мемориал», они погибли в немецких концлагерях. Это может

стать поводом обращения в редакционную коллегию Книги Памяти Нижегородской области по вновь полученной информации.

Не менее востребованным электронным ресурсом открытого доступа, который содержит архивные документы о ходе и итогах основных боевых операций, подвигах и наградах воинов Великой Отечественной войны со сканами архивных документов (приказы о награждении, наградные листы), стал представленный Министерством обороны РФ проект «Подвиг народа» [6].

Итогом обобщения банков данных «Мемориал» и «Подвиг народа» стал портал «Память народа», созданный Министерством обороны РФ по решению Российского оргкомитета «Победа» [7]. Здесь размещены оригинальные документы о ходе боевых действий, приказы командующих, оперативные описания боевой обстановки. Кроме того, отсканировано и систематизировано более 100 тыс. военных карт.

Свидетельствами судеб солдат и офицеров являются тексты наградных листов с описаниями подвигов. Таких записей на портале более 18 млн. Номерных награждений оцифровано свыше 12,5 млн, или более 80%. Описания подвигов дополняются обстоятельствами их совершения по журналам боевых действий и документами оперативного управления.

На портале собрана и представлена информация о местах первичных захоронений более 5 млн солдат и офицеров, которые погибли в бою или умерли от ран и болезней в госпиталях и медсанбатах.

Объединение всех данных в одном информационном ресурсе дает возможность любому желающему самому искать документы, создавать личные архивы, изучать обстоятельства боевых действий.

В целом, интернет предоставляет постоянно расширяющиеся возможности для поисковой работы, создавая новые информационные ресурсы:

– Всероссийский информационно-поисковый центр «Отечество» – на сайте размещена база данных, а также справочная литература (по госпиталям, полевым почтам, административному делению);

– Форум поисковых движений (ФПД) – насыщенный форум как по военнослужащим и воинским частям, так и по вопросам поисковой деятельности и справочной информации. На форуме можно поместить запрос в соответствующем разделе;

– Солдат.ру – на сайте размещены различные справочники о РККА и пособия по поисковой работе, базы данных по воинам и воинским частям, фотографии;

– «Забытый полк» – на сайте публикуются различные статьи и имеется поисковый форум.

Подводя итоги, добавим, что современные информационные ресурсы делают поисковую работу доступной практически для каждого, кто неравнодушен к истории своей семьи и Отечества. Но следует помнить, что никакая информация не может рассматриваться достоверной сама по себе, включая сведения из интернета. Любые сведения нуждаются в проверке другими источниками. Поэтому указание ссылок на источники собранной информации

обязательно. Все разночтения в найденных сведениях следует учитывать, обосновывая выбранный вариант. Это приходит с опытом. Главное – это иметь желание заниматься важным и полезным делом – поисковой работой.

Источники и литература

1. Гаврилов Ю. Найти и обессмертить // Российская газета. – 2006. – 2 декабря.
2. Садовников С.И. «Война участвует во мне…». Комплексные поисковые исследования как основа реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М.: Золотой теленок, 2017. – 320 с.
3. Центр документации и информации жертв Второй мировой войны: интернет-портал. – URL: https://ru.stsg.de/cms/dokstelle/content/o-tsentre/tsentr-dokumentatsii
4. Колосунин Е.В. Книги призыва Арзамасского райвоенкомата 1941–1945 гг. как исторический источник // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник материалов XI Региональной научно-практической конференции (5 декабря 2013 г.). Вып. X / под общ. ред. В.И. Грубова – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 164–167.
5. Обобщенный банк данных «Мемориал»: интернет-портал. – URL: https://obd-memorial.ru/html/index.html
6. Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»: интернет-портал. – URL: http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome
7. «Память народа. 1941–1945»: интернет-портал. – URL: https://pamyat-naroda.ru/

МОТИВАЦИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРОМЫСЛОВОЙ КООПЕРАЦИИ ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ПЯТИЛЕТКИ

И.Н. Балахонова

МБОУ «Средняя школа № 7 им. А.П. Гайдара»,
учитель истории, кандидат исторических наук
607224, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. Нижегородская, д. 3а
E-mail: ibalahonova@mail.ru

Производительность труда в промысловых артелях Горьковской области напрямую зависела от мотивации труда, предоставляемой системой промкооперации своим работникам. Невыполнение производственного плана артелями Горьковской области в годы первой послевоенной пятилетки стало доказательством того, что для повышения производительности труда, улучшения качества продукции и выполнения плана по бытовому обслуживанию мало распространения стахановского движения и вовлечения артельщиков в социалистические соревнования, необходимо использование правлением артели системы моральных и материальных стимулов.

Ключевые слова: *артельщики; промысловая кооперация; стахановцы; социалистическое соревнование; ударники производства; рационализаторы; комсомольско-молодежные бригады.*

После окончания Великой Отечественной войны начался трудный для страны переход к мирному строительству. Важнейшей на этом этапе задачей стал максимально быстрый подъем всех отраслей экономики. В связи с этим

государство большое внимание уделяло повышению мотивации работников, занятых в промышленном производстве – на государственных предприятиях и в промысловых артелях. Это должно было стимулировать выполнение производственных планов рабочими и тем самым помочь восстановлению экономики страны. Мотивация труда предполагала материальную заинтересованность работника, удовлетворенность его условиями труда и своим положением в обществе [1, с. 197].

В послевоенный период в промышленности, в т.ч. кооперативной, стимулировать мотивацию труда работников были призваны традиции стахановского движения. Управление промкооперации (УПК) при Совете Министров РСФСР утвердило в 1946 г. инструктивно-методическое письмо «Об организации стахановских школ в системе промысловой кооперации РСФСР». В нем было отмечено, что *«опыт многих артелей промкооперации показал, что там, где функционировали стахановские школы, выросла производительность труда, улучшилось качество продукции, повысилась культура производства»* [2, д. 9, л. 11]. Поэтому УПК призвало руководство промысловых артелей к созданию стахановских школ.

В стахановскую школу должны были вовлекаться трудящиеся, работавшие на одинаковом со стахановцем оборудовании и выполнявшие одинаковые с ним операции, но не более 5–6 чел. При большом количестве, подлежавшем обучению в стахановской школе, должна была быть установлена очередность. Если же не предоставлялось возможным охватить большое количество, то передача стахановского опыта могла осуществляться и в отношении одного человека [2, д. 9, л. 11].

Для руководства стахановскими школами правление артели должно было поставить руководителя школы – стахановца, который должен был *«подробно рассказать слушателям о методах и приемах своей работы; показать организацию своего рабочего места и приемы своей работы; заставить каждого слушателя школы повторить, под своим наблюдением, показанные приемы работы; наблюдать в течение тренировочного периода за работой своих слушателей, повторно показывая им приёмы работы и давая дополнительные разъяснения»* [2, д. 9, л. 11].

Общая продолжительность работы стахановской школы устанавливалась в пределах четырех недель. Артельщик должен был считаться закончившим обучение, если он стал выполнять норму выработки, которую ранее не выполнял, и если значительно повысил свою производительность труда [2, д. 9, л. 104 об., 105].

Насколько эффективны были стахановские школы, свидетельствуют следующие данные. В 1948 г. в г. Горьком 809 чел. окончили стахановские школы, из них выполняли норму выработки на 100% – 74 чел., от 101 до 110% – 276 чел., от 111 до 130% – 295, от 131 до 150% – 134, от 151 до 200% – 24 и свыше 200% – 6 чел. [2, д. 9, л. 105 об.].

После принятия Совнаркомом постановления «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных

товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов» 22 августа 1945 г., а вслед за ним и закона «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.», принятого Верховным Советом СССР 18 марта 1946 г., работники промысловой кооперации по всей стране включились во Всесоюзное социалистическое соревнование [3, с. 246–290]. Не остались в стороне и артельщики Горьковской области, заявившие о том, что именно на них, работниках промысловой кооперации *«лежит почетная задача выполнить и перевыполнить план… 1946 г., первого года IV пятилетки, по валу ширпотреба и в ассортименте»* [4, д. 693а, л. 23].

Включившись во Всесоюзное соцсоревнование, артельщики Горьковской области взяли на себя обязательства досрочно выполнить годовой план 1946 г. к 20 декабря 1946 г. и выпустить до конца года продукции на 5 млн руб. сверх плана. Было заявлено, что будет обеспечен выпуск в 1946 г. важнейших видов изделий ширпотреба (инструмент, топоры и колуны, замки, ножи и вилки столовые, стекло оконное и ламповое, хозяйственную стеклянную посуду, обувь, валенки, шорно-седельные изделия, чулки, носки, трикотажное белье, гребни, расчески, зубные щетки, игрушки, сани, телеги, деревянные ложки, художественные изделия, мебель и т.д.) [4, д. 693а, л. 23 об.]. Кроме того, артельщики обязались повысить производительность труда, снизить себестоимость продукции, резко улучшить качество выпускаемой продукции, перевыполнить план по бытовому обслуживанию населения (по ремонту обуви, одежды, мебели, металлоизделий), ликвидировать убыточность в артелях, открыть 35 новых мастерских по бытовому обслуживанию населения и улучшить бытовое обслуживание самих членов артелей (открыть к концу 1946 г. 5 новых детских яслей, 10 столовых, 5 буфетов, 40 красных уголков, 10 клубов, приобрести 5 000 новых книг для пополнения артельных библиотек) [4, д. 693а, л. 23 об.].

Необходимо отметить, что эти социалистические обязательства промкооперации области не стали пустыми обещаниями на бумаге, что подтверждает отчет Уполномоченного Госплана СССР по Горьковской области. Производственный план за 1946 г. артели областного управления промкооперации выполнили на 101,3%, городского управления промкооперации (по г. Горькому) – на 102,9%, Облкоопинсоюза – на 89,3% и Горкоопинсоюза (по г. Горькому) – на 102,7% [5, с. 20].

Успехи по выполнению производственного плана за 1946 г. настолько вдохновили некоторых артельщиков, что в 1947 г. часть артелей г. Горького взяли обязательство выполнить пятилетку не в четыре, а в три с половиной года (швейные артели «Красный Октябрь» и «Объединение», артель «Часовая техника», скобяная артель «Память Чкалова» и др.). Наиболее же активно включившаяся в социалистическое соревнование швейная артель «Красный Октябрь» г. Горького после согласия И.В. Сталина баллотироваться в г. Горьком и вовсе дала обязательство выполнить пятилетку в три года, а такие артельщицы-стахановки, как Гадаткина и Половина, объявили о своем намерении выполнить пятилетний производственный план за два года [6, д. 51, л. 13].

Такие смелые заявления были сделаны, естественно, не на пустом месте. Поводом к ним послужил тот факт, что артельщицы «Красного Октября», включившись в соцсоревнование и взяв обязательство выполнить годовую программу 1947 г. к 30-й годовщине Октябрьской социалистической революции, справились с ним, закончив выполнение производственного плана к 18 октября 1947 г. на 102,5%. Этому во многом способствовало то, что все стахановки артели выполняли производственный план не менее чем на 200%. В этом не было ничего удивительного, поскольку председатель артели Гущина, стахановки Нелюбина, Мозжухина, Зеленова, Гадаткина, Половина и другие ударницы производства работали, не считаясь со временем, лишь бы выполнить обязательство и не подвести артель [6, д. 51, л. 13].

Естественно, такое положение было не во всех артелях. Мы можем в этом убедиться, проанализировав документы Горьковского горкома партии. Они свидетельствуют о том, что только 63% горьковских артелей выполнили свои обязательства по досрочному выполнению производственного плана 1947 г., а остальные с годовым планом не справились [6, д. 51, л. 18]. Объяснение этому горком партии г. Горького видел только в одном – слабое распространение стахановского движения внутри артелей, т.к. несколько стахановцев и ударников *«вытянуть производственный план всей артели не в состоянии»* [6, д. 51, л. 13].

С целью охватить соцсоревнованием как можно большее количество артельщиков, облпромсовет призвал председателей артелей сделать основной акцент на формы морального поощрения своих работников: вручение почетных грамот, присуждение дипломов за высококачественную продукцию и расширение ассортимента, занесение на Доску почета, вручение переходящего Красного Знамени, награждение знаком «Отличник промысловой кооперации», «Отличник социалистического соревнования», что должно было стимулировать мотивацию труда работников.

Вручение почетных грамот и занесение на Доску почета обычно происходило за перевыполнение производственного плана отдельными артельщиками. Так, за перевыполнение производственного плана не раз заносились на Доску почета в 1946–1948 гг. мастера-сапожники П. Андреев (выполнявший план на 166,7%), А. Суворов (142,2%), И. Безруков (136%) из арзамасской артели им. 9 января, производившей пошив и ремонт одежды и обуви [7, д. 6, л. 8].

За высокие производственные показатели и долголетнюю работу в системе промкооперации облпромсовет представлял роспромсовету ходатайства на награждение самых достойных работников промысловых артелей знаком «Отличник социалистического соревнования». Таким знаком было отмечено более 300 передовиков соцсоревнования в 1950-е гг. и среди них камнелом С.В. Хованский (артель «Борнуковская пещера»), сапожник И.В. Монахов (артель «Сормовский коопремонт»), портниха А.С. Жирнова (Семёновская рембытартель) и др. [8, д. 60, л. 1].

Переходящее Красное Знамя было моральным стимулом не отдельных передовиков производства, а целых коллективов артелей и промсоюзов, ставших победителями соцсоревнования. Так, в 1950 г. протазановская артель

«Большевик» облмехвалсоюза, выполнившая производственный план по выпуску валовой продукции на 111,9%, план реализации готовых изделий – на 101,6% и снизившая себестоимость продукции на 21,5% при плане 9,4%, заняла первое место в социалистическом соревновании артелей и промсоюзов промысловой кооперации Горьковской области и была награждена переходящим Красным Знаменем [9, д. 838, л. 97].

Еще одним видом морального стимулирования целого коллектива было присвоение звания «Звено отличного качества». Оно присваивалось тем звеньям в артели, которые систематически перевыполняли производственный план. В 1951г. сразу несколько звеньев Большеболдинского «Красного Столяра» были поощрены этим почетным званием: звенья, возглавляемые С.С. Смолиным, Н.А. Галкиным, В.А. Галкиным, Д.А. Дрягаловым, Н.Ф. Романовым, А.П. Галкиным [10, д. 12, л. 1].

Эффективным способом морального стимулирования артельщиков было занесение результатов труда каждого работника в сравнительную таблицу артельной стенгазеты. О пользе этого метода высказался в 1950 г. представитель горьковского облстромсоюза Ф.В. Китов, выступая перед работниками котихинской артели «Восход», выпускавшей кирпич-сырец: *«Стенгазеты у вас не имеется, а это самое основное дело. Люди тем самым видят – кто и как будет работать, кто нерадивый, кто будет в этой статье, а хорошие люди будут отмечаться в другой»* [11, д. 10, л. 9].

Такие виды поощрения, конечно, позитивно влияли на участников соревнования. Но увеличение количества награжденных постепенно снижало ценность многих средств морального стимулирования. В 1948 г. только в относительно небольшой швейной артели «Красный Октябрь», насчитывавшей 218 чел., 99 стахановцев и 68 ударников были награждены почетными грамотами, занесены на Доску почета и отмечены знаком «Отличник промысловой кооперации» (М.И. Кабенкова, И.И. Мухина) [6, д. 51, л. 49].

Поэтому самым действенным стимулом для соревнующихся стало материальное поощрение. Предназначавшееся и отдельным работникам, и коллективам артелей, и промсоюзам области, обычно оно применялось при подведении итогов соцсоревнования. Так, например, в октябре 1947 г. облкожремобувьсоюзу Горьковской области была присуждена II Республиканская премия в сумме 250 тыс. руб. [6, д. 51, л. 49]. Из этой республиканской премии приказом УПК при горьковском облисполкоме от 28 ноября 1947 г. были премированы лучшие артели облкожремобувьсоюза: арзамасская артель «Новый путь» (4 тыс. руб.), богородская артель «Утилизатор» (6 тыс. руб.), павловская артель «1 мая» (6 тыс. руб.), чкаловская артель «Дружба» (3 тыс. руб.), ветлужская артель «Путь к социализму» (3 тыс. руб.). Председатели указанных артелей премировались из сумм выделенных премий в размере месячного оклада (500–900 руб.). 70% денежных средств из выделенных премий шло на индивидуальное премирование отличившихся в соцсоревновании членов артелей, а остальные 30% суммы премий использовалось на жилищно-бытовое строитель-

ство, приобретение инвентаря для детских садов и яслей, пионерских лагерей, общежитий, клубов, красных уголков, столовых и т.д. [6, д. 51, л. 49].

Фонд премирования артели служил источником поощрения передовиков производства и руководства артели. Так, например, в 1950 г. председатель мотовиловского «Красного токаря» И.М. Лаптев получил денежную премию в размере 600 руб., завпроизводством И.С. Миронов – 550 руб., бухгалтер А.К. Будакова – 550 руб., счетовод Н.И. Лисова – 360 руб., кладовщик И.В. Купряхин – 360 руб. Премии же ударников производства и стахановцев артели были гораздо меньше: Р.В. Капустин, выполнивший годовой план на 108%, получил премию в размере 100 руб., А.А. Павлов, выполнивший производственный план на 101%, – 50 руб., В.И. Маркелов, выполнивший план на 168%, – 200 руб. [12, д. 6, л. 4, 21 об.]. Естественно, такое распределение премий вызывало недоумение и недовольство ударников производства и стахановцев.

Совокупное использование моральных и материальных форм поощрения, несомненно, способствовало развитию движения передовиков и росту производительности труда в промысловых артелях. Передовики производства были либо охвачены индивидуальным соревнованием, либо, являясь членами комсомольско-молодежных бригад, участвовали в бригадном соревновании.

Ярким примером охвата артельщиков индивидуальным соревнованием служил вачский метпромсоюз. В 1948 г. в артелях этого промсоюза работало 2 603 чел. Все они были *«охвачены индивидуальным соревнованием и имели взятые на себя обязательства. Шлифовщик И.М. Гусев (городецкая артель) взял обязательство давать ежедневно по 1,5 нормы, однако ежедневно он выполнял по 2 и более норм. Кузнец В.Н. Крайнев (епифановская артель) взял обязательство выполнять по 2,5 нормы, а выполнял по 4 и более норм»* [7, д. 20, л. 11]. Ввиду такой высокопродуктивной работы их средний заработок составлял от 800 до 1 200–1 400 руб. в месяц, в то время как средняя зарплата обычных артельщиков колебалась от 178 до 602 руб. [13, д. 12, л. 4, 5].

Конечно, высокие показатели артельщиков, взявших на себя индивидуальные обязательства, повышали и общеартельные производственные показатели. Но наибольшего успеха в выполнении производственного плана промысловые артели достигали, если в них существовали комсомольско-молодежные бригады, активно включавшиеся в соцсоревнование.

Правления артелей утверждали *«для каждой бригады задание дневное, месячное и сезонное, в разрезе каждой артели, в зависимости от условий работы и разрабатывали мероприятия по стимулированию бригад за досрочное выполнение заданий»* [17, д. 5, л. 2].

В 1948 г. к числу лучших артелей системы промкооперации г. Горького относились: «Красный Октябрь», «XX лет РККА», «Кузнец», «Рекорд», добившиеся перевыполнения производственного плана благодаря участию молодежных бригад в соцсоревновании.

По промысловой кооперации Горьковской области в этот период времени бригадное соревнование было развернуто между всеми 26 артелями вачского

метпромсоюза, 10 артелями в Семёново, 9 артелями в Арзамасе, 23 артелями павловского метартельсоюза и т.д. Ход соревнования в артелях отражался на досках показателей, в стенгазетах и «молниях», в районных газетах и местном радиовещании. За высокие показатели работы в областном соревновании артелей лучшие производства и работники обязательно премировались облсоветом.

Помимо премий, существовали и другие виды материального стимулирования артельщиков. В соответствии с приказами УПК при СМ СССР от 20 ноября 1946 г. за № 1293 и от 19 декабря 1946 г. за № 1409 председатели артелей, чтобы не допустить ухода из артелей передовиков производства, должны были обеспечить их жилплощадью, хозинвентарем, постельными принадлежностями, топливом, огородными участками и оказать им помощь в приобретении скота [11, д. 5, л. 2].

В свете этих документов снабсбыт облпромсоюза, получив в первом полугодии 1947 г. материалы и промтовары для стимулирования артельщиков (3 т сортового железа, 60 шт. поперечных пил, 500 шт. трехгранных напильников, 200 комплектов постельных принадлежностей, 150 пар валяной обуви, 100 пар ватных костюмов, 2 тыс. м хлопчатобумажной ткани, 1 тыс. пар рабочей обуви, автозапчасти на 1 тыс. руб., трикотажные изделия на 4 тыс. руб. и т.д.), должен был их немедленно распределить по артелям стройматериалов [11, д. 5, л. 3]. Как свидетельствуют документы облпромсоюза, все это было выполнено.

Однако даже материальное поощрение подчас не могло стимулировать улучшение работы некоторых артелей. В числе худших производств, сорвавших выполнение плана в 1948–1949 хозяйственном году, числились артель «Сила» системы горкожремобувьсоюза, артель «Сормовский швейник» системы горшвейремсоюза, артель «Гармония» системы гормногопромсоюза. Артель «Сила» выполнила план накоплений всего на 15,7%, артель «Гармония» – на 22,4%, а артель «Сормовский швейник» и вовсе не выполнила план по всем показателям [6, д. 51, л. 49].

В 1950-е гг. положение начало понемногу меняться. Первая половина 1950-х гг. для системы промысловой кооперации Горьковской области ознаменовалась улучшением работы артелей. За этот период промкооперация увеличила выпуск валовой продукции по сравнению с концом 1940-х гг. на 35,1% [9, д. 940, л. 95].

Вновь было организовано производство гардинной ткани, скатертей, жаккардовых одеял, шелковых абажуров, стиральных досок, зеркал и др. Возрос объем работ по бытовому обслуживанию населения (индивидуальному пошиву одежды, ремонтным услугам) [9, д. 940, л. 95]. Причину такого улучшения состояния промысловой кооперации облпромсовет видел в широком распространении стахановского движения.

Поощряли правления артелей рационализаторов и изобретателей, как и передовиков производства, и морально (вручение почетных грамот, занесение на Доску почета), и материально (выдавая премии), поскольку они обеспечивали большую экономию средств своей артели.

Размер премии для рационализаторов и изобретателей был высоким: в 1959 г. первая премия за лучшее рацпредложение или изобретение равнялась 1 тыс. руб., вторая – 750 руб., третья – 500 руб. и поощрительная премия – 200 руб. В результате количество принятых предложений за 1959 г. по сравнению с 1958 г. возросло на 22% (по всей системе промкооперации области), количество внедренных предложений возросло на 20,5%, условная годовая экономия от внедренных предложений достигла 2 506 тыс. руб. (возросла на 61%), а число рационализаторов увеличилось на 151 чел. и составило 685 чел. [9, д. 998, л. 247].

Ярким примером распространения рацпредложений и изобретений в системе промысловой кооперации могут послужить кожевенная артель «Мир» (г. Бор) и артель по производству скобяных изделий «Молот» (Лысково). Борская артель систематически, из года в год, уделяла большое внимание вопросам рационализации и внедрения новой техники и технологии, в результате чего каждый четвертый из работавших в артели являлся рационализатором, а размер условной годовой экономии на каждого работника артели составлял 532 руб. В Лысковской артели также каждый четвертый из работавших являлся рационализатором и получал от правления артели необходимое внимание и помощь, в результате чего артель имела от внедренных рацпредложений условную годовую экономию в размере 73,3 тыс. руб. или 297 руб. на каждого работника [9, д. 998, л. 247].

Таким образом, производительность труда в промысловых артелях Горьковской области напрямую зависела от мотивации труда (морального и материального поощрения), предоставляемых системой промкооперации своим работникам.

Источники и литература

1. Сагателян Г.Ш. Опыт и уроки организации соревнования промышленных рабочих в условиях экстенсивного развития советской экономики (1960–1970-е гг.). – М.: ИРИ РАН, 1998.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. Р-2994. Оп. 1.

3. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. В 5 т. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 годы / сост.: К.У Черненко, М.С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968.

4. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 2497. Оп. 1.

5. Сообщение Уполномоченного Госплана СССР по Горьковской области «Об итогах выполнения государственного плана по важнейшим отраслям народного хозяйства г. Горького и области за 1946 г.» // Блокнот агитатора. – 1947. – № 4.

6. ЦАНО. Ф. 5832. Оп. 1.

7. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-1907. Оп. 1.

8. ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 2.

9. ЦАНО. Ф. 2497. Оп. 1.

10. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-2351. Оп. 1.

11. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-2767. Оп. 1.

12. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-2994. Оп. 1.

13. ЦАНО. Ф. 6072. Оп. 1.

«СОВНАРХОЗОВСКАЯ РЕФОРМА» И СОВЕТСКИЙ АВИАПРОМ (1957–1964 ГГ.): ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.И. Подрепный[1], И.А. Калмыков[2]

[1] Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт международных отношений и мировой политики,
кафедра истории и политики России, доктор исторических наук, доцент
603600, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
E-mail: podpepnyy@yandex.ru;

[2] Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Институт экономики и предпринимательства, кафедра менеджмента и государственного управления, преподаватель
603000, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, д. 60
E-mail: i-kalmykov@yandex.ru

В статье на основе достижений отечественной историографии сделана попытка анализа последствий реализации «совнархозовской реформы» для одной из ведущих наукоемких отраслей советской экономики – авиационной промышленности СССР. Основное внимание уделено результатам передачи авиационных предприятий в ведение местных органов управления экономикой (совнархозам) на примере заводов, расположенных в Европейской части СССР.

Ключевые слова: *авиапром; министерство; производство; реформа; совнархоз; управление.*

Среди многочисленных и противоречивых реформ Н.С. Хрущева видное место занимает реорганизация системы управления промышленностью и строительством, которая началась в 1957 г. В ходе реформы вместо отраслевых министерств на местах были созданы советы народного хозяйства. Членам Президиума ЦК КПСС результаты замысла не представлялись однозначными. Однако Хрущев, не дожидаясь одобрения своих предложений, 13 февраля вынес вопрос на ЦК, а затем, игнорируя отрицательное заключение В.М. Молотова о проекте и нарушая установленный порядок дальнейших согласований, добился утверждения предложений на сессии Верховного Совета СССР. Десятого мая 1957 г. реформа стала законом. Предприятия были переданы в ведение совнархозов [1, с. 443].

В настоящей статье на основе опубликованных источников и литературы сделана попытка анализа последствий реализации «совнархозовской реформы» для одной из ведущих и наукоемких отраслей советской экономики – авиационной промышленности. При этом учитывалось, что предприятия авиапрома занимали и занимают видное место в экономике Волго-Вятского региона.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что проблема перехода под новое руководство в лице совнархозов в период 1957–1964 гг. весьма скупо отражена в историографии авиационных предприятий. Примером могут служить работы по истории Казанского самолетостроительного комплекса [2; 3].

Так, Е.М. Морошек, излагая историю Казанского завода № 387, который в это время осваивал новую продукцию – вертолеты Ми-4, ни словом не обмол-

вился о переходе предприятия в новую структуру управления [3, с. 202–218]. Между тем, период освоения новой машины, по словам ветерана предприятия А.Я. Суслова, *«мало чем отличался от работы в годы Великой Отечественной войны»* [3, с. 211].

В Казани в апреле 1961 г. находились главный конструктор М.Л. Миль и председатель Госкомитета по авиационной технике П.В. Дементьев. В Совете народного хозяйства Татарской АССР с их участием было проведено совещание, где обсуждались два вопроса – переход к технологии изготовления лопастей смешанной конструкции с пайки на клееный вариант и освоение цельнометаллических лопастей [3, с. 217]. В «министерские» времена количество участников этого совещания было бы ограничено представителями Министерства авиационной промышленности (МАП), ОКБ М.И. Миля и предприятия, а здесь мы видим еще одну инстанцию – Совнархоз Татарской АССР.

Авторы другой работы по истории казанского авиапрома связывают период реформы управления народным хозяйством Советского Союза с массовым производством гражданских самолетов на заводе № 22 им. С.П. Горбунова: *«С начала 1958 года взамен упраздненного Министерства авиационной промышленности в стране начал действовать Государственный комитет по авиационной технике (ГКАТ) при Совете Министров СССР, который возглавил П.В. Дементьев. С появлением новой структуры управления авиационной промышленностью существенно изменилась ее техническая ориентация: если ранее основное внимание уделялось выпуску боевых машин, то теперь по отрасли был взят курс на преобладающее производство гражданских самолетов. В соответствии с этим курсом число производимых в стране пассажирских самолетов должно было возрасти сразу на 530 единиц»* [2, с. 154]. Казанские авиастроители получили от Госкомитета задание изготовить 35 стоместных самолетов Ту-104Б.

Далее авторы сетуют на *«трудный для отечественной авиации период, когда Н.С. Хрущев с подачи ряда некомпетентных советников взял курс на сворачивание работ в области самолетостроения»* [2, с. 155].

Первый тезис авторов труда о Казанском авиазаводе № 22 опровергает М.Ю. Мухин. По его мнению, спад авиавыпуска во второй половине 1950-х гг. в СССР был обусловлен, в т.ч., структурными изменениями в модельном ряде производимой авиатехники. Именно в этот период началось массовое производство не просто новых моделей самолетов, а моделей нового, третьего поколения, поэтому стоимость авиационного выпуска при сохранении прежних объемов грозила стать для советского бюджета неподъемной. Расхожее мнение об якобы «демилитаризации» авиавыпуска в конце 1950 – начале 1960-х гг. не подтверждаются фактами – количество гражданских самолетов, произведенных в 1948–1949 и 1960–1961 гг., приблизительно эквивалентно. Действительно, удельный вес гражданских самолетов рос, но не за счет увеличения выпуска авиалайнеров, а за счет сокращения производства истребителей и бомбардировщиков. Так, сокращение объемов авиавыпуска стало естественным

и обоснованным следствием технического прогресса и перехода к следующему поколению авиатехники [4, с. 232].

Отметим, что начавшийся процесс перевода авиапредприятий на выпуск ракетной техники, например, на куйбышевских заводах, которому посвящена диссертация А.В. Белкина, автор никак не связал с реорганизацией управления авиастроительным комплексом страны [5].

Рассматривая работы по истории отдельных предприятий авиационной промышленности, можно констатировать их «единообразие» в освещении данного исторического периода. Подобно авторам труда по истории Казанского авиазавода, они ведут «летопись» предприятия от одной модели самолета к новой или другому «изделию» [См.: 6, с. 159–201; 7, с. 84–112]. Авторами в той или иной степени констатируется увеличение производства товаров народного потребления (ТНП) на авиапредприятиях. Например, Г.В. Спиридонов в работе по истории завода № 467 (ныне ОАО «Гидроагрегат», г. Павлово-на-Оке) перечисляет номенклатуру ТНП, выпускаемых заводом в 1950-е гг. Он подчеркивает, что *«значительно увеличился ассортимент товаров народного потребления после передачи заводу в 1960 г. мебельных цехов. После их переоборудования здесь был начат выпуск кухонных буфетов, мягких кресел, кресел-кроватей, другой современной мебели, пользующейся в то время спросом у населения и в организациях»* [8, с. 41].

Более подробно изложена «совнархозовская» эпопея Горьковского завода № 119 им. Г.М. Маленкова (ныне ОАО «Гидромаш») в коллективной монографии, посвященной столетию данного предприятия. *«В структуре Горьковского СНХ завод № 119 вошел в подчинение Управления авиационной промышленности ГСНХ. В октябре 1957 года Управление авиационной промышленности ГСНХ стало именоваться “Первое управление ГСНХ”»* [9, с. 177].

По заданию Горьковского совнархоза для химической промышленности на заводе начали изготавливать фланцевые вентили высокого давления из нержавеющей стали для работы в агрессивных средах, сильфонные вентили специального назначения и т.п. [9, с. 182].

Продолжая повествование, авторы пишут: *«Горьковский совнархоз завалил завод непрофильными заданиями: помимо сильфонных вентилей высокого давления для агрессивных сред четырех наименований пришлось в 1960 году делать редукторы для металлургической промышленности, пресс-формы и модели для заводов железобетонных конструкций… Одних полуосей ЖМС самоходного комбайна выпустили 4 000 штук, а еще построили и оборудовали ряд животноводческих ферм, три доильные площадки»* [9, с. 185].

Важно отметить, что эти гражданские заказы поступали в условиях, когда предприятие переживало сложный период освоения новых профильных изделий для самолетов новых конструкций [9, с. 176–178]. Появление доктрины ракетно-ядерного сдерживания вызвало к жизни заказы на изделия для ракетной промышленности, например, механизм автоматического разъединения штекерного устройства для ракетного комплекса противовоздушной обороны системы «Даль» [9, с. 181]. Авторы труда не дают своей оценки

совнархозовской реформы, но, по косвенным признакам, их нельзя отнести к ее сторонникам [9, с. 193].

Более конкретно высказался бывший главный бухгалтер завода № 32 (г. Киров), ныне АО «ВМП “АВИТЕК”». Вячеслав Семенович Журавлев пишет: *«Начало шестидесятых годов для коллектива завода было очень напряженным. После хрущевских сокращений начался активный подъем авиационной промышленности и развитие новых средств противовоздушной обороны. Целенаправленное развитие авиационных заводов осложнялось многоэтажной бюрократической машиной. У завода, по сути дела, были три руководящих органа: Российский Совет народного хозяйства, Кировский совнархоз и Государственный комитет авиационной техники. Развитие техники, руководство отраслевыми НИИ осуществлял комитет, а материальными … и трудовыми ресурсами (численность работающих и фонд оплаты труда) занимались совнархозы. Номенклатурный план определялся заявками самолётных заводов и постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Они значительно превышали возможности завода. Поэтому первой задачей планового отдела было формирование реального плана»* [10, с. 270].

«Начало 1963 г. было началом очередной перестройки в системе руководства экономикой страны, – продолжает ветеран. – *Многоступенчатость совнархозов, деление областных партийных и административных органов на промышленные и сельские окончательно запутали экономику. Совнархозы решили объединять, и на предприятиях стали вводить должности главных экономистов»* [10, с. 281].

В 1966 г. было принято решение о создании отраслевых министерств. «Работники отраслевых служб министерства авиационной промышленности были значительно выше работников совнархозов по квалификации и опыту, большинство из них прошло школу работы на заводах во время войны», – пишет В.С. Журавлев [10, с. 285].

Таким образом, история перевода авиационных предприятий на новую систему управления ***на уровне отдельных заводов*** изучена недостаточно, а ее дальнейшая разработка представляется актуальной в свете современного состояния отечественного авиапрома [см. например: 11].

То же можно сказать и об освещении проблемы ***на уровне ведущих опытно-конструкторских бюро***. Это видно, например, на истории ОКБ-115 А.С. Яковлева. Известный историк авиации Н.В. Якубович свою работу об Александре Сергеевиче Яковлеве построил по принципу «от самолета – к самолету (вертолету, планеру)» [12]. Ю.А. Остапенко в биографической работе об А.С. Яковлеве пишет об этом периоде жизни и творчестве авиаконструктора весьма кратко, не показывая отношения героя к «совнархозовской реформе» авиапрома. Он констатирует, что это был весьма сильный удар по авиационной промышленности, и нанесен он был изнутри. А если прибавить к тому, что неугомонный лидер еще и упразднил Министерство авиационной промышленности в рамках создания совнархозов, то можно представить себе, как трудно пришлось создателям самолетов в те лихие годы [13, с. 470]. (Аналогично

поступил и биограф А.Н. Туполева Н.Г. Бодрихин в своей работе о прославленном авиаконструкторе [14].)

Данная позиция вызывает удивление, поскольку Ю.А. Остапенко глубоко изучал эти вопросы, написав уникальный биографический труд о министре авиационной промышленности СССР Петре Васильевиче Дементьеве [15]. В ней автор приводит мнение П.В. Дементьева о реформе управления народным хозяйством при Н.С. Хрущеве. Министр считал самой страшной реформой для авиационной промышленности решения февральского (1957 г.) пленума ЦК КПСС о ликвидации отраслевого управления промышленностью и возрождении совнархозов, давно упраздненной формы территориального управления народным хозяйством страны.

Ю.А. Остапенко считает, что результаты реформы стали сказываться тотчас после ликвидации министерства. Работать стало чрезвычайно трудно. Теперь каждый совнархоз, в первую очередь, решал свои внутренние проблемы, а заботы центра были для него на втором плане. Все как бы застряло в вате. Заводы, которые вчера беспрекословно выполняли приказы, исходившие из здания, расположенного в Уланском переулке, сегодня выполняли их с оговорками, с оглядкой на начальника из местного совнархоза. Рычаги власти, выкованные предыдущими десятилетиями, ослабли, привыкшие к жесткому централизму хозяйственные руководители ориентировались теперь на местное начальство. На авиационных заводах, расположенных в Киеве и Тюмени, в Куйбышеве и Омске, в Рыбинске и Запорожье, в Ташкенте и Тбилиси, вырастал процент товаров народного потребления, которые местные власти заставляли делать для нужд области [15, с. 215–216].

Ю.А. Остапенко обращает внимание на субъективный фактор – авторитет министра-председателя Государственного комитета по авиационной технике (ГКАТ) – П.В. Дементьева. В это непростое для отрасли время он сумел своими энергичными действиями сцементировать расползающуюся отрасль, заставить ее работать – пусть и с напряжением – в русле общегосударственных задач [15, с. 217].

В настоящее время стали доступны бесцензурные воспоминания А.С. Яковлева, в которых раскрываются неизвестные подробности принятия решения о ликвидации МАП: *«Когда Хрущев решил организовать совнархозы и подчинить им наши периферийные авиазаводы, то при обсуждении этого вопроса на коллегии Министерства с участием конструкторов и директоров заводов это мероприятия не встретило у присутствующих одобрения.*

Когда Хрущеву об этом стало известно, он поручил секретарю ЦК и МГК КПСС Екатерине Алексеевне Фурцевой собрать у себя конструкторов и убедить их в необходимости такой меры.

Открывая совещание, Екатерина Алексеевна сказала, что Хрущеву стало известно отрицательное мнение авиационников о подчинении предприятий авиационной промышленности совнархозам.

После такого выступления Фурцевой никто не осмелился искренне высказаться по этому вопросу, промолчал и Туполев.

...Я же осмелился откровенно высказать свое мнение на этот счет.

Когда Хрущеву стало известно, что только один Яковлев открыто выразил свое отрицательное мнение к затее о совнархозах, он уже откровенно не скрывал своей неприязни ко мне» [16, с. 350–351].

Эти мемуары дополняются другими аналогичными источниками, использованными в исследованиях по истории отечественного авиапрома [17, с. 404–405].

Таким образом, ***уровень проработки проблемы в публицистике и мемуарной литературе*** за последние десять лет значительно вырос в плане освещения событий с точки зрения тогдашнего руководства авиапромышленностью.

Одновременно в научный оборот были введены источники, позволяющие лучше разобраться в данной проблеме. Это архивные документы регионального [см.: 17, с. 438–440] и союзного уровней (Российского государственного архива экономики) [18, с. 99]. Некоторые из документов РГАЭ и РГАСПИ опубликованы в сборнике нижегородских историков [19, с. 286–292].

Разумеется, проблемы реформирования системы управления народным хозяйством не могли пройти мимо исследователей истории военно-промышленного комплекса (ВПК) СССР. Так, И.В. Быстрова делает вывод, что в целом реформа Н.С. Хрущева *«способствовала децентрализации и установлению связей между оборонными и гражданскими предприятиями, расширению географических и социальных рамок советского ВПК. По мнению Н.С. Симонова, предприятия по серийному производству оборонной продукции включались в систему региональных экономических связей, выходили из состояния производственно-технологической замкнутости. Местные органы хозяйственного управления получили возможность размещать на их заказы, отвечающие местным потребностям. Предприятия ОПК стали проявлять даже тенденцию к экономической самостоятельности, в частности, устанавливать реальные договорные отношения с заказчиком – Министерством обороны – по вопросам ценообразования»* [20, с. 254–255].

Таким образом, автор фактически уходит от оценки реформы управления народным хозяйством СССР 1957 г.

В монографии Н.С. Симонова [21] вопросам реформирования системы управления предприятиями ВПК в период «совнархозовской реформы» уделено значительное место. Во-первых, автор довольно подробно излагает предысторию этого события [21, с. 350–355].

Во-вторых, он выделил положительные стороны реформы для предприятий ВПК: они *«получили возможность производить большие отчисления на решение жилищного строительства, а также охрану труда и социальную защиту трудящихся»* [21, с. 356].

В-третьих, Н.С. Симонов подробно остановился на отрицательных сторонах административно-хозяйственной реформы: *«почти повсеместное падение технологической, плановой и финансовой дисциплины»*.

Учитывая случаи сдачи Министерству обороны СССР недоброкачественной продукции, ЦК КПСС и Совмин СССР 16 февраля 1961 г. приняли поста-

новление № 166-68 «О мерах по улучшению качества изделий военной техники». Во исполнение данного постановления на предприятиях, выполняющих государственный оборонный заказ, увеличивался аппарат военной приемки, укреплялись службы технического контроля. Снова стали применяться меры административной и уголовной ответственности за допущение брака и отклонение от установленных техусловий и технологического процесса [21, с. 359].

Конкретную оценку реформам Н.С. Хрущева дал Д.А. Соболев: *«МАП в декабре 1957 г. преобразовали в Государственный комитет по авиационной технике, значительно урезав его полномочия: он мог разрабатывать общие планы, заниматься созданием новой авиационной техники и обеспечивать помощь в ее внедрении в производство, но лишился единоличного руководства серийным выпуском. Если в 1956 г. в МАП входило 220 предприятий, на которых трудилось 972 тыс. рабочих и служащих и 132 тыс. инженерно-технических работников, то в 1964 г. в составе ГКАТ насчитывалось только 88 предприятий со штатом 352 тыс. человек. Совнархозы получили право размещать на авиационных заводах свои заказы, отвечающие местным потребностям, решать вопросы материально-технического и кадрового обеспечения.*

...Директора заводов оказались в двойном подчинении и были вынуждены приспосабливаться и к общим директивам ГКАТ, и к указаниям местных властей, стремившихся за счет "оборонки" решать хозяйственные задачи своей области. В обстановке децентрализации труднее стало обеспечивать четкую работу сотен разбросанных по стране предприятий-смежников, снабжающих авиазаводы сырьем, комплектующими изделиями, инструментом» [22, с. 243].

Анализ историографии позволят сделать некоторые ***выводы***. Изучение данной проблемы представляет не только сугубо научный интерес. Масса публикаций свидетельствует о том, что текущий кризис в отечественной авиационной промышленности связан именно с состоянием управления отраслью. Для областей, входящих в Волго-Вятский регион, имеющих мощный авиастроительный потенциал, эта работа представляется важной и практически, поскольку позволяет избежать повторения ошибок прошлого.

Источники и литература

1. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). – М.: РГ-Пресс, 2019. – 768 с.

2. Завод стратегического назначения. Книга посвящается 80-летию КАПО им. С.П. Горбунова. – Изд- 2-е, перераб. и доп. – Казань: Вертолет, 2007. – 320 с.

3. Морошек Е.М. На вертикальном взлете. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1990. – 287 с.

4. Мухин М.Ю. Основные тенденции динамики советского авиапрома в 1945–1964 гг. // Память о прошлом – 2018. VII Историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России (Самара, 15–17 мая 2018 г.): сборник статей / сост. О.Н. Солдатова (отв. сост.), Г.С. Пашковская. – Самара, РГА в г. Самаре, 2018. – С. 221–332.

5. Белкин А.Н. Формирование и производственная деятельность Куйбышевского (Самарского) научно-промышленного ракетно-космического комплекса в 1958–1974 гг.: автореф. … канд. ист. наук. – Самара, 2017. – 23 с.

6. Мы – лепсенцы: Очерки истории объединения имени Лепсе. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1987. – 383 с.

7. Носков В.А. «Теплообменник»: Дела и люди объединения. – Н. Новгород: Волго-Вятское кн. изд-во, 1991. – 224 с.

8. Спиридонов Г.В. На крыльях профессионализма. 60 лет Открытому акционерному обществу «Гидроагрегат». (1940–2000 годы). – Н. Новгород: ООО «РИГ АТИС»; ООО «АТИС», 2000. – 152 с.

9. Карпенко В.Ф., Козлова Л.Е., Нелидов Г.Н., Харламов В.А. От кареты до ракеты: Очерки истории НОАО «Гидромаш» (1805–2005) / под ред. В.И. Лузянина. – Н. Новгород, 2005. – 288 с.

10. Минервин В.В., Балезина З.М. Помнить! – Киров: ОАО «ВМП «АВИТЕК», 2005. – 427 с.

11. Леонов В. «Суперджет» сливают // Аргументы недели. – 2019. – № 46 (690). – 27 ноября. – С. 4.

12. Якубович Н.В. Неизвестный Яковлев. «Железный» авиаконструктор. – М.: Яуза: Эксмо, 2012. – 672 с.

13. Остапенко Ю.А. Великий Яковлев. «Цель жизни» гениального авиаконструктора. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. – 544 с.

14. Бодрихин Н.Г. Туполев / Н.Г. Бодрихин; вступ.ст. А.П. Бобрышева. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 455 с.

15. Остапенко Ю.А. Петр Дементьев: преодоление невозможного. – М.: ИД «АЭРОСФЕРА», 2008. – 552 с.

16. Яковлев А.С. Воспоминания о людях и событиях. – М.: Яуза-каталог, 2019. – 480 с.

17. Подрепный Е.И. Реактивный прорыв Сталина. – М.: Яуза; Эксмо, 2008. – 576 с.

18. Подрепный Е.И. Авиационная промышленность СССР в годы «холодной войны» (Отечественное самолетостроение во второй половине 1940-х – 1960-е годы): монография / Е.И. Подрепный, науч. ред. Е.П. Титков; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2011. – 301 с.

19. Подрепный Е.И., Титков Е.П. Воздушные рабочие холодной войны. Отечественное самолетостроение в 1946–1960-е годы: документальное исследование. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – 553 с.

20. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы) / Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ РАН, 2006. – 704 с.

21. Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация производства, управление. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 504 с.

22. История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910–2010 гг. / под общ. ред. Д.А. Соболева. – М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2011. – 432 с.

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И.Г. КОЧЕРГИНА В КНР В 1950-х гг.: ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ

О.С. Нагорных

Приволжский исследовательский медицинский университет, кафедра социально-гуманитарных наук, кандидат исторических наук, доцент

603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1

E-mail: aldan12@yandex.ru

В статье рассматриваются основные этапы научной и организационной деятельности профессора и организатора здравоохранения в СССР Ивана Георгиевича Кочергина в период его работы в КНР. Подчеркивается его существенный вклад в формирование национальной системы здравоохранения КНР, помощи в установлении и дальнейшем развитии научно-технического сотрудничества в сфере медицины двух социалистических государств – СССР и КНР в 1950-е гг. Особое место уделяется анализу архивных материалов относительно апробации И.Г. Кочергиным методов чжэнь-цзю терапии в клинической практике советских врачей.

Ключевые слова: *исторический источник; архив; И.Г. Кочергин; КНР; СССР; восточная медицина; советско-китайские отношения.*

Историческая проблема научно-технического сотрудничества СССР и КНР в последнее время все чаще заявляет о себе в связи с интенсивно развивающимися новыми экономическими формами отношений двух государств. Россия – крупнейший сосед и стратегический партнер Китая – важный участник гуманитарного диалога как одного из важных международных проектов.

В данный момент между Россией и КНР могут быть актуализированы совместные исследовательские проекты в области общей истории, реконструкции общего прошлого, с целью укрепления фундамента отношений двух государств. Это особенно актуально на фоне почтения внимания в китайском академическом сообществе к этим вопросам. Тем не менее в истории науки на экспертном уровне недостаточное внимание уделяется пониманию значения исторического опыта сотрудничества двух стран в сфере медицины и здравоохранения, так стремительно развивающегося сегодня. В настоящее время предпринимаются попытки провести более детальный и объективный анализ моделей и масштабов технической помощи СССР для КНР в строительстве и реконструкции промышленных объектов в указанное десятилетие [1]. Фундаментом научно-технического взаимодействия был период 1950-х гг., когда разноплановый формат сотрудничества реализовывался на пике развития [2; 3; 4].

В указанное десятилетие некоторые советские врачи были командированы в молодую китайскую республику с целью налаживания научных, клинических контактов и оказания технической и организационной помощи. Большую роль в рассматриваемый исторический период сыграл директор Горьковского медицинского института имени С.М. Кирова Иван Георгиевич Кочергин (1903–1980).

Профессиональный и научный путь крупного организатора здравоохранения и медицинской науки, хирурга и общественного деятеля, доктора медицинских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР, члена-корреспондента АМН СССР Ивана Георгиевича Кочергина был некоторое время связан с городом Горьким. Плодотворная медицинская и общественная деятельность, научные труды в различных областях хирургии сделали имя И.Г. Кочергина широко известным в СССР и за его пределами. В 1922 г. он начал обучение на медицинском факультете II Московского государственного медицинского университета, который окончил в 1927 г. Клиническую подготовку Иван Георгиевич продолжил в ординатуре и при клинике факультетской хирургии, которую возглавлял известный врач и хирург профессор С.И. Спасокукоцкий. В июле 1932 г. И.Г. Кочергин был командирован на Дальний Восток в качестве старшего хирурга по организации медицинской помощи на железнодорожной стройке. Практическая деятельность в сложных исторических условиях подготовила почву для дальнейшего профессионального роста и самосовершенствования.

В 1937 г. И.Г. Кочергин был утвержден в должности директора (ректора) Горьковского медицинского института им. С.М. Кирова; по сути, он стал самым молодым руководителем вуза за всю историю его существования [5, д. 8, л. 67]. Уже на этой административной должности он защитил докторскую диссертацию на тему «Обработка рук и операционного поля 0,5% раствором нашатырного спирта» [6, д. 21, л. 9], внеся тем самым существенный вклад в развитие антисептики. Метод обработки рук в дальнейшем получил название «по способу Спасокукоцкого – Кочергина», найдя широкое применение как в мирное, так и в военное время [6, д. 8].

Горьковский период профессиональной деятельности И.Г. Кочергина был не очень длительным (1937–1940). Но он дал хорошую базу для дальнейшей организационной работы и карьерного роста. В октябре 1940 г. Иван Георгиевич был переведен в Москву, в Комитет по делам высшей школы при Совнаркоме СССР и назначен начальником отдела медицинских вузов, а позже – с организацией Министерства высшего образования – становится членом коллегии данного министерства. Безусловно, профессиональные качества, научные знания и широкий кругозор, политическая грамотность И.Г. Кочергина расширили круг его деятельности как организатора здравоохранения не только в СССР, но и за рубежом.

В 1947 г. И.Г. Кочергин был утвержден членом Высшей аттестационной комиссии, в 1952 г. избран членом-корреспондентом Академии медицинских наук СССР. В период 1952–1956 гг. он работал в должности заместителя министра здравоохранения СССР и одновременно с этим был председателем Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР.

Особый интерес с точки зрения исторической науки и заявленной темы представляет китайский период профессиональной деятельности И.Г. Кочергина. С 1956 г. И.Г. Кочергин был назначен старшим советником Министерства здравоохранения в Китайской Народной Республике. В течение

трех лет он выполнял возложенные на него Министерством здравоохранения СССР задачи по диспансеризации высшего командного и военного состава КНР, проведению комплекса мероприятий научно-медицинского характера, помощи в организации системы высшего медицинского образования.

В Китае им были написаны и опубликованы три монографии: «Профилактика и лечение паразитарных заболеваний – шистоматоза», «Высшее медицинское образование в СССР и КНР», «Здравоохранение и медицина в КНР».

Автором были затронуты самые актуальные для китайского населения в данный исторический период темы. Сложная эпидемическая ситуация после окончания Второй мировой войны, длительного антияпонского сопротивления и внутренних потрясений определяли потребности не только в экономической помощи со стороны «старшего брата», но и в существенной медицинской и организационной поддержке советских врачей и медицинской службы.

Интересной была и другая сторона деятельности И.Г. Кочергина в период его работы в КНР. Речь идет о проблеме трансформации медицинских традиций СССР и Китая в 1950-х гг. как интеграции практик. Советско-китайское сотрудничество в сфере медицины в указанный период предполагало взаимный обмен достижениями. Через переосмысление отношения к значению традиционных методов китайской медицины определились точки пересечения и возможности взаимодействия традиций и советских новаций в системе здравоохранения в Китае 1950-х гг., а также апробации методов китайской медицины в практике советских врачей. Как и многие советские врачи-клиницисты, находившиеся в 1950-е – первой половине 1960-х гг. в КНР, И.Г. Кочергин профессионально заинтересовался апробацией и действием таких методов лечения, как акупунктура и прижигание.

В годовом отчете министру здравоохранения СССР М.Д. Ковригиной, отмечая работу советских медиков в КНР в 1956 г. и обращая внимание на собранные материалы о применении методов лечения китайской народной медицины, И.Г. Кочергин высказал некоторые предположения по дальнейшему развитию и укреплению взаимного сотрудничества между медиками СССР и КНР. Среди реальных возможностей для осуществления сотрудничества по линии совместной научной разработки ряда проблем медицины, он особо выделил перспективы в области изучения китайской народной медицины. И.Г. Кочергин высказал мнение относительно этого направления: *«Неясность или несостоятельность некоторых теоретических концепций народной медицины не могут быть основанием для безразличного и тем более отрицательного отношения к ней. Мое мнение такое: нужно всемерно форсировать изучение опыта и получения убедительных результатов лечения, попытаться научно осмыслить этот опыт»* [7, д. 2367, л. 1].

В середине 1950-х гг. в КНР благодаря организационной деятельности И.Г. Кочергина развернулась большая научно-исследовательская работа по народной медицине. В утвержденном 12-летнем плане научных исследований был выделен специальный раздел «Обобщение и развитие опыта и теории китайской народной медицины» [7, д. 2367, л. 5]. Научное решение этой задачи долж-

но было проводиться по многим направлениям, а именно, в рамках: а) изучения и разъяснения системы теорий китайской народной медицины (включая перевод классических трудов с древнекитайского языка на современный китайский, а также освоение материалов этих трудов); б) изучения основных китайских теорий о методах лечения. Причем теоретические исследования планировалось сочетать с большой экспериментальной и клинической работой. По мнению китайских деятелей народной медицины, методы и средства внешнего воздействия являлись самостоятельной областью в народной медицине и обладали избирательно-специфическим действием. С одной стороны, они высоко отзывались о ряде результатов подобного лечения; с другой стороны, отмечалось и отсутствие их систематизации.

Тем не менее подобная методика была основательно взята на вооружение советскими врачами. По их инициативе были определены три направления, по которым должны были проводиться научные исследования. Во-первых, это исследование ассортимента китайских народных лекарственных веществ и изучение рецептуры, унификация названий и установление стандартов. Во-вторых, это изучение теории основных прописей народных лекарств и их лечебной эффективности, выявление наиболее эффективных записей с целью внедрения их в широкую практику для борьбы с основными заболеваниями. В-третьих, это выяснение фармакологического действия основных рецептов и на основе полученных данных разработка новых, более совершенных лекарственных форм [7, д. 2367, л. 7–9].

Таким образом, интерес к китайской медицинской практике в советских медицинских вузах начал возрастать, несмотря на то, что значительная часть советских врачей не воспринимала этот метод как научно обоснованный и результативный.

И.Г. Кочергин в своем отчете также отмечал: *«За последние годы при активном участии кафедр мединститутов проведены некоторые теоретические и экспериментальные исследования по Чжэнь-цзю терапии. Так, кафедры анатомии ряда мединститутов занимаются изучением локализации пунктов уколов в свете современных данных по анатомии. Кафедры физиологии и патологии (особенно в Шэньянском мединституте) изучают влияние этого метода на функции внутренних органов, на систему крови и пр.»* [7, д. 2367, л. 10]. В качестве примера он приводит Ленинградский медицинский институт, Первый Московский государственный медицинский университет и Горьковский медицинский институт.

Таким образом, можно утверждать, что вклад профессора И.Г. Кочергина в организацию подготовки высококвалифицированных медицинских кадров для двустороннего научно-образовательного сотрудничества, включая кадры управления здравоохранением и практикующих врачей в 1950-е гг., оказался очень значимым. В условиях сложной исторической ситуации рассматриваемого периода значение медицины и здравоохранения стремительно трансформировалось из научного и общекультурного фактора в политический. Социалистическая модель здравоохранения, сложившаяся в СССР, оказалась в этот

период времени единственно правильным способом организации здравоохранения в стране, отличавшейся огромным населением и территорией, такой как КНР.

Источники и литература

1. Мамаева Н.Л., Сотникова И.Н., Верченко А.Л. Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в КНР в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества. – М., 2018.
2. Капица М.С. КНР: два десятилетия – две политики. – М., 1969.
3. Гельбрас В.Г. Социально-политическая структура КНР. 1950–60-е гг. – М., 1980.
4. Сладковский М.И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. – М.,1957.
5. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2533. Оп. 3.
6. Учебно-исторический центр Приволжского исследовательского медицинского университета г. Нижний Новгород. Ф. 212. Оп. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8009. Оп. 2.

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЯШИН – МУХТОЛОВСКИЙ «ВРАЧ ОТ БОГА»

М.О. Яшина

Арзамасский филиал ННГУ,
историко-филологический факультет, студентка
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: mariay4shina@yandex.ru

В статье рассматривается биография талантливого хирурга из российской глубинки – Николая Васильевича Яшина (1940–2000). Несмотря на многие жизненные трудности, этот «врач от Бога» посвятил себя медицине и пациентам.

Ключевые слова: *Н.В. Яшин; хирург; здравоохранение; мухтоловская больница; Почетный гражданин поселка.*

Испокон веков врачи воспринимались в обществе как люди уникальные, которые могут иногда даже «сотворить чудо» и помочь в самой тяжелой проблеме. В глубинке, в провинции, как правило, врач был не только носителем специфических знаний и умений, но и авторитетным общественным деятелем, универсальным помощником во многих бытовых делах. Такой личностью в рабочем поселке Мухтолово был Николай Васильевич Яшин.

Николай Васильевич родился 9 марта 1940 г. в многодетной семье Василия Васильевича и Аксиньи Степановны Яшиных в деревне Быковка Мухтоловского района Горьковской области. Всего в семье было 10 детей, но в живых остались только пятеро – все сыновья. Николай был четвертым. Так как деревенская жизнь подразумевала постоянный труд, то помимо учебы, даже в летнее время, приходилось работать в Липенской артели (в селе Липовка), где было налажено производство канатов из пеньки. Там Николай работал в летнее время разнорабочим. Приходилось работать и на личном подворье, которое

состояло из двух коров, лошади, кур, овец, земельного участка площадью 40 соток. Такое хозяйство, как правило, было в любой сельской семье [1].

Начальная школа, в которой учился Николай, находилась в селе Саконы, а в старших классах он учился в селе Личадеево. В школу по полевой дороге протяженностью 7,5 км в один конец паренек добирался сам – в то время подвоза не было. В теплое время ездил на велосипеде, зимой – на лыжах. Учился Николай хорошо. Всегда вспоминал с огромной благодарностью своих учителей из Личадеевской средней школы – супругов Горшенковых Михаила Михайловича и Нину Васильевну. Это были его любимые учителя по физике, биологии и химии [2].

После окончания десятилетки Николай Яшин был призван в ряды Советской армии. Служил под Тамбовом в ракетных войсках. Срок службы тогда составлял три года. В то время солдаты имели возможность поступить в институт после полутора лет службы. Для этого они должны были сдать экзамены в части по основным предметам средней школы. Те, кто успешно их сдавал, имели право поступать в выбранный институт. На время экзаменов солдатам давался отпуск. Поступившим оформлялись документы на увольнение, не поступившие же возвращались обратно на службу. Николай, воспользовавшись такой возможностью, поступил в 1962 г. в Горьковский медицинский институт им. С.М. Кирова [3, с. 156].

Молодежь, как полагалось в деревнях, вечерами посещала танцы. В один из таких вечеров Николай встретил молодую учительницу начальных классов – Лидию Никитичну, которая работала в школе соседней деревни Новолазаревки. Студент 4-го курса мединститута и учительница поженились. Чтобы обеспечивать молодую семью, Лидия перевелась на заочное обучение факультета русского языка и литературы Арзамасского пединститута и работала, т.к. Николай Васильевич не мог учиться в медицинском институте заочно. Он старался учиться на «хорошо» и «отлично», получал стипендию, которая тоже составляла часть бюджета молодой семьи [2].

Проучившись в институте шесть лет, в 1968 г. Николай был распределен в город Ибреси Чувашской АССР, где работал хирургом в местной больнице. В это время у него родился сын, но ютиться в съемной комнатке с маленьким ребенком было очень неудобно. Через полтора года Николай Васильевич перевелся в Арзамасскую областную больницу (ныне городская больница скорой медицинской помощи им. М.Ф. Владимирского) и длительное время практиковался в качестве ассистента у известного врача, профессора Юрия Ивановича Горшкова. После стажировки семья Яшиных перебралась в Ардатовский район.

Перед Николаем Васильевичем встал выбор: работать в Ардатове или в Мухтолове. Он выбрал Мухтоловскую участковую больницу, где был назначен заведующим хирургическим отделением. В 1976 г. его назначили главным врачом Мухтоловской участковой больницы. В то время она была рассчитана на 50 коек, которые располагались в старых корпусах (с тех времен, когда больница была районной). После ликвидации самостоятельного Мухтоловского района в 1957 г. больница стала участковой. По этой причине снизился уровень

финансирования, затормозились темпы развития медицинского учреждения. Однако в эти трудные годы приток молодых специалистов в провинцию после окончания медицинских учебных заведений не прекратился, благодаря мудрому руководству больница продолжала поддерживать здоровье мухтоловцев.

В 1980 г. Николай Васильевич добился перевода больницы в здание бывшего санатория – в центр поселка – и занялся благоустройством больницы, чтобы все ее службы функционировали. Количество коек было увеличено втрое (до 155). Расширение площадей позволило удобно разместить кабинеты, лаборатории и, конечно, самих больных. Во время работы Н.В. Яшина в больнице регулярно работали хирургическое, терапевтическое, гинекологическое, отоларингологическое, стоматологическое, инфекционное, детское отделения, также роддом, два протезирующих кабинета, полностью укомплектованная поликлиника, парк скорой помощи, детская и женская консультации [4, с. 101].

Николай Васильевич был универсальным врачом – он не только самостоятельно делал операции, но был и гинекологом, и стоматологом, и детским врачом, и терапевтом… Но его основной деятельностью все же была хирургическая; в неделю приходилось делать по 15 операций. Как он совмещал столько медицинских профессий? Николай Васильевич проходил т.н. медицинскую специализацию и повышение квалификации. В частности, доктор Яшин четыре раза по полгода обучался в Казани, ежегодно по одному месяцу проходил специализации в Нижнем Новгороде, отсюда и разноплановость. К тому же, практика у арзамасского профессора Горшкова была для него важнейшей профессиональной базой.

Операции порой бывали очень сложными. Однажды в лесу на лесозаготовке молодого паренька переехал гусеничный трактор. Тогда все думали, что помочь ему уже нельзя, кости таза были раздроблены. Семь часов Николай Васильевич оперировал парня, несколько суток ночевал в больнице рядом с ним. Юноша не только встал на ноги, но еще и в армии отслужил. Когда он проходил медкомиссию, врачи не верили, что он перенес такую операцию. И этот случай – не единственный в практике мухтоловского хирурга [2].

Нельзя не отметить и деловые качества доктора Яшина. По распоряжению Николая Васильевича новое здание больницы было огорожено забором, охранялось вместе с большим количеством хозяйственных построек. Во время его заведования в больнице царили порядок и дисциплина, в корпусах всегда находился дежурный врач, который принимал больного и, в случае надобности, вызывал специалиста, который был необходим. В больнице была своя лаборатория, где делали биохимические анализы, помогающие ставить диагнозы.

Почти всю свою трудовую деятельность доктор совмещал с общественной работой – долгое время был он депутатом поселкового Совета и помогал людям решать их насущные проблемы [3, с. 156].

В 1990-х гг. Николай Васильевич взялся за проект строительства новой больницы в южной части Мухтолова. Проект уже начал осуществляться, выделили место, заложили фундамент, но финансирование прекратилось в связи с кризисом, и этому проекту сбыться было не суждено.

Николай Васильевич Яшин работал в Мухтоловской районной больнице с 1977 г. по 2000 г. За свою работу был награжден знаком «Отличник здравоохранения». К сожалению, в 1999 г. он тяжело заболел. Но не умея отказывать людям, принимал больных даже на дому, оказывая им посильную помощь. Скончался Николай Васильевич в 2000 г. от рака горла. Люди до сих пор вспоминают его как «врача от Бога».

Источники и литература

1. Мухтолово. – URL: www.muhtolovo.nne.ru

2. Запись беседы с сыном Н.В. Яшина О.Н. Яшиным // Хранится в личном архиве М.О. Яшиной.

3. Ардатовский край: прошлое и настоящее / сост. Л.В. Гладкова, А.В. Седов. – Н. Новгород, 2000. – 368 с.

4. Бугров Ю.А. Мухтолово: от А до Я. – Курск, 2002. – 104 с.

ВОИНЫ-«АФГАНЦЫ» – УРОЖЕНЦЫ ШАХУНСКОГО РАЙОНА ГОРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

С.В. Завьялова[1], А.А. Завьялова[2]

[1] Филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде, кандидат исторических наук, преподаватель
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru;

[2] МБОУ «Школа №60» г. Нижнего Новгорода, учитель истории и обществознания высшей категории
603135, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, д. 55, к. 3

В статье рассказывается о воинах-«афганцах» из Шахунского района Горьковской области, участвовавших в афганской войне 1979–1989 гг.

Ключевые слова: *Шахунский район; Горьковская область; Афганистан; война 1979–1989 гг.*

15 февраля 2019 г. исполнилось 30 лет со дня вывода советских войск из Афганистана. За время афганской войны (1979–1989 гг.) в этой стране погибло 160 уроженцев Горьковской (ныне Нижегородской) области, в т.ч. пятеро из Шахунского района (ныне г.о.г. Шахунья): лейтенант В.А. Кислов, прапорщик Е.Б. Ершов, младший сержант С.Н. Миронов, рядовые Н.А. Мухачёв и В.Н. Прытов. Какими людьми они были? Что вообще мы знаем о них?

На фасаде шахунской школы № 14 установлена мемориальная доска в честь выпускника 1981 г. ***Александра Степановича Кислова (1964–1986)***, погибшего в Афганистане. Александр родился в деревне Городищи Борского района Горьковской области. В детстве и юности он увлекался книгами и спортом. Мечтал стать военным по примеру деда, погибшего в Великую Отечественную войну. Характерной чертой Александра, которую отмечали в нем близкие, являлась настойчивость в достижении цели [1, с. 34]. Рос он самым обыкновен-

ным парнем, ничем не отличавшимся от сверстников. Может, лишь чувство ответственности и долга воспринимал острее. Еще в школе он решил стать военным и добился своего. Часто повторял отцу: *«Хочу воевать за деда. Не могу спокойно жить, когда мои ровесники там гибнут»* [2].

В 1981 г. Александр поступил в Тюменское высшее военно-инженерное командное училище им. А.М. Прошлякова, в 1985 г. успешно окончил его и в звании лейтенанта начал службу в Туркестанском военном округе [3, с. 180].

С мая 1986 г. командир инженерного взвода разминирования лейтенант Александр Кислов служил в Афганистане [4, с. 214]. Его сестра Татьяна вспоминала: *«Мы провожали Сашу. Аэропорт города Горького. Оказалась неполадка у самолета, он все кружил над аэропортом. Саша стоял в проеме и отдавал честь, как бы прощался с нами»* [1, с. 39]. Сам Александр писал потом: *«Когда вылетали из Горького, поломалось колесо у самолета. Взлетели на 40 минут позже. В Москве со своими ребятами встретился. Потом, после звонка из Ташкента, полетели в Фергану. Из Ферганы мы вдвоем уехали 2 мая, а двое там остались. Где я и почему индекса нет, написать нельзя. Сами понимаете, почему. Здесь с моей училищной роты вместе с нами 5 человек, так что живем мы тут прекрасно. Все у нас есть. А что насчет вещей, то тут их нельзя носить. Деньги тоже тут не нужны. Полное вещевое и пищевое обеспечение. Живем тут хорошо. У вас там, наверное, еще ничего нет, а у нас уже все готово к употреблению. Вообще-то абрикосов, бананов у нас в Шахунье вообще не бывает. Кроме всего этого в столовой кормят хорошо. А главное, тут есть своя баня с парилкой и бассейном. Моемся 2 раза в неделю. Правда, березы тут не растут, зато есть какое-то дерево вроде ивы. Ладно, хоть это есть»* [5].

В каждом письме Саша успокаивал родителей: *«Живем, как всегда, нормально. Теперь уже окончательно будем сидеть на одном месте, может, изредка будем ездить как раньше. […] У меня-то все хорошо, как вы там сами-то? Теперь буду чаще писать, а звонить реже. Скоро, может, пришлю фотографии, а пока только открытку»* [5].

В очередной раз он писал: *«Живем мы хорошо, только жарко тут у нас. Правда, есть бассейн. Купаемся частенько. Витаминов много, фруктов разных. Да и в столовой разная зелень есть всегда. Особенно картошка есть, правда, без молока. […] Ходили тут на концерт. Приезжало “Пламя”. Скоро Пугачева должна быть. Больше писать-то нечего. Лучше буду чаще и поменьше»* [5].

За два месяца службы в Афганистане Александр приобрел репутацию классного специалиста-сапера. Со своим подразделением он обезвредил около 80 всевозможных мин и фугасов. Двадцать шестого июня 1986 г., готовя площадку для стоянки техники, обнаружил в земле противотанковую мину неизвестного образца. Удалив подчиненных на безопасное расстояние, приступил к ее демонтажу. И уже было справился с задачей, как раздался взрыв: сработала не замеченная им вторая мина… За мужество и отвагу А.С. Кислов был посмертно награжден орденом Красной Звезды [4, с. 214].

Однокурсник Александра по военному училищу Олег Буянов в письме от 9 мая 1987 г. писал родным своего погибшего друга: *«Уважаемые Мария Семеновна, Степан Александрович и Татьяна. […] Вы задаете мне вопрос, почему мы не отговорили Сашу от его рапорта? В этом не было надобности, т.к. рапортов с просьбой об отправке в Афганистан было только от нашей роты около 50. Но командование распорядилось иначе, и в Афганистан поехало 15 человек. Это были первые 15 с нашей роты. Мы все знали, что Афганистан для нас неизбежен. Всем нам суждено побывать там рано или поздно. Александр, как и многие другие, решил пройти эту школу огня сразу. […] С давних пор в нашем офицерском корпусе есть одна традиция – выпить третий тост молча, не говоря ни слова, стоя. Этим тостом мы поминаем своих друзей и товарищей, всех тех, кого нет с нами, тех, кто не сядет с нами уже за один стол. […] Мы не знаем всех тех, кто уже погиб, но время от времени наша почта приносит известия, что кого-то еще уже вычеркнула старуха смерть из наших рядов.*

Я хочу сказать спасибо вам за то, что вы воспитали в Саше человека. Человека с большой буквы, хорошего товарища и друга» [6].

Жениться, обзавестись семьей Александр Кислов так и не успел…

Николай Аркадьевич Мухачёв (1963–1982) родился в поселке Вахтан Шахунского района Горьковской области, здесь же в 1980 г. окончил среднюю школу. В школе был активен, занимался спортом, участвовал во всех мероприятиях школы и класса. Характеризовался только положительно, слыл заводилой класса, обладал здоровым чувством юмора. Окончив школу и получив водительские права, работал в Вахтанском леспромхозе шофером. В 1981 г. был призван на срочную службу. После «учебки» попал в автобатальон, доставлявший грузы в Афганистан [7].

С января 1982 г. рядовой Н. Мухачёв исполнял долг воина-интернационалиста в ДРА. Участвовал в 11 рейсах по перевозке боеприпасов в различные районы Афганистана [4, с. 132]. Его последнее письмо домой датировано 3 ноября 1982 г. В этот день он и погиб. Тогда в тоннеле под перевалом Саланг возникла нештатная ситуация: движение автомобилей было заблокировано в обоих направлениях из-за поломки двух машин. Тоннель находится на высоте 5,5 тыс. м над уровнем моря, поэтому содержание кислорода в воздухе намного меньше нормы. В таких условиях, согласно инструкции, глушить двигатель автомобиля не разрешалось, т.к. его повторный запуск затруднен. В тоннеле (длиной 3,3 км) из-за выхлопных газов возникла повышенная загазованность. Н. Мухачёв принял активное участие в эвакуации водителей автоколонны из тоннеля, но сам получил смертельное отравление угарным газом [8, с. 26]. За мужество и отвагу он был посмертно награжден орденом Красной Звезды [4, с. 132]. Похоронен Николай в родном поселке. Одна из улиц Вахтана названа его именем. В Вахтанском историко-природном музее в память о Николае собраны его личные вещи.

Евгений Борисович Ершов (1956–1987) родился в поселке Сява Шахунского района Горьковской области. Кроме него, в дружной, сплоченной семье

было еще трое сыновей. Братья были очень дружны, в трудных ситуациях всегда помогали друг другу. В старших классах школы Женя увлекся спортом, часто занимал призовые места в местных и районных соревнованиях. В 1973 г., окончив среднюю школу, поступил в Сявское СПТУ на шофера. В 1975 г. пошел в армию, служил в Тбилиси. После армии устроился в Сявский лесохимический завод. В 1978 г. женился. Через год родился сын Николай, в 1984 г. – дочь Евгения. Время шло, дети подрастали. Николай пошел уже во второй класс, а дочери было около трех лет, когда Евгений принял решение учиться на прапорщика и принести пользу Родине своей службой в вооруженных силах. Отучившись, с ноября 1986 г. старший техник инженерно-саперной роты прапорщик Евгений Ершов служил в Афганистане. Принимал участие в четырех боевых операциях и восьми сопровождениях автотранспортных колонн. Был высококлассным специалистом и мужественным воином. Двадцатого апреля 1987 г. в бою в районе «зеленой зоны» провинции Кандагар Е. Ершов был смертельно ранен осколками мины… Собираясь вместе и рассматривая фотографии, семья Ершовых всегда вспоминает своего отца. В их сердцах папа Женя всегда жив [9, с. 31–33]. Помнят о своих выпускниках, служивших в Афганистане, и в Шахунском агропромышленном техникуме (бывшем СПТУ № 9): в музее техникума создана экспозиция об «афганцах».

Сергей Николаевич Миронов (1965–1985) родился в г. Шахунье Горьковской области. В 1980 г. поступил в Шахунское СПТУ № 9, а в 1983 г. окончил его, получив профессию тракториста-машиниста широкого профиля, с умением выполнять работы слесаря-ремонтника и водителя автомобилей. Согласно диплому, выданному Сергею, он имел право работать на тракторе Т-150К [10]. До призыва в армию больше года трудился в вагонном депо стропальщиком. По отзывам работавших с ним, Сергей был очень ответственным, обязательным, честолюбивым, всегда отстаивал правду и сам никогда не лгал, не искал выгоды для себя, готов был отдать последнее. В октябре 1983 г. Сергей Миронов был призван в ряды Советской армии. Служить попал в танковые войска. «Учебку» проходил в Балашихе Московской области [3, с. 251]. В апреле 1984 г. командир отделения младший сержант Сергей Миронов был направлен в Демократическую Республику Афганистан [4, с. 116]. В своем письме родным он сообщал: *«У меня все нормально, жив, что и вам желаю. Погода у нас все такая же жаркая, а у вас уже лето, зелень, красота, одним словом. А я когда вырвусь на кусочек зелени – это для меня счастье…. Ну что еще написать, сегодня у нас знаменательная дата – 100 дней до приказа, а так ничего больше». «…Попал я в ДРА, Шиндан. Место очень хорошее: тепло, хотя зелени не так много, как под Москвой, но мне здесь нравится больше, кормят так же, как и в Подмосковье. Кино здесь кажут каждый день. Да фильмы такие показывают хорошие, что и в Союзе такие не всегда посмотришь»*. Во время службы Сергей думал о будущем: *«Вернусь домой, ведь придется учиться, вероятнее всего, буду поступать в морское…»* [11].

Сергей принимал участие в шести боевых операциях, показав незаурядную смелость и отличные командирские способности [4, с. 116]. В письме

родным писал: *«Вчера только приехал из рейда, впервые увидел смерть и понял, как можно легко потерять друга, который стоит рядом, и, может, даже свою жизнь. Но вы не переживайте, все будет хорошо. Ведь я в рембате* (т.е. в ремонтном батальоне. – **Авт.**)*, это не так страшно. А в рейде намного интересней, чем в батальоне»* [11].

В каждом письме Сергей заботился о родителях: *«То-то с огородом вам тяжело, я вас понимаю»*. Брату Андрею наказывал: *«Самое главное, как можно больше помогай папке с мамкой, ведь им нелегко делать одним»* [11].

Родители получали письма не только от сына. Им пришло благодарственное письмо от командования войсковой части № 93986 о том, что их сын Сергей, *«проходя службу в Афганистане, с достоинством и честью несет высокое звание советского воина-интернационалиста. Добросовестно выполняя свой священный долг перед Родиной, он является отличником боевой и политической подготовки, дисциплинированным и исполнительным воином. Выражаем Вам признательную и сердечную благодарность за хорошее воспитание трудолюбивого, старательного и честного сына, надежного защитника социалистического отечества. Можете гордиться таким замечательным сыном. Трудитесь спокойно на благо Родины. На страже ее государственных интересов зорко стоят наши славные Вооруженные Силы»* [12].

Не суждено было вернуться Сергею домой. Родителям сообщили: *«10 августа 1985 г., выполняя боевое задание, верный воинской присяге, проявив стойкость и мужество, погиб Ваш сын Миронов Сергей Николаевич. Выполняя свой патриотический долг воина Вооруженных Сил СССР по защите южных рубежей нашей Родины, Сергей проявил высокие качества советского воина, преданного Коммунистической партии, советскому народу, проявил высокие качества гражданина Союза Советских Социалистических республик. Трагическая гибель Сергея вырвала из наших рядов верного друга, чуткого товарища. Он прожил недолгую, но яркую жизнь беззаветного защитника нашей социалистической Родины, до конца выполнившего свой священный долг перед Отчизной. Командование, партийная организация, весь личный состав выражают глубокую скорбь. Соболезнование Вам, родным и близким, всем, кто знал Сергея»* [13]. За мужество и отвагу С.Н. Миронов посмертно награжден орденом Красной Звезды [4, с. 116].

Двадцать седьмого декабря 2011 г. на здании Шахунской СОШ № 1 им. Д. Комарова была открыта мемориальная доска выпускнику школы Сергею Николаевичу Миронову.

Владимир Николаевич Прытов (1966–1986) родился в поселке Терешинский Шахунского района Горьковской области. В 1981 г. поступил в Шахунское СПТУ № 9, а летом 1984 г. окончил его по специальности «тракторист-машинист широкого профиля», с умением выполнять работы слесаря-ремонтника и водителя автомобиля. Решением экзаменационной комиссии Владимиру была присвоена квалификация тракторист-машинист III класса [14]. Работал он слесарем в совхозе «Авангард». В ноябре 1984 г. Владимира призвали в ряды Советской армии [4, с. 58]. В его характеристике за период обуче-

ния в учебном подразделении говорится: *«Рядовой Прытов В.Н. зарекомендовал себя с положительной стороны. По предметам обучения имел хорошие оценки. БМП и вооружение освоил хорошо. Устав Советской армии изучил и правильно руководствовался им в повседневной жизни. Приказы и приказания командиров и начальников исполнял точно и в срок. Физически развит, в строевом отношении подтянут. Навыки вождения получил, машину водил хорошо. В общественной жизни подразделения принимал активное участие. В общении со старшими и товарищами вежлив, в быту скромен. Прошел полный курс по подготовке механиков-водителей БМП III класса. Выпускные экзамены сдал на отлично. Политически грамотен, морально устойчив, политику КПСС и Советского правительства понимает правильно. По своим морально-деловым и профессиональным качествам достоин для направления в войска и подразделения на должность механика-водителя БМП»* [15]. С августа 1985 г. механик-водитель БМП рядовой Владимир Прытов был направлен в Афганистан [4, с. 58]. Во время службы часто писал домой. Из этих писем с войны веет стремление как-то успокоить родителей, унять их тревогу: *«У меня все нормально, жив, здоров, чего и вам желаю»*, *«служить уже немного осталось, еще лето, а осенью уже домой»*. А еще Владимир очень беспокоился о брате Сергее: *«Учись лучше, это тебе в будущем пригодится; Сережа, а тройку ты исправь, чтобы за годовую были все четверки»* [16].

Владимир участвовал в 14 боевых операциях на территории ДРА, проявил себя стойким и мужественным воином [4, с. 58]. Погиб он 8 апреля 1986 г. в бою у кишлака Баладжари, подорвавшись на мине. Шахунский военный комиссариат, подполковник Веретенников, сообщил Николаю Михайловичу и Алевтине Сергеевне, что их сын рядовой Прытов Владимир Николаевич за проявленные мужество и отвагу при выполнении боевого задания командованием указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 сентября 1986 г. награжден орденом Красной Звезды. Подвиг их сына всегда будет ярким примером беззаветного служению Родине, коммунистической партии и советскому народу. Память об их сыне навсегда сохранится в сердцах его боевых товарищей [17].

У В.Н. Прытова остались родители пенсионеры, мама Алевтина Сергеевна (инвалид 2 группы), папа Николай Михайлович (инвалид 2 группы), сестра Татьяна и брат Сергей [18].

Из воспоминаний мамы Владимира: *«Сын всегда был внимательным, часто приходил ко мне на работу, а я работала на ферме дояркой, и помогал управляться. Когда у него времени не было помочь, просто встречал с работы и спрашивал: “Мама, ты устала?” Если ссорились, всегда первым извинялся и говорил: “В следующий раз буду думать”. В письмах часто просил отца беречь меня. В нашей семье было шестеро детей, и сын сразу после школы стал работать в колхозе. Сначала трудился помощником комбайнера, а позже вместе с отцом – механизатором. Хорошо разбирался в технике, чем завоевал уважение опытных механизаторов. Володя был работящим, общительным и ответственным человеком, с уважением относился к родителям, старался во всем быть нам помощником»* [3, с. 287]. Старшая сестра Владимира Татьяна

вспоминала: *«Володя и Сережа были в семье младшими, но Володя старшим братьям и сестрам никогда ни в чем не уступал, всегда все делал сам. Задуманное или сказанное доводил до конца. Если когда делал или говорил плохо, всегда просил прощения. К себе был самокритичен. У него было много друзей. Плохо о нем никто никогда не отзывался. Спортом не увлекался, времени у него на это не было. До армии у Володи была девушка Людмила. В последнем письме часто писал, что приедет из армии и женится. Мечтал построить свой дом, иметь большую и дружную семью, такую же, в какой вырос сам. На вопрос о службе в письмах не отвечал, только очень коротко: "Все хорошо, служба идет"»* [3, с. 287]. Еще одна Володина сестра, Надежда: *«Однажды брат написал, что подорвался на мине, повредил пальцы рук, просил маме не говорить. Володя нас, сестер, любил. От работы не отлынивал. Даже когда у него не было водительских прав, брал у отца трактор без разрешения и уезжал в поле работать»* [3, с. 288]. Виктор Пантелеев, друг: *«Володя был хорошим товарищем. Мы вместе росли, учились. В армию пошли вместе. Только я попал служить в Германию, а он в Афганистан. Ходили на рыбалку, леску наматывали на палец и ловили окуней, когда в деревне сделали пруд, то сделали плоты и плавали на них по реке. Зимой любили кататься на лыжах, делали трамплины, где катались все деревенские ребятишки»* [3, с. 288].

Из всего сказанного можно сделать вывод, что в Афганистане еще раз проявил свои лучшие качества русский солдат. Его выносливость, самоотверженность и храбрость достойны уважения. Наши солдаты и офицеры, убежденные в том, что они защищают интересы Родины, до конца выполняли свой воинский долг, выполняли мужественно и стойко, как и подобает настоящим воинам, ибо воинский долг превыше всего. Низкий поклон им за это!

Источники и литература

1. Кислова Т.С. Воспоминания о брате // По афганским дорогам / Шахунский народный фольклорно-этнографический музей. – Шахунья, 2009.

2. Информация о Александре Кислове // Хранится в МБОУ «Шахунская СОШ № 14».

3. Киселев В.П., Хриченко К.И. Книга памяти. Афганистан 1979–1989. – Н. Новгород: БИКАР, 2008.

4. Жуков Б.Н. Поклонись кресту «афганца»: Книга Памяти Нижегородских воинов-интернационалистов, погибших в Афганистане в 1979–1989 гг. .– Н.Новгород: ФГ УПП «Нижполиграф», 2003.

5. Письма А. Кислова родным // Из семейного архива Т.С. Кисловой.

6. Письмо семье Кисловых от О. Буянова // Из семейного архива Т.С. Кисловой.

7. Информация о Н.А. Мухачёве // Из фондов Вахтанского историко-природного музея.

8. Завьялова С.В. По афганским дорогам / Шахунский народный фольклорно-этнографический музей. – Шахунья, 2009.

9. Воспоминания Алевтины Николаевны Ершовой // Завьялова С.В. По афганским дорогам / Шахунский народный фольклорно-этнографический музей. – Шахунья, 2009.

10. Диплом СПТУ № 9, выданный С.Н. Миронову // Хранится в музее Шахунского агропромышленного техникума (АПТ).

11. Письма С.Н. Миронова домой // Хранятся в музее Шахунского АПТ.

12. Благодарственное письмо родителям С.Н. Миронова // Хранится в музее Шахунского АПТ.
13. Сообщение родителям о гибели С.Н. Миронова // Хранится в музее Шахунского АПТ.
14. Диплом СПТУ № 9, выданный В.Н. Прытову // Хранится в музее Шахунского АПТ.
15. Служебная характеристика на выпускника 3 учебной роты БМП Прытова Владимира Николаевича // Хранится в музее Шахунского АПТ.
16. Письма В.Н. Прытова домой // Хранятся в музее Шахунского АПТ.
17. Документ Министерства обороны СССР // Хранится в музее Шахунского АПТ.
18. Учетная карточка погибшего военнослужащего // Хранится в Военном комиссариате Шахунского района Нижегородской области.

СУДЬБА МОРЯКА-НИЖЕГОРОДЦА С ПОДВОДНОЙ ЛОДКИ К-278 «КОМСОМОЛЕЦ»

С.В. Завьялова[1], А.Д. Китков[2], С.В. Волков[3]
Филиал Самарского государственного университета путей сообщения
в г. Нижнем Новгороде,
603002, г. Нижний Новгород, ул. Чкалова, д. 5 а
[1] кандидат исторических наук, преподаватель; [2] студент; [3] студент
E-mail: zavyalova_sv@mail.ru

В статье рассказывается о Р.К. Филиппове – выпускнике Горьковского техникума железнодорожного транспорта, погибшем в 1989 г. на подводной лодке К-278 «Комсомолец».

Ключевые слова: *Роман Константинович Филиппов; железнодорожный техникум; город Горький; подводная лодка; «Комсомолец».*

30 лет прошло с тех пор, как затонула в водах Норвежского моря атомная подводная лодка ВМФ СССР К-278 «Комсомолец». Погибли 42 человека, 27 членов экипажа удалось спасти.

Среди погибших был и выпускник Горьковского техникума железнодорожного транспорта (с 2017 г. – филиал Самарского государственного университета путей сообщения в г. Нижнем Новгороде) Роман Константинович Филиппов.

Родился он 6 августа 1968 г. в городе Горьком [1, с. 265]. Отец – Филиппов Константин Павлович – работал техником-механиком на аэродроме имени Орджоникидзе, мать – Людмила Николаевна – техником в пассажирском автотранспортном предприятии (НПАП № 6) [2]. В семье Роман был единственным сыном. Из характеристики Филиппова Романа, ученика 8-го класса школы № 177 Ленинского района г. Горького: *«В классе ребята уважают Романа за скромность, за тактичное отношение к товарищам. Отличается честностью. С уважением относится к учителям. Роман всегда принимал участие в школьных фестивалях искусств, в сборе металлолома»* [3]. Из воспоминаний матери, Людмилы Николаевны: «*Мы в сыне души не чаяли. Я берегла его, как могла, сама лечила, ночи не спала… Был он замечательный человек во всех*

отношениях. Заботливый, трудолюбивый – во всем мне помогал. Когда учился в младших классах, на летние каникулы отправляли его в пионерский лагерь – боялись деревни, хотя он очень просился к бабушке, а когда стал учиться в 7–8-ом классах он уже на каникулах жил у бабушки, в деревне. В деревне он много помогал бабушке, она была уже старенькая: мыл полы, полол грядки, поливал. Вместе с бабушкой убирал урожай с огорода. Мы приезжали в деревню на выходные дни. От станции наша деревня в семи километрах. Когда я приезжала одна (муж иногда работал в выходные), Рома меня встречал на велосипеде у электрички. Рома меня любил и жалел, он говорил: "Мамочка, как я могу тебя не встретить, и как бы ты донесла такие тяжелые сумки?". В школе, техникуме Роман учился хорошо. На каждом родительском собрании его хвалили и ставили в пример за скромность, воспитанность, чуткое отношение к преподавателям, друзьям. В общем, я гордилась своим сыном. За 19 лет, прожитых им, мне ни один человек ни разу не сказал в его адрес плохие слова. Только все хорошее и доброе. Он у нас не курил, не знал вкус вина, и я была счастлива, что у меня вырос такой порядочный сын, мечтала о таких же внуках…» [1, с. 266].

После окончания школы, в 1983 г. Роман поступил в Горьковский железнодорожный техникум на отделение «Автоматика и телемеханика на железнодорожном транспорте».

Из характеристики Романа Константиновича, члена ВЛКСМ, учащегося Горьковского техникума железнодорожного транспорта: *«Способности средние; тактичен, дисциплинарных взысканий не имеет. Трудовые и общественные поручения выполняет хорошо, но активности не проявляет. Физически хорошо развит, интересуется музыкой, техникой. Роман трудолюбивый, стеснительный и застенчивый, склонен уходить в себя, необщительный, робок, восприимчив к одобрению и порицанию. Внешний вид опрятный. Воспитывается в рабочей семье»* [4].

Производственную практику Роман проходил на участке Петряевка – Металлист. За время прохождения практики был ознакомлен с работой БМРЦ (блочная маршрутно-релейная централизация). К выполняемой работе, заданиям и поручениям относился добросовестно, показал себя технически грамотным специалистом. Замечаний и нарушений дисциплины не имел. По окончании практики ему был присвоен 4-й разряд электромонтера СЦБ (сигнализация, централизация, блокировка) [5]. Во время преддипломной практики Роман работал в лаборатории СИРДП (система регулирования движения поездов) по демонтажу устаревшего макета и подготовил его к монтажу по новому схемному решению. Работал охотно. Изучал техническую документацию, выполнял работы по реальному проектированию. Показал себя дисциплинированным учащимся [6].

Роман Филиппов 26 июня 1987 г. окончил техникум, и ему была присвоена квалификация техника-электрика, выдан диплом и нагрудный знак. Он был направлен на работу согласно распределению [7]. Затем – военная служба на флоте.

В ноябре 1987 г. Роман Константинович прибыл в воинскую часть и стал осваивать свою специальность на атомной подводной лодке К-278 «Комсомолец». Поначалу служба у новичка не ладилась, были трудности в становлении бойца. Замечания в свой адрес Роман воспринимал слишком близко к сердцу, и это мешало ему. Но трудолюбие, настойчивость, воспитанные в семье, помогли матросу Филиппову преодолеть все барьеры. Уже через год он вполне освоился и в коллективе, и на службе. Специальность изучал, не считаясь при этом с личным временем. Сдал зачеты на второй класс, готовился к сдаче зачетов на первый [1, с. 265]. Из воспоминаний лейтенанта Андрея Климова: «*Роман – настоящий моряк. Когда он пришел на лодку, то особых трудностей в освоении специальности электрика у него не было, во многом ему помог техникум, который он закончил. Но Рома все равно уделял много внимания своей службе, работе, освоению специальности, поэтому он стал высококлассным специалистом, для этого Роман не жалел ни усилий, ни времени*» [1, с. 267].

Письма со службы Роман писал очень часто, как вспоминает его мама: «*К каждому празднику присылал поздравительные открытки. Однажды прислал поздравительную телеграмму, в которой поздравил меня с днем рождения. Где только он взял деньги на это, до сих пор не знаю. Рома очень просил, чтобы я деньги ему не присылала, и я посылала посылки с чем-нибудь вкусненьким, домашним, хоть сын и писал, что их очень хорошо кормят. Рома переписывался с девушкой. Они познакомились до призыва Романа во флот, хотели пожениться… Правильно говорят: “Не живи, как хочется, а как Бог велит”. Я очень была рада, что у него скромная, симпатичная девушка Таня. Она ждала Рому живым и здоровым. Сын был у меня – ласковый, добрый, родной мне человек*» [1, с. 266–267].

Из письма Татьяны Зубовой: «*Когда я вспоминанию Рому, то всегда думаю: если герои бывают в реальной жизни, то они такие, как Рома – добрые, искренние, благородные, жизнерадостные. Необыкновенно голубые глаза, черные волосы и ровная, спокойная походка… Он был кумиром мальчишек и девчонок, его любили за способность во всех ситуациях оставаться собой, не бояться показать своих чувств. До сих пор трудно поверить в то, что случилось. В моих снах он живет, как всегда, с самой теплой улыбкой на свете. Новость, что Рома уходит в армию, все восприняли, как что-то значимое, что сделает его знаменитым. Он очень гордился, что попал именно на Северный флот, с гордостью говорил о настоящей мужской дружбе подводников. Перед последним походом он написал, что подводная лодка “Комсомолец”, на которой они уходят в море, самая современная в мире, с ней ничего не может случиться… Прошло 20 лет, а Рома так и остался для меня сказочным принцем и живет в моем сердце*» [1, с. 268–269].

Седьмого апреля 1989 г. в 11.03, в тот момент, когда «Комсомолец» шел на глубине 380 метров со скоростью в 8 узлов, в 7-ом отсеке лодки по неустановленной причине вспыхнул мощный пожар. Основной версией считается возгорание электрооборудования [8].

В тот роковой день матрос Роман Филиппов достойно встретил выпавшие на его долю испытания. Вводил в строй резервные источники электроэнергии, нес вахту у дизель-генератора столько, сколько это было возможно [1, с. 265]. «*Когда на лодке вспыхнул пожар, Рома занял свое место по боевому расписанию у дизеля. В составе аварийной партии он вступил в схватку с огнем, а когда нарушилось электропитание, бросился вводить в строй резервные источники питания. Работал быстро и четко. Вместе с капитаном 3 ранга Испенковым они пытались и в итоге запустили дизель, который обеспечивал работу генератора для аварийного электроснабжения. У него от схватки с огнем были ожоги и ранения, от действия угарного газа ему стало плохо и его эвакуировали наверх, где корабельный доктор развернул лазарет и оказывал медицинскую помощь раненым. Когда лодка затонула, Рома не мог долго бороться с морем, так как он очень много сил отдал спасению корабля*», – вспоминает А. Климов [1, с. 267–268].

Из письма лейтенанта Андрея Климова матери Романа: «*Уважаемая Людмила Николаевна! Я горжусь тем, что был знаком с Романом, в сердце он всегда останется для меня человеком долга, выполнившим его до конца. Мы всегда с Вами, уважаемая Людмила Николаевна, крепитесь. Мы будем делать все, чтобы продолжать укреплять боевую готовность, быть похожими на Романа. Горе, постигшее Вас и нас 7 апреля, трудно выразить словами. Никто не может заменить погибших, ничто не может погасить страдания. Погиб замечательный человек, заботливый сын. Роман погиб геройски…*» [1, с. 268].

Роман Константинович Филиппов – настоящий моряк, высококлассный профессионал, настойчивый, трудолюбивый человек, ласковый, добрый и заботливый сын, искренний, благородный и жизнерадостный друг – отдал свою жизнь, исполняя свой воинский долг.

Источники и литература

1. Воспоминание. Памяти моряков, погибших в апреле 1989 года на АПЛ «К-278» «Комсомолец» / авт. предисл. Р.А. Маркова; авт. вступ. ст. Н.А. Черкашин; сост., ред. Т.В. Акулова-Конецкая. – СПб.: Ника, 2009.

2. Заявление Филиппова Романа Константиновича для поступления в Горьковский техникум железнодорожного транспорта. Личное дело Филиппова Р.К. (1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

3. Характеристика Филиппова Романа, ученика 8 «Б» класса школы № 177 Ленинского района г. Горького. Личное дело Филиппова Р.К. (1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

4. Характеристика на Филиппова Романа Константиновича, 1968 года рождения, русского, члена ВЛКСМ, учащегося Горьковского техникума железнодорожного транспорта, 02.07.84. Личное дело Филиппова Р.К. (1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

5. Характеристика учащегося и отметка о сдаче квалификационной пробы (работы, поездки) на Филиппова Романа Константиновича, 12.01.87. Личное дело Филиппова Р.К.

(1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

6. Характеристика учащегося и отметка о сдаче квалификационной пробы (работы, поездки) на Филиппова Романа Константиновича, 04.05.87. Личное дело Филиппова Р.К. (1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

7. Выписка из приказа по Горьковскому техникуму железнодорожного транспорта от 26 июня 1987 г. Личное дело Филиппова Р.К. (1983–1987 гг.). Горьковская железная дорога, Горьковский техникум железнодорожного транспорта // Хранится в музее филиала СамГУПС в г. Нижнем Новгороде.

8. Сидорчик А. Конец «Комсомольца». Как погибла лучшая советская подлодка. 07.04.2014 – URL: https://aif.ru/society/history/konec_komsomolca_kak_pogibla_luchshaya_ sovetskaya_podlodka

ТРОИЦКИЙ ХРАМ В СЕЛЕ АРХАНГЕЛЬСКОМ ШАТКОВСКОГО РАЙОНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н.В. Хорева[1], А.В. Муравьёва[2]

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
[1] кафедра истории и обществознания, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: n.khoreva2010@yandex.ru;
[2] магистрант
E-mail: amur13septembr@icloud.com

В статье проанализированы основные этапы истории Троицкого храма в селе Архангельском Шатковского района. Рассмотрены архитектурные особенности церкви, ее социально-экономическое положение и роль в жизни села.

Ключевые слова: *село Архангельское; православие; Троицкий храм; богослужение; престол.*

В центре села Архангельского, раскинувшегося вдоль реки Тёши, возвышается белокаменная церковь Святой Троицы. История ее существования восходит к событиям, связанным с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 г. За особые боевые заслуги, проявленные дружиной воеводы Петра Васильевича Левашова при разгроме татарского селища, располагавшегося на территории современного села Архангельского, Иван Грозный даровал ему эти земли. Новый владелец перевел сюда крестьян из-под Пскова, Новгорода и Москвы и заселил ими свободные территории [1, с. 230].

В ознаменование победы над Казанью Иван Грозный построил на месте современного храма маленькую каменную церковь, которая *«имела внутри длины, кроме алтаря, 8 аршин, а ширины 3 ½ аршин и высоты с кровлей 7 аршин. В церкви было только 4 небольших окна. Над трапезной возвышался черепичный купол с главою и крестом в 5 ½ аршин»* [2, с. 484]. Со временем эта церковь была сломана, а на ее месте возведена новая. В ней на стене *«без употребления хранились Царские врата из той церкви, которая была построена*

И. Грозным в 1553 году» [3, с. 14]. В ныне действующей церкви хранится Благословенная грамота, подтверждающая факт ее создания. Грамота является ответом на прошение арзамасской помещицы Марьи Петровны (дочери Петра Левашова, одного из владельцев села). В прошении говорилось, что прежняя церковь в селе Кобылино Арзамасского уезда обветшала, стала небезопасной для прихожан, и содержалась просьба разрешить строительство новой церкви на том же месте, с сохранением прежнего престола Михаила Архангела. В упомянутой Грамоте, датированной 12 июня 1775 г, дается благословение на постройку нового храма. Однако эти сведения противоречат свидетельству переписной книги села Кобылино за 1621–1623 гг., где указано, что в селе церковь «древяна» (т.е. деревянная), а строение *«поставили прежние помещики Федор Болтин з братею»* [цит. по: 4, с. 83].

По данным ведомости церкви в селе Кобылино-Архангельское Арзамасского уезда Нижегородской епархии за 1916 г., новая церковь была построена в 1810 г. силами помещика Василия Яковлевича Левашова [5, д. 6, л. 15].

Примерно в это же время была построена другая церковь во второй части села – в Мисюрёве – с престолом в честь Святого Николая. С этого времени село стало делиться на два: Арх-Кобылино и Ник-Кобылино (только в 1950 г., в период укрупнения колхозов (их также было два), Арх-Кобылино и Ник-Кобылино вновь объединились в одно село – Архангельское).

Троицкий храм возведен в классическом стиле. Главное, что отличает это сооружение – строгая симметрия общей композиции. Центральным элементом является прямоугольный корпус, к которому присоединяется колокольня. Строгий фасад здания венчает крыша, имеющая шатровое покрытие. Наверху храма расположен купол, купол колокольни и одна маковка (малый купол). Купола расположены так, чтобы не затенять друг друга. Храм трехглавый. Главный купол храма опирается на цилиндрический барабан с окнами, освещающими внутреннее пространство. Колокольня церкви достигает высоты около 40 м и имеет три уровня. В храме три входа. В середине – западный (главный) вход с массивными железными дверями. Через этот вход прихожане попадают в притвор, стены которого украшены изображениями святых. Здесь во время службы должны находиться те, кому за совершенные грехи временно запрещен вход в храм, а также готовящиеся принять таинство крещения. С внешней части второго уровня колокольни, над главным входом, помещено изображение Святой Троицы. Третий уровень – это собственно звонница, где располагаются два крупных и два малых колокола, отлитые в 1875 г. братьями Гудаковыми. В дни богослужений колокольный звон слышен далеко по сельской округе.

Из притвора можно попасть в среднюю, самую просторную часть храма. Именно здесь находятся верующие во время богослужения. В этой части храма расположены два престола: левый – во имя Архистратига Божия Михаила, правый – во имя Святой иконы Божией Матери «Неопалимая Купина». Оба престола украшены иконами, изображающими Богородицу, Серафима Саровского, Спасителя. Однако прежде престолов у главной церкви было три: во Имя Святой Троицы; в пределах теплой церкви: во Имя Святой Неопалимой Купины

и Архистратига Божия Михаила (Михаила Архангела). В восточной части храма находятся Царские врата, в Троицком приделе находится алтарь, в глубине которого располагается главный престол. Это четырехугольный каменный стол, символизирующий «гробь Господень» [5, д. 6, л. 24].

Здание новой церкви было каменным, крытым железом и окрашенным медянкой. Колокольня тоже была каменная, крытая белым железом. В ведомостях указано, что церковь крепкая, вместительная и теплая. Вторая церковь (кладбищенская) с престолом в честь Всех Святых также была каменная, но холодная, крытая железом. Построена она была в 1819 г. стараниями помещика Танеева, который являлся одним из владельцев села [5, д. 6, л. 25].

Архивные источники за 1916 г. дают информацию о материальном положении и имуществе храма. По штату ему полагались два служителя: священник и псаломщик. Казенного жалования им полагалось 392 руб. в год. Кружечный доход за 1916 г. составил 240 руб., хлебных доходов не имелось. Во владении церкви было 33 десятины земельных угодий, включавших в себя пахотные и сенокосные земли. Планы и межевые книги имелись только на 28 десятин, остальной землей владели священнослужители. Из общего количества церковной земли 7½ десятины были неудобными, остальная часть – земля доброкачественная. Средний доход, приносимый ею, составлял 100 руб. в год. В 1908 г. на церковно-усадебной земле были построены принадлежавшие храму здания: церковная сторожка, один деревянный и два кирпичных сарая. При храме была библиотека, где находились книги для чтения (30 томов) и небольшие брошюры (500 экз.). Еще в 1885 г. в приходе была образована земская четырехгодичная школа, в которой обучались 95 мальчиков и 30 девочек [6, д. 81, л. 12].

Социальный состав прихожан показан в ведомостях о приходе. В селе Кобылино-Архангельское было 281 домовых хозяйств, из них духовных – 4, проживавших в них мужчин – 9, женщин – 6; дворянских – 1, в них мужчин – 0, женщин – 1; мещанских – 3, в них мужчин – 12, женщин – 13; крестьянских – 273, в них мужчин – 809, женщин – 822 [6, д. 81, л. 14].

После революционных событий 1917 г. в истории Троицкого храма наступил сложный период.

В 1920-е гг. церкви сел Арх-Кобылино и Ник-Кобылино еще работали. Местный житель Н.И. Гирин так описывает проводившиеся молебны, если долго не было дождя: *«И вот все жители села с иконами и церковными хоругвями, с пением молитв шли на какой-нибудь источник…: к Голубеву колодцу, на Вязовое болото, на Кипячий Ключ, на Нечаевский колодец…, находившийся где-то в лесу… Часто прямо во время молебна начинался долгожданный дождь… Народ верил в силу молебнов»* [7, с. 60]. Рассказывает Гирин и о том, как активисты комсомольской ячейки, образовавшейся в Арх-Кобылине в 1925 г., всеми силами старались отвлечь молодежь от церкви: например, в дни больших церковных праздников ставили спектакли в клубе, который находился рядом с церковью в бывшем помещичьем доме [7, с. 61].

В 1930-х гг. по всей стране происходило массовое разрушение храмов. Ник-Кобылинская церковь была разрушена в 1932 г., а вот Арх-Кобылинскую

церковь местные жители смогли отстоять. В тот день все село собралось у церкви. Многие плакали. Группа волостных коммунистов забралась на колокольню для того, чтобы сбросить колокола. Им удалось сбросить только самый большой колокол. Он падал с гулом, при ударе о землю от него откололся кусок. Здание храма отстояла местная молодежь. Среди них старожилы называли Сергея Гаврилина, Михаила Козлова, Виктора Савина. Ключи от церкви они спрятали, за что их увезли в Шатки в милицию, но ключи от храма так и не отдали.

Церковь отстояли, но богослужения в ней прекратились. В закрытую церковь несколько раз лазили воры, после чего исчезали образа, кресты и другие церковные принадлежности. Некоторые из них, видимо, не представлявшие особой ценности, находили потом брошенными в лесу.

Богослужения в Арх-Кобылинской церкви возобновились в 1950 г. Во все последующие годы при Архангельской церкви существовала так называемая «двадцатка». В нее входили староста, казначей, певчие и другие служители церкви. К мнению «двадцатки» прислушивались не только в селе, даже в епархии. Был случай, когда «двадцатка» добилась восстановления в приходе переведенного в другой приход священника. В 1950 г. в церкви служил отец Михаил (Галков), который похоронен на местном кладбище. После его смерти настоятелем храма был отец Серафим. В Архангельском он прослужил недолго. Однажды к нему ворвались цыгане, которые долго мучили и пытали священника, требуя, чтобы он отдал им крест и деньги. Крест он им не отдал. В больнице отец Серафим скончался с просьбой никого не наказывать. Затем был отец Иван, но по просьбе «двадцатки» он был переведен в другой приход. На его место был поставлен отец Кирилл (Константинов).

В настоящее время церковь Святой Троицы – единственная действующая церковь на территории села Архангельского, одна из немногих действующих в округе.

Особо почитаемая святыня храма – икона Божьей Матери «Неопалимая Купина» (в народе ее называют Боголюбимой). Икона была спасена во время разорения Серафимо-Понетаевского монастыря. Ежегодно 17 сентября, в день памяти иконы, совершается соборное богослужение. К особо почитаемым относится и икона Божьей Матери «Знамение», спасенная во время разорения Преображенского храма. Это копия чудотворной иконы, выполненной в иконописной мастерской Серафимо-Понетаевского монастыря. Она была спасена жителями села во время разрушения Ник-Кобылинской церкви. Спасенную икону спрятала у себя в кладовке Мария Лазарева. Однажды ей приснился сон, что Божья Матерь с укором сказала ей: «Что же вы меня в темнице держите?» После этого женщина принесла образ в комнату, где он стоял до начала 1950-х гг. В эти годы были разрешены богослужения в Арх-Кобылинской церкви, и икону передали в храм.

В настоящее время число служителей в церкви сократилось до минимума. Несмотря на то, что интерес к религии и духовной культуре в обществе возрастает, жители села посещают церковь крайне редко. Некоторые ходят лишь

по большим праздникам или по необходимости (крестины, венчание, отпевание). Доход церкви, по словам ее служителей, небольшой. Церковь ветшает, ей необходим текущий ремонт. Работники церкви вынуждены ходить по домам и просить людей подать на ремонт храма кто сколько может. Не все откликаются на эти просьбы: заработки у сельчан небольшие, многие еле сводят концы с концами.

Однако говорить о том, что церковь села Архангельского находится в запустении, нельзя: в настоящее время она отапливается природным газом, прихожане стараются своими силами содержать церковь в чистоте и порядке. Весной на территории храма производится уборка, разбиваются клумбы, убираются старые деревья, отремонтирована дорога около храма. При нем действует воскресная церковная школа. Растет число молодоженов, желающих венчаться в стенах храма.

Источники и литература

1. Морохин Н.В. Наши реки, города и села. – Н. Новгород: Книги, 2007. – 426 с.

2. Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. – Н. Новгород: Нижегородская ярмарка, 1999. – 700 с.

3. Щегольков Н. Исторические сведения о городе Арзамасе, собранные Николаем Щегольковым. – Арзамас: Тип. Доброхотова, 1911. – 272 с.

4. Давыдов А.И. Писцовая книга Арзамасского уезда как источник по истории сельского церковного строительства // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Тезисы докладов – Горький, 1990.

5. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 97. Оп. 1.

6. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 11. Оп. 1.

7. Гирин Н.И. История с. Архангельского (рукопись) // Хранится в храме Пресвятой и Живоначальной Троицы, с. Архангельское.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АРЗАМАСЕ

А.В. Токарева[1], А.А. Безруков[2]

Центральная городская библиотека им. А.М. Горького

МУК ЦБС г. Арзамаса

[1] ведущий библиотекарь, [2] библиотекарь 1-й категории

607226, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Свободы, д. 9

E-mail: arzbiblio@yandex.ru; sasha.bezrukoff@yandex.ru

В статье сделана попытка проследить историю развития дошкольного образования в Арзамасе с начала XX века до наших дней.

Ключевые слова: *дошкольное образование; детские сады; детские площадки; краеведение; Арзамас.*

Дошкольное воспитание и образование – это фундамент всей педагогической системы, где закладываются основы всестороннего развития ребёнка.

В нашем городе, как и в целом по стране, оно прошло длительный и трудный путь развития.

До 1917 г. дошкольное воспитание в Арзамасе было делом лишь общественности и личной инициативы. Яркий тому пример – воспитательный дом для малолетних сирот, созданный в первой половине XIX века почетным потомственным гражданином Арзамаса Иваном Алексеевичем Поповым. Так как это было исключительно частное начинание, то со смертью Ивана Алексеевича в 1845 г. сиротский приют прекратил свое существование [1, с. 123–124]. В конце XIX века на средства, пожертвованные купцами И. Белоусовым и П. Серебренниковым, было открыто еще одно подобное учреждение – общественный дом призрения для бедных малолетних детей.

И только после Октябрьской революции дошкольное образование в России становится делом государственной важности. Начало ему было положено «Декларацией по дошкольному воспитанию», принятой 20 ноября 1917 г. В этом документе были определены принципы воспитания детей дошкольного возраста: бесплатность и доступность.

В 1918 г. уездный отдел по народному образованию Арзамасского Совета рабочих и крестьянских депутатов постановил признать крайне желательным создание одного детского сада и детского клуба. Их прообразом послужили открытые 10 мая 1918 г. три детские площадки (по 30–60 детей на каждую). Поскольку все они работали продуктивно, приносили большую пользу населению, Арзамасский отдел по народному образованию содержал их, выдавая работникам жалованье из расчета 200 руб. в месяц на каждую площадку. Подобные учреждения открывались и в последующем. Что они из себя представляли? Из протокола осмотра мы, например, узнаем, что на улице Ленина, д. 17, во дворе клуба Розы Люксембург располагалась детская площадка 5-го квартала. На тот момент ею руководили З. Эймонт и Г. Гетбарт. Дети приходили к 10 часам утра и занимались в основном лепкой из глины, а в 11 часов уходили завтракать в Спасский мужской монастырь, в котором размещалась 3-я ученическая столовая. Из монастыря они отправлялись на прогулку в сад Ускова, где наблюдали за природой [2, д. 24, л. 4]. По такому же принципу работала детская площадка 2-го квартала, организованная А.М. Цыбышевым. Только там дети занимались не лепкой из глины, а драматическим искусством и сокольской детской гимнастикой.

Кроме того, в Арзамасском уезде были организованы курсы по дошкольному воспитанию для городских и сельских учителей. Их программа состояла из пяти учебных дисциплин: теория дошкольного воспитания, ручной труд в детских садах и на площадках, детские игры и пение, экскурсии для детских садов и площадок, идеи общественного воспитания. В дальнейшем они были объединены с курсами по внешкольному образованию.

В это время в городе, согласно архивным документам, функционировали два детских сада. Первый из них был частным и принадлежал Н.А. Бебешиной – выпускнице Петроградского института Святой Елены, бывшей преподавательнице новых языков в Харьковской гимназии. Открылся он 20 августа

1918 г., а с 1 октября был принят в ведение Нижегородского губернского отдела по народному образованию. Приблизительно в феврале 1919 г. этот детский сад перешел под контроль Арзамасского уездного отдела по народному образованию. Учреждение располагалось по адресу: улица Коммунистов, д. 6. Под детский сад были заняты лучшие комнаты дома Бебешиных, в которых находились игрушки ручной работы, выполненные специально для него мужем руководительницы – Д.В. Бебешиным, выпускником Мюнхенской художественной академии. Дети были поделены на три возрастные группы по 25 чел. Каждая располагала отдельной комнатой, зал для игр был общим. Занятия начинались в 9 часов, заканчивались в 14 часов. Распорядок дня был следующим: собрание, общие игры, работа в группах, завтрак, ручной труд. Дети занимались рисованием, складыванием, вырезанием, плетением из бумаги, вышиванием, нанизыванием бисера и другой ручной работой. Два раза в неделю проводились музыкальные занятия с элементами подвижных игр. Кроме этого, ребятам читали и проводили с ними беседы обо всех фактах их повседневной жизни. Как правило, занятия и беседы согласовывались с временами года. К примеру, летом воспитанники собирали материалы на зиму (сушили цветы, запасали мох и солому). Также дети занимались гимнастикой, играли в горелки, в пятнашки и другие подвижные игры. И, конечно, организовывались родительские собрания для обсуждения насущных проблем, которых было немало: нехватка кадров, небольшое помещение, слабая материальная база.

О втором детском саду, к сожалению, информации немного. Известно лишь, что его в 1919 г. возглавляла Ольга Александровна Лаврова, окончившая Московские высшие женские педагогические курсы Д.И. Тихомирова по специальности «Детские сады», и что он находился в ведении Арзамасского уездного отдела по народному образованию [2, д. 24, л. 3].

В 1921 г. в Арзамасе было уже четыре детских сада, два из которых принадлежали О.А. Лавровой (причем, один из них частный). Согласно архивным материалам, его закрыли, а через пять лет вновь открыли на ул. Карла Маркса, д. 23 [2, д. 24, л. 4]. Спустя год по причине несоответствия помещения санитарным нормам сад Лавровой был закрыт, а его оборудование передано открывшемуся 1 апреля 1927 г. на ул. Набережной, д. 4 государственному бесплатному детскому саду № 1. Он был рассчитан на 50 детей в возрасте от 3 до 7 лет. Правда, местная власть в лице председателя горсовета Наумова выделила здание, не отвечающее санитарным требованиям. Поэтому вскоре ему было предоставлено другое здание, на ул. Горького, д. 29 (в наше время в нем располагается детсад № 3). Из него детсад № 1 в 1948 г. переехал на ул. Ступина, д. 3, где находится по настоящее время. Первой его заведующей была окончившая женскую гимназию, хорошо образованная Анастасия Михайловна Коробова. После нее детский сад возглавляли А. Вавилина, А.М. Емсеева, А.И. Дубинкина, Н.А. Голова. Эти люди в те непростые годы были первопроходцами в организации дошкольной работы в Арзамасе [3, с. 9].

Ровно через год в здании бывшего Николаевского монастыря на общественных началах открылся еще один детский сад, куда перевели ребят с пло-

щадки партактива. Он располагался в большой комнате, и посещало его 30–40 детей. Когда в учреждение стало ходить 60 воспитанников, была выделена еще одна комната, но они обе не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям: не было участка для прогулок и игр на свежем воздухе. В 1933 г. на собрании родители вынесли предложение принять детсад на бюджет города, присвоив ему имя Надежды Константиновны Крупской. Написали ей письмо с просьбой походатайствовать об этом перед Арзамасским горисполкомом. Вскоре пришла открытка, где Крупская благодарила за внимание, давала ряд советов и просила власти взять детсад на городской бюджет, что и было сделано. В 1961 г. детсад перевели на ул. Ступина, в 1962 г. – на ул. Горького, д. 29. В 1963 г. на основании приказа областного отдела народного образования он стал детсадом № 3 санаторного типа [4, с. 5].

Потребность в дошкольных учреждениях все возрастала, и в 1930 г. вступил в строй детский сад № 6 («Маячок») на ул. Октябрьской. Созданный по инициативе коллектива фабрики им. Будённого, он был рассчитан на 50 мест. Первой его заведующей стала А. Кондратова, а воспитателями – работницы фабрики Е. Ханова и М. Токарева. Поскольку помещение оставляло желать лучшего, садик в скором времени перевели на ул. Коммунистов, д. 22. После этого он еще дважды поменял место: в 1965 г. переехал в здание, в котором сейчас находится старообрядческая церковь, а в 1974 г. – в новое современное помещение на ул. Владимирского, д. 22а [5, с. 5].

В 1934 г. в жилом доме на ул. Советской открылся детский сад № 8.

В годы Великой Отечественной войны работа по дошкольному воспитанию чрезвычайно усложнилась. Кроме основной работы с детьми, воспитатели несли ночные дежурства, так как детсады перешли на круглосуточную работу. Так продолжалось и в годы восстановления народного хозяйства.

К 1962 г. в городе уже функционировало 16 детских садов на 1 тыс. мест. Огромную роль в этом сыграли крупнейшие предприятия, которые открывали ведомственные детские сады для детей своих рабочих и служащих. Так, Арзамасский приборостроительной завод запустил в эксплуатацию ясли-сад № 28 «Флажок» и детский сад № 34 «Золотой ключик». Заводом коммунального машиностроения был открыт детский комбинат № 26 «Светлячок». Арзамасским заводом автозапчастей Горьковского объединения «ГАЗ» были организованы ясли-сад № 43 «Незабудка».

Особенно широко развивалась сеть дошкольных учреждений в 1980-е годы. К 1987 г. в городе насчитывалось 50 детских садов, в них – 8 900 детей.

1990-е годы – не лучшие времена для дошкольных образовательных учреждений. Многие детские сады, располагавшиеся в ветхих и приспособленных зданиях, закрывались. Предприятия, испытывавшие серьезные экономические трудности, вынуждены были отказываться от учреждений социального назначения. Число ДОУ в Арзамасе резко сократилось. Их осталось 37, детей в них – 4 485 [6, с. 3].

В настоящее время в Арзамасе действуют 34 детских сада. Один из них по типу представляет ноу-хау в области дошкольного воспитания. Это частный

православный детский сад имени преподобного Сергия Радонежского, который был открыт в 2015 г. по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия.

Когда-то нашу Родину называли страной счастливого детства. Пусть она и останется такой: пусть строятся новые детские сады, светятся окна и открываются двери для маленьких граждан большой страны.

Источники и литература

1. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе (Репр. воспр. изд. 1911 г.). – Ярославль: Периодика, 1992.

2. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас. Ф. Р-103. Оп. 1.

3. Дубинкин В. Они были первыми: об истории детского сада № 1 // Арзамасская правда. – 2010. – 23 июля.

4. Лошманова А.Ф. Прадеды и правнуки: об истории детского сада № 3 / беседовал В. Булыгин // Арзамасские новости. – 2005. – 19 марта.

5. Малыгина Е. От двух до семи: к 75-летию детского сада № 6 «Маячок» // Арзамасские новости. – 2005. – 30 апреля.

6. Новичихина С. Использовать все возможности: о развитии дошкольных учреждений в Арзамасе / беседовал В. Булыгин // Арзамасские новости. – 2006. – 17 августа.

ЭТАПЫ ОСВОЕНИЯ СТАРОПУСТЫНСКОГО ОЗЕРНОГО ЛАНДШАФТА

В.А. Шеманаев

Арзамасский филиал ННГУ, естественно-географический факультет,
кафедра биологии, географии и химии,
кандидат педагогических наук, доцент
607225, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: v.shemanaev@mail.ru

В статье раскрыты основные этапы освоения Старопустынского озерного ландшафта. Проанализирована динамика влияния антропогенного воздействия на природные компоненты ландшафта. В статье рассмотрены трудовые навыки населения и их роль в изменении природы региона. Отражены основные виды хозяйственной деятельности человека на каждом этапе и состояние экосистем.

Ключевые слова: *Старопустынский озерный ландшафт; компоненты природы ландшафта; хозяйственная деятельность человека; Пустынские озера.*

Первый этап освоения территории Старопустынского озерного ландшафта начинается с древних времен. Стоянки первобытных людей на данной территории, по результатам раскопок археологов, существовали уже 50 тыс. лет назад. Поселения располагались на невысоких холмах в долине реки Серёжи и в районе ее впадения в озеро Великое ***(Приложение 5, рис. 1)***.

Старая Пустынь I. Стоянка эпохи мезолита (бутовская культура), которая располагалась на мысу первой надпойменной террасы в 400 м

к юго-востоку от села. Собраны изделия из кремня: вкладыши, резцы, скребки и т.д. Памятник частично разрушен во время строительства газопровода [1].

В I тыс. н.э. на территории юга Нижегородской области жили мордовские племена. Население занималось охотой, рыбной ловлей и собирательством. На данном этапе развития хозяйственной деятельности воздействие человека на компоненты ландшафта было минимальным и локализованным.

Во II тыс. н.э. в глубину мордовских племен проникают земледельческие и скотоводческие племена восточных славян. Археологические раскопки и найденные орудия труда племен свидетельствуют о древнем освоении Старопустынского озерного ландшафта. Все большее значение в жизни мордвы приобретало бортничество. В дальнейшем данная местность все больше и больше привлекает население, т.к. здесь сосредоточены были плодородные аллювиальные почвы, необходимые для сельскохозяйственного освоения территории, заливные луга с разнообразием разнотравья, изобилием рыбы и водоплавающей птицы. Район впадения р. Серёжи в систему карстовых озер представлял в начале II тыс. н.э. хорошо освоенную славянами территорию, однако из-за трудностей при перемещении в лесной зоне количество поселений было очень мало.

Второй этап освоения Старопустынского озерного ландшафта связан с развитием Арзамасского уезда и его значением в торговых отношениях с регионами централизованного Русского государства.

Увеличивается численность населения региона, площадь запашки, появляются новые поселения и развивается торговля. В результате победы Московского государства над Казанским ханством на территорию Нижегородского края хлынул поток людей на свободные и пригодные для обработки сельскохозяйственные площади. Сельскохозяйственное освоение периферийной зоны Старопустынского озерного ландшафта осложнялось высокой концентрацией лесных ресурсов и отсутствием водоемов. Царским указом в начале XVI века новые площади пахотных земель Старопустынского озерного ландшафта были переданы Арзамасскому Спасскому монастырю, а система Пустынских озер – под ловлю рыбы [2]. На заливных лугах в пойме р. Серёжи пасли скот и косили сено. Сельское хозяйство имело подсечно-огневое направление земледелия для лесной зоны. Сельскохозяйственное освоение Старопустынского озерного ландшафта достигает своего предела. Основной культурой была озимая рожь. Площадь распаханных полей становится максимальной. Наиболее пострадали восточные части ландшафта.

На данном этапе освоения Старопустынского озерного ландшафта усиливается локальное влияние хозяйственной деятельности человека на его отдельные компоненты.

Третий этап освоения Старопустынского озерного ландшафта связан с промышленным становлением и экономическим процветанием Арзамасского уезда и усилением влияния на природу региона.

В данный период освоения в Арзамасском уезде происходят кардинальные изменения в экономическом развитии. «Золотой век» Арзамаса способ-

ствовал развитию промышленного и сельскохозяйственного производства, в городе действуют более 20 заводов и фабрик, формируется мощный потенциал обрабатывающих отраслей, однако в уезде ведущее значение играет земледелие, где занято более 95% населения. Местные крестьяне выращивали рожь, овес, ячмень, гречиху, просо, горох, коноплю. Большую роль в сельском хозяйстве и жизни людей играет рыболовство и охота. Жители занимались заготовкой липового мочала и ткали из него кули (большие мешки). Благодаря большим запасам древесины жители региона жгли уголь, производили деготь. В усадьбах местных помещиков, которые размещались в озерном ландшафте, работали маслобойни, шерстобойни и мельницы [3]. На территории Старой Пустыни формируется рыбацкая артель, которая в течение всего периода обеспечивала рыбой Нижний Новгород и Арзамас, где были сосредоточены крупные торговые ярмарки и базары. Старая Пустынь была очень привлекательной местностью для многих страдавших от голода и нищеты людей.

На данном этапе резко увеличивается влияние на Старопустынский озерный ландшафт и его компоненты. Отмечается антропогенное загрязнение водных ресурсов бытовыми стоками и отходами сельскохозяйственного производства. Наблюдается нарушение плодородного почвенного покрова из-за отсутствия мер по проведению плановых севооборотов и излишек сельскохозяйственных угодий.

В четвертый (советский) период возросло интенсивное воздействие человека на компоненты Старопустынского озерного ландшафта. В начале 1930-х гг. на данной территории существовала сельхозартель. В результате пожаров в 1939 и 1940 гг. численность населения уменьшилась, т.к. погорельцы перебрались в другие регионы.

Варварское уничтожение лесных ресурсов привело к сокращению липовых массивов, строевой сосны и ели; в основном, пострадали южные территории. Липовые массивы пострадали в большей мере от производства и продажи мочал, доход от которых был значительным в данный период. Освободившиеся от леса территории распахивают, площадь полей в данный период становится максимальной. В ноябре 1962 г. начинает свою работу насосная станция и водовод в г. Арзамас протяженностью 36 км, вследствие чего наблюдается резкое снижение уровня Пустынских озер, сокращение рыбных ресурсов, исчезновение заливных лугов и охотничье-промысловой дичи. В бассейне реки Серёжи и на территории Пустынских озер почти полностью была уничтожена ондатра. В данный период на берегу озера Великого размещается биологическая станция Горьковского университета – база учебной и производственной практики студентов биологического факультета. На берегу озера Глубокого в 1963 г. была создана биологическая станция «Золотой мыс» Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара. Около озера Долгого была построена база отдыха Горьковского завода им. Ленина «Горизонт», а на берегу озера Кругленького – противотуберкулезный санаторий «Старая Пустынь». Данные объекты способствовали усилению влияния хозяйственной деятельности человека на Старопустынский озерный ландшафт.

Современный период освоения Старопустынского озерного ландшафта характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду местности: гигантская туристическая нагрузка на компоненты природы ландшафта; увеличение количества заброшенных сельскохозяйственных угодий и их зарастание мелколиственным лесом; зарастание Пустынских озер и их обмеление; снижение биоразнообразия.

Утрачивается значение эталонных участков хвойно-широколиственных лесов, сосновых боров и пойменных дубрав. Строительство нового моста в протоке озера Свято привело к сужению русла реки, из-за этого оно зимой промерзает и гибнет рыба. Возведение дамб мешает притоку свежей воды, из-за чего озера загрязняются, и происходит их заболачивание. Так же пагубно влияет массовая застройка по берегам озера дачных строений, без очистных сооружений и мусоропроводов [4].

При строительстве моста по дороге на село Наумовку через реку Серёжу было засыпано основное русло реки, а вместо него прорыта небольшая канавка. Зимой здесь речка промерзает до дна, гибнет рыба: щука, язь, лещ, линь, окунь, плотва. Весной по мелкому руслу проносится мощный поток, унося в озера песок, строительный мусор и бытовые отходы. От восточного берега озера Великого уже протянулась узкая песчаная коса. По истечении нескольких лет она может разделить озеро на две части и превратить правую его часть в болото. Притоку свежей воды мешают дамбы на озере Глубоком, возведенные при строительстве городского водовода. Озеро Карасёво отрезано от других озер, его берега уже заросли осокой, и оно превращается в болото.

С введением новой магистрали Слизневского водовода, который обеспечивает город Арзамас водой, водозабор из Пустынских озер в настоящее время не производится. В озерах обитают многочисленные водные растения и животные, которые, отмирая, образуют на дне органические илы – сапропели. Скорость накопления осадков достаточно незначительный, 1–2 мм в год, однако стадия заполнения котловины озера Великого за последние 20 лет видна невооруженным взглядом. Богатая водная растительность озер, имеющая кормовое значение за длительный период освоения Старопустынского озерного ландшафта, не используется местным населением. Экологическая ситуация в районе Старопустынского озерного ландшафта не улучшается. Рыбные ресурсы Пустынских озер сокращаются, падает рыбопродуктивность, происходит обеднение рыбной фауны. Численность трудоспособного населения резко упала, происходит распад колхозов и совхозов, разрушаются животноводческие комплексы, сельскохозяйственные угодья зарастают, происходит застройка водоохраной зоны дачами и коттеджами. Строительство новой шоссейной дороги до Меньшикова, Наумовки и биостанции «Золотой мыс» способствовало резкому увеличению потоку туристов. Размещение туристических стоянок по береговой линии привело к уничтожению травянистой и древесной растительности в районе озер Великое, Глубокое на расстоянии более 25 м. Увеличение числа туристов и их негативное влияние на Старопустынский озерный ландшафт приво-

дит к деградации крупных площадей региона и исчезновению редких растений и животных.

Источники и литература

1. Мартьянов В.Н. Археологическая карта Арзамасского района. – Арзамас: АГПИ, 1999. – 70 с.
2. Петряшин В.С. Арзамасские монастыри: История, архитектура, хозяйственная деятельность XVI–XX вв. – Арзамас: ЗАО «Арзамаскомплектавтоматика», 2003. – 216 с.
3. Карповские чтения: сборник статей. Вып. 4 / отв. ред. С.Н. Пяткин; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 539 с.
4. Лесненко В.К. Мир озер. – М.: Просвещение, 1989. – 158 с.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АРЗАМАССКОГО РЕГИОНА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

М.С. Любов

Арзамасский филиал ННГУ, естественно-географический факультет,
кафедра биологии, географии и химии,
кандидат педагогических наук, доцент
607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: lubov.arz@mail.ru

В статье рассматривается экологическая ситуация отдельно взятого региона Нижегородской области – города Арамаса и Арзамасского района. Выявляются экологические проблемы, возникшие в наступившем столетии. Анализируется состояние окружающей среды и всего природного комплекса Арзамасского региона.

Ключевые слова: *экологические проблемы; загрязнение; город Арзамас; Арзамасский регион; окружающая среда.*

XXI век принес миру не только цифровые технологии и дальнейшее развитие научно-технического прогресса, но и новые экологические проблемы. Приобретая глобальный характер, экологические проблемы продолжают обостряться в регионах. Не стал исключением в этом отношении и Арзамасский регион.

Город Арзамас расположен почти в центре Правобережья Нижегородской области, в средней полосе европейской части страны. Арзамасский район, в том числе и город, является одним из наиболее развитых районов Нижегородской области. По итогам социально-экономического развития за 2015 год городской округ город Арзамас вошел в группу районов с высоким уровнем развития и занял 8-е место среди 52 муниципальных районов и городских округов области. Развитие социально-экономического потенциала города заметно обострило экологическую обстановку в регионе [1]. Еще полвека назад Арзамас был небольшим провинциальным городом со слаборазвитой индустрией, однако уже в то время он оказался вблизи федерального ядерного центра – Арзамаса-16. С развитием предприятий военно-промышленного и машиностроительного

комплексов Арзамас превратился в один из крупных промышленных городов области. Социально-экономическое развитие Арзамаса привело к ряду экологических проблем: загрязнению атмосферного воздуха вредными примесями, рек Шамки и Тёши стоками промышленных предприятий, деградации почв и сокращению площади лесов района, возникновению несанкционированных свалок и т.д.

В условиях города загрязнение атмосферного воздуха обусловлено наличием большого количества промышленных предприятий, автотранспорта и отопительных объектов (котелен). Основными поставщиками вредных выбросов в атмосферу являются: ОАО «Арзамасский приборостроительный завод», ОАО «Рикор Электроникс», ОАО «Арзамасский машиностроительный завод», ОАО «Коммаш», ОАО «Арзамасский завод ЖБК», ОАО «Арзамасский завод минплит», асфальтовый завод и другие [2]. При этом у нас отсутствуют предприятия первого класса опасности, нет химических производств; к тому же, расположение промышленных объектов с учетом годовой розы ветров уменьшает вредное воздействие на окружающую среду. В настоящее время серьезную экологическую проблему представляет автотранспорт. На 2015 год в городе было зарегистрировано более 37 тыс. транспортных средств. С выхлопными газами в атмосферу попадает диоксид и оксид углерода, оксиды азота и десятки других веществ, среди которых есть и вещества, относящихся к группе канцерогенов. Транспортом загрязняется не только атмосферный воздух, но и почва. Особенно сильно насыщаются почвы свинцом, медью, цинком, нефтепродуктами вблизи автостоянок, автомобильных и железных дорог. В данный период в Арзамасе проводится ряд мероприятий, направленных на охрану окружающей среды. В частности, осуществляется усовершенствование технологии производства, перевод городских котелен на газ, строительство транспортных развязок объездных дорог и т.д.

Экологическую тревогу вызывает и состояние поверхностных вод в Арзамасском районе в связи с их обмелением и загрязнением. Обмеление рек приводит к цепной реакции отрицательных экологических последствий: снижению обводненности территории, продуктивности экосистем, их способности к самоочищению, обеднению флоры и фауны. Снижение уровня рек происходит вследствие как естественных, так и антропогенных факторов, причем последние стали играть ведущую роль. Загрязнению рек, озер и прудов способствуют сельскохозяйственные и иные предприятия с малоэффективными очистительными сооружениями или совсем без них, а также сброс в водоемы больших объемов бытовых и промышленных сточных вод, стоков с животноводческих ферм и полей. В настоящее время в Арзамасе имеется полная раздельная система канализации. Наблюдения за состоянием водных объектов на территории города проводятся на реке Теше в двух створах гидрохимических наблюдений: первый створ – в черте г. Арзамаса, 1 км выше впадения в нее реки Шамки; второй створ – 0,5 км ниже западной оконечности г. Арзамаса. Анализ проб воды показывает, что вода в Тёше в пределах городской черты принадлежит

к разряду «загрязненных» и содержит большое количество загрязняющих химических веществ [подробнее об этом: 3].

Не менее актуальными в последнее время становятся охрана почв и ведение мониторинга земель города и района. По ряду причин, вызванных деятельностью человека, ежегодно происходит сокращение сельхозугодий. За последнее время только для промышленного строительства было отведено более 500 га земель, из них 140 га пашни. Во многих АО отсутствуют надлежащие условия для хранения минеральных удобрений, нарушены правила применения ядохимикатов, гербицидов и других химических средств. Значительный ущерб земельным ресурсам наносит водная эрозия. Всем видам эрозии в районе подвержено в средней и сильной степени более 10,5 тыс. га. Но следует заметить, что резкого изменения почвенного плодородия в XXI веке не происходит, хотя и положительной динамики использования земель не наблюдается. Общей экологической проблемой почв Арзамасского района стала их деградация [см. об этом: 4].

Серьезное внимание вызывает к себе в целом экология города Арзамаса. С расширением городской застройки и развитием промышленности происходит изменение микроклиматических условий. Рост города, увеличение количества производственных зданий и жилых домов, отопительных объектов, увеличение количества работающего транспорта неизбежно ведет к нарушению экологического равновесия. Промышленные выбросы в атмосферу не только загрязняют воздух вредными веществами, но и заметно снижают ее прозрачность. Плотная городская застройка затрудняет циркуляцию воздуха, уменьшая в целом скорость приземного ветра и в то же время создавая местами между домами мощные сквозняки. Большой город становится источником тепла в течение всего года. Аккумуляция солнечной энергии каменными стенами строений и бетонно-асфальтовыми покрытиями дорог делают город в летний период малокомфортным для человека. Смесь выхлопных газов с промышленными выбросами предприятий в условиях штилевой погоды приводят к образованию смога. Особенно неблагоприятная экологическая обстановка складывается в городе при антициклональном состоянии атмосферы. Город также является источником повышенного шума.

Важной составляющей экологии города являются зеленые насаждения. На территории Арзамаса произрастает немало различных видов деревьев и кустарников, сосредоточенных по газонам вдоль дорог и тротуаров, а также в скверах и лесопарковых массивах, расположенных в городской черте или прилегающих непосредственно к ней. К таким зеленым массивам можно отнести: Арзамасский дендрарий, парк им. А.П. Гайдара, дубовую рощу у Центральной городской больницы (ЦГБ), Пушкинскую рощу, зеленую зону 11-го микрорайона. К скверам относятся: садик А. Ступина, К. Маркса, М. Горького, В. Новикова, «Ленинский садик» и другие. Разнообразные растения можно встретить на городских кладбищах и на индивидуальных садовых участках.

В городской дендрофлоре наиболее часто для озеленения нашего города используются тополь, береза, липа, ясень, клен, рябина, яблоня, черемуха.

Из кустарников в первую очередь следует назвать различные виды боярышника и спиреи, шиповник, карагану («желтая акация»), сирень, крушину, кизильник, свидину, жимолость. Гораздо реже на улицах города можно встретить вяз, тополь пирамидальный, каштан конский, дуб, ветлу, калину и некоторые прочие кустарники. Немногочисленны в городской застройке хвойные породы, чаще встречающиеся в лесопарковых зонах и скверах. Почти единичными экземплярами произрастают ель голубая и обыкновенная, сосна, лиственница европейская, в сквере «Ленинский садик» наряду с другими хвойными есть пихта и туя, в дендрарии и парке им. А.П. Гайдара, кроме прочих хвойных, произрастает сосна Банкса, сосна Веймутова, лжетсуга тиссолистная, очень редко в городе можно увидеть можжевельник. В Арзамасском дендрарии сосредоточена богатая флора деревьев и кустарников, коллекция которых к настоящему времени составляет 60 видов, из которых 40 видов – интродуценты [подробнее об этом см.: 1]. В соседствующем с ним парке им. А.П. Гайдара доминирующей породой является береза. В зеленой зоне у ЦГБ преобладает дуб с небольшой примесью осины и липы. Довольно разнообразен мир древесных растений в зеленой зоне 11-го микрорайона: береза, липа, тополь, рябина, сосна, ель, различные кустарники. На садовых участках в основном произрастают фруктовые деревья и кустарники, среди которых наиболее популярны, как и в прошлом веке, яблони, вишни, смородина и крыжовник, а в последнее время все больше стало появляться различных декоративных и экзотических для нашего региона растений, например, таких как снежноягодник, форзиция, вейгела, жимолость, облепиха и др.

Зеленые насаждения, независимо от их местоположения в городе, находятся на экологическом стыке между городским и природным ландшафтом, обеспечивая взаимопроникновение и взаимодействие фаун. Одними из наиболее ярких представителей городской фауны являются птицы. К сожалению, приходится констатировать общее снижение численности некоторых певчих птиц (овсянки, варакушки, крапивника и некоторых других) и заметное резкое сокращение гнездований скворцов в городской черте (теперь их можно встретить только на берегах Тёши или лишь за городом). Вместе с тем, существенно больше стало гнездиться в Арзамасе галок, ворон, сорок, голубей, воробьев. Недостаточно благополучная санитарно-экологическая среда города Арзамаса создает условия для распространения мыши домовой и крысы серой (пасюка), а также тараканов, комаров, мух и т.п. [см. об этом: 3].

Особую экологическую проблему в городе и других населенных пунктах составляют ликвидация бытовых отходов и санитарная очистка территории. Несмотря на то, что Арзамас входит в число наиболее чистых и благоустроенных городов области, общая экологическая ситуация в городе оставляет желать лучшего. Нередко, особенно на окраинах города, на пустырях, вдоль берегов рек Тёши и Шамки, возникают многочисленные несанкционированные свалки, а контейнерные площадки утопают в мусоре. Санитарная очистка в городе и вывоз бытовых отходов осуществляется ООО «АрзамасКомТранс» регулярно, включая выходные дни. В городе для сбора мусора установлено более

500 евроконтейнеров. Твердые бытовые отходы от жилого сектора и отходы производства размещаются на свалке ТБО, находящейся в 13 км от города Арзамаса в районе деревни Саблуково на территории Кирилловского лесничества, она занимает площадь 6,3 га.

Все названные нами экологические проблемы Арзамасского региона характерны для всех городских округов Нижегородской области, они носят глобальный характер и требуют серьезного совместного решения не только в пределах области, но и в масштабах всей России [4]. Проведенный нами анализ экологического состояния города Арамаса и его района за 2001-2018 годы позволяет утверждать, что общая экологическая ситуация в регионе по сравнению с прошлым веком заметно ухудшилась.

Источники и литература

1. Доклад «Арзамас. Экологическая обстановка-2015». Администрация г. Арзамаса. Сектор по экологии и охране природы. – 2016. – 60 с.

2. Состояние окружающей среды и природных ресурсов Нижегородской области: Доклад Министерства экологии и природных ресурсов Нижегородской области. – Н. Новгород, 2015. – 311 с.

3. Любов М.С. Природно-климатические условия Арзамасского региона. – Арзамас: Арзмасский филиал ННГУ, 2019. – 106 с.

4. Любов М.С., Любова Е.Ю. Нижегородское краеведение: учебное пособие. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2016. – 109 с.

ИЗУЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ Г. АРЗАМАСА МЕТОДАМИ БИОИНДИКАЦИИ

Т.А. Кончина

Арзамасский филиал ННГУ, естественно-географический факультет,
кафедра биологии, географии и химии,
кандидат биологических наук, доцент
Россия, 607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: tatyana.konchina@mail.ru

В статье обсуждается экологическое состояние некоторых районов г. Арзамаса на основании анализа результатов биоиндикации. Установлено, что в районах расположения промышленных предприятий снижается встречаемость и обилие лишайников, ухудшается состояние хвои сосны обыкновенной, увеличивается стерильность пыльцы Potentilla anserina L., Achilléa millefólium L., Tanacétum vulgáre L., Plantágo májor L.

Ключевые слова: *окружающая среда; биоиндикация; лихеноиндикация; повреждение и усыхание хвои; палиноиндикация; фертильность пыльцы.*

Одной из серьезных экологических проблем сегодня является загрязнение городской среды. В выбросах автотранспорта и промышленных предприятий присутствуют различные газы, катионы металлов, кислотные остатки, которые оказывают негативное воздействие на экосистему города и здоровье человека [1].

В течение ряда лет на естественно-географическом факультете Арзамасского филиала ННГУ с целью определения качества городской среды проводятся исследования экологической обстановки г. Арзамаса и Арзамасского района с помощью различных методик, большей частью биоиндикационных: лихеноиндикации, палиноиндикации, по комплексу признаков сосны обыкновенной, а также индикации почв по фенотипам белого клевера и др. [2; 3].

Материал был собран в девяти районах с различной нагрузкой автотранспорта и промышленными выбросами. *Контролем* служил *лесной массив,* примыкающий к физкультурно-оздоровительной базе «Снежинка» на расстоянии 3 км от города. *Опытные районы: 1) микрорайон № 10* находится на северо-западе г. Арзамаса, транспортная нагрузка низкая (5 115 ав./сутки), на его северной окраине есть предприятие электронной промышленности ОАО «Рикор Электроникс»; *2) микрорайон «Дубки»* находится на северо-западе города, «спальный район», имеется ФОК «Звездный», транспортная нагрузка низкая (1 118 ав./сутки); *3) парк им. А.П. Гайдара* расположен в центре города. Вблизи него имеется сеть торговых центров, автодорог, промышленных предприятий нет; *4) проспект Ленина* – центральная улица с высокой транспортной нагрузкой (20 129 ав./сутки), промышленных предприятий нет; *5) микрорайон № 14* находится на юге города, высокая транспортная нагрузка (18 038 ав. /сутки), низкая степень озеленения, имеется автостанция, ОАО «Арзамасский завод “Легмаш”»; *6) 11-й микрорайон* расположен в юго-восточной части города, ограничен автотрассой со средней нагрузкой автотранспортом (8 471 ав./сутки), вдоль которой тянется ЛЭП. В радиусе 1–2-х км находятся крупные предприятия приборо- и машиностроения; *7) территория, прилегающая к АО «Арзамасский завод коммунального машиностроения» (Коммаш),* его вклад в суммарные выбросы загрязняющих веществ от стационарных источников составляет 11,2% (около 0,148 тыс.т/год) [4]; *8) территория, прилегающая к ПАО «Арзамасский машиностроительный завод» (АМЗ)*, его вклад в суммарные городские выбросы 35,6% (около 0,471 тыс.т/год), транспортная нагрузка высокая (18 129 ав./сутки); *9) территория, прилегающая к АО «Арзамасский приборостроительный завод» (АПЗ),* вклад которого в суммарные выбросы 10,5% (около 0,136 тыс.т/год), транспортная нагрузка низкая (3 110 ав./сутки).

Для определения качества воздуха использовали:

1) метод лихеноиндикации, при этом рассчитывали показатель относительной чистоты атмосферы (ОЧА) по формуле: ***ОЧА=(А+2В+3С)/30***, где А – сумма средних баллов встречаемости и покрытия накипными лишайниками; В – листоватыми лишайниками; С – кустистыми лишайниками. Чем выше показатель ОЧА (ближе к единице), тем чище воздух местообитания [5];

2) определение степени повреждения и усыхания хвои сосны обыкновенной, для чего в районах исследования изучалось 10 сосен, растущих на открытом месте. Выборка с одного участка составила 1 000 хвоинок [5];

3) фертильность пыльцы растений определяли ацетокарминовым методом [6]. Исследована пыльца *лапчатки гусиной (Potentilla anserina* L.*), тысяче-*

листника обыкновенного (*Achilléa millefólium* L.), *пижмы обыкновенной (Tanacétum vulgáre* L.), *подорожника обыкновенного* (*Plantágo májor* L.).

Достоверность различий оценивали на основании критерия Стьюдента с помощью онлайн-калькулятора.

В результате исследования было установлено, что экологическое состояние городской среды различается в разных районах города. На основании лихеноиндикации показано, что наиболее чистый воздух, по значению ОЧА, в парке им. А.П. Гайдара, в микрорайоне «Дубки» (рис. 1).

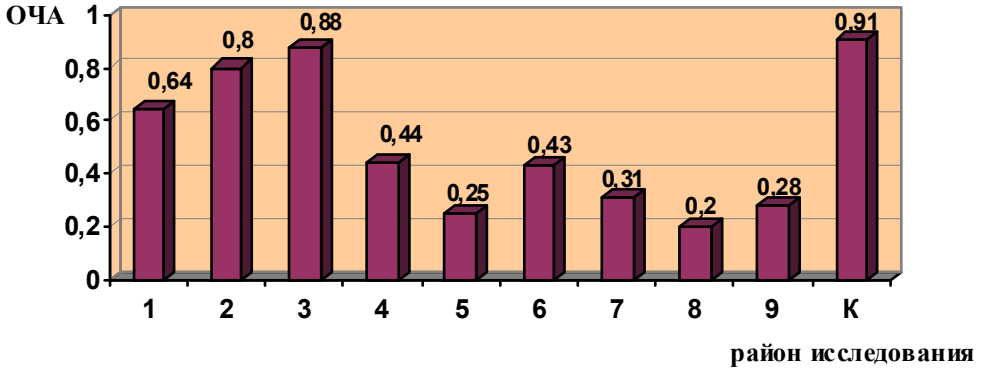


Рис. 1. Значения ОЧА: 1) 10-й м-н, 2) Дубки, 3) парк им. А.П. Гайдара, 4) пр. Ленина, 5) 14-й м-н, 6) 11-й м-н, 7) Коммаш, 8) АМЗ, 9) АПЗ, К) контроль.

Слабое загрязнение воздуха отмечено в 10-м микрорайоне, среднее загрязнение – в 11-м микрорайоне и на проспекте Ленина (ОЧА от 0,20 до 0,31). Наиболее сильное загрязнение (ОЧА от 0,20 до 0,31) выявлено в 14-м микрорайоне и в районах расположения промышленных предприятий: Коммаш, АМЗ, АПЗ.

Биоиндикация по состоянию хвои сосны обыкновенной подтвердила данные лихеноиндикации. Показано, что в контроле самый чистый воздух, где больше всего хвои без повреждений (83,5%). В районе расположения АМЗ преобладает хвоя с повреждениями 2 и 3 классов, чистой хвои только 26,7%, что говорит о значительном загрязнении воздуха (рис. 2). В 11-м микрорайоне отмечено повышенное содержание числа поврежденной хвои, особенно 3-го класса (4,2%) по сравнению с остальными исследованными районами города.

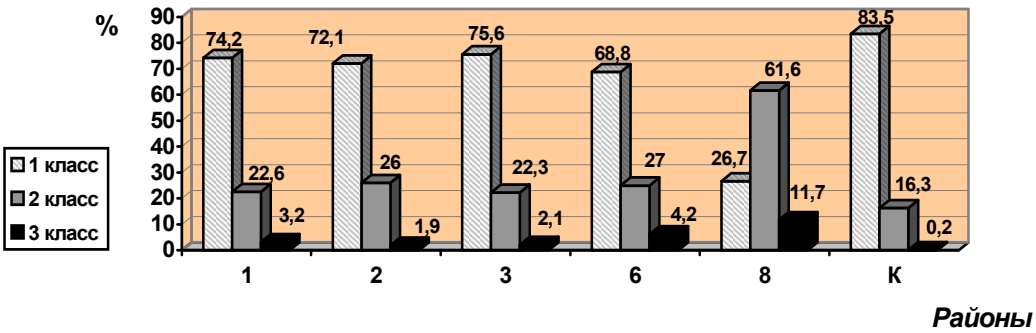


Рис. 2. Зависимость степени повреждения хвои в исследуемых районах (1 – 10-й м-н, 2 – Дубки, 3 – парк А.П. Гайдара, 6 – 11-й м-н, 8 – АМЗ, К – контроль).

Сходные данные получены при анализе усыхания хвои. Наибольшее количество хвои без усыхания (1 класс) отмечено в парке и микрорайонах № 10 и «Дубки» (89,6%, 86,2%, 86,8%, соответственно). По сравнению с этими районами, такой хвои достоверно меньше в 11-м микрорайоне (70,8%), где среди хвои с усыханием преобладает 2 класс (усох кончик) – 6,8%. Хвоя 3 класса усыхания (усохла 1/3 хвоинки) и 4 класса (больше ½ хвоинки или вся сухая) в наибольших количествах встречается в районе АМЗ – соответственно, 14% и 3,9%. В этом районе меньше всего хвои без усыхания – 61,2%.

По мнению многих авторов, косвенным показателем мутагенности и фитотоксичности загрязнителей окружающей среды может служить фертильность и жизнеспособность пыльцы [3; 7; 8; 9].

Установлена прямая зависимость степени фертильности пыльцы и антропогенного загрязнения воздуха в черте г. Арзамаса. Наименьший показатель фертильности пыльцы *тысячелистника обыкновенного* (78,3%) установлен в районе АМЗ, что ниже контроля на 19,2% (табл. 1).

Таблица 1

Фертильность пыльцы тест-объектов, %

	Районы	Лапчатка гусиная	Тысячелистник обыкновенный	Пижма обыкновенная	Подорожник большой
	Контроль	95,4 ±0,7	97,9 ± 0,8	91,2 ± 4,1	96,9 ± 1,7
1	10-й м-он	87,5±3,3	88,2±1,6	85,4±2,6	93,8±2,4
2	Парк им. А.П. Гайдара	92,0 ± 1,3	96,9±1,0	88,8±2,8	95,1±2,3
3	Пр. Ленина	78,5±2,6	91,9±2,7	84,4±2,7	92,1±2,3
4	11-й м-он	76,1±3,1	88,0±3,4	81,3±1,7	86,6±2,6
5	Коммаш	72,2±2,8	82,9±1,0	78,7±3,4	90,8±1,5
6	АМЗ	69,5±3,3	78,3±2,3	74,9±2,9	80,3±2,5
7	АПЗ	70,7±2,6	83,7±2,5	76,9±3,0	83,8±2,4

На высокую антропогенную нагрузку в районах АПЗ и завода «Коммаш» указывает достаточно большое количество стерильных пыльцевых зерен этого растения. Наименьший показатель стерильности пыльцы (3,1%) зарегистрирован в парке. Разница с контролем по фертильности пыльцы в 11-м микрорайоне составляет 9,1%, на проспекте Ленина – 6%, в 10-м микрорайоне – 9,7%.

Пижма обыкновенная продемонстрировала относительно высокие показатели фертильности по многим районам. Самым экологически благоприятным районом является парк им А.П. Гайдара, где фертильность пыльцы меньше контрольных значений на 2,4%. Наибольшая разница между контролем и опытным участком прослеживается в районе АМЗ – 16,3%.

Исследование пыльцы *подорожника большого* показало, что фертильность даже на самом неблагоприятном участке № 8 относительно высока и ниже контроля на 16,6%. Разница качества пыльцы между опытными районами (№ 1, № 4) и контрольными образцами составляет 4,8% и 3,1% соответственно, а между образцами № 6, № 7 и контролем одинакова и составила 10,5%.

Наиболее чувствительным индикатором оказалась пыльцы *лапчатки гусиной*, ее фертильность на контрольном и опытных участках значительно

отличалась. Наименьшие показатели отмечены на территориях, прилегающих к заводам АМЗ, АПЗ и «Коммаш», что говорит о наибольшей загрязненности среды этих районов г. Арзамаса. Далее по убывающей стоят показатели качества пыльцевых зерен 11-го микрорайона, а затем проспекта Ленина.

Обобщая данные по районам исследования (рис. 3), можно придти к выводу, что самым антропогенно-нагруженным является район АМЗ, где средняя фертильность пыльцы изученных тест-объектов равна 75,8%, что меньше контроля на 19,6%. Сравнительно низкие значения пыльцевого анализы наблюдаются в районах заводов АПЗ (78,8%) и «Коммаш» (81,2%).

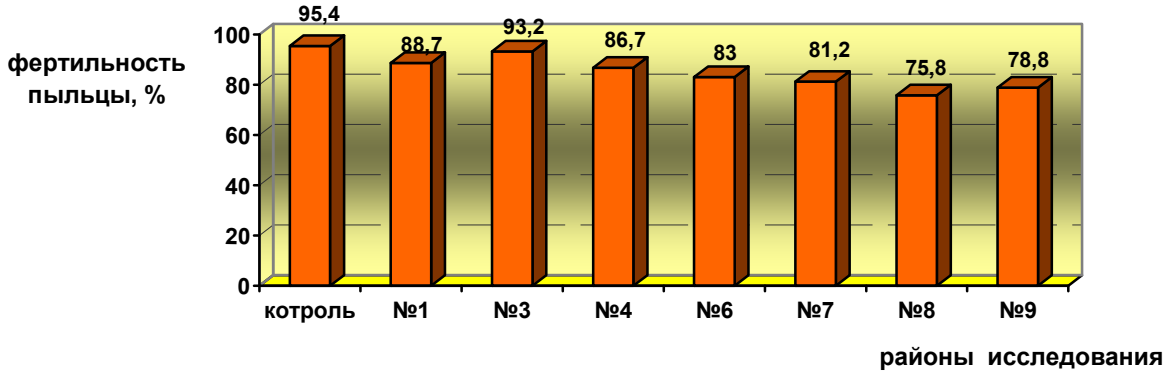


Рис. 3. Средние значения фертильности пыльцы тест-объектов в исследуемых районах: 1) 10-й м-он, 3) парк А.П. Гайдара, 4) пр. Ленина, 6) 11-й м-он, 7) Коммаш, 8) АМЗ, 9) АПЗ.

Интересно отметить, что 11-й микрорайон является «спальным районом» города, а вот экологическая обстановка, как показывает наше исследование (средняя фертильность пыльцы 83,0%), хуже, чем в центре – на проспекте Ленина (86,5%), где четырехполосное транспортное движение. Очевидно, усугубляет ситуацию ЛЭП, расположенная над автодорогой, поскольку известно, что электромагнитное излучение, в первую очередь, оказывает влияние на репродуктивную систему [10] и небольшое расстояние от градообразующих предприятий. Наиболее благополучным районом города является парк им. А.П. Гайдара, где средние значения фертильности пыльцы растений меньше контроля всего на 2,2%. Относительно благополучным является микрорайон города № 10, который отличается от контроля по данным показателям на 6,7%.

Итак, в результате проведенных исследований на примере г. Арзамаса установлено, что загрязнение окружающей среды в большинстве случаев угнетающе действует на фертильность пыльцы ряда растений, состояние хвои сосны, встречаемость и обилие лишайников. Для улучшения экологической ситуации города необходимо проведение комплекса экологических мероприятий, и прежде всего, усиленный контроль за выбросами промышленных предприятий, увеличение площади зеленых насаждений.

Источники и литература

1. Марков Ю.Г. Социальная экология. – Новосибирск: Лада, 2001. – 544 с.

2. Кончина Т.А., Марина А.В. Возможности использования растений рода Клевер при организации исследований экологического состояния почв методами фенотипической диагностики // Биология в школе. – 2010. – № 7. – С. 38–45.

3. Кончина Т.А., Фролова А.Ю., Киселева Н. Организация биоиндикационных исследований состояния окружающей среды в работе со школьниками и студентами // Адаптация учащихся всех ступеней образования в условиях современного образовательного процесса: сб. статей участников XIII Всероссийская научно-практической конференции с межд. участием / под ред. В.Н. Крылова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 140–145.

4. Загрязнение окружающей среды предприятиями производственной и иной деятельности. – URL: mineco-nn.ru›File›14_Загрязнение_окружающей_среды

5. Экологический мониторинг / под ред. Т.Я. Ашихминой. – М.: Академический Проект, 2005. – 416 с.

6. Паушева Е.П. Практикум по цитологии растений. – М.: Агропромиздат, 1988. – 271 с.

7. Бондарь Л.М., Частоколенко Л.В. Микроспорогенез как один из возможных биоиндикаторов загрязняющего воздействия автотрассы // Биологические науки. – 2002. – № 5. – С. 79–84.

8. Ибрагимова Э.Э. Индикация загрязнения окружающей среды в урбанизированных экосистемах с использованием пыльцы Pinus sylvestris L. // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. «Биология, химия». – 2009. – Т. 22 (61). – № 4. – С. 54–65.

9. Konchina T., Sidorskaya V., Oparina S. and etc. The sex system of the population of Sagittaria sagittifolia as an indicator of the ecological status of a river Environment. Technology. Resoures // 11th international scientific and practical conference rezekne: rezeknes academy of technologies, 2017. – P. 150–156.

10. Степановских А.С. Экология. – 2-е изд., доп. и перераб. – М: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 687 с.

Раздел III
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

НАБОРЫ УКРАШЕНИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ МОРДВЫ-ЭРЗИ IX–XI ВВ.

А.Л. Егошин
Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,
заместитель директора
Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9
E-mail: mefodius_77@mail.ru

Статья посвящена анализу наборов украшений из цветного металла в двух статусных женских захоронениях IX–XI вв. могильника Стёксово II.

Ключевые слова: *мордва; погребальный инвентарь; украшения из цветного металла; погребальный обряд.*

В данной статье речь пойдет о материалах древнемордовского могильника Стёксово II, располагающегося на левом берегу р. Иржа (левый приток р. Тёши, правый приток р. Оки) около села Стёксово Ардатовского района Нижегородской области. Данный памятник имеет важное значение для изучения истории мордвы-эрзи, т.к. охватывает значительный период времени – приблизительно от III века до XIII века н.э.

Верховья левобережных притоков р. Тёши богаты археологическими памятниками, отождествляемыми с древней мордвой. На р. Ирже располагаются, в частности, селища Стуклово I–III, Ивановское I, II, Стёксово I, Виноградовка I, Погибловское, Хохловское и Надёжинское городища, грунтовые могильники Погибловский (Малиновский), Хохловский, Стёксово II, Сыресево I [1].

Стёксовский могильник с точки зрения археологии является наиболее изученным. Его исследование в 1990 г. начал С.И. Алексеев, а с 1996 г. по 2010 г. археологические раскопки на нем проводили В.Н. Мартьянов и А.Л. Егошин. Всего было изучено 267 погребений [2].

Для могильника характерен биритуальный обряд захоронения: ингумация и кремация. Большинство погребений с ингумацией были ограблены или в древности, или в процессе хозяйственного освоения территории могильника во второй половине XIX века. Тем не менее в общем числе захоронений выделяются два женских погребения IX–X вв. с относительно полным набором украшений (погребения 179 и 214).

Погребение 179 ***(Приложение 6, илл. 1)*** было обнаружено в квадратах Е, Ж–77. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 140 см от современной

поверхности. Сама яма в плане имеет форму прямоугольника со скругленными углами.

Костяк был разрушен полностью. От него сохранились нижняя челюсть, лежащая на украшениях шеи, фрагменты лучевых костей внутри браслетов и фаланги пальцев внутри перстней. Умершая была положена на спину, в вытянутом положении, головой на З–С-З, кисти рук находились в области живота. В СЗ конце могилы находились два целых лепных горшка, один разрушенный и льячка.

В области головы, шеи и верхней части груди был зафиксирован следующий комплекс украшений из цветного металла ***(Приложение 6, илл. 2)***. С обеих сторон предполагаемого черепа (следов его не сохранилось) находились височные подвески с бипирамидальными грузиками на одних концах и спиральками на других. В верхней части груди находились два ожерелья. В центре одного из них находилась подвеска грушевидной формы, по бокам от нее – по четыре привески с прямоугольными щитками и трубчатыми подвесками. Щитки орнаментированы насечками по верхнему краю и тремя рядами шишечек по низу. После этих подвесок располагались трубчатые пронизки с лапчатыми подвесками, чередующиеся со спиральными пронизками. Другое ожерелье восстановить не удалось. Зафиксировано, что в его состав входили прямоугольные обоймы, с расчетом закрепления их на двух нитках. Возможно, что это одно сложное ожерелье, аналогичное украшению, обнаруженному в погребении 116 Елизавет-Михайловского могильника [3]. Возможно также, что в состав ожерелий входила крупная янтарная бусина бипирамидальной формы, которая найдена между гривнами и круглой бляхой.

Поверх ожерелий находились две гривны. Одна – глазовского типа, другая – серповидная с накладкой из белого металла и трубчатыми подвесками. Бронзовая основа серповидной гривны, выступающая из-под пластины, орнаментирована рядами косых насечек.

Под двумя гривнами находился кистевидный накосник, от которого сохранились спиральные пронизки разной длины и 13 бутыльчатых подвесок разной формы.

В области груди с обеих сторон располагались две крупные ажурные привески с лапчатыми подвесками. Они, видимо, были скреплены между собой кожаными ремешками и перекидывались через шею. Слева от гривн, вдоль С-В стенки лежал в развернутом виде венчик. В его состав входили пряжка с подвижным щитком, закрепленная на кожаном ремешке, который затем был разрезан вдоль на пять тонких ремешков. После пряжки шло чередование прямоугольных обойм и трубчатых пронизок разной длины. Все эти элементы сделаны из белого металла. Заканчивался венчик бронзовым наконечником. Примечательно, что венчик не был надет на умершую, а положен рядом.

В нижней части живота была обнаружена круглая бляха из белого металла с крышечкой. Диаметр бляхи 101–106 мм. По внешнему краю она орнамен-

тирована тремя рядами шишечек. Между крышкой и внешним краем, с обеих сторон крышки – по три крупных шишечки. Крышка по внешнему краю орнаментирована двумя рядами шишечек, в центре – пять крупных шишечек, образующих фигуру ромба с центром посредине. Шишечки соединены между собой насечками. Верхний край крышки оформлен в виде головы птицы с клювом и двумя парами глаз. Хвост птицы в месте соединения пластины оформлен насечками по всей ширине бляхи.

На лучевых костях рук по пять браслетов с гвоздевидными концами. На правой руке один железный, плоский в сечении, с небольшим расширением к концам. Шесть браслетов сделаны из прямоугольной в сечении пластины, остальные из восьмигранного или шестигранного в сечении дрота. Все браслеты, кроме железного, в различной степени орнаментированы насечками в различных направлениях.

На пальцах каждой руки было три перстня. Четыре из них имеют гладкий ромбовидный щиток, на ромбовидном щитке одного – четыре выступа по углам. Один перстень спиральный в четыре оборота, из круглой в сечении проволоки.

Между гривнами и бляхой с небольшим смещением вправо лежали девять «усатых» сюлгам различной величины. Часть из них имела насечки по кольцу и «усам». Сечение сюлгам разное: круглое, слегка уплощенное, плоское. Концы «усов» самой большой сюлгамы (длина 102 мм) находились под бляхой.

Украшения ног разрушены. Часть их находится около левой нагрудной привески и венчика, а часть – ниже бляхи, около Ю-З стенки. Устройство украшений обычное для могильника Стёксово II. Обувь делалась из кожи. Лодыжку обхватывали два ряда спиральных пронизок, пропущенные через разрезы в коже. От этих пронизок вниз по подъему стопы отходили четыре трубчатых пронизки, ниже которых на коже прикреплялась шумящая привеска. Трубчатые пронизки с этой привеской были подвижны и не скреплялись с боковыми стенками обуви, на которых с каждой стороны находилось по четыре шумящих привески.

Некоторые вещи находились в разрушенном состоянии. Так, чуть ниже левой нагрудной привески находились фрагменты «теменного» шнура и двухзвенная цепочка с лапчатой привеской. Эти частичные разрушения украшений, их перемещение связано, возможно, с деятельностью какого-то крупного грызуна, нора которого прослеживалась по всей длине погребения.

На сегодняшний день погребение № 179 – пока единственное не разрушенное грабителями женское погребение с более или менее полным набором характерных для рубежа IX–X вв. украшений.

Несколько позже, в 2006 г., на Стёксовском II могильнике было найдено сходное, но менее «богатое» женское захоронение. Погребение № 214 ***(Приложение 6, илл. 3)*** было обнаружено в 35 м к северо-западу от погребения № 179. Костяк погребенной не сохранился, однако в районе головы и шеи сохранились эмалевые коронки зубов. Умершая была положена на спину в вытя-

нутом положении, головой на З–С-З. В целом, по набору инвентаря это погребение очень похоже на погребение 179, и в нем также в области головы, шеи, груди и живота находился почти полный набор украшений из бронзы ***(Приложение 6, илл. 4)***. Подробно его материалы описаны в статье В.Н. Мартьянова и А.Л. Егошина [4].

Сравнительная таблица комплексов украшений погребений 179 и 214 показывает высокую степень схожести их как между собой, так и с комплексом погребения 116 мокшанского Елизавет-Михайловского могильника.

Наименование предмета	**Могильник Стёксово II**		**Елизавет-Михайловский могильник**
	П. 179	П. 214	П. 116
Височные привески	+	+	+
Налобный венчик	+		+
Накосник с бутыльчатыми подвесками	+		
«Теменной» шнур	+	+	+
Ожерелье с грушевидной подвеской, привесками с прямоугольными щитками и трубчатыми подвесками	+	+	+
Ожерелье из прямоугольных обойм с двумя шнурами для соединения	+		
Ожерелье из прямоугольных обойм с одним шнуром для подвешивания и привесками с прямоугольными щитками и трубчатыми подвесками		+	
Гривна «глазовского» типа	+	+	+
Гривна серповидная с трубчатыми подвесками	+		+
Парные ажурные привески с лапчатыми подвесками	+		
Чересплечные украшения с пятью бутыльчатыми подвесками на спиральных пронизках на каждой стороне		+	+
Бляха с крышечкой	+	+	+
Браслеты с гвоздевидными концами	+	+	+
Перстни ромбощитковые	+	+	
Перстни спиральные	+	+	+
Перстни ажурные с лапчатыми привесками		+	
Сюлгамы «усатые» разной величины	+	+	
Украшение обуви	+	+	+
Двухзвенная цепочка с лапчатой подвеской	+		

Оба представленных погребения являются исключительными. От других захоронений их отличает, прежде всего, богатство погребального инвентаря. Самым простым объяснением этого могло бы стать утверждение об удачливости исследователей, которые долговременными систематическими раскопками сумели обнаружить уникальные погребальные комплексы, характерные для средневековой мордвы изучаемого региона. Однако интерпретация представленных погребальных комплексов, скорее всего, более сложная. На фоне остальных мало разграбленных женских захоронений они отличаются, как уже упоминалось, богатством инвентаря, которое можно назвать «чрезмерным». Кроме этого, обе погребенные были достаточно молоды, имели в наборе погребального инвентаря вещи, которые можно определить как «посмертные дары» (налобный венчик из белого металла в погребении 179 и ажурный перстень с привесками из погребения 214, отличавшийся от остальных перстней гораздо большими размерами). Вполне возможно, что рассмотренные нами погребения имеют особый статус и могут иллюстрировать достаточно долго существовавший у мордвы обряд похорон молодых девушек, не успевших выйти замуж [5]. Добавим также, что к комплексам нагрудных парных украшений (ажурных подвесок), обнаруженных в указанных выше погребениях, восходят элементы свадебного костюма мордвы-мокши XIX века (вышивка и нагрудное украшение ярмак пилькс, представляющее собой две широкие ленты, плотно расшитые рядами монет). Таким образом, рассмотренные женские погребения являются в некоторой степени уникальными для реконструкции погребальных обычаев средневековой мордвы.

Источники и литература

1. Николаенко Т.Д. Археологическая карта России. Нижегородская область. Ч. I. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 81–107.

2. Мартьянов В.Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Монография. – Арзамас: АГПИ, 2004.

3. Алихова А.Е. Материальная культура средне-цнинской мордвы VIII–XI вв. – Саранск, 1969. – С. 70–71.

4. Мартьянов В.Н., Егошин А.Л. Могильник Стексово II // Поволжская археология. – 2014. – № 4(10). – С. 82–96.

5. Антонов Ю.Г. Свадебный и похоронно-поминальный обряды мордвы как истоки национальной драматургии // Вестник Чебоксарского государственного педагогического университета. – 2010. – № 11. – С. 208.

ЗНАКИ ОГНЯ НА КРУГОВОЙ КЕРАМИКЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ

В.Ю. Неупокоева
Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1;
Муромский историко-художественный музей, научный сотрудник
602267, Владимирская обл., г. Муром, ул. Московская, д. 13
E-mail: valya.neupokoeva@mail.ru

В статье идет речь о клеймах на гончарной посуде, изготовленной на ручном гончарном круге в период Средневековья. На примере фрагментов клейменых сосудов, хранящихся в Муромском историко-художественном музее, рассмотрены клейма с изображениями символики огня, распространенные в Северо-Восточной Руси.

Ключевые слова: *археология; керамика; клейма на керамике; Средневековье; Северо-Восточная Русь; Муромский историко-художественный музей.*

Керамический материал является самым распространенным видом археологических находок. Повсеместное распространение глины, достаточная простота изготовления изделий в сумме со сложностью транспортировки глиняной посуды сделали древнюю керамику одним из наиболее удобных и информативных источников, который позволяет без особых погрешностей сравнивать между собой как различные регионы, так и различные эпохи.

Еще в самом начале изучения славянской средневековой керамики внимание исследователей привлекли гончарные клейма – знаки, оставленные на донцах некоторых сосудов.

Техника постановки знака на дно сосуда довольно быстро была убедительно объяснена с помощью этнографических данных. Археология в этом вопросе, к сожалению, помочь не могла, поскольку все части древнейшего гончарного круга состояли из дерева и ни разу не были обнаружены при раскопках.

При использовании ручного гончарного круга постановка клейма на сосуд осуществляется довольно просто. Поверх круга прикрепляется тонкий деревянный кружок меньшего диаметра, на котором вырезано клеймо. Для того, чтобы глина легче отделялась от круга, последний посыпают золой и песком. Таким образом, на дне изделия остается оттиск.

Первые публикации по вопросу назначения гончарных клейм появляются еще в 60-е гг. XIX века [1; 2]. То есть проблема назначения клейм обсуждается уже более 150 лет. В настоящее время в археологической науке существует несколько гипотез о назначении клейм, но ни одна из них не является общепринятой. Проблемы интерпретации связаны, в первую очередь, с повсеместной распространенностью одинаковых знаков во всем славянском мире и, вместе с тем, с небольшим количеством фрагментов клеймёных донцев по отношению к неклейменым.

Даже этнографические данные не дают нам однозначного объяснения предназначения клейм на круговой посуде. Так, Б.А. Куфтин и А.М. Россова опубликовали в журнале «Московский краевед» очерк промыслов Дмитровского и Воскресенского уездов, где еще в 1924 г. сохранялись традиции клеймения посуды, изготовленной на ручном гончарном круге. Гончары продолжали, как и их предки, оставлять на дне сосуда знак в виде креста в круге или колеса, забыв его назначение. Одни горшечники объясняли это фразой *«бабы с хрестом любят, этот, говорят, больше наварит»*; иные же считают это за «отметку мастера», хотя у многих горшечников знак остается одинаковым [3, с. 14].

Недавно были опубликованы этнографические заметки А.А. Бобринского, где приводится любопытный обряд, который практиковали гончары в пределах Украинской ССР. При подготовке керамики к обжигу некоторые гончары помещали сосуды в камеру для обжига сначала по углам – если она квадратная, или в центре горна. При этом один или несколько первых сосудов помечали крестом или крестом в круге, выцарапывая знак на днище или сбоку сосуда. И только после этого помещали в печь остальную посуду, уже не помечая ее крестами. Но в конце установки последний сосуд также помечался. По словам гончаров, так посуда должна хорошо обжечься [4, с. 13–14]. По мнению исследователя, такое наблюдение достаточно ясно объясняет назначение символов огня на средневековой керамике.

Оба этих этнографических наблюдения говорят о сохранившейся до XX века архаичной традиции нанесения на керамические сосуды символики огня. В целом, знаки, которые принято относить к обозначениям огня, как раз и являются наиболее распространенными. Мы не можем утверждать точно, что такие знаки носили исключительно сакральный характер, но для средневекового магического мышления это вполне вероятно. Так, А.Л. Монгайт утверждает, что правильнее было бы считать, что первоначально знаки на клеймах имели сакральный смысл, но позднее перестали быть магическими или родовыми знаками, тем не менее, они удержались на клеймах мастеров и поземельных метах до начала XX века [5, с. 121].

Однако Р.Л. Розенфельд выдвигает предположение, что разнообразие клейм возможно объяснить тем, что они являлись знаками заказчика. Тут же он раскрывает причину наличия большого количества неклеймёной посуды: она могла изготавливаться не на заказ, а «на спрос», и именно по этой причине на донцах сосудов нет никаких знаков. В качестве аргументации исследователь приводит информацию, что в небольших городках и особенно сельских поселениях с постоянным контингентом жителей процент клеймёной керамики значительно выше, чем в крупных городах типа Киева или Чернигова [6, с. 126].

Эту версию оспаривает Н.В. Тухтина, приводя примеры, когда один знак собственности при раскопках городищ встречался на территории разных построек, в разных частях поселения [7, с. 150–154]. Исследовательница возвращается к магической интерпретации символов на сосудах как пометок о связи гончара с огненной стихией, добавляя, что и на лепной посуде использовались

знаки-обереги, но они могли входить в орнамент, а теперь технологически стало удобнее клеймить посуду.

В целом поддерживая идеи Тухтиной, П.П. Толочко акцентирует внимание на том, что знаком мог метиться только один (первый) горшок из партии, а для другой партии использовался другой знак [8, с. 298]. Выходит, что с одним мастером можно связывать некоторый набор таких знаков.

В.Д. Гупало развивает предположения о магических смыслах знаков на сосудах. Она акцентирует внимание на том, что с массовым распространением гончарных клейм синхронна христианизация славянских земель. *«Эти два независимых явления по мере усложнения социально-культурной жизни общества в дальнейшем имели грани соприкосновения, что вполне возможно в условиях двоеверия»* [9, с. 31]. Далее исследовательница излагает любопытную мысль о том, что клеймёная посуда являлась праздничной, использовалась дома для узкосемейного священнодейства. На клейменой посуде нашли отражение сочетание содержания и формы единого в сущности обряда языческой и христианской мировоззренческих систем: употребление пищи во время праздника из посуды, помеченной божественным символом, могло являться своего рода приобщением к святым таинствам.

На первый взгляд, эта теория может быть справедлива для достаточно обширной группы символов, как раз распространенных повсеместно солярных или огненных знаков. Но в заключении исследовательница пишет, что оригинальный характер некоторых гончарных клейм свидетельствует о существовании широко развитой системы символической графики, отражающей логику гармоничного мировосприятия [9, с. 34], распространяя свои предположения на все группы и виды клейм на гончарной посуде.

Рассмотрим, какие знаки, связанные с огненной символикой, наносились на сосуды. Приводимая ниже информация проиллюстрирована изображениями клейм из коллекции Муромского историко-художественного музея.

Самым распространенным изображением на клеймах сосудов является простая окружность [7, с. 149]. Она не является привычно символом огня, но при этом окружность – это основа для большинства других вариантов клейм. Так, часто встречаются концентрические окружности или окружность с точкой в центре ***(Приложение 7, рис. 1)***. Такие знаки повсеместно распространены у славян. В Северо-Восточной Руси они бытуют с XI до середины XIII века [10, с. 173].

Следующий тип клейм – колесо ***(Приложение 7, рис. 2)***. К знаку колеса отнесены простые колеса с прямыми спицами, «вращающиеся» колеса и сложные колеса – две концентрические окружности со спицами. Большее количество подобных клейм встречается на Владимиро-Суздальской земле, немного – в Ростовской округе и Ярославском Поволжье с XI до первой половины XIII века. Интересно, что «вращающиеся» колеса довольно редки, они известны в Муроме, Суздале и Семьинском городище (Юрьев-Польский район) и датированы уже XII – первой половиной XIII века [10, с. 174]. Двойное же колесо встречается чаще во Владимиро-Суздальской и Ростовской землях в контексте

второй половины XIII века. То есть знаки с рисунком колеса постепенно усложнялись.

Б.А. Рыбаков пишет, что изображения колеса и частные проявления этого знака – кресты в круге, часто являются символами не только солнца, но и огня [11, с. 310]. В этом качестве такая символика доживает до Средневековья, встречаясь на большом количестве гончарных клейм.

Кресты, вписанные в окружность, вообще имеют наиболее длительное бытование в Северо-Восточной Руси (XI–XIV вв.) [10, с. 175]. Но при этом, кроме простых крестов, в окружности встречаются сложные, стилизованные. Неясно пока, стоит ли относить такие кресты к символике огня или связывать их с распространением христианства ***(Приложение 7, рис. 3)***.

И последний, бесспорно связываемый с огнем и солнцем символ – это свастика. Датировать такие изображения можно XII – началом XIII века [10, с. 176]. Они менее распространены, чем вышеперечисленные клейма. Обычно выделяют простую свастику и вписанную в окружность. Но в коллекции Муромского музея, кроме трех простых свастик, есть две, вписанные в крест ***(Приложение 7, рис. 4)***. Соответствия найдены в публикации у Е.В. Каменецкой: клеймо с таким знаком, обнаруженное в Смоленске в 1950-е гг. [12, с. 245]. Также на Пятницком селище было обнаружено интересное клеймо со спирально закрученными краями – «завитушками», отнесенное нами пока к категории свастик, по очевидным причинам – аналогично отогнутым краям.

Все перечисленные варианты изображений в типологии клейм для Северо-Восточной Руси отнесены к категории геометрических изображений [10]. Они являются наиболее распространенными для данной территории. Все они в той или иной мере могут быть связаны с символикой огня, и потому назначение этих знаков мы можем объяснить с помощью этнографических данных. Известно, что огненные символы на сосудах могли играть обереговую роль при обжиге керамических изделий в горне. Тем не менее мы не можем объяснить назначения других знаков, также распространенных в качестве изображений на донцах сосудов: прямоугольников, ключей, зооморфных изображений и т.д. Это подсказывает нам направления для дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Тышкевич К.П. Свинцовые оттиски, найденные в р. Буге у Дрогичина // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1. – М., 1967. – С. 115–124.

2. Котляревский Н.А. Заметки к статье К.П. Тышкевича // Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. Т. 1. – М., 1967. – С. 242–248.

3. Куфтин Б.А., Россова М.А. У гончаров Дмитровского и Воскресенского уездов Московской губернии // Московский краевед. Вып. 5. – М., 1928. – С. 9–30.

4. Бобринский А.А. О назначении средневековых гончарных клейм (этнографические заметки) // Вестник «История керамики». Вып. 1 – М.: ИА РАН, 2019. – С. 12–14.

5. Монгайт А.Л. Старая Рязань. – М.: АН СССР, 1955.

6. Розенфельдт Р.Л. К вопросу о гончарных клеймах // Советская археология. Вып. 2. – М., 1963. – С. 121–130.

7. Тухтина Н.В. Средневековые славянские гончарные клейма // Труды ГИМ. Вып. 37. – М., 1960. – С. 148–155.
8. Толочко П.П. Гончарное дело // Новое в археологии Киева. – Киев, 1981. – С. 296–299.
9. Гупало В.Д. Раннесредневековые гончарные клейма // Российская археология. Вып. 1. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 27–36.
10. Кадиева Е.К. Клейма на круговой посуде Центра Северо-Восточной Руси: хронология и распространение // Археология Приволжья. Вып. 3. – М.: ИА РАН, 2007. – С. 172–188.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – 4-е изд. – М.: Академический проект, 2016. – 640 с.
12. Каменецкая Е.В. Керамические клейма из Смоленска // Советская археология. – 1983. – № 2. – С. 244–247.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СЕМЬИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО РЕМЕСЛА

А.И. Кузьмина
Марийский государственный университет,
историко-филологический факультет, магистрант
Республика Марий-Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1;
Музейно-выставочный центр, р.п. Выездное, научный сотрудник
607247, Нижегородская область, Арзамасский район, р.п. Выездное,
ул. Советская, д. 76а
E-mail: angelinakuzmina@mail.ru

В данной статье идет речь о семье Аляпиных из села Забелино – одного из гончарных центров Арзамасского района. Несколько поколений этой семьи занимались гончарным промыслом, передавая свои знания от отца к сыну, иллюстрируя своим примером развитие промысла в нашем крае.

Ключевые слова: *этнография; краеведение; история Арзамаса; керамика; хозяйство и быт.*

С XVII века Нижегородское Поволжье стало одним из центров гончарного производства. По всему региону была популярна глиняная посуда из Городца, Юрина, Василевой слободы. Обилие дарового сырья – хорошей глины, дешевого топлива, наличие удобного сбыта – способствовали тому, что многие мужчины в свободное от земледельческого труда время изготавливали глиняную посуду. Активное развитие гончарного ремесла также происходило и в Арзамасском крае [1, с. 10–11]. Изготовлением керамики занимались в Арзамасском уезде в селах Казаково, Виняево, Забелино, а также в деревне Бритове Костянковской волости.

О «жизни» ремесла в середине XX века можно узнать из писем арзамасских гончаров, которые хранятся в Институте археологии РАН (г. Москва). Письма эти были написаны в 1961 г. для Комплексного отряда по изучению гончарства (КОИГ) [2, с. 101].

КОИГ был создан А.А. Бобринским в Институте археологии АН СССР в 1960-х гг., материалы его работы являются новым источником информации по истории гончарного промысла Арзамасского района [2, с. 19].

В этих письмах респондентами были даны ответы на важные для изучения гончарного ремесла вопросы: кто занимается ремеслом, где добывают глину, как выглядит горн, как делают посуду, на каких кругах, как заготавливают глину и т.д. Названы имена и адреса мастеров гончарного дела.

Самое информативное письмо пришло из села Забелино Арзамасского района. Оно написано гончаром Петром Алексеевичем Аляпиным ***(Приложение 8, рис. 1)***. Письмо датировано 7 декабря 1961 г. В начале письма дается краткая биографическая справка семьи Аляпиных – забелинских гончаров. От Петра Алексеевича и на примере его семьи мы узнаем о развитии гончарного промысла в середине XX века.

Петр Алексеевич (1907–1971) упоминает своего деда-гончара Ивана Федоровича (1854–?), который передал свое мастерство сыну Алексею Ивановичу (1883–?), а тот – своему сыну Петру Алексеевичу. Это иллюстрирует преемственность поколений, которая позволяет сделать вывод о том, что гончар передавал свое мастерство обыкновенно одному ученику. Эту информацию подтверждают и дети Петра Алексеевича.

«Мой дед, Аляпин Иван Федорович, был русский, но, когда он помер, то у него осталось несколько сыновей, но из них занимался гончарным делом только мой отец Аляпин Алексей Иванович…».

«…А с 1921 года стал работать я сам. Родился я в 1907 году, русский, в деревне Забелино. Меня зовут Аляпин Петр Алексеевич. Я работаю до сих пор на ножном кругу, посуду делаю любой формы, работаю я для себя и называют меня гончар или горшешник» [3].

Для получения дополнительной информации Музейно-выставочным центром Арзамасского района летом 2019 г. были организованы экспедиции к его старшей дочери (Александре Петровне Быстровой, 1935 г.р.) и младшему сыну (Алексею Петровичу Аляпину, 1957 г.р.), которые дополнили сведения письма.

Глава семьи Аляпиных – Петр Алексеевич – привлекал к своему ремеслу только старших детей: дочь Александру и сына Бориса (1945 г.р.), хотя всего в семье было пять детей. Помогали гончару дети с малого возраста.

В 1956 г. Александра Петровна вышла замуж, съехала от родителей и больше ремеслом не занималась. Сын Борис уехал в город и не имел возможности помогать отцу.

Из беседы с Александрой Петровной мы узнали, что изготовлением посуды в семье Аляпиных занимались очень давно: дед ее (Алексей Иванович) гончарил в небольшом сарае – «избёнке», а отец (Петр Алексеевич) уже работал в доме, т.к. «избёнка» изветшала и ее разрушили. Крутил сосуды Петр Алексеевич в комнатке, где глина сначала оттаивала, и ее мяли (сама Александра Петровна вместе с братом Виктором).

Далее в письме мы можем прочитать, что дед Петра Алексеевича в детстве *«рассказывал, как он делал глинные изделия» и «работал на ручном кругу вна-*

лепку из сосулек глины». Отец Петра Алексеевича *«занимался вручную до 1917 года вналепку, но с 1917 года он стал работать на ножном кругу из кома глины по размеру литража»* [3]. Здесь мы можем увидеть время перехода от ручного круга к ножному, а вместе с ним – изменение техники работы: от налепа к выкручиванию. Также в письме можно найти и возраст, в котором Петр Алексеевич приступил к ремеслу (14 лет).

У Аляпина есть и описание процесса изготовления посуды, например, из кома он делал не все изделия – продолговатые делал вналеп. С этой технологией его ознакомил отец, и на момент 1961 г. Петр Алексеевич делал так же.

В письме дается информация и о добыче глины. Сейчас в Забелине уже нет гончаров, и где располагались глинницы, помнят немногие. Однако сын Петра Алексеевича говорит о том, что в 1970-е гг. за глиной уже ездили в соседнее село Веригино, т.к. в самом Забелине глинницы забросали бытовым мусором.

«Для изготовления глиняной посуды нужна глина, а её мы достаем в 4–5 км от села вручную, на глубине 6 и 7 метров. Добываем её большинство зимой, потому что когда выроешь яму колодцем и начинаешь подрывать глину во все стороны, то образуется подвал и земля сверху может обрушиться, а зимой она держится, потому что мороженая. Чтобы добыть глину, нужна лопата, лом, топор, корзина или ведро» [3].

Дети Петра Алексеевича говорят, что их отец занимался добычей глины и в летнее время, а страховала его жена Елена, которая помогала ему вылезти из шурфа (вытаскивала его сама). Глинница в Забелине располагалась прямо за домом гончара – в овраге под названием Бухла, это связано с тем, что по нему течет ручей, который, по словам забелинцев, «бухтит».

В Забелине изготавливали сосуды из белой и красной глины. В ходе проведения музейной экспедиции удалось узнать, что белая глина бралась в Веригине, а красная добывалась в Забелине. Интересный способ проверки пригодности глины описывает Петр Алексеевич: *«…чтобы узнать, годна она для изделия или нет, то узнают её так: возьмешь кусочек глины и раскусываешь её зубами, если же на зубах будет много песку, то она плохая, а если его нет или есть в малом количестве, то она хорошая»* [3]. Такой способ ранее не упоминался в этнографической литературе Арзамасского края, однако широко известен среди ремесленников.

Глину перед работой обрабатывали: сначала «таяли», а потом месили ногами.

«При её приготовлении к работе в нее не добавляем ни песку, ни золы, а наоборот, избегаем всех примесей. Приготавливается она так: берешь талую глину и ложишь ее на деревянный пол в кучу размером ø 60/60 см, а потом месишь её ногами до тех пор, пока не примет свойства пластилина, то есть будет эластичной и мягкой» [3].

Приготовлением глины занималась дочь гончара – Александра Петровна. Хранилась глина во дворе, вносилась в дом частями. Сначала девушка приносила в дом три корзины твердой и мерзлой глины, которая оттаивала один-два дня, после этого ее начинали мять. Мяли глину прямо на полу в избе (*«средь*

избы»). Сначала гончар сбивал ее в большую кучу, дальше уже его помощница раскатывала глину в один большой блин (*«пяткой по кому»*). После этого Петр Алексеевич снова сбивал глину в кучу, и она считалась готовой. В свою очередь, Александра Петровна счищала ножом остатки глины и отмывала полы.

Посуду мастер делал из белой и красной глины, покрывал глазурью. Дочь гончара описывает покрытие свинцом.

Петр Алексеевич, помимо гончарства и работы в колхозе, был также прекрасным охотником. Поэтому металл он брал именно в охотничьих магазинах. Для поливы обычно использовался свинец, а точнее, окись свинца. Для начала свинец размельчался и плавился в сковороде, размешивался кочергой. Дети гончара описывают два варианта изготовления глазури: 1) после остывания свинца его просеивали через сито, полученную пыль смешивали с молоком и наносили на сухой сосуд; 2) с расплавленного на сковороде свинца снимали окись, заливали в ступу, где она остывала и перетиралась в пыль. Потом полученную пыль смешивали с молоком, этим составом покрывали сосуд, после чего помещали его в горн. В результате получалась глазурь зеленого цвета. Наносился рисунок либо лыковой кистью, либо руками.

Глазурирование сосуда было как изнутри, так и снаружи. Внутренняя глазурь была без примесей медного купороса (без цвета) и покрывала весь сосуд. А внешняя – с медным купоросом – представляла собой рисунок на верхней части сосуда.

Орудия были самодельные: деревянные ножи, тряпки и проволока, которой с круга срезался сосуд.

Посуду разной формы делали по разной технологии: круглую – вытягивали, продолговатую – налепливали, потом обрабатывали на круге.

«Для получения посуды круглой формы берут ком глины и вытягивают из него сосуд любой формы, а продолговатые сосуды лепятся, а потом обрабатываются на круге» [3].

Особую технологию изготовления имели дымовые трубы. Их можно было за раз обжечь 60 штук, изготовить в день 10 штук. Сначала изготавливался «поддонок» – часть трубы, которая крепилась к кругу. Неправильной конусовидной формы, размерами 15–20 см, она имела край с «зацепом». У него вырезалось дно и, таким образом, получалась небольшая труба. Такой «задел» оставляли сохнуть, дальше труба наращивалась уже в налеп («внаклад») до нужной длины (максимальное ограничение – потолок избы). Гончарные трубы состояли из двух частей: нижняя – «папа», верхняя – «мама». Края были рифлеными. Дымоходная труба состояла из нескольких колен.

Младший сын мастера – Алексей Петрович – рассказывал, что его отец Петр Алексеевич ездил продавать трубы в соседнее село Водоватово (самое крупное в той стороне). У гончара был в том селе друг – хромой пожарный. В случае если трубы в Водоватове не продавались, Петр Алексеевич шел к нему договариваться, и тот шел проверять трубы односельчан. У многих в ту пору трубы были поломанные, обвитые веревками, а пожарный такие трубы не разрешал. Дымовые трубы продавались в Водоватове по цене 25 руб.

Гончаром изготавливались также разные дойники, тазы, сметанницы, корчаги. Корчаги делались объемом приблизительно 2,5 ведра, у них был поддон и крышка. Вместе с детьми лепили различные народные игрушки.

Пятый пункт письма полностью посвящен описанию гончарного круга и механизма его работы ***(Приложение 8, рис. 2)***. К нему прилагается рисунок с размерами.

«Изготовляется посуда в настоящее время на ножных кругах. Круг состоит из двух кругов: маленького ø 40 см, на котором делается посуда, и большого размером 1 м 35 см, он служит вместо маховика. Эти деревянные круги соединяются с собой железным стержнем, который в середине имеет изогнутую форму, к этому изгибу присоединяется стержень железный, который идет к деревянному барабанчику, но этот барабанчик вращается на стержне то по часовой стрелке, то против, но только вполуоборота. На этом барабанчике устанавливается деревянная педаль, которая приводится в движение ногой. После движения этого барабана, оно передается при помощи стержня на стержень, который соединяется с кругами, а в середине как бы образует коленчатый вал. От тех кругов, которыми пользовались раньше, этот круг отличается тем, что он приводится в движение не рукой, а ногой» [3].

Хранились сосуды в доме на полках в одну доску, отчасти напоминающие полати.

Шестой пункт описывает горн и его механизм работы (рисунок прилагается) ***(Приложение 8, рис. 3)***.

«Изделия, приготовленные гончаром, сначала сушатся, а потом обжигаются в печах, так называемых горнах. Он имеет вид куполообразной камеры, перегороженной от самой печи слоем кирпича (но в этом слое имеется много отверстий). После того, как положишь в эту камеру посуду, то начинаешь затоплять печь и, постепенно увеличивая температуру, обжигаешь. Обжиг происходит примерно в течение 12–13 часов. Лично мы обжигаем дровами и сжигаем сухих березовых дров один кубический метр» [3].

Из беседы с дочерью мастера мы узнали дополнительную информацию. Обжиг проводился в горне (*«горын»*) на улице, в помещении в некотором роде подвальном. Ход в землю. Сам отдел под посуду находился на трех печах (*«чело»*). Топился горн *«старьем»* (ветошью из соседних деревень, которая скупалась А.П. Быстровой и ее матерью). Как говорит сын мастера, в основном это были сосновые дрова длиной около 1 м, т.к. глубина печи составляла 1,5 м. Топился горн от 6 до 13 часов. В военное и послевоенное время горн топился торфом, который брали в Водоватове. Топили горн чаще всего в ночь.

Седьмым пунктом следуют рисунки горна и круга. Восьмым – дополнительная информация.

«Когда пашут землю, то много попадается остатков посуды, а особенно там, где находится рядом горн. А в одном месте есть остатки печей, в которых обжигалась посуда» [3].

Эти сведения позволяют высказать гипотезу о том, что вблизи мест с массовыми включениями боя посуды в грунте раньше могли располагаться гончарные горны.

Письмо заканчивается фразой:

«Вот и всё, что могу я вам сказать о работе гончара. Мой адрес: Горьковская область, Арзамасский р-н, п/о Абрамово, д. Забелино. Аляпин Петр Алексеевич» [3].

Примечательно, что номер дома не указывается, т.к. на деревне все знали и знают до сих пор, где жили гончары.

Были в Забелине и другие горшечники. Дочь мастера, Александра Петровна назвала еще два имени – Иван Селёдкин и Павел Земсков, но лучшим мастером на селе считался ее отец – Петр Алексеевич.

Таким образом, из письма одного представителя гончарного ремесла мы можем узнать практически все тонкости этого дела. Много дополнительной информации дают его дети – живые свидетели древнего промысла.

История гончарства насчитывает не одну сотню лет: о лепной керамике мы можем узнать только из археологических источников; период XIX века подробно описан в книге местного фольклориста А.В. Карпова, а благодаря полученной информации от семьи Аляпиных мы узнали о последнем этапе развития промысла до момента его угасания на арзамасской земле.

Источники и литература

1. Варенцова Л.Ю. Ремесла и промыслы Нижегородского Поволжья в XVI–XIX веках. Методические указания к спецкурсу. – Н. Новгород: ННГУ, 2003. – 40 с.

2. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

3. Научно-отраслевой архив Института археологии РАН (М., 1961). Материалы работы Комплексного отряда по изучению керамики. Бобринский А.А. Арзамасский район.

УХОДЯЩАЯ МОРДОВИЯ: ЗАРИСОВКИ ПО ИСТОРИИ И ОНОМАСТИКЕ ЭРЗЯНСКИХ СЕЛ НИЖЕГОРОДСКОГО ПРИСУРЬЯ

А.В. Малышев

Независимый исследователь,
г. Кулебаки Нижегородской обл.
E-mail: ma2502@mail.ru

В статье в краткой форме рассматриваются аспекты истории и ономастики некоторых эрзянских сел Пильнинского района Нижегородской области.

Ключевые слова: *мордва; Нижегородское Присурье; топонимика; ономастика; Нижегородская область.*

Южная часть Нижегородской области в плане населения – уникальный регион Центральной России. Потомки марийцев, мордвы, чувашей, татар, рус-

ских переселенцев слились здесь в единый народ, вобрав в себя все лучшее из культур и традиций своих предков. Только топонимика и компактные группы национальных селений напоминают о былой этнической пестроте этого края. Об одном таком этническом «островке» пойдет речь в этой статье. В нижегородском краеведении абсолютно неизученными остаются мордовские эрзянские села Присурья. Между тем материал, полученный при исследовании истории, этнографии, диалекта этих селений, несомненно, мог бы способствовать лучшему пониманию как истории Нижегородской области, так и древней истории мордовских народов, их обычаев, традиций, их миграций по территории Среднего Поволжья.

Речь пойдет о мордовских селах Наваты и Бокшандино, а также о селе Озёрки, которое в документах XVII века отмечено как мордовское. Впоследствии Озерки были заселены русскими крестьянами, вследствие чего его коренные жители обрусели. Эти села, административно относящиеся к Пильнинскому району Нижегородской области, расположены рядом друг с другом и исторически развивались в едином культурно-экономическом пространстве, что оправдывает их совместное изучение. Следует отметить, что сами жители этих сел хорошо помнят взаимосвязанность истории своих селений, о чем говорят местные легенды об основании сел, схожие по сюжету и разнящиеся только в деталях.

Наватская легенда гласит, что когда-то много лет назад, в поисках лучшей жизни пришли к реке Суре три брата мордвина. Старший – *Бокшай (Бокшандя)* поселился там, где речка Медянка впадает в Суру. Здесь образовалось село, названное в его честь *Бокшантянь*. Другой брат – *Озей* поселился на берегу ручья, стекавшего с местных вершин. Село, возникшее здесь, назвали *Озёрки*. Третий брат – *Нават* сначала облюбовал место рядом с Сурой, но во время весеннего паводка Сура заливала дома жителей поймы. Через пару лет Нават перебрался в более удобное место, к озеру – старице Суры, названному в его честь. Так вспоминают предание в Наватах. Бокшандинская легенда не отличается от Наватской. А в Озёрках рассказывается несколько иначе – когда-то двое братьев мордвинов *Нават* и *Озёр* поселились в этих краях. Нават женился на мордовке – отсюда мордовское село Наваты. Озёр женился на русской – отсюда русское село Озёрки.

Эти легенды как нельзя лучше характеризуют этногенетические процессы, протекавшие в Нижнем Присурье в XVI–XVII вв. Возьмем, к примеру, имя старшего брата Бокшая. Здесь может быть скрыт этноним *мокша*. Замена начальных гласных могла произойти вследствие фонетического перехода свойственного этим звукам (напр. *Мусульманин – бусурманин, Махмет – Бахмет* и др.). Известно, что эрзянские говоры Присурья отражают языковые особенности древних диалектов мордовского языка. В них очень много не эрзянских языковых явлений и отмечены особенности, свидетельствующие о существовании в прошлом здесь мокшанского населения и отсутствии эрзянского (XV–XVI вв.). С приходом в Присурье эрзян началось смешение двух мордовских языков. Дело в том, что в XVII веке в результате христианизации

и русификации усилился отток эрзян из Арзамасского и Алатырского уездов вниз по Суре. Мокша, проживавшая на берегах Нижней Суры, оказалась оттесненной; отдельные ее группы уходили за Суру, а большая часть слилась с эрзянами, ассимилировалась, оставив заметный след в фонетике, лексике и грамматике местных говоров [1, с. 366]. Современный говор эрзян Присурья имеет отличия от эрзянских говоров Припьянья и хранит ряд чисто мокшанских фонем (напр. *пине* – «собака», *нармо* – «птица»). Вдобавок, он обладает характерным «мокшанским» акцентом.

Исход эрзян из Алатыря и Арзамаса совпал с массовым проникновением в Присурье русских крестьян из центральных уездов. Здесь они смешивались, создавали совместные селения – вероятно, отсюда и озёрский вариант легенды. Любопытно, что воспоминания о древних миграциях сохранились в местных преданиях. В Бокшандине краевед Б. Курков фиксировал рассказы старожилов, говоривших потомкам: *«Мы сурская мордва. Наши предки спустились по Суре из Атяшева»* [2]. Они же утверждали, что *«прежде мы говорили по-другому, не так как сейчас»* [2].

Что касается микротопонимии, то она демонстрирует это смешение мордовского и русского. Демонстрирует трансформацию и переосмысление исконных названий, их приспособление к новым реалиям. Лучше всего это видно на примере Нават. Начнем с названия: древний мордовский топоним уже утратил свой смысл, даже в диалекте местной мордвы. Наваты – село, известное по документам с XVII века. Первым упоминанием является архивная запись от 1620 г., которая гласит: *«…даны по указу царя Михаила Федоровича мордовским крестьянам Тангаю Енгильдееву и Атяшу Ботаеву со товарищами на владение землями в д. Навада, Навадское тож Алатырского уезда с обязательной уплатой посопного хлеба и других податей»* [3].

Здесь деревня названа Навада, а вот в «Книге письма и меры писцов Дмитрия Пушечникова да подьячего Афанасия Костяева Алатарского уезду татарским и буртаским и мордовским вотчинам 132, 133, и 134 гг.» (1623–1626 гг.) название деревни пишется уже через *т*. Писцы упоминают Наваты так: *«…деревня Новат, Новацкая тож, на озере на Новате, Новацкого беляка…»* [4, с. 142]. При этом они относят деревню в разряд *«Мордвы Верхопьянской»* [4, с. 125]. Здесь же, при описании Низсурского стана, упоминаются такие топонимы, как *Новацкие Становые вершины* [4, с. 137] и *Новацкий беляк* [4, с. 142]. При этом постоянно делается отсылка к приправочным книгам Гневаша Норова со товарищи 122 году (1613–1614 гг.), из чего можно заключить, что Наваты как селение фиксировались уже Гневашем Норовым в 1613–1614 гг.

Из этих записей видно, что деревня Новат была центром одноименного *беляка*. Надо сказать, что в этот период административное деление русских земель Среднего Поволжья еще включало в себя такой реликт, оставшийся от средневековых тюркских государств, как беляки. Упоминание писцами, в числе других, Новацкого беляка ведет нас на скользкий путь догадок и предположений. Что это такое, с какого и по какое время существовало? Был этот беляк

всегда Новацким или назывался в другое время по-другому? Является ли это указанием на существование на этой территории какого-то административного образования до прихода Руси?

В средние века земли Запьянья и Нижнего Присурья были ареной важных исторических событий. В XIV веке здесь развернулись жаркие боевые действия, включившие в себя и битву на Пьяне, и последующие события, приведшие к неучастию нижегородцев в Куликовской битве и подробно описанные в исторической литературе [5, с. 274]. Начались они с того, что в 1367 г. ордынский князь Булат-Темир, перед этим захвативший *«Великия Болгары»* и *«весь Волжский путь»* [5, с. 269], пошел набегом на Нижний Новгород [5, с. 272]. В ответной контратаке Нижегородский князь Дмитрий Константинович прогнал Булат-Темира, вышел к Суре и даже захватил некоторые земли в правобережье Суры. После ряда успешных боевых действий его новый титул звучал так: «*Князь великий Новогородский Нижнева Нова города и суздальской и городецкой и курмышской и сарской и болгарской и* ***большецкой*** *и подолской и всея понизовские земли заволскии юрту и севернова государь князь Дмитрей Константинович*» [6]. Он стал повелителем всех перечисленных княжеств, и из них невозможно идентифицировать только *Большецкое*. Но согласно одному из вариантов легенды об образовании села Наваты, у мордвина Навата была фамилия Бокшандин. Эта фамилия имеет в своей основе эрзянское *покш (ан)* – «большой», и можно допустить, что летописное Большецкое княжество было предшественником Наватского беляка.

При этом и термин *беляк* в определенный период был эквивалентен удельному княжению. Гераклитов по этому поводу приводил такие мнения: И.Н. Смирнов считал, что беляками называли отдельные владения мурз-татар, утратившие свое значение к XVII веку и превратившиеся в административно-хозяйственные участки. Черменский был убежден, что так назывались крупные земельные владения татарских князей, а А. Любимов представлял беляк административной единицей татарских государств [7, с. 64–65]. Современный исследователь Д. Исхаков сравнивает беляки с «бейликами» Крымского ханства, бывшими, по сути своей, княжениями. Он полагает, что к XVII веку система беляков-бейликов трансформировалась, и больше напоминала удельные вотчины князей, а позже уже приобрела черты поместного владения [8, с. 195–196].

Исходя из этого, вполне можно допустить наличие в Наватах древнего центра удельного татарского или мордовского княжения. При этом можно думать, границы этого княжения остались практически неизменными и в составе Русского государства. Менялось только название, превратившись из Новацкого беляка в Языковскую волость, существовавшую в XVIII–XIX вв. Эту тенденцию переноса границ древних владений в административную систему Российской империи отмечал в своих исследованиях Я. Водарский [9, с. 145].

В своей Писцовой книге Пушечников и Костяев деревню называют *Новат*. При этом озеро, при котором она стоит, пишут и как *Нават*, и как *Навад*. *Навада* (*Навадская* тож) называют деревню Бобрищев-Пушкин и Иван Шарапов. Видимо, в то время, когда не существовало строгих правил написания

топонимов, этому не придавали значения, и название писали и так и так. Соседняя мордва, кстати, до сих пор зовет жителей Нават – «Навадунь», а сами себя они называют «Навадвелень». Что может значить *нават*? Известно, что языческая мордва давала имена новорожденным, приурочивая их либо к каким-то явлениям природы, либо к событиям общественной жизни. Слово *нават* созвучно эрзянскому слову *нуема* – «жатва», ставшему основой дохристианского эрзянского имени *Нуят*, т.е. «рожденный в жатву». Судя по приписке *«Наватская тож»* деревня могла когда-то принадлежать мифическому Нуяту. Хотя, скорее всего, слово *нават* образовано от мордовского *навамс* – «всунуть, обмакнуть», в форме *наватомо*. Об этом же говорит и Н. Морохин [10, с. 368]. Окунать в жидкость древние жители могли лен, который, как известно, нужно замачивать. Тем более один из заливов озера Нават до сих пор носит мордовское название *Мочкомлей* – «Пеньковый ручей».

В целом микротопонимика окрестностей *Нават* сохранила мордовские черты. Поле *Копшке* или *Шкопке* (кучки, скирды), урочища *Векске* и *Козинкой*, луг *Васянь ледьма* (Васянин покос), поляна *Лопшчем* (плоская), лес *Пичелашмо* (сосновый лес), ручей *Чемилей* (речушка в осоке), озеро *Пичерка* (озеро в соснах), луг *Маза ледьмине* (красивый покос), луг *Покшчем* (большая осока), колодец *Лисьмакаль* (колодец в кустах), лес *Салюкань вире* (старожил мордвин *Салюк*) – все это мордовские названия. Рядом с селом есть бор, называемый местными «*Калмазырь салатопка*» (заповедное кладбище) – возле него находится древний мордовский могильник. По рассказам местных жителей, в 1950-х гг. здесь трактором были выпаханы различные древние предметы. Председатель колхоза, увидев это, испугался и приказал срыть могильник бульдозером. Другие названия урочищ уже трансформировались, произносятся на русский лад, хотя по-русски не имеют определенного смысла: канава *Боборов*, урочища *Яковина* и *Шкуриха*, ручей *Переузинка*, овраг *Самоволька*, озеро *Холодник*.

Изменения названий можно рассмотреть на таком примере. Небольшое заросшее озеро рядом с Наватами, наватские называют *Кольжень* (от *кольгемс* – «вытечь, протечь»), а русские соседи из Озёрок – уже *Куговерка*. То есть из мордовского *кольгемс эрьке* («утекшее озеро») получилось Куговерка.

В этом плане очень показательны народные названия улиц села Наваты: Сомовка, Пердуновка, Плутовка, Казанка, Большая улица и Новая Линия. Отстроившаяся сравнительно недавно, в течение XX столетия улица *Новая Линия* имеет свой мордовский аналог *Од лине*. Такие же аналоги имеют *Большая улица – Покшулень* и улица *Казанка* – русский вариант мордовского *Казан-ки* – так называли проходившую здесь дорогу на Казань, вдоль которой построилась улица. А вот с другими названиями не все так просто. *Сомовка,* согласно местной этимологии, названа так потому, что однажды, во время половодья, когда затапливало часть села, во двор одного из хозяев заплыл сом. Несомненно, это легенда, и в основе названия какое-то мордовское слово, может быть *сэме* – щетка для расчесывания льна, учитывая происхождение названия села и озера (см. выше). А *Плутовка* – это, скорее всего, мордовское *пултамс* – «сжечь, спалить». В смешанном мордовско-русском житье-бытье последних веков суще-

ствования села, мордовский смысл микротопонимов забылся и стал подменяться русским, подобранным из похожего слова. Отсюда и такой курьез, как название *Пердуновка*. Само собой разумеется, что нигде и никогда люди не примут оскорбительного названия для своего жилья. Очевидно, что в этом древнем названии скрыто мордовское *прдень*ь – «созывать, собирать», и эта часть села была местом сбора односельчан, а затем уже оно трансформировалось, приобретя русское -*овка*.

Следует отметить, что в селениях Нижегородской области, населенных ранее мордвой, встречаются подобные микротопонимы. Например, *Пердуниха* называется микрорайон в деревне Кужадон Дальнеконстантиновского района [11]. В Богородском районе, в деревне Пруды есть *Пердунский* овраг [12, с. 49]. В древних документах встречаются мордовские гидронимы *Пердилей*, *Перда*, что подтверждает нашу догадку. Подобные трансформации начались тогда, когда в Волго-Окско-Сурское междуречье пришла христианизация, а за ней и обучение на русском языке. После этого в селениях региона древние мордовские названия стали переосмысляться в топонимы, звучащие как русские слова, порой даже и скабрезные, т.е., *прдень*ь превратилось в *Пердуниха*.

В Наватах начало этому процессу было положено в конце XVIII века, когда здесь была построена православная молельня (1785 г.) [13, с. 24]. До этой даты крещение местной мордвы, можно думать, было формальным, о чем говорит легенда о повешенном в соседнем Языкове во время Пугачевского бунта священнике [2].

Через 100 лет после постройки молельни в селе появилась и церковь. Она была построена в 1896 г. *«усилиями прихожан»* [13, с. 24]. Наватцы настолько прониклись новой идеологией, что собственными силами возвели в селе церковь, освященную в честь иконы Казанской Божией Матери. Местные эрзяне горячо восприняли православие, о чем говорят послереволюционные события, когда несколько жителей села были репрессированы за религиозные убеждения. Их имена упомянуты в книге «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия» [14, с. 211–212].

Антропонимика Нават, как и всех других селений Поволжья, состоит из двух подсистем. Каждая семья носит официальную фамилию, закрепленную в документах, но в быту употребляет т.н. «уличную» фамилию, порой значительно отличающуюся от официальной. Уличная фамилия, несмотря на свою кажущуюся несерьезность, очень важная номинация, позволяющая сделать далеко идущие выводы о происхождении и родственных связях носителя. А.В. Суперанская писала: *«Уличное имя – особая категория групповых антропонимов, служащая для обозначения мельчайших социальных ячеек, из которых складывается человеческое общество»* [15, с. 141].

Официальные фамилии наватских жителей можно разделить на две группы. Первая – это фамилии, произошедшие от мордовских слов и языческих имен: Курковы (*курксто*м*с* – «покатиться»), Пянзины (*Пянзя* – мордовское дохристианское имя), Балятины (*бала* – «холостяк»), Окины (*ока* – «нить»), Муляевы (*Муляй* – мордовское дохристианское имя), Лабутовы (*лаподемс* – «ляп-

нуть» мокш.), Масаковы (*масакмс* – «отдашь»), Маняковы (*манякс* – «обмани»), Видинеевы (*виде* – «правда»), Варжины (*варжа* – «взгляд»), Сулимовы (*сюлмо* – «узел»), Автаевы (*овто* – «медведь»), Атляшкины (*Атляш* – мордовское дохристианское имя), Шалеевы (*шала* – «непутевый»), Чекмаревы (*чекамс* – «креститься»), Каяновы (*каян* – «кину»), Сюбаевы (*сюва* – «мякина»), Торочкины (*тородомс* – «зардеться»), Тулубаевы (*Тулубай* – мордовское дохристианское имя), Ушковы (*ошкс* – «пойло»), Лещановы (*лоштямс* – «ударить»), Лушины (*лушмо*, *луштя* – «низина, пойма»), Додаевы (*татай* – «игрушка»), Долговы (*олго* – «солома»), Дудины (*Дудай* – дохристианское имя) и др.

Вторая – фамилии, произошедшие от имен, полученных при крещении, и от русских прозвищ: Дунюшкины, Борисовы, Жданкины, Феклистовы, Савельевы, Климкины, Лескины (Алексей – Лесо – Леско), Аверины, Афросьины, Оськины (Иосиф – Осип – Оська), Кандрашкины, Архиповы, Тишкины, Бухаревы, Голячковы, Балдашкины, Гаврюшины, Горбуновы, Горбушкины, Зубрилины, Илюшины, Казаковы, Овчинниковы, Романовы, Рябкины, Чурбаковы и др.

А вот «уличные» фамилии имеют уже чисто мордовский характер: Клюкке (*клёк* – «вершина дерева», или мокш. *клёк* – «лучший, отборный»), Таштыне (старенький), Салям (тихий), Апкай (несогласный), Садек (знаток), Магана (*махан* – «большой кусок мяса»), Лицара (*личара* – «божья коровка»), Миянь (бобер), Сезьган (сорока), Ганянь (от *ганец* – «колокольчик»), Ке(н)зурка (*кезерень* – «бывалый»), Апу отсюда Апановы (*апокшке* – «небольшой»), Пегас (мордовское дохристианское имя от *пеке* – «живот»), Кутрук (тюркское имя), Рарам (возможно, от *рахамс* – «смеяться»), Лямандровы (возможно, от *лем* – «болячка, короста, парша»), Увакин (*кувак* – «длинный»), Вергез (волк), Сякрас (возможно, от *сякурнямс* – «умереть»), Шунякинь (*шуня* – «валежник»), Варакин (ворона), Шкенень (родной), Патюлька (тётушка), Баранлескины (баран Леска – мордвин всегда ставит определение впереди определяемого), Кельмесь (замерз), Гамазюк (возможно, от *гамозом* – «толпой»), Акуш (*акшу* – «белый»), Муляньмиш (возможно, от словосочетания *идти продать*).

Вероятно, многие из них получены «по наследству». То есть, если предка звали *Верьгиз* (волк) за какие-то особенности характера и поведения, то его потомки становятся *Вергизань* (волчья семья), не обязательно наследуя особенности характера своего предка. Прозвища от зверей *Верьгизань*, птиц *Варакань*, *Куркань*, *Сезьганань*, от насекомых *Чичавань* (*чичав* – блоха) становятся «уличными» и даже официальными фамилиями. И даже те «уличные» фамилии, которые происходят от русских слов и имен, употребляются с добавлением характерного мордовского притяжательного форманта *-нь*: *Картошкань, Боженькань, Митягань, Сорокань, Костюкань, Василкань, Раманкань*. Структурным вариантом образования «уличной» фамилии является также добавление суффикса собирательности *-нк*: *Лесынька*, *Панька*.

Многовековое совместное проживание породило удивительное смешение русской и мордовской антропонимики. Так, христианские имена переделываются на мордовский лад: Дмитрий – Митряс, Михаил – Миша – Мишкей, Петр – Петряй (соответственно, супруга – Петряиха), Иван – Вантя,

Мария – Машкине. С возрастом к прозвищу может «прилепиться» термин, обозначающий дедушку: Апай-бадя (маленький дедушка), Атля-бадя (из рода Атлянь), Мочалка-бодя. Или бабушку: Илин-баба (из рода Илин), Варжань-баба (из рода Варжань).

Интересно, что многие жители, носящие одинаковые официальные фамилии, не являются родственниками, даже дальними, и, как правило, родственные семьи живут под одной уличной фамилией. Такое явление характерно для системы именований всех сел Нижегородской области и шире – Поволжья.

В Наватах долго помнили и чтили древние мордовские традиции. Именно здесь фольклористом В. Морохиным был описан обряд утопления Ведьавы. Старожилы рассказывают, что в период между весенним севом и сенокосом в селе устраивался «Катуй» (праздник). Это название удивительно похоже на название чувашского народного праздника «Акатуй», приуроченного, правда, к началу пахотных работ. Даже уже и после крещения, в этот день у церкви устраивались пляски, сельчане пили «пуре» (медовый хмельной напиток) и «поза» (брагу), проводили кулачные бои. Христианские праздники также были дополнены местными традициями. Например, через неделю после Рождества в Наватах пекли «орешки» (блюдо из муки), а дети ходили *таусить* (славить), приговаривая: «О тауси, тауси, дай бабай орешки...». *Тауси* – название древнего языческого праздника, наиболее долго сохранявшегося у Наватской мордвы. Это, скорее всего, искаженное *Тувосей чи* (свиной день), потому что в этот день – 19 декабря кололи свиней, также пекли «орешки» и *таусили*.

Теперь Бакшандино. Первое упоминание о деревне встречается в той же «Писцовой книге Пушечникова и Костяева» [4, с. 141]. Название села происходит от фамилии возможных ее владельцев. Действительно, в указанной книге в числе ее жителей названы Синдяк да Отяйко Бокшендины, некая жена Бокшандина и Митюк Бокшандин [4, с. 141]. В этой фамилии видно мордовское *покш* – «большой» и *анда*, *андытя* – «кормилец». Возможно, так называли главу рода, сродни русскому *большак*. Также здесь может быть видоизмененное эрзянское *покштя* (дед со стороны отца, дед со стороны матери – *бодя*), и поселение изначально называлось *Покшантянь*. Жители, кстати, называют между собой родную деревню *Бокшанда*. Но *Покш* (*Бокш*) значит «большой», и опять хочется обратить внимание читателя на версию с Большецким княжеством, озвученную выше. В отсутствии письменных источников топонимика служит одним из главных помощников исследователя и позволяет нам соотнести данную местность с княжеством, упомянутым в титуле князя Дмитрия Константиновича.

Кстати, Н. Морохин допускает и тюркское происхождение названия села, справедливо указывая на то, что имя *Бакшендя* может идти от тюркского *бакшан* – «корень» или *бакча* – «сад» [10, с. 268]. В свете высказанных выше соображений о присутствии в древности в Присурье мокшан этой версии исключать нельзя, т.к. язык мокши подвергся очень сильному влиянию тюркских наречий Поволжья.

Бокшандино было самым близким поселком к Суре, и, вероятно, именно с Суры приходила в средние века главная опасность в виде речных пиратов, в изобилии водившихся тогда на водных магистралях Восточной Европы. Поэтому не случайно в домах бокшандинцев всегда были наготове *кшинень оршамот* – железные доспехи, для отражения набегов грабителей [2].

Но любопытно, что вместе с названием Бокшандино в писцовых книгах приводится второе название деревни – *«Медян тож, на реке Медяне»* [4, с. 141]. В другом месте она названа *«деревня Медянская»*, и отожествить ее с Бокшандино помогают только некоторые подробности описания и опять же упоминание в ней Бокшандиных [4, с. 326]. Из этого мы можем допустить, что первое название деревни дано ей по речке, на которой она стоит, – Медяне.

Гидроним Медяна не редкость в Окско-Волго-Сурском междуречье. Такое название носит несколько рек, главным образом, в восточной, лесостепной части региона. Как правило, название этимологизируется из мордовского *мадяма* – «лежит» и подается как характеристика – тихая, спокойная река. Нам видится, что происхождение этого названия значительно древнее. Медяна можно соотнести с иранским и арабским *meydan* – «место в середине», откуда оно было заимствовано в тюркские языки в значении «ровное свободное место». Мы допускаем, что как гидроним этот термин привнесли в регион кочевники скифы и сарматы, называя так небольшие реки на открытых пространствах, а от них его восприняли предки мордвы в виде *мадан* (*мадян*). Неслучайно название деревни звучит в мужском роде – Мадян. Названия рек же изменялись по роду названия уже с добавлением *-а* (*Медяна*), *-ка* (*Медянка*). Вторично, термин «майдан» пришел в регион в XVII веке, занесенный сюда переселенцами из юго-западных областей России, работавшими на производстве поташа. Тогда по всему югу Нижегородского края стали появляться Майданы как места переработки древесной золы. Но нельзя исключать, что некоторые майданы (особенно в восточной части региона) были *маданами* (*медянами*) и до начала выработки поташа.

Бокшандино – «родной брат» Нават. Их история связана неразрывно, и видимо, действительно, они были основаны родственниками или выходцами из одного рода. Диалект эрзян Бокшандино и Нават схож и отличается от диалекта жителей двух других мордовских сел Пильнинского района Кисленки и Юморги – эрзян Припьянья.

Судя по фамилиям коренных жителей Бокшандина, образованы они, в основном, от «уличных» прозваний, как русских, так и мордовских: Ломтевы, Суслины (уличн. *Сысины*), Хозовы, Юрьевы, Кривоноговы, Кулины (уличн. *Гусинь*), Быковы (уличн. *Бакан*), Шамьяновы, Старовы, Востряковы (уличн. *Бильди*), Бреховы (уличн. *Сикрут*), Баландаевы, Кашкаровы, Губановы, Князевы, Кочкуровы, Веревочкины, Еруслановы, Коротковы, Шкарины, Дружинины, Ганины, Мокеевы, Янгайкины, Прасловы и др. Это говорит о том, что крестьяне Бакшандина были крещены очень поздно, и христианские имена не успели укорениться в их быту. Некоторые фамилии образовывались по созвучию – *Бакан* стал Быковым, другие по смыслу – Востряковы – *Бильди* (от *биль* – «но-

жик», *бильдер* – «игра в ножички»), а некоторые просто от мордовского прозвища – Кашкаров, Кочкуров – от *кочкар* (ручей) или от имени – Баландаевы от дохристианского имени *Баландай*.

Современное Бакшандино, по сравнению с Наватами, небольшое село. В Бокшандино три основных улицы, имеющие название Луговая, Лесная и Колхозная. Понятно, что из этих трех, по крайней мере, одно назание – улица Колхозная – имеет сравнительно недавнее происхождение. Тем не менее она, как и улица Лесная, получили в местном обиходе свои мордовские аналоги. Колхозная – *Колхозпе* (Колхозный конец), Лесная – *Вереньпе* (Лесной конец). Только улица Луговая называется в народе как будто по-русски Пустыркой. Хотя и здесь может скрываться видоизмененное эрзянское *пестерькай* – «хвощ».

Наконец Озёрки – русское село, бывшее когда-то мордовским. На первый взгляд, с названием все очевидно. Село расположено среди множества озер, и этимология, что называется, на поверхности. Однако легенда об основании отсылает нас к мордовским корням. Основателя села звали *Озер* (*Азор*), или по-наватски *Озей* – так гласит легенда. *Озей* в мордовских языках может соответствовать нескольким значениям: *озяс* – «воробей», *озянь* – «озорной», *азомс* (мокш.) – «сказать», и наиболее подходящее здесь *озятя* – «жрец» или *озкс* – «моление». Так могло называться место жительства главного жреца, или место моления, что потом трансформировалось в *Озерки*. Об этом же говорит и наличие рядом языческого капища «Калмазырь салатопка». Наватские и бокшандинские соседи до сих пор называют жителей Озёрок – *Озё*. Но здесь очень проблематичной выглядит возможность перехода *Озкс (озятя)* в *Озёрки*. Скорее уж, подойдет версия с Азором. *Азор* – древнемордовский титул вождя, и место жительства вождя вполне может носить название Азор ки, ставшее в русском говоре Озёрки. Но что такое -*ки*?

Тут надо сказать, что топоним Озёрки чрезвычайно распространен на Руси. Селения с названием Озёрки встречаются от западных границ до Сибири и от Карелии до Алтая. Вероятно, поэтому нижегородские топонимисты данное название традиционно отожествляют с русской основой *озеро* [10, с. 377]. Но в случае Среднего Поволжья может быть и другое толкование.

В свое время исследователь М. Полубояров название мокшанского села Озёрки, стоящего на древней дороге («Царской сакме»), ведущей от Пензы к Симбирску, разделил на два мордовских слова – *азор* (повелитель, царь) и *ки* (дорога) – и сделал вывод, что Озёрки – это *Азор ки*, «царская дорога» по-мордовски [16, с. 140]. При этом характерно, что и Озёрки Арзамасского района, и Озёрки Шатковского района, и Озёрки Княгининского района, как и Озёрки Мордовии, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Самарской областей, расположены на древних сухопутных дорогах, пересекавших Поволжье, тем более что возле многих из них озер и в помине не было. Селения рядом с этими средневековыми большими дорогами, по которым передвигались, в т.ч. и правители («азоры» по-мордовски), древняя мордва могла называть «Азор-ки», что в записях русских чиновников превращалось в «Озёрки».

Наши Озёрки вполне могли находиться рядом с одной из таких дорог, использовавшихся в торговых, дипломатических и военных целях. В XVI веке, когда на восточную часть Волго-Окско-Сурского региона распространялась власть Казанской короны [17, с. 138–142], здесь проходила дорога, ведущая в метрополию. Именно про нее говорит А. Орлов, упоминая Казанскую «сакму» южнее Красной Горки (Сафаджая) [18]. Она следовала с востока на запад, от переправы через Суру, через Наваты (улица «Казан-ки») и Озёрки («Азор ки») к месту, где находится святыня «Тараташ» (рядом с селом Актуково Краснооктябрьского района), где был перекресток трех дорог (трех Азор-ки). Памятью о них здесь осталась деревня Трехозёрье, которая раньше называлась Трёхозерки. Место, откуда расходились три «азор-ки» (в Курмыш, в Чембилей и в Наваты), русские чиновники записали как «Трёх-озёр ки».

Впрочем, в писцовых книгах XVII века мордовская деревня называется *Заозерье* и *Заозерская на белом ручью у Большова озера, Новацкого беляка* [4, с. 142, 327]. Из этого можно сделать вывод, что название Озёрки, как более позднее, принесли сюда русские переселенцы.

Неоспоримо, что изначально Озёрки были мордовским селом. Его жители, упомянутые в писцовых книгах, носят исключительно мордовские языческие имена, а деревня числилась в *«Верхопьянской мордве»* [4, с. 327]. В тексте также содержится отсылка к упоминанию деревни Заозёрской в *«книгах Гневаша Норова со товарищи»* [4, с. 142], что говорит о более раннем ее возникновении. Мордва Заозёрской и Нават, очевидно, была родственной друг другу, что следует из записи: *«А межа деревни Заозерской з деревнею Навацкую полюбовная»* [4, с. 142–143]. Другие угодья, согласно записям чиновников, использовались ими совместно. Причем, это совместное владение сохранялось на протяжении веков. В XIX веке в архивах зафиксирована тяжба жителей Озёрок и Нават – казенных и удельных крестьян – с крестьянами деревни Шумерли. В Курмышском суде с июня по декабрь 1833 г. разбирался спор о береге и рыбных ловлях [19]. Озёркинцы и наватцы утверждали, что они владели документами на право владения этими угодьями, но документы сгорели. Им не поверили и отдали угодья шумерлинцам.

Где-то с середины XVIII века Озёрки стали заселяться русскими крестьянами. Считается, что мордва из-за этого ушла в Наваты, но, несомненно, какая-то ее часть осталась и смешалась с русскими переселенцами. Согласно местному преданию, русские пришли в Озёрки из села Медяна (которое, по местным же преданиям, «сбродное», т.е. заселялось из самых разных мест), и старожилы помнили, что какое-то время в Озёрках было как бы два села. Рядом с мордовским Заозёрьем существовали русские Озёрки [20]. Они смешались, и о мордовском происхождении некоторых местных жителей говорят только их фамилии: Паксеев (*пакся* – «поле»), Учаев (*учай*, *учемс* – «ждать»), Мадянов (*мадян* – «лежать»), Кудашев (*кудо* – «дом»), Кортунов (*корто* – «говорит»), Аганькин, Сапаров (*Сапар* – татарское имя Сафар, переиначенное мордвой), Шалеев (*шала* – «непутевый»), Бадин и Педин (*бадя* – «дедушка»), Увакин (*кувак* – «длинный»), Шелдагаев, Поплевичев (*Попула* – древнее мордовское имя)

и др. До сих пор в местном русском говоре используются переиначенные мордовские *копер* – «укроп», *нама* – «неужели». Даже кур озёрцы подзывают по-мордовски – *тити-тити*.

Некоторые русские фамилии и уличные прозвания говорят о том, откуда прибыли или чем занимались предки того или иного жителя Озёрок. Цапин от малоросийского *цап* – «козел», Батраков от «батрак», Володин – по уличному «Объезчиков», от прадеда – объездчика местных лесов. Самойловы носят уличную фамилию «Москвины», а Федотовы – «Сормосски» (Сормовские), говорящие сами за себя. Усовы помнят, что их предки из степной Усовки. На мордовские корни Киселевых указывает прозвище Бибдеевы, деда которого звали Бибдей (мордовское языческое имя). Смешение находников из разных мест великой страны породило колоритный местный русский диалект, из-за которого соседи называли жителей Озёрок – «Озёрские *игурцы*» (так здесь произносят название этого овоща).

Микротопонимы Озёрок тоже звучат, в основном, по-русски. Село тянется с востока на запад в три основные улицы со следующими названиями: Старая улица, Чапаевка (при Советской власти названа в честь Чапаева) и улица Новая линия. Кроме этого, разные проулки, концы, выселки имеют очень выразительные наименования: Ворониха, Заголиха, Горький край и др. Но вот одна из улиц Озёрок носит народное название *Кувай* – по-мордовски «длинная», что напоминает о мордовских предках жителей села. Следует добавить, что подобное название имеется во многих селах Присурья, также являясь наглядной иллюстрацией к изучению местного этногенеза.

Речушка делит Озёрки на две неравные части. Ее здесь называют просто *Ручей* (ударение на первом слоге). Меньшую, восточную часть села называют *Заручье*. Через Ручей положены деревянные мостки. Самую большую переправу называли *Красный Мост*. Многие объекты рельефа села имеют антропонимическую привязку. Овраг с западной стороны села называется *Масаков овраг* – здесь стояла изба Масаковых. Рядом с ним – *Чирков пруд*. Далее к западу, на выходе из села – *Аганин овраг*, около дома Аганиных. Возвышенность к югу от Озёрок называют *Лихутиной горой*, по имени некоего Лихуты. А вот Медянское озеро, расположенное в трех километрах от села, в Озерках называют просто – *Озеро*. Мордовские микротопонимы округи озёрцы переиначили на русский лад [20]. Так, уже упомянутый могильник «Калмазырь салатопка» они называют просто *Кладбищи*. Многие другие названия, будучи изначально мордовскими, у озёрцев приобрели вид русских слов, хотя и с довольно смутным смыслом (*Холодник, Куговертка* и др.).

Нижегородское Присурье – это настоящее Среднее Поволжье. Сплав народов, религий, обычаев. Русские, мордва, татары, чуваши. Это придает особый колорит, рождает особый уклад жизни. Совсем рядом с Наватами, Озёрками и Бокшандиным два татарских села: Красная горка (Сафаджай) и Петряксы. К западу старинное русское село Медяна, южнее Языково. Все они жили и живут очень дружно, являя собой пример настоящего многонационального общества, не знающего распрей из-за различия языка или религии. У присурской

мордвы, например, издревле дружеские отношения с жителями татарских сел. В разговорной речи местной мордвы есть татарские слова (*каймак* – «творог», *салма* – «блюдо из теста»), а татарский язык мордва называет *кельмазы* – «красивый язык». Русские, в свою очередь, уважительно относятся к мордвинам, ценя их за трудолюбие и открытость.

Процессы урбанизации, активно происходящие в современном мире, очень сильно ударили по российской глубинке. Наши села не стали исключением. Отток активной, трудоспособной молодежи, начавшийся еще в 70–80 гг. прошлого столетия, превратил Наваты, Озёрки и Бокшандино в умирающие села, жизнь в которых оживает только с летним наездом отдыхающих. Выходцев отсюда можно встретить в любом из уголков современной России – от Прибалтики до Сибири. Талантливый народ дал своей Родине немало известных ученых, деятелей культуры, мастеров-ремесленников. Память о предках, о своих корнях – вот что связывает их всех незримой нитью, заставляя вновь и вновь мысленно возвращаться к берегам Суры, к местам, которые их деды и прадеды завещали им когда-то.

Источники и литература

1. Цыганкин Д.В. Свидетельства диалектологии как источник изучения истории мордовского народа //Этногенез мордовского народа. – Саранск, 1965.

2. Из беседы с уроженцем села Наваты краеведом Борисом Курковым, записанной 10 октября 2015 г. // Хранится в личном архиве А.В. Малышева.

3. Опись столбцов из коллекции Симбирской УАК: УОГА. Архив Таушева, документ 5.5 (621) от 1620 г. ноября 14-го. Выпись из Алатырских книг письма и меры писца Гавриила Иванова сына Бобрищева-Пушкина и дьяка Ивана Шарапова. – URL: http://archeo73.ru/Russian/16vek/spisokGAUO.htm

4. Кочетков В.Д., Юрченков В.А., Видяйкин С.В. Мордовский фронтир в зеркале приказной статистики (первая четверть XVII века) // Свод документов и материалов по истории и культуре Мордовского края. – Саранск, 2017.

5. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. – Пг., 1918.

6. Бушуев В. Древняя русская грамота 1368 г. // Красный архив. – 1940. – № 6 (103).

7. Гераклитов А.А. Избранное. В 2-х частях. – Саранск, 2011.

8. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVII вв. – Казань, 2004.

9. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977.

10. Морохин Н.В., Арзамазов А.А. Наши реки, города и села. – Н. Новгород, 2014.

11. Мининзон И.Л. Ономастика терюхан. – URL: http://opentextnn.ru/space/littlesityes/index.html@id=5528

12. Мининзон И.Л. Что в имени тебе моем? (Ономастика Богородского района). – Н. Новгород, 2015.

13. Симбирские епархиальные ведомости (Симбирск). – 1892. – № 2.

14. Дамаскин, иеромонах (В.А. Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Кн. 1. – Тверь, 1992.

15. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.

16. Полубояров М.С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. – М., 2010.

17. Галлям Р.Г. Была ли Крымская (Буртасская) административная дорога в Казанском ханстве (постановка проблемы) // Вестник Казанского университета культуры и искусств. – Казань, 2013.

18. Орлов А.М. Нижегородские татары. Глава 7. – URL: http://mishare.narod.ru/books/Ethnic_roots/7.htm

19. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 272.

20. Из беседы с уроженцем села Озерки Виктором Пединым, записанной 12 февраля 2017 г. // Хранится в личном архиве А.В. Малышева.

АКАДЕМИК А.В. СТУПИН И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА В АРЗАМАСЕ

А.В. Малышев

Независимый исследователь, г. Нижний Новгород

E-mail: m10530@yandex.ru

В статье на основе архивных документов восстанавливается биография академика А.В. Ступина – основателя первой в России художественной школы, взятой в 1809 г. Академией художеств под свое покровительство. Рассказывается о работах Ступина и его учеников в Саровской пустыни, в Арзамасском Воскресенском соборе, в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга. Впервые публикуются контракт на обучение и устав школы.

Ключевые слова: *Арзамас; академик Ступин; Академия художеств; Саровская пустынь; Арзамасский Воскресенский собор; Исаакиевский собор; академик Н.М. Алексеев.*

В октябре-декабре 2015 г. в Москве, в Академии акварели и изящных искусств Сергея Андрияки под патронатом Министерства культуры РФ прошла выставка «Арзамасская школа Ступина. Система и метод академического образования в провинции в XIX веке». Партнерами выставки выступили Нижегородский государственный художественный музей (НГХМ) и Арзамасский историко-художественный музей. В выпущенном к выставке альбоме специалисты заявили: *«Точных сведений о происхождении и месте рождения* [Ступина] *нет»* [1, с. 73], неизвестны годы жизни и имена абсолютного большинства учеников, нет опубликованных контрактов на обучение в школе, не найден устав школы.

В нашей статье мы постараемся осветить «темные страницы» биографии А.В. Ступина и немного восполнить «информационный голод» в истории его школы.

О происхождении и родителях А.В. Ступина

17 февраля 1802 г. в Арзамасский городовой магистрат поступает письмо за подписью нижегородского гражданского губернатора Е.Ф. Кудрявцева:

«*Арзамаскому Городовому Магистрату*

Его высокопревосходительство господин Генерал прокурор и Кавалер Александр Андреевич Беклешов получил высочайшее Его Императорскаго величества повеление разсмотреть всеподданнейшее прошение Александра Ступина; объясняющаго в том прошении, что отец и мать его рода дворянскаго, первый от фамилии Соловцовых, а последняя от Борисовых.

По сродной человечеству Слабости родила Его и сестру его которая выдана в Москве за подлекаря, а он отдан одному мещанину. По смерти матери

своей находится он в попечении того мещанина. Записан в двенадцатилетнем возрасте в городе Арзамасе в мещанское звание и обложен податьми. Наконец, по склонности к живописи обучался оной и для усовершенствования себя в сем искустве и спрося пашпорт, оставя жену и дом уехал в Санктпетербург и ныне находится у Адьюкт ректора продолжая науку. Посему просит Государя Императора освободить его от платежа податей. По содержанию сей Его Ступина прозбы предписывает мне дабы я учинил Справку: подлинно ли он Ступин состоит в Арзамасе в мещанском звании, когда и из какого звания поступил в оное и подлинно ли как объявляет имеет он дом свой.

По поводу чего предлагаю именовонному Городовому магистрату учинив о требоемом от меня Господином генерал прокурором вернейшую Справку донести мне с нарочным как наискорее» [2, д. 197, л. 2–2 об.].

19 февраля 1802 г. Арзамасский городовой магистрат пишет «Сообщение» в арзамасскую полицию об учинении допроса Анисьи Степановны Ступиной «*что от кого именно она с показанным мужем своим арзамаскаго мещанина Александр Ступина в приемыши приняла и колико лет или еще в сущем ево младенчестве. И не знает ли она что какого он точно рода и фамилии*».

Приводим полностью допрос Анисьи Степановны Ступиной в полиции.

«1802-го года февраля 28 дня в Арзамаской полиции сысканная во оную Полицую живущая в городе Арзамасе отданнаго в 1783 году в рекруты Арзамаскаго мещанина Василья Ступина жена Анисья Степанова против присланнаго во оную Полицию из арзамаскаго Городоваго Магистрата Сообщения о нижеследующей силе допрашивама и Показала Что де Подлинно мужем ее бывшим Арзамаским мещанином Васильем Козминым сыном Ступиным, которой потом в прошлом 1783-м году за арзамаское мещанство отдан в рекруты. И ею Анисьею приемыш Александр отечеству и прозванием по оному муже ее Василье Ступине яко незаконнорожденной по не имению у них своих детей в сущем ево младентечестве и вскоре по ево рождении и именно в 1776-м году в сентябре мце а которого числа того за много прошедшего временем не упомнить.

По прозбе родившей ево матери коя была родом из дворянства Надежды Никитиной дочери из фамилии господ Борисовых, которая потом умре и взят был на воспитание. Причем потом от оной матери того младенца по совести сказано было им что оной прижит ею с каким то дворянином роду и фамилии Соловцовых по имени Петром Степановым сыном а какой по дворянству он чин имел ли того она Анисья не знает. И по взятии младенец оной по старании их в веру греческаго исповедания окрещен. И в крещении наречен Александр. Коему восприемником был и ево крестил бывшей тогда здешней Соборной Воскресенской церкви священник Петр Григорьев, который ныне находится в Высокогорской Пустыни о чем и он засвидетельствовать может. А как в 1782-м году последовала ревизия то оной Александр тем ее мужем при их семействе и в скасках ревизских о числе арзамаскаго мещанства от рождения ево шести лет написан, а потом и в подушной оклад положен и достигши дватцети летняго возраста оженен и с тою женою ево прижит у них сын после нынешней

последней ревизии Рафаил. И оное Показание она кроме того священника еще никем утвердить не может. К сему допросу арзамаской мещанин Степан Иванов сын вместо вышеозначенной солдатки Анисьи Степановой дочери Ступиной по ее Прошению руку приложил.

И весь допрос присутствие имел Городничей Данила Юрлов» [2, д. 197, л. 10–10 об.]

Далее потребовался допрос священника Петра Григорьева, о котором упоминает Анисья Степановна Ступина. И 5 марта 1802 г. Магистрат отписывает очередное «Сообщение» уже в Арзамасское духовное правление «о допросе по священству» Петра Григорьева. Приводим «допрос по священству» Петра Григорьева полностью.

«1802-го Года марта 6-го дня в Арзамаском Духовном правлении находящийся в Арзамаской Высокогорской пустыни в числе братства священник Петр Григорьев о нижеследующем при присудствии по священству и показал:

Что им священником Григорьевым прошлаго 1776 года в осеннее время а котораго месяца и числа того за многое прошедшим временем не упомнить, по случаю жительства его в Городе Арзамасе и бытия при церкви Здешняго Воскресенскаго Собора штатным священником, принесенной в дом бывшаго Арзамаскаго мещанина Василья Козмина сына Ступина, которой потом арзамаским мещанством отдан в рекруты. И взятой оным по неимению своих детей в приемыши младенец незаконнорожденной бывшею дворянскаго рода и фамилии господ Борисовых Надеждою Никитиной по прозбе того мещанина Ступина и жены ево Анисьи Степановой подлинно крещен и в крещении наречен Александр.

Причем по неимению иных мужеска пола никого сторонних он священник младенцу тому за ево сущею тогда в здоровье слабостию по нетерпимости оному крещению отлагательства времени и восприемником был. А при случае дачи им же священником ей Никитиной после родов очистительной молитвы, объявляла она ему, что тот рожденной ею младенец прижит незаконно с находившимся тогда в городе Арзамас дворянином Петром Степановым сыном Соловцовым. О чем он Григорьев и показал по священству самую сущую правду.

Означенный священник Петр Григорьев руку приложил.

При отобрании сего присудствие имели: Христорождественский Иерей Иоанн, Николаевский Иерей Иоанн, Илья Иерей Ильинский» [2, д. 197, л. 13–13 об.].

Собрав всю вышеупомянутую информацию, Арзамасский городовой магистрат 7 марта 1802 г. отправляет рапорт нижегородскому гражданскому губернатору Е.Ф. Кудрявцеву. А 1 апреля 1802 г. последовал именной императорский указ Правительствующему Сенату об исключении А.В. Ступина с семейством из податного оклада. Копия с указа приведена в «Собственноручных записках о жизни академика А.В. Ступина» (далее – «Записки») [3, с. 430–431]. 12 мая 1802 г. Арзамасский городовой магистрат получил копию именного императорского указа из Нижегородской казенной палаты [2, д. 197, л. 21].

Таким образом, независимо друг от друга, приемная мать Ступина Анисья Степанова и Петр Григорьев, бывший в 1776 г. священником Арзамасского Воскресенского собора, показали, что Александр Васильевич Ступин – незаконнорожденный. Мать – дворянка Надежда Никитична Борисова, а отец – дворянин Петр Степанович Соловцов. И крещен он был в сентябре 1776 г. по просьбе Василья Козмина сына Ступина и его жены Анисьи Степановны по неимению у них своих детей священником Петром Григорьевым, который и был восприемником (крестным).

Заметим, что крещен А.В. Ступин был не приходским священником, а священником Воскресенского собора Петром Григорьевым, который читал матери его Надежде Никитичне очистительную молитву (читается по истечении 40 дней после родов). Это можно объяснить желанием Борисовой минимальной огласки. В своих «Записках» Александр Васильевич Ступин пишет, что родился он 13 февраля 1776 г. [3, с. 370], а крестили его Ступины, как мы уже знаем, в сентябре. Поэтому дату 13 февраля ставим под сомнение. Родился Александр в августе-сентябре 1776 г. в Арзамасе или в ближайшей деревне или селе.

Из приведенного выше архивного документа из фондов ЦАНО [2, д. 197] однозначно устанавливаются родители А.В. Ступина. Документ этот ранее хранился в Историческом архиве Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК). И на его основе Н.И. Драницын в 1914 г. написал статью «Кто были родители академика художника А.В. Ступина?» [4]. С публикацией Н.И. Драницына был знаком М.П. Званцев, давший ссылку на статью в своей книге 1941 г. о Ступине [5]. Читал материалы Н.И. Драницына и арзамасский краевед П.В. Еремеев, о чем поведал в статье «Подлинные родители» в газете «Арзамасская правда» в 1971 г. [6]. А вот ленинградский искусствовед П.Е. Корнилов в своей монографии 1947 г. об Арзамасской школе живописи [7] по неизвестной причине проигнорировал статью Н.И. Драницына, что привело к следующим выводам: *«Источники совершенно умалчивают об его отце. Тайна эта не раскрыта и до сих пор»* [7, с. 20]. При этом работа П.Е. Корнилова – самая цитируемая по истории Арзамасской школы живописи и биографии А.В. Ступина; потому она внесла значительный вклад в укоренившееся заблуждение, что *«точных сведений о происхождении и месте рождения нет»*. Заметим, что П.Е. Корнилов упоминает книгу М.П. Званцева, но *«мы там не нашли для себя новых материалов»* [7, с. 7], а в библиографии дает ссылки на некоторые более ранние публикации НГУАК по ступинской теме [7, с. 199–202]. Сокрытие П.Е. Корниловым истории происхождения А.В. Ступина можно объяснить непростым для художественной интеллигенции временем (достаточно вспомнить постановление оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.). Книга П.Е. Корнилова была подписана в печать 11 ноября 1946 г.

Познакомимся с приемными родителями А.В. Ступина. По четвертой ревизии 1782 г. купцов и мещан города Арзамаса семейство Ступиных записано так:

«Василей Козмин сын Ступин 14 лет по последней ревизии, 33 года ныне налицо, у него жена Анисья Степанова дочь 25 лет по последней ревизии, 44 года ныне налицо взята вдовою после умершаго (в 1765 г. – **Авт.**) *арзамаскаго купца Ивана Солдатова, у них приемыш незаконнорожденный Александр 6 лет ныне налицо»*[8, д. 19, л. 454 а.].

Эта 11-летняя разница в возрасте и имущественно-сословное неравенство (у Анисьи Степановны была мелочная лавка) может отчасти объяснить уход Василия Козмина в 1783 г. в рекруты.

А теперь о родителях А.В. Ступина Надежде Никитичне Борисовой и Петре Степановиче Соловцове. В «Записках» набрано *«Боршовых»* [3, с. 370], с рукописи буквы «и» и «с» прочитаны как «ш» и получилась ошибка – нужно читать *«Борисовых»*.

В «Записках» А.В. Ступин пишет: *«Отец моей матери служил в Костроме воеводою, а дядя ея родной во флоте генералом, у которого она и воспитывалась… мать моя скончалась во Владимире, оставила меня 3-х лет совершенным сиротой…»* [3, с. 370]. Легенда о костромском воеводе не подтверждается. В списках городовых воевод и других лиц воеводского управления значится только один Борисов. В 1659 г. в Арзамасе служил стольником Андрей Михайлович Борисов-Бороздин [9].

А вот морские корни Борисовых вполне возможны. Борисовы – это «морская» фамилия. Под дядю вполне подходит Борисов Иван Антонович (1719–1786), контр-адмирал с 1775 г., вице-адмирал с 1782 г. Стали адмиралами и его сыновья: Борисов Михаил Иванович произведен в контр-адмиралы в 1799 г., умер 20 января 1801 г.; Борисов Александр Иванович – вице-адмирал с 1799 г., умер в 1810 г. в Санкт-Петербурге. И с тем, и с другим А.В. Ступин мог встретиться во время учебы в Академии художеств.

Петр Степанович Соловцов – выходец из старинного рода дворян Соловцовых. Это род оставил заметный след в истории Нижегородского края. Например, подпись выборного дворянина Мисюры Соловцова стоит на Грамоте об избрании Михаила Федоровича Романова на престол в 1613 г.

Об удивительной его судьбе нам поведал документ, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов [10, кн. 7, л. 904–929]. Выдержки из него нами опубликованы в статье «Соловцов Петр Степанович – отец академика А.В. Ступина (1776–1861)» [11].

В 1743 г. Петр был определен на учебу в Морскую академию в Санкт-Петербурге, но в 1750 г. *«за непонятием наук»* определен матросом на Балтику. В том же году по прошению был отпущен на шесть месяцев, чтобы навестить своих родителей в селе Леметь Арзамасского уезда. Но по пути в свою вотчину в Москве знакомится с греческим архимандритом и отправляется с ним за границу, в Константинополь, а затем на Афонской горе был пострижен в монахи. Прожив некоторое время на Афоне, он отправляется в странствования по азиатским и европейским странам. Через восемь лет судьба забросила его в крепость Святой Елисаветы, где объявил он себя российским купцом Петром Степановичем Бальсаковым. Здесь он пробыл четыре месяца, занимаясь купечеством и

подрабатывая переводчиком с турецкого языка. Затем он направился в Польшу, где в одном из монастырей был пострижен в монахи, а получив паспорт, в 1764 г. отправился в Россию, в свою вотчину село Леметь. Но из-за невыполнения обязательной процедуры (как монах, прежде всего, он должен был явиться в московскую контору Синода для определения места послушания) был задержан и определен в Саровскую пустынь до выяснения своей судьбы. В дальнейшем по прошению из монашества был исключен.

«1767 года Февраля 26 дня Петр Степанов сын Соловцов в силу Правительствующаго сената определения обязан сею подпискою, что он с данным из геролдмейстерской конторы пашпортом в России жить будет и из оной никуда и ни под каким видом не выедет, а ежели он обращаться будет в каких либо худых поступках или без дозволения из России за границу выедет в таком случае поступлено с ним было по всей строгости закона. В чем подписуется Степан Сын Соловцов подписуюсь Петр» [10, кн. 7, л. 921].

Дополняет биографию П.С. Соловцова рассказ иеромонаха Саровской пустыни Евгения. *«Когда же приблизилась к нему старость и изнеможение сил, а более чувствуя угрызение совести, пришед в раскаяние, паки определил себя в Саровскую пустынь и просил Святейшаго Синода перваго члена Преосвященнейшаго Гавриила, митрополита Новгородскаго и Санкт-петербургскаго, чтоб паки позволил ему надеть монашество, который ему и благословил. И так он жил около лет пятнадцати в пустыни»* [12, с. 244–245]. Скончался монах Парфений (Петр Степанович Соловцов) 19 сентября 1798 г.

Интересный факт. Учился П.С. Соловцов в Морской академии, здание которой находилось на углу набережной Большой Невы и 3-й линии Васильевского острова. В 1764–1788 гг. на этом месте построено здание Академии художеств (далее. – АХ).

Саровская пустынь и А.В. Ступин

А.В. Ступин был тесно связан судьбой с Саровской пустынью, ведь здесь была могила его отца. По данным «Записок», в пустыни Ступиным с учениками были написана 21 икона в трех иконостасах [3, с. 475].

В жизнеописании Серафима Саровского Н.В. Елагина упоминается художник Дмитрий Евстафьев (Астафьев) как автор первого прижизненного портрета Серафима Саровского. Он – ступинец, крепостной надворного советника Алексея Алексеевича Кашкарова [13, д. 1589, л. 10.]. Годы учебы Д. Евстафьева в школе Ступина 1809–1818 [14, д. 18, л. 56, 137]. Вольную он получил в 1817 г.

А.В. Ступин был в переписке с настоятелями Саровской пустыни игуменом Нифонтом и игуменом Исайей. По просьбе игумена Нифонта, для написания портретов посещавших пустынь митрополитов Ступин отправлял на работу будущих академиков АХ Н.М. Алексеева и В.Е. Раева. Результатом этих поездок стали живописные работы кисти Н.М. Алексеева архиереев Арсения (Москвина) и Иоанна (Доброзракова), а В.Е. Раев сделал карандашный рисунок преподобного Серафима, который подписал: «Серафим Саровский. Пустынно-

житель», а также нарисовал виды Саровской пустыни. Рисунки В.Е. Раева хранятся в фондах Государственной Третьяковской галереи.

Естественно задаться вопросом: ощущал ли себя Ступин Соловцовым? Помимо тесных контактов с Саровской пустынью, где был захоронен его отец, приведем еще три факта.

В своих «Записках» в таблице, сколько сделано иконостасов и штук и за какую цену, под первым номером стоит *«У госпожи Соловцовой в селе Медынцове»* [3, с. 474].

У Ступина был ученик Никита Егорович Шведов. Поступил на учебу в 1807 г. в возрасте 17 лет. В 1810 г. женился. Пошли дети до пяти человек. Жили в отдельной избе в усадьбе Ступина. В 1823 г. дворовый Ступина, а в 1828 г. уже дворовый Соловцова. В 1830 г. стал отпущенником и съехал от Ступина.

В марте 1861 г., за несколько месяцев до смерти, Ступин пишет духовное завещание. В основном все завещал четырем своим внукам. *«1е дом свой старшей внуке Екатерине Николаевой Алексеевой, а также четвертую часть капитала, 2е внуке второй Елизавете Николаевой Яковлевой четвертую часть капитала, 3е внуку Михаилу Николаеву Алексееву четвертую часть капитала и сверх сего все художественные произведения и все касающееся до художества всего до 10000 руб. серебром, 4е внуке Марье Николаевне Алексеевой 4ю часть капитала … 7е находящийся в городе Арзамасе в Прогонной улице дом с землею завещан вольноотпущенному от г. Соловцова Варфоломею Павлову Соколову»* [15, д. 10777, л. 23–24].

Признание своим отцом Петра Степановича Соловцова А.В. Ступин делает в 1802 г. в прошении на имя императора Александра I, но умалчивает сей факт в своих «Записках», упоминая лишь мать, дворянку Борисову. Замалчивание отца Соловцова можно объяснить нежеланием поднимать вопрос о монашестве Соловцова, которое открылось ему только после поездки в Саровскую пустынь, что произошло после 1802 г.

«Молодой художник Алексеев»

Несколько слов о завещании Ступина. Несмотря на то, что в основном все было завещано внукам, укоренилось мнение, что *«Н.М. Алексеев оказался единственным наследником школы»* [7, с. 116]. Те же, кто все-таки познакомились с духовным завещанием Ступина, выдвинули версию, что *«оказавшись без работы, Н.М. Алексеев спохватился и умолил детей уступить ему право на Арзамасскую школу, надеясь через нее поправить семейные дела»* [16, с. 141], а также обвинили, что он *«школу загубил»* [17]. Ссылаются сторонники этих версий на письма профессора Н.А. Кошелева члену НГУАК И.И. Матюнину и на прошение Н.М. Алексеева о пособии на переезд школы в Нижний Новгород. Читаем письмо Кошелева: *«Когда скончался А.В., его единственным наследником был **молодой** художник* (вписаны инициалы Н.М. – Авт.) *Алексеев. Побывав в Арзамасе, он застал все в запущенном виде: дом – школу и пр. и продолжать дело **деда** не пожелал. Как **он говорил мне**, все было гнило и запущено»* [18, д. 421, л. 6] (Слова «молодой», «деда», «он говорил мне» выделены мной. – Авт.) Мог ли Н.А. Кошелев назвать «молодым» академика Н.М. Алексеева,

старше его на тридцать лет, имевшего только от первого брака с дочерью Ступина четверых детей и выдавшего к 1861 г. среднюю дочь Елизавету замуж, когда и сам мог быть уже дедом к тому времени? А ведь еще было пятеро детей от второго брака с А.И. Козловой.

Молодой художник, который не пожелал продолжать дело деда, – это внук Ступина – Михаил Николаевич Алексеев, однокурсник по АХ Николая Андреевича Кошелева. Годы учебы М.Н. Алексеева в АХ – с 1857 по 1866 с перерывами на лечение. Аттестат классного художника 3-й степени выдан в 1867 г. [19, д. 10, л. 14.].

Делами по завещанию занималась старшая внучка А.В. Ступина – Е.Н. Алексеева, а ее отец так и не доехал до Арзамаса. А вот «молодой Алексеев», закончив обучение в АХ, как и писал Кошелев, побывал в Арзамасе. 17 июля 1870 г. в Троицкой церкви Арзамаса *«Классный художник 3-й степени – чиновник 14-го класса Михаил Николаев Алексеев»* венчается с потомственной дворянской девицей Екатериной Алексеевной Заваровой, а в поручителях со стороны жениха нотариус Христофор Вукулович Сербулов [20, д. 350, л. 259 об.–260].

Не было и никакой личной инициативы Н.М. Алексеева в заведовании школой, а было решение Совета АХ «Дело о смерти Академика Ступина и о поручении в заведовании Арзамасской школой Академику Алексееву», которому он не мог отказать как состоящий на службе в мозаичном отделении АХ, *«но как небогатый человек он один не в силах осуществить предполагаемое предприятие без пособия»* [19, д. 11, л. 21–24 об.].

Отметим также, что школы к тому времени уже фактически не было. С 1860 г. со Ступиным проживала только семья полковника Василия Петровича Петушкова, его жена и две дочери 17 и 20 лет [21, д. 1485, л. 58 об.]. В 1861 г. уже не было в живых сына Ступина Рафаила. Об этом несколько раз упоминается в деле о духовном завещании А.В. Ступина: *«После умершего Академика и Кавалера Александра Васильевича Ступина не осталось более прямых наследников, как только его внуки Михаил, Екатерина, Елизавета и Мария Алексеевы, те самые, которые поименованы в духовном завещании»* [15, д. 10777, л. 19]. Последние известные события жизни Рафаила датируются 1853 г. Это «прошение Академика Ступина об удалении от него сына его» [22, д. 147.].

Несколько слов о работе академика Н.М. Алексееева в Исаакиевском соборе. Приглашен он был в 1843 г. главным архитектором О. Монферраном [19, д. 11, л. 23 об.]. В аттике и на стенах собора им сделаны следующие картины (росписи): «Переход израильтян через Чермное море» (15 аршин в длину и 5 аршин в ширину), «Ангел, истребляющий первенцев египетских», «Иисус Христос спасает утопающего Петра», «Исцеление прокаженного», «Исцеление расслабленного», «Исцеление слепорожденного», «Брак в Кане Галилейской», «Покаявшаяся грешница». В 1853 г. Н.М. Алексеев становится художником мозаичного отделения АХ. В мозаике им сделана храмовая икона собора образ Св. Исаакия Далматского, начатая еще В.Е. Раевым, но уволенным по болезни,

с переделкой всей головы из-за замечания императора Николая I (*«лицо слишком бледно, а борода синяя»*). За эту работу в октябре 1860 г. получил 1 200 руб. [19, д. 11, л. 18]. В мозаике им также сделаны образа св. апостола Павла, архангела Михаила, св. Сергия Радонежского, св. Михаила Тверского и образ царевича Дмитрия, несомого ангелами. Нарисовал также образ Иоанна Богослова для парусов.

Н.М. Алексеев за свои труды был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени и золотой медалью на Андреевской ленте для ношения в петлице по случаю построения Исаакиевского собора.

По вопросу присоединения к фамилии Н.М. Алексеева второй фамилии – Сыромянский. Сыромянские – это прозвище его родителей в г. Городище Пензенской губернии. Н.М. Алексеев учился в школе Ступина и в АХ под фамилией Алексеев, стал академиком Алексеевым, 30 лет работал в Исаакиевском соборе под фамилией Алексеев, умер Алексеевым, поэтому согласимся с П.Е. Корниловым: *«При работе по архивным материалам нами не найдено никаких оснований приписывать ему вторую фамилию “Сыромянский”»* [7, с. 123].

А.В. Ступин и Воскресенский собор

Основным источником по истории Воскресенского собора и Арзамаса являются книги Н. Щеголькова «Воскресенский собор» 1909 г. и «Исторические сведения о городе Арзамасе» 1911 г. В них автор нелицеприятно характеризует Ступина и отказывает ему в работах в соборе из-за жадности. Чтобы восстановить справедливость, сообщаем, что Ступиным расписаны все фронтоны в 1848 г., горнее место и написано несколько образов в соборе: *«Сентября 15* [1840 г.] *происходило освящение настоящаго престола в арзамасском Воскресенском соборе преосвящен. Иоанном, при стечении многочисленного народа разного звания, и после освящения дан был обед как преосвященному, так и почетным гражданам, куда и я был приглашен, как трудящийся для того собора – написанием на правой стороне придела, также в настоящий иконостас двух местных образов: Спасителя и Божия Матери, на престоле сидящих»* [3, с. 417]. У Н. Щеголькова упомянутые иконы приписываются ошибочно Н.М. Алексееву. Большинство икон в соборе написаны учеником Ступина И.А. Лебедевым [23, д. 32, л. 64, 69, 78, 79 об., 87 об.]. О других творцах Воскресенского собора можно узнать из статьи «Об архитекторах, строителях и художниках Арзамасского Воскресенского собора» [24, с. 49–69].

Пожаров. «Совет епископов»

В упомянутом письме Н.А. Кошелева есть такие строки: *«Я помню картину Пожарова в Галерее Ступина “Совет Епископов”. Она особенно обращала внимание силой живописи»* [18, л. 4]. (Картина «Совет епископов» представлена в собрании НГХМ, Ж-18.) Так кто же такой Пожаров?

«*Никифором его зовут Борисов сын по прозванью Пожаров. От роду ему 22-й год, грамоте знает, верою греческого исповедания, на исповеди и у святаго причастия бывает каждый год, под судом и штрафах не бывал, крепостной он господина Алексея Александрова Павлова дворовый человек. Находится*

он в учении у Господина Александр Васильича Ступина 4 год, обучается живописи» [25, д. 2051, л. 29]. Это из показаний в Арзамасской городской полиции 3 сентября 1828 г., где ученики Ступина были допрошены как свидетели самоубийства Григория Мясникова 1 сентября. Именно этот случай спутал Кошелева, когда приписал со слов матери самоубийство Пожарова. Редкий случай, мы можем с точностью до дня выяснить начало занятий в школе Ступина Н.Б. Пожаровым. Обратимся к «Запискам». В 1825 г. *«из Арзамаса я отправился со своими купцами до Москвы, а оттуда до Петербурга в дилижансе… Дорогой я познакомился с старшим адъютантом генерала Алексея Петровича Ермолова, майором Николаем Александровичем Павловым, который по приезде моем и рекомендовал меня брату своему, подполковнику Алексею Алекс., женатому на родной сестре Алексея Петровича Ермолова. Из Петербурга до Москвы я опять ехал с адъютантом Павловым. В Москве мы остановились у сестер их, был у знакомых и на экзамене в университете; здесь взял у брата его ученика и прибыл 28 марта»* [3, с. 406–407].

Еще один аргумент в пользу авторства картины Н.Б. Пожарова – это место службы его господина. В 1825 г. Павлов Алексей Александрович служил в Святейшем правительствующем Синоде в должности *«находящийся за обер-прокурорским столом, камер-юнкер, член комиссии Духовных училищ, коллежский советник»* [26, с. 277]. Учеба Н.Б. Пожарова у А.В. Ступина прослеживается до 1832 г. [21, д. 636, л. 70 об.].

Нам известна качественная его картина «Портрет А.В. Бегичевой» (1834) в собрании Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского (инв. Ж-1584).

Устав школы и контракт на обучение

Именно события 1828 г., связанные с самоубийством ученика Г. Мясникова, и разбирательства по этому поводу в полиции и уездном суде побудили Ступина обнародовать «Правила нравственности и обращения, начертанныя для обучающихся Благородному живописному искусству» в доказательство надзора и правильности воспитания учеников в школе. Эти правила мы можем назвать уставом школы.

«Правила нравственности и обращения, начертанныя
для обучающихся Благородному Живописному Искусству.

1. Страх Божий яко Начало и источник всякого блага и Премудрости полагается в основание нравственности и поступков; а потому

2. Все и каждый должен как внутренно чувствовать, так и наружно поступать по-Христиански, день начинать оканчивать молитвою; работу, особенно в предметах духовных производить благоговейно. Безчинства и дерзости, оскорбительные для Религии ни под каким предлогом здесь терпимы быть не могут.

3. Все обязаны в Праздничные дни, свободные от работы, ходить на общие молитвословие ко всенощному бдению и божественной Литургии, в храме Божии стоять кротко и благочинно.

4. Вообще праздность и леность почитаются пороками непростительными и потому в определенное на работу время от всякого требуется безотлучное и тщательное упражнение в назначаемых от учителя предметах. В Праздники дозволяются свойственные возрасту учеников невинные удовольствия; но до обедень игр и резвостей отнюдь не начинать и заниматься чтением полезных книг: Духовных, исторических и нравственные сочинения. Развратительные читать запрещается. В дозволяемых после обеда некоторых так называемых гимнастических играх строжайшим образом сохранять вежливость и благопристойность, дабы удовольствия подлинно были невинны и в самой резвости благородны.

5. Учитель почитается за Отца, которому ученики как дети оказывают почтение и совершенное послушание, без воли его никто никуда не отлучается, никто не выбирает сам себе занятий, никто не входит в тайные долги и займы; да и собственностью своею не располагает. Ученикам без ведома учителя дабы непозволенное употребление денег, какие у кого могут быть, не послужило поводом к непозволенным делам.

6. Во время отлучения учителя старший ученик, избранный от него, пользуется Его Правами, и по возвращении онаго, дает отчет за себя и за поведение младших товарищей.

7. Когда удостаивают школу посещением своим Высокие особы, ученики при входе знаменитого посетителя все встают и остановясь каждый у своей работы, лицом к посетителю, и оставляют работу доколе не позволено будет сесть и работать. На вопросы отвечать вежливо и скромно. О чем не спрашивается о том им и говорить не позволяется. По сему правилу и все и по надобности, приходящие в школу, по званию и достоинствам заслуживающие уважение, принимаются учениками с надлежащею учтивостью.

8. Кротость, миролюбие, приветливость, ласковость и взаимная услужливость как добродетели, служащие лучшим украшением благовоспитываемого юноши, должны служить всем и каждому правилами общежития. Напротив, дерзость, сварливость, надменное о себе мнение, зависть без благородного к добру соревнования, явная ложь, тайная клевета или ябеда, наконец сквернословие, пороки, показывающие худое сердце, подвергаются общему презрению, навлекают, свойственное училищному заведению наказание и строжайшим образом запрещаются.

9. Ученик, обиженный или оскорбленный от товарища отнюдь не мстит или не управляется сам и детьми, не может и не хочет причиненной ему обиды снести, жалуется учителю, сей же рассматривает жалобу, выслушивает оправдание и потом или поссоренных мирит или виновного наказывает выговорами, стыдом и тому подобным.

10. Для приобучения себя к правилам честности и добродетели всякой воспитанный должен избегать вредных и опасных сообществ и всяких случаев, где попирается честь, утрачивается стыдливость и истребляется добродетель и прерывать соблазнительные связи при самом начале. Ибо по словам Св. Писания: “Беседы злые тлят обычаи благие”. С безумным безумен будешь

и со строптивым развратившимся. И ежедневным опытом доказано, что скверное обращение делает из доброго юноши в последствии времени сколько непристойную, столько и презрительную жертву развращения, от чего да избавит Бог всякого человека!

11. Паче всего избегать зловредной пьянственной страсти, ибо страсть ея всех страстей мерзостнее и опаснее. Она истощает имение до позорной скудости, уничтожает честь, расстраивает здоровье, помрачает разум, вредит искусству, и вовлекает несчастного во все гнусные пороки, иногда в ужаснейшие преступления. Доводит его до совершеной погибели и разрушая приятные надежды родителей, благодетелей и учителей сим последним наносит стыд, печаль и чувствительные огорчения.

12. Заключаются Правила сии наставлением Мудреца Богодухновенного: "Сыне! Моих законов не забывай, глаголы же моя да соблюдает твое сердце: долготу бо жития, и лета жизни, и мир приложат тебе. Обложи же я на твоей выи, и напиши я на скрижали сердца твоего: и обрящеши благодать". Притч Сол. Гл.: III. 1-3.

Академик Александр Ступин.

1809-го года Января 2-го дня. В Арзамасе» [25, д. 2051, л. 45 об.–46 об.].

Нам известны несколько контрактов, которые записывались в «Книгу для записи контрактов и договоров городового магистрата». Публикуем контракт на обучение Ивана Гавриловича Озерского. После окончания школы Ступина в 1815 г. он поступает в АХ, которую оканчивает в 1817 г. с аттестатом 1-й степени. В собрании НГХМ есть его рисунок (Гл–1564) времен учебы в АХ. Известны и несколько его рисунков 1821 г. в так называемом «остафьевском альбоме» [27]. Умер 28 января 1842 г. в Нижнем Новгороде [28, д. 1128, л. 80 об.].

«№ 17. Месяц Генуар 22 числа 1811 года.

Явил контракт Санктпетербургской ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств Академик Александр Васильев Ступин, а во оном написано так.

1811 года Генваря дня Санктпетербургской ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Художеств Академик Александр Васильев сын Ступин взял с города Сергача купеческого сына Ивана Гаврилова сына Озерского для обучения живописи исторического рода по тем самым правилам по каковым Я Сам сему художеству в упомянутой Академии обучался, то есть во первых рисовать с аргиналов с античестих голов и с натурою, а потом и самой живописи, как то, копированию с картин эстампов, а также натуры, с тем условием, что прожить ему у меня непременно впредь от вышеписанного числа всего восемь лет. Платя мне каждый год за учение, карандаши, бумагу и разные живописные материалы и пищею содержание по Сто рублей, которые и получить мне в начале каждого года. Платье верхнее и исподнее белье и обувь получить ему от своего отца. И во все оное время упомянутому купеческому сыну быть у меня в должном послушании, ведя себя как надлежит честному человеку и без воли моей никуда не отлучаться, дабы чрез сие не тратить времени, а ест ли в каком либо случае и с моего согласия он куда отпустится или по власти божии прохворает, то все оное по прошествия срочного терпимо несходя к другому зажить

без отговорочно. На каковых условиях согласясь и во уверении всего прописанного сей контракт и дал, а какою за подписанием к себе принес. В чем своеручно и подписался художник Александр Ступин. К сей записке Академик Александр Ступин руку приложил» [29, д. 39, л. 14].

День смерти А.В. Ступина

В большинстве книг и статей указывается, что умер А.В. Ступин 31 июля 1861 г., а в книгах П.В. Еремеева и Н.Ф. Филатова день смерти – 30 июля 1861 г. Путаница с датой смерти началась еще в 1861 г. Не случайно Нижегородская палата Гражданского суда, где рассматривалось «Дело об утверждении духовного завещания Академика А.В. Ступина», просит уточнить у Арзамасской градской полиции дату смерти и получает ответ в рапорте: *«Ступин помер 30 числа июля месяца и похоронен на Всесвятском кладбище»* [15, д. 10777, л. 6]. Естественно, эта дата есть и в метрической книге Духовской церкви г. Арзамаса: *«Академик и кавалер Александр Васильев Ступин умер 30 июля 1861 года в возрасте 85 лет от престарелости»* [30, д. 1, л. 227 об.].

Источники и литература

1. Арзамасская школа А.В. Ступина. Система и метод академического образования в провинции в XIX веке: Альбом. – М., 2015.
2. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 118. Оп. 26а.
3. Собственноручные записки о жизни академика А.В. Ступина // Щукинский сборник. Вып. III. – М., 1904. – С. 369–482.
4. Драницын Н.И. Кто были родители академика художника А.В. Ступина? // Действия НГУАК. Сборник. Т. XVII. Вып. III. Отд. I. – Н. Новгород, 1914. – С. 1–3.
5. Званцев М. А.В. Ступин. Арзамасская художественная школа. – Горький, 1941.
6. Еремеев П. «Я – академик и кавалер» (документы и легенды о происхождении А.В. Ступина). Подлинные родители // Арзамасская правда. – 1971. – 17 августа.
7. Корнилов П. Арзамасская школа живописи первой половины XIX века. – Л.–М., 1947.
8. ЦАНО. Ф. 60. Оп. 239а.
9. Барсуков А.П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 286. Оп. 2.
11. Малышев А.В. Соловцов Петр Степанович – отец академика А.В. Ступина (1776–1861) // Саровский летописец: материалы и статьи XI Исторической конференции (27 апреля 2016 г.). – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 70–86.
12. Записки иеромонаха Евгения // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Выпуск XLIX. Материалы для истории Тамбовской епархии Н.И. Орлова. Том 1-й. – Тамбов, 1904. – С. 237–257.
13. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1.
14. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 65. Оп. 1.
15. ЦАНО. Ф. 177. Оп. 766.
16. Седов А.В. Духовное завещание академика живописи А.В. Ступина // Вопросы истории. – 2003. – № 3. – С. 138–141.
17. Седов А.В. Как зять А.В. Ступина его школу загубил // История и культура Нижегородского края: I Музейные научные чтения, 2000 г.; 200-летие Арзамасской школы

живописи: II Музейные научные чтения, 2002 г.: сб. материалов. – Н. Новгород, 2003. – С. 312–314.
18. ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1.
19. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Литера «А».
20. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 3.
21. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559а.
22. ЦАНО. Ф. 5. Оп. 46. 1853 г.
23. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 58. Оп. 1.
24. Малышев А.В. Об архитекторах, строителях и художниках Арзамасского Воскресенского собора // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции (13 декабря 2018 г.). Вып. XV / отв. ред. В.И. Грубов; науч. ред. А.А. Исаков; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2019. – С. 49–69.
25. ЦАНО. Ф. 153. Оп. 97.
26. Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 1. – СПб., 1825.
27. Исаев А. Находка в старинном альбоме // Горьковская правда. – 1961. – 2 июля.
28. ЦАНО. Ф. 570. Оп. 4.
29. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 91. Оп. 1.
30. ГАНО, г. Арзамас. Ф. 63. Оп. 2.

УРОЖЕНЕЦ АРЗАМАСА ХУДОЖНИК ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ТУРИН

Н.А. Пакшина
Арзамасский политехнический институт (филиал) НГТУ
им. Р.Е. Алексеева, факультет машиностроения, приборостроения и
информационных технологий, кафедра прикладной математики,
кандидат технических наук, доцент
607227, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Калинина, д. 19
E-mail: Nataliapakshina@mail.ru

В статье представлены результаты исследования, посвященного известному российскому художнику-граверу Василию Степановичу Турину. В данной публикации приведены сведения о связи художника с основателем Арзамасской школы живописи А.В. Ступиным. Особое внимание уделено работам Турина, на которых запечатлена старая Казань.

Ключевые слова: *Василий Степанович Турин; биография; Казань; гравюры; художественное мастерство; XIX век.*

Впервые с работами В.С. Турина автору этих строк удалось познакомиться в 2006 г. в Казани, после приобретения в одном из книжных магазинов замечательной книги-альбома О.Г. Вербиной «Живописное путешествие по старой Казани», которая тогда только появилась на прилавках [1]. В ней представлены копии всех восьми гравюр художника, вышедших в далеком 1834 г. под названием «Перспективные виды города Казани, рисованные с натуры, литографированы и изданы В. Туриным». Кроме того, приведены три живописные работы, относящиеся к концу 20-х гг. XIX столетия, и краткая биография Василия

Степановича Турина. Но никаких упоминаний о происхождении художника там не было.

И более чем на десятилетие он оставался для автора казанским художником, гравером, одним из первых запечатлевших облик города начала XIX века. Его работы подкупали своей ясностью, простотой и особым обаянием. Пейзажи В.С. Турина, безусловно, имеют большую историческую ценность, поскольку некоторые изображенные на них здания и уголки Казани не сохранились до наших дней.

И только спустя несколько лет при детальном изучении биографии и творческого пути нашего земляка, основателя Арзамасской школы живописи Александра Васильевича Ступина, фамилия Турина встретилась автору среди родственников жены Ступина. При уточнении имени и отчества оказалось, что это тот самый художник, который увековечил многие здания и строения старой Казани.

Немало написано о том, как повлияли на Ступина в период обучения в Академии художеств его учителя – Иван Акимович Акимов и Алексей Егорович Егоров. Часто упоминается и о том, какую роль в его судьбе сыграл президент Академии Александр Сергеевич Строганов [2; 3]. Эти люди действительно много сделали для него лично и для вновь образованной школы. Но если вернуться в начало 1800 г., когда молодой, но уже женатый иконописец, отец маленького Рафаила, решился ухать в Петербург на длительное время для получения фундаментального образования, мы увидим, что во многом это решение было подготовлено советами В.С. Турина. В своих воспоминаниях, спустя почти полвека А.В. Ступин писал об этом так: *«…двоюродный брат жены моей, Вас. Степ. Турин, и прежний мой приятель, жил в Петербурге и занимался приватно в Академии; зная страсть мою к художествам, писал и советовал мне ехать в Петербург и усовершить себя в академии, и хотя известно было мне, что там все дорого, но он, знавши мою твердость и терпение, уверял меня, что я содержать себя смогу и с малым состоянием…»* [4, с. 381].

Одним из первых информацию о жизни и работах Турина опубликовал известный собиратель гравюры и лубка Д.А. Ровинский в 1895 г. во втором томе своего «Подробного словаря русских граверов XVI–XIX вв.» [5]. Немного позже к изучению его творчества обратился казанский искусствовед П.М. Дульский, обнародовав свои находки в 1914 г. в работе «Памятники казанской старины», а также в 1915 и 1916 гг., напечатав отдельные очерки [6–8]. Если обратиться к исследованиям советского периода, то информацию об этом многогранном художнике можно найти у П.Е. Корнилова [9].

В.С. Турин родился в 1780 г. в городе Арзамасе и происходил из мещан. Первоначальное образование получил в Малом народном училище. Это светское учебное заведение было открыто в 1787 г. и располагалось с западной стороны Соборной площади Арзамаса. Кстати, это училище иногда посещал и юный Александр Ступин. А породнились они в 1795 г., когда Ступин женился на Екатерине Ивановне Селивановой, дочери небогатого арзамасского мещани-

на М.В. Селиванова [4, с. 48; 2, с. 8]. Мать Екатерины Ивановны Ступиной и отец Василия Степановича Турина были родными братом и сестрой.

С 1797 г. В.С. Турин жил в Санкт-Петербурге и четыре года учился в Императорской Академии художеств. Проживал он вместе со своим отцом Степаном Ивановичем Туриным, который служил «*по городским земляным делам*» [4, с. 383]. Когда Ступин прибыл в Петербург, то он остановился и первое время жил вместе с Туриными на квартире у Казанского моста (мост на Невском проспекте через Екатерининский (ныне Грибоедовский) канал). Будущие художники тесно общались, позже Ступин так охарактеризовал человеческие качества В.С. Турина: «*Человек был искренний, независтливый и доброжелательный…*».

Занимался Турин сначала у Ивана Акимовича Акимова – российского живописца, представителя классицизма, академика и в тот период адъюнкт-ректора (1796–1799) Императорской Академии художеств. Кстати, приехавший в столицу весной 1800 г. А.В. Ступин тоже начнет свое обучение у Акимова.

Продолжал Василий Турин свое академическое образование у исторического живописца и портретиста Григория Ивановича Угрюмова. Этот педагог дал образование многим знаменитым российским художникам. Среди его учеников В.К. Шебуев, А.Е. Егоров, О.А. Кипренский. Последний учился в Академии в одно время с В.С. Туриным, и, возможно, по этой причине годы спустя некоторых из своих учеников Турин отправит учиться именно к Кипренскому.

По окончании Академии художник выехал в Казань. Там он прожил с 1802 по 1833 год. Но не будем забегать вперед и попробуем изложить факты его творческой биографии в хронологической последовательности.

Молодой художник приехал в этот красивый город на Волге для выполнения живописных работ по иконостасу холодного храма Казанского женского Богородицкого монастыря и связал свою судьбу с Казанью более чем на тридцать лет.

Поначалу он занимался преимущественно религиозной живописью, но не оставлял свою мечту о деятельности педагогической. Вскоре он подал прошение о принятии его учителем в казанскую гимназию. Но на этом пути возникло труднопреодолимое препятствие. Турин принадлежал к податному мещанскому сословию. Принадлежность к данной категории людей предполагала не только уплату подушной подати, но и выполнение рекрутской и других повинностей и даже ограничение в свободе передвижения. И резолюция на его прошении была следующей: «*Впредь не приглашать в службу людей, не исключенных из подушного оклада*» [9, с. 126]. Возможно, это было связано с тем, что в гимназиях начала XIX века контингент учащихся гимназий был представлен в основном дворянством. И только в 1810 г., будучи исключенным из мещанского сословия, он смог поступить учителем рисования в Казанское Главное народное училище и прослужил там более двадцати лет.

Это учебное заведение было открыто еще в 1786 г. Такие училища были по одному в каждом губернском городе. Главное училище являлось четырехклассным с пятилетним курсом обучения (в последнем классе обучение было

двухгодичным). На подобные учебные заведения возлагалась задача подготовки учителей для малых (уездных) училищ. Основным источником финансирования училищ являлись средства местных благотворителей, так как расходы государства на содержание учебных заведений были минимальными [10]. Позже Турин организовал свою школу живописи и рисования, выпускники которой стали учителями в средних учебных заведениях Казанского учебного округа.

В 1815 г. он был признан «*назначенным*» в академики за картину «Св. ап. Андрей, ведомый на пропятие». Но получить это звание ему было не суждено. Дважды присылал он свои картины в Академию (последний раз в феврале 1817 г.), оба раза ему было отказано.

В 1817 г. он отправил в Академию картину на звание академика по заданной от Совета программе, представляющую «Явление Иисуса Христа Марии Магдалине по его воскресении». На это последовало следующее определение: «*Поручить Г. Конференц-Секретарю отвечать учителю Турину, что в нынешнем году не было торжественного собрания Академии, а потому и производств в Академические чины не было же; дав притом ему на замечание, что работа его не была найдена Советом таковою, чтобы он мог по оной иметь нужду когда-либо получить звание Академика*» [11, с. 82, 83.]. Безусловно, это был сильный удар по самолюбию художника.

Посылая свое произведение, В.С. Турин не учел такой немаловажный факт, что время было более чем неблагоприятное. Именно в период с 1811 по 1817 год Академия функционировала без президента. А.С. Строганов на тот момент был уже покойным, а А.Н. Оленин станет президентом только в мае 1817 г. Возглавлял Академию вице-президент П.П. Чекалевский (1811–1817). При нем она пришла в упадок, а количество лиц, ежегодно избираемых в академики, в среднем уменьшилось в три раза, по сравнению с тем временем, когда во главе стоял А.С. Строганов [12, с. 159].

Это сейчас нам доступна статистика по присвоению академических званий, а В.С. Турин, проживавший в то время в Казани, вряд ли был в курсе. В первой половине 1817 г. происходила смена власти, и работавшим в Академии людям было просто не до Турина, поэтому в тот год не создавалась специальная комиссия и никого не производили в академики. Кроме того, возможно, одной из причин являлось и то, что профессор Иван Акимович Акимов к тому времени уже умер, а ведь именно он, имея большой авторитет в Академии, обычно активно и успешно хлопотал за своих воспитанников. В целом, 1817 г. был очень тяжелым для Василия Степановича, в этом году скончался его отец. Но художник с головой уходит в работу, прежде всего, в реставрацию собора Петра и Павла.

Собор Петра и Павла в Казани – памятник барокко начала XVIII века, возведенный в честь пребывания в городе Петра I. Этот красивейший храм в центре города украшен снаружи растительным орнаментом и выглядит ярко и празднично. Петропавловский собор и его шестиярусная колокольня доминируют над городом даже сейчас, при наличии высотных зданий [13, с. 66]. За историю существования храма он и его убранство неоднократно повреждались

пожарами. Естественно, что после них собору требовалась реставрация, и Турина, уже снискавшего известность мастера церковной живописи, приглашали ею заниматься.

Храм сильно пострадал во время страшного городского пожара 3 сентября 1815 г., в результате чего была серьезно повреждена нижняя часть собора – Сретенский храм: сгорели иконы малого иконостаса. Начиная с 1817 г., в восстановительных работах принимал активное участие коллежский регистратор Василий Степанов Турин. Он подновил 20 икон в иконостасе нижнего храма [14]. Реставрация проводилась несколько лет. Торжественное освящение обновленного храма состоялось 19 июня 1821 г., но в 1824 г. случится еще один пожар.

После пожара 1824 г. Василий Степанович снова был привлечен к реставрационным работам. Он восстанавливал некоторые поврежденные иконы в иконостасе и трапезной части храма. Но главное – «*титулярный советник Василий Степанов сын Турин*» занимался восстановлением внешней росписи, украшающей собор, а точнее, многочисленных наружных икон на железных листах снаружи храма.

Говоря об иконах, выполненных В.С. Туриным, нельзя не сказать о Крестовоздвиженской церкви Казанского университета, расположенной внутри здания университета, на втором этаже, над главным входом. Этим он занимался в 1822–1823 гг. Художник написал для нее несколько икон и хоругви с иконами Казанской Божией Матери, св. Антония, св. Александра Невского и Воздвижения Честного Креста.

Кроме того, как было упомянуто ранее, он расписывал иконостас Холодного храма Богородицкого монастыря. Это православный монастырь Казани, место обретения Казанской иконы Божьей Матери.

В 1820-х гг. Василий Степанович начинает работать как гравер. Например, он принимает участие в подготовке к изданию альбома «Архитектурные чертежи развалин древних Болгар. Сняты с натуры в 1827 г. архитектором А. Шмитом» [15, с. 32]. Кстати, *«этого редчайшего издания известно всего только два экземпляра»*, и один из них находится в Национальном архиве Республики Татарстан [16, д. 5]. В данном проекте он создавал эстампы по рисункам, чертежам и планам, подготовленным казанским губернским архитектором А. Шмитом, последующие работы в технике литографии он выполнял уже по собственным рисункам.

В.С. Турин создает 14 литографий под общим названием «Собрание разных священных изображений в церковной живописи употребляемых», которые позже, в 1834 г. издаст в Санкт-Петербурге как альбом. Он был многогранным художником, и его творчество не ограничивалось исключительно православной тематикой. Например, им были созданы «*8 гравюр, в лист, в вышину, которые гравированы рулеткою и лависом*», с изображением греческих богов Меркурия, Психеи, Фавна, Геркулеса, Флоры, Меркурия, а также воина и человеческого скелета [5, с. 1034]. Но наиболее известной серией литографий Турина являют-

ся «Перспективные виды города Казани», напечатанные в Москве в литографии А.С. Ястребилова.

В 1833 г. В.С. Турин покидает Казань. Причины, побудившие или вынудившие его покинуть ставший родным город, не известны, как и дальнейшая судьба.

Таковы основные вехи жизни и творчества художника начала XIX столетия Василия Степановича Турина. Его работы тематически можно разделить на иконопись, картины греческой мифологии и городские пейзажи. В свое время Турин был достаточно широко известен, не случайно достоинства его работ были отмечены Обществом поощрения художеств.

Интерес к творчеству этого мастера у наших современников не угас. Например, в 2014 г. казанская художница Вера Карасева издала альбом «Перспективные виды города Казани, рисованные с натуры в 1834 и 2014 годах», в котором воспроизведены листы XIX века и ее собственные работы, выполненные с использованием глубокой печати. Кроме этого, в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан была организована выставка «Диалог. Василий Турин – Вера Карасева», на которой представлены как литографии В.С. Турина, так и офорты В. Карасевой, и прошла презентация нового альбома [17]. Все эти мероприятия были приурочены к 180-летию со дня выхода альбома В.С. Турина.

Обратим внимание на то, что с «легкой руки» искусствоведа П.М. Дульского, т.е. сто лет тому назад и по сей день, его называют казанским художником. Да, действительно казанский период его жизни был не только продолжительным, но и очень плодотворным. Как художник он состоялся именно там и поэтому, прежде всего, в Казани он не забыт. Но хотелось бы, чтобы и жители Арзамаса знали о своем земляке и гордились им.

Источники и литература

1. Вербина О.Г. Живописное путешествие по старой Казани. – Казань: Заман, 2006.

2. Филатов Н.Ф. Арзамасская школа живописи академика А.В. Ступина: 200-летию открытия шк. посвящ. / Н.Ф. Филатов; Арзамас. гос. пед. ин-т им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2002.

3. Помыткина Л.И. Президент Академии художеств А.С. Строганов и его роль в судьбе А.В. Ступина // История и культура Нижегородского края; I Музейные научные чтения 2000 г.; 200-летие Арзамасской школы живописи; II Музейные научные чтения 2002 г.: сборник материалов. – Н. Новгород, 2003.

4. Собственноручные записки о жизни академика А.В. Ступина // Щукинский сборник. Вып. III. – М., 1904. – С. 392–482.

5. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. / сост. Д.А. Ровинский. Том 2. К–Я. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1895. – С. 1034–1036.

6. Дульский П. Памятники казанской старины. – Казань: Издание С.В. Соломина, 1914.

7. Дульский П.М. Василий Турин, казанский художник XIX века // Старые годы. – 1915. – № 12.

8. Дульский П. Василий Турин, казанский художник начала XIX века. – Казань: Типолит. Имп. ун-та, 1916. – 24 с.

9. Корнилов П. Арзамасская школа живописи 1-й половины XIX в. – М.-Л.: Искусство, 1947. – С. 126–127.

10. Ибнеева Г.В., Кинзябулатова Г.Р. Начало школьной реформы в Казанском наместничестве (1786–1788 гг.) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155 – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 79–86.

11. Сборник материалов для истории Имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования / Изд. под ред. П.Н. Петрова и с его примеч. Ч. 2. 1811–1843. – СПб., 1865.

12. Островский О.Б. А.Н. Оленин и Академия художеств в 1817-1825 годы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2005. – № 11. – С. 154–168. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/a-n-olenin-i-akademiya-hudozhestv-v-1817-1825-gody (дата обращения: 25.03.2019).

13. Соколов С. Казань. Портрет в стиле импрессионизма. 2-е изд., доп. – Казань: Отечество, 2011.

14. Федотова О.В. Петропавловский собор – главный памятник петровской эпохи в Казани: прошлое, настоящее, будущее // Материалы VII Международного петровского конгресса «Петровские памятники России и Европы: изучение, сохранение, культурный туризм», 5–7 июня Санкт-Петербург, 2015. – URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/_go/anonymous/print/?id=14992&type=article (дата обращения: 20.07.2019).

15. Абдуллин Х.М., Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдиков А.Г. Музей болгарской цивилизации. Т.3. Открытие древнего Болгара. – Казань: Главдизайн, 2016.

16. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 200. Оп. 1.

17. В ГМИИ РТ презентуют альбом с видами города Казани, рисованными с натуры в 1834 и 2014 гг. // ИА «Татар-информ». – URL: https://www.tatar-inform.ru/news/2014/12/09/433878 (дата обращения: 20.07.2019).

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АССИРИЙСКОЙ ДИАСПОРЫ НИЖЕГОРОДСКОГО РЕГИОНА: ВЫХОДЦЫ ИЗ ОБЛАСТИ ДЖИЛУ (ПЛЕМЯ-МИЛЛЕТ ДЖИЛЬВАЯ)

С.С. Михайлов

Независимый исследователь, г. Москва

E-mail: mesherdkray@mail.ru

С 1920-х гг. в ряде городов Нижегородской области известна небольшая диаспора ассирийцев, также известных под названием «айсоры». Ассирийцы региона в основном представляют собой потомков беженцев времен Первой Мировой войны, спасавшихся от геноцида, развязанного в отношении христианского населения на востоке Турции. При изучении ассирийской диаспоры весьма важным моментом является выяснение вопроса, из каких локальных групп она формировалась. В статье автор рассматривает роль в формировании указанной диаспоры локальной группы выходцев из горной области Джилу (племя джильвая).

Ключевые слова: *ассирийцы; диаспора; город; Алсан; Джилу; выходцы; расселение.*

С 1920-х гг. на территории Нижегородской (Горьковской) области проживает небольшая диаспора ассирийцев, в литературе (в т.ч. и научной) иногда неправильно именуемых этнонимом «айсоры». Как и в большинстве других регионов Центральной России, в рассматриваемом регионе ассирийцы оказались после Первой мировой войны и являют собой потомков волны беженцев-

христиан, обитавших ранее на юго-востоке Турции и северо-западе Ирана, спасавшихся на русской территории от геноцида.

В данной работе нам хотелось бы коснуться участия в формировании диаспоры выходцев из одной из локальных групп ассирийцев-горцев, живших до 1915 г. в горах Хяккяри, в Турецком Курдистане – населения области Джилу, где проживало племя-миллет джильвая. Последние в ходе миграций, явившихся следствием исхода из мест традиционного проживания, вызванных трагическими событиями 1915–1918 гг., приняли заметное участие в формировании ассирийских диаспор Российской Федерации, в том числе и Центральной России. К началу XX века ассирийцы (восточные сирийцы, айсоры, сирохалдеи, несториане), жившие в Ванском вилайете Турции и на сопредельных землях северо-западного Ирана (Урмия, Салмас и др.), делились на порядка двух десятков локальных групп, разных по своему социальному и иному статусу (зависимые-райя, независимые-аширетные), которые в русском варианте чаще всего именуются «племенами», а от ассирийцев-старожилов иногда до сих пор можно услышать их наименование термином «миллет». Хотя на территории Нижегородского региона джильвая были в меньшинстве внутри местного ассирийского сообщества, мы, опираясь на некоторые (пусть и скудные) сведения, считаем их одной из старейших групп ассирийцев региона, начавших селиться здесь еще до событий 1914–1918 гг. В более позднее время здесь стали доминировать группы ханса, барварная и нудызная, выходцы из других ассирийских регионов Ванского вилайета Турции. Однако нас интересуют в данном случае джильвая как пусть и редкая в регионе, но весьма важная в плане формирования российской диаспоры группа.

Специфика работы с историей российских ассирийцев заключается, прежде всего, в том, что основной объем информации может быть получен большей частью в ходе полевой работы, т.е. непосредственной работы с ассирийцами-старожилами, владеющими исторической памятью своих групп. Во многом данная работа опирается на полевые материалы автора, собранные в 1992–2019 гг. Из опубликованного на данный момент важным источником является работа лучшего современного исследователя истории своего народа на территории бывшего СССР, заведующего библиотекой Санкт-Петербургской духовной академии, архимандрита Стефана (Садо), посвященная репрессированным ассирийцам. В книге мы видим и арестованных преимущественно в 1938 г. в тогдашнем Горьком и некоторых городах Горьковской области: Бор, Арзамас, Семенов, Лукоянов [1, с. 55, 99, 207, 325, 401, 608 и др.]. В фундаментальном издании Садо мы видим 6 репрессированных в г. Бор, 2 – в Арзамасе, 1 – в Семенове, 1 – в Богородске (здесь в конце 1940-х гг. был вторично арестован репрессированный ассириец, попавший в предыдущую волну 1938 г. в самом Горьком), 1 – в Лукоянове, а также более трех с половиной десятков человек в самом тогдашнем городе Горьком [1, с. 54,114, 131, 169, 536, 638, 644 и др.]. Однако все это явно надводная часть айсберга. После выхода книги Садо выявил немало новой информации по репрессированным соплеменникам, часть

из которой он сообщил автору, и она также использована при написании данной работы с разрешения отца Стефана со ссылкой на него.

Мы не знаем, когда в Нижнем Новгороде появился первый ассириец, а также когда кто-то из представителей этого народа первым осел здесь на постоянное проживание. Учитывая торгово-промышленное значение города, его привлекательность, это могло произойти уже во второй половине XIX столетия. В книге Садо мы встретили упоминание об Абраме Ивановиче Петрове, 1863 г.р. – уроженце Урмии, который уже в 1879 г. оказался в России. Вначале он жил в Тифлисе, где существовала большая диаспора ушедших в Россию ассирийцев, а потом перебрался в Нижний Новгород. Когда произошло переселение, Садо не сообщает, но это могло произойти не позже начала 1910-х гг. Двадцать лет Петров работал слесарем на Сормовском заводе, после чего уволился по болезни в 1933 г. У него власти отобрали дом, он в летнее время занимался ставшей традиционной для ассирийских беженцев чисткой обуви, а зимой ходил по деревням, выпрашивая хлеб и продукты. Но главным промыслом Петрова стал сбор пожертвований «на Иерусалим», которым «благочестивый странник» чаще всего занимался в одном из районов соседней Марийской АССР. За этим занятием он и был арестован в 1938 г. и умер в тюремной больнице [1, с. 479].

Судя по сведениям, приведенным в книге отца Стефана, местами рождения репрессированных в конце 1930-х гг. горьковских ассирийцев в четырех случаях значится Хананис (ассирийский миллет ханса), в трех случаях – область Нудиз (миллет нудызная), а конкретно – селения Марванан и Чигирли, в одном случае – область Барвар (миллет барварная), в шести случаях – город Ван (здесь следует понимать его просто как центр Ванского вилайета Турции, из которого происходили выходцы практически всех турецких ассирийских групп) [1, с. 114, 155, 156, 264, 297, 305, 364, 383, 536, 643, 644]. Касательно территории Персии (Ирана), то в одном случае мы видим иранский город Салмас, в двух – город Дильман, а в десяти – Урмию, иногда с указанием какой-нибудь местной ассирийской деревни [1, с. 54, 131, 190, 221, 247, 287, 292, 343, 344, 450, 512, 518, 522]. По городам в Горьковской области, в Лукоянове Садо показывает нам одного уроженца Урмии (с пояснением, что на деле он происходит из области Барвар), в Семенове – уроженца Урмии, в городе Бор – двух выходцев из Урмии, двух – из города Ван, одного выходца из села Марванан, в области Нудиз [1, с. 55, 237, 257, 325, 588, 608]. В «иранском» случае чаще всего (особенно когда у репрессированного мы видим занятие чисткой обуви, в которой были задействованы именно представители турецких ассирийских групп) Урмия, Дильман и другие места появлялись в паспортах беженцев следующим образом. Ассирийцы уходили в 1915 г. от резни через северо-западный Иран, где в то время стояли русские войска. Персидские власти, исконно претендовавшие на сопредельные турецкие территории, воспользовались моментом и щедро раздали беженцам-христианам, у подавляющего большинства которых до этого вообще не было никаких документов, свое гражданство. Для получения паспорта, для записи в нем желательно было назвать какое-то предполагае-

мое место рождения в этой стране. Чаще всего называлась именно Урмия как наиболее известное место проживания иранских ассирийцев, реже – какие-то иные места. Таким образом, за мнимым иранским происхождением здесь явно скрывается какая-то ассирийская область в Турции, применительно к Нижнем Новгороду-Горькому – чаще всего тот же Хананис, Нудиз, Барвар или какая-то другая, менее представленная в городе ассирийская группа (гяварная, дизная и т.п.). За указанием города Ван также скрыты какие-то местности в южной части его вилайета, в санджаке Хяккяри.

Но мы в данной работе намерены рассказать не обо всех группах ассирийцев и не обо всех известных (в т.ч. и репрессированных) персоналиях в Нижнем Новгороде и области. Мы остановимся лишь на одной из интереснейших групп, присутствовавших в регионе. Горная местность Джилу, лежавшая в труднодоступных горах Хяккяри, в Турецком Курдистане, как показывают ассирийские источники, является достаточно старым регионом, игравшим важную роль в истории и религии современных ассирийцев (восточных сирийцев). К началу XX века территория области Джилу была поделена между двумя самостоятельными княжествами-маликствами – Большой Джилу (Джилу Горта) и Малой Джилу (Джилу Сорта), в каждом из которых правили свои малики. По рассказам старожилов-джильвая, последнее маликство также именовалось «Иштазн», от слова «ишта» («шесть»), поскольку изначально в него входило всего шесть сельских обществ. В среде джильвая также выходцев из Джилу Сорта и их потомков нередко именуют термином «иштазная», «иштазна». Но по сведениям В. Маевского – русского вице-консула в городе Ван, побывавшего в «Земле аширетных (т.е. независимых) несториан», в т.ч. и в Джилу в конце 1890-х гг., в оба маликства рассматриваемой области входило по восемь населенных пунктов [2, с. 4; 3, Приложения, с. 80].

Как и представители других ассирийских горских групп, джильвая уже в конце XIX века в качестве отходников навещали города Центральной России, где у них существовали своеобразные «подворья», упоминаемые В. Маевским [3; Приложения, с. 85]. Мы полагаем, что места подобных отхожих заработков впоследствии повлияли и на географию расселения групп ассирийских беженцев уже после 1918 г., в т.ч. и на формирование нижегородских диаспор.

Одной из наиболее многочисленных локальных групп выходцев из Джилу, представленных в городах России, являются потомки выходцев из села Алсан (группа аласная). С 1920-х гг. они создали две большие (по меркам рассматриваемой диаспоры) общины в Москве и Казани, насчитывающие по несколько десятков семей каждая. Кроме того, они расселились небольшими группами (по несколько семей) по многим городам вокруг Москвы – в Подольске, Серпухове, Туле, Рязани, Орле, Коломне, Ряжске, Твери, Ярославле, Рыбинске, Кинешме, Муроме и др. Москва и Казань стали двумя центрами, на которые сразу же сориентировались остальные небольшие общины, в зависимости от географического положения – из городов, разбросанных вокруг Москвы, например, на традиционные праздники и т.п. аласная приезжали в столицу. Жи-

тели Кинешмы, Ряжска и некоторых других городов оказались более ориентированными на Казань, куда, со временем, перебрались многие местные семьи.

Как видно по биографиям некоторых репрессированных аласная, идентифицированных по более-менее точным местам рождения (у большинства ассирийцев, даже турецких, там чаще всего значится иранская Урмия, «возникшая» при получении иранских документов), кого мы встречаем в книге отца Стефана (Садо), а также по материалам этого исследователя, не вошедшим в книгу и выявленным им в последнее время (сообщены автору архимандритом Стефаном лично), представители этой группы в качестве отходников посещали города Центральной России и в начале XX века. Явно кто-то из них даже оседал в том или ином городе, и среди таких мест однозначно был и крупный промышленный и торговый центр Нижний Новгород. Однако в более поздний период здесь по непонятной причине число аласная (да и джильвая вообще) насчитывалось не более нескольких семей, и фактически особой роли в городском ассирийском сообществе они не играли. Кроме выходцев из села Алсан, старожилы называли уроженцев селения Самсики, входившего в состав маликства Малая Джилу, которых также было весьма мало. К сожалению, выходцев из этого селения оказалось крайне мало и считанные их семьи известны, помимо Нижнего Новгорода, в Кимрах, Дмитрове, Мытищах (пос. Перловка). Группы быстро оказались размыты, в плане исторической памяти и иной специфики, другими группами. Автору, неоднократно слышавшему о них от других старожилов, за многие годы исследований так и не довелось встретить их потомков. Если они были в самом Нижнем Новгороде, то определенные семьи, возможно, и до обмена иранских паспортов на советские в начале 1930-х гг. и выезда многих беженцев в этот период из страны, могли обосноваться и в каких-то пунктах области.

Как показывают некоторые моменты из биографий репрессированных аласная, фигурирующих у отца Стефана (Садо), ряд городов Верхнего Поволжья, включая и сам Нижний Новгород, навещали не только рядовые уроженцы Аласана, но и представители семейства, правившего этим селом до 1915 г., а потом продолжавшего влиять на жизнь представителей этой группы, оказавшихся в России. Члены семьи известны под фамилией «Тома» (диалектное от «Тума» – Фома). В Муроме в 1938 г. были репрессированы два младших сына малик-раиса этого села – Бела и Авика Тома. Другие члены семейства в 1916 г. уже краткое время жили в Орле и Рыбинске, что говорит о знании ими этих городов и наличии там обосновавшихся еще до трагедии родственников [1, с. 550–551]. Главой семьи был малик-раис Зайя Нази, фигурирующий также как Димко Тома, а после нелегального возвращения в СССР – как Захар Афанасьевич Биткаш. Малик-раис (раис) в среде ассирийцев-горцев представлял собой полувыборного-полунаследственного лидера сельской группы, происходившего из самой почитаемой семьи в последней – так скажем, что-то среднее между сельским старостой и мелким князьком. У независимых аширетных («би-ашират») ассирийцев, к коим относились и джильвая, малик-раисы подчинялись непосредственно маликам – главам племен-аширетов. До 1930 г. глава

группы аласная жил среди большой группы соплеменников в Москве, в районе Белорусского вокзала. Затем, видимо за «вредное влияние» на своих подопечных односельчан, создание помех в «приобщении» их к советскому образу жизни и попытки воспроизведения в советской столице горских порядков, его самого и одного из старших сыновей, Камбара Рустам-оглы, выдворили в 1930 г. в Иран, паспорта которого были у них на руках. Раис с сыном в том же году нашли возможность перейти границу и вернуться назад. После нелегального возвращения раис Зайя Нази и его сын Камбар до своего ареста в 1938 г. в городе Юрьевец Ивановской области, по сведениям, обнаруженным в 2018 г. отцом Стефаном (Садо) и предоставленным автору, несколько лет меняли места жительства, проживая под чужими именами, в т.ч. в Выксе и Богородске Горьковской области. Явно лидер аласная и его сын скрывались у своих соплеменников и односельчан и явно Выкса и Богородск здесь являются далеко не полным списком нижегородских (горьковских) городов и весей, где два указанных человека могли проживать, время от времени меняя дислокацию. Сюда, кстати, мы должны включить и Муром (до августа 1944 г. он входил в состав Горьковской области), где с 1926–1930 гг. жили два младших сына раиса. Муром также фигурирует в списке мест, где Зайя Нази с сыном бывали в первой половине 1930-х гг. Раис и его сын могли какое-то время скрываться у соплеменников-односельчан в самом Горьком – большой город для беглецов был куда более безопасным местом, в котором легче было скрываться, нежели в небольшом городке. Но подтверждений того, бывал ли Зайя Нази после 1930 г. в областном центре, мы пока не знаем. Кстати, в Гусе-Хрустальном, по предоставленным автору отцом Стефаном (Садо) сведениям, с 1928 г. проживал аласная Адино Абрамов, арестованный в 1938 г. В качестве его супруги фигурировала Сава-Ануш Тома – явно представительница того же семейного клана.

Помимо членов семейства Тома, на достаточно раннем этапе про города России знали представители семьи Гиворгиз, четыре члена которой были в 1938 г. репрессированы в Казани. Фамилия, являющая собой ассирийский (восточно-сирийский, ново-арамейский) вариант имени «Георгий», в разных, мало отличающихся друг от друга вариантах (Геворгиз, Геворгизов, Гиворгизов, Геваргизов, Бит-Геваргиз и т.п.) весьма распространена, как и само данное мужское имя, в ассирийской среде. Упоминавшаяся же выше фамилия «Тома» – явление достаточно редкое. Нас в данном случае интересуют только «Гиворгизы» – близкие родственники, члены одной большой семьи, к 1938 г. оказавшейся в Казани. Как минимум два человека, упоминаемых в книге Садо, проживали в Нижнем Новгороде. Николай Авру Гиворгиз, сразу после перехода в 1916 г. российской границы направился в Нижний, где жил до 1918 г., а его племянник Василий Давидович Гиворгиз даже родился здесь в 1918 г. Кстати, члены этого семейства также уже на раннем этапе перебирались в Рыбинск, Орел и ряд других традиционно «аласнайских» городов [1, с. 257–258]. В это время основная масса аласная, что видно и по биографиям большинства репрессированных представителей группы, находилась в Екатеринодаре (нынешнем Краснодаре). В города Центральной России, прежде всего в Тверь, Владимир, Козлов (Мичу-

ринск), Рыбинск, Орел и, как мы видим, Нижний Новгород, сразу направлялись только те, кто знал эти места и (что куда более важно) у кого здесь уже жили какие-то родственники. То, что отходников из Джилу привлек такой большой и развитый город, является вполне естественным. Скорее всего, здесь, как и в Москве и ряде других мест, джильвая создали своеобразное подворье, типа тех, что были описаны Маевским.

Если уроженцы села Алсан проживали в Нижнем Новгороде и Муроме, а также в Коврове, Владимире, Гусе-Хрустальном, то они вполне могли оказаться, по пути из одного города в другой, в том же Арзамасе. К сожалению, сведения о репрессированных ассирийцах Нижегородского края, а также воспоминания старожилов – представителей других групп не дают нам об этом никаких сведений. В книге Садо упомянуты двое арестованных в Арзамасе, но у одного из них (С.Д. Давыдова) местом рождения показан абстрактный «г. Ван», т.е. фактически – обобщающее «Ванский вилайет», у второго (П.Ш. Александрова) – еще более абстрактная иранская Урмия, взятая из официального паспорта [1, с. 99, 277]. В более подробных сведениях, которые Садо сообщил автору, с местом рождения Пелиуса Шлемовича Александрова поясняется, что он родился в селе Ангар, в Урмии. Однако поскольку этот ассириец занимался чисткой обуви, он явно принадлежит не к урмижная, а к одной из горских групп. Если те же аласная или другие джильвая проживали в том или ином городе до какого-то этапа, а затем выехали или в другой город, или же вообще в начале 1930-х гг. покинули страну, не оставив здесь родственников, то найти о них какие-либо сведения крайне сложно.

По информации, которую мы встречаем в книге Садо, на каком-то этапе в Выксе известен как минимум один уроженец села Зирини, бывшего до 1915 г. резиденцией маликов Большой Джилу. Это Иосиф Барыкша Саврышев, который, как видно из его биографии, проживал в этом городе и работал здесь почтальоном в 1929–1930 гг., в промежутке между двумя московскими периодами жизни [1, с. 498]. К сожалению, больше про выксунский период его жизни, равно как про обстоятельства попадания его в этот город, мы не знаем. Группа зерная, в отличие от своих соплеменников аласная, в небольшом числе оказались в России и вскоре были в значительной степени ассимилированы более многочисленной группой земляков. В Москве, к примеру, по оценочным данным самих представителей зерная, их сейчас не более трех семей, тогда как семьи аласная до сих пор насчитываются многими десятками. Выходцы из Зирини также в небольшом числе известны в Санкт-Петербурге, Рязани, Мичуринске, Саранске и, возможно, в ряде некоторых других городов, где они также проживали бок о бок с аласная, почему быстро подвергались ассимиляции последними. Если между потомками утрачены родственные связи, то реконструировать в наше время расселение группы в прошлом, собрать иную информацию о ней практически невозможно. Учитывая проживание одного зерная в Выксе, мы можем предположить, что здесь жило как минимум несколько семей. Зная о том, что малик-раис из другого села Джилу Горта, после нелегального возвращения вместе со старшим сыном в СССР, скитался по городам запада обла-

сти, включая ту же Выксу, а также Богородск, мы можем предположить, что в тех местах он также мог скрываться у вызывавших доверие соплеменников, однозначно джильвая и предположительно уроженцев или Алсана, или Зирини. В той же Москве уроженцы последнего селения селились рядом с аласная – тот же Саврышев не был исключением.

Работа, прежде всего полевая, по выяснению исторической памяти потомков выходцев из области Джилу, начатая автором фактически еще в самом начале изучения российской ассирийской диаспоры в 1992 г., продолжается. Мы надеемся, что в дальнейшем будут выявлены и введены в научный оборот новые сведения о ней, в т.ч. и о джильвая, которые с 1920-х гг. имели какое-то отношение к Нижегородскому региону.

Источники и литература

1. Садо С. Мартиролог ассирийцев СССР (1920–1950-е годы). – СПб., 2017. – 706 с.

2. Кожунов С. История Джилу // Ассирийские новости (Запорожье). – 2018. – Июнь (№ 55). – С. 4.

3. Маевский В.Т. Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов. – Тифлис, 1904. – 842 с.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ЭКСПОНАТА: ПЕПЕЛЬНИЦА «БАШМАК» ОТ М. ГОРЬКОГО

Т.В. Казнина

Литературно-мемориальный музей А.П. Гайдара г. Арзамаса Нижегородской области, Отдел Мемориальный музей А.М. Горького, старший научный сотрудник

607220, Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 17

E-mail: arz-gorkii@yandex.ru

В статье раскрывается история пепельницы в виде башмака, заказанной на Сормовском заводе для М. Горького почитателями таланта писателя. Рассказывается о людях, которые сумели сберечь этот уникальный предмет, ставший впоследствии музейным экспонатом.

Ключевые слова: *пепельница «Башмак»; Арзамас; М. Горький; 1902 г.; Сормовский завод; Д.М. Корнилов; Е.К. Чайковский.*

В 1982 г. в Арзамасе в доме, где жил русский писатель, открылся мемориальный музей М. Горького. Основу музея составляют мемориальные вещи, принадлежавшие семье писателя и его окружению. Музей собирает их, хранит, изучает и экспонирует, раскрывая заложенный в них информационный и эмоциональный потенциал. Так, в экспозиции музея М. Горького можно увидеть немало интересных предметов, у каждого из которых своя необычная история. Некоторые из них овеяны многочисленными легендами и хранят память о своем владельце. Каждый экспонат достоин внимания и по-своему уникален, явля-

ясь источником и подлинным свидетельством пребывания М. Горького в Арзамасе.

Среди экспонатов музея можно выделить пепельницу в виде стоптанного башмака, которая рассказывает об одном интересном факте из биографии писателя. Лето 1902 г. М. Горький проводил в арзамасской ссылке. Это было время, когда он работал над пьесой «На дне», принесшей ему впоследствии всемирную славу. Увлекшись работой, Алексей Максимович не заметил, что наступил 10-летний юбилей его литературной деятельности (1892–1902), но о юбилее вспомнили его нижегородские друзья: Штюрмеры, Малиновские и Щербаковы. Кому из них пришла в голову идея преподнести писателю такой подарок, сказать сейчас невозможно. Но стоптанный старый башмак стал символом странствий М. Горького по Руси, а истоптал писатель не одну пару башмаков. Поэтому нижегородцы, чтобы поднять настроение писателю, заказали на Сормовском заводе и привезли в Арзамас десять металлических пепельниц в виде стоптанного башмака. Их количество соответствовало юбилейной дате.

Несколько пепельниц М. Горький подарил своим новым арзамасским знакомым. Среди них был и учитель Дмитрий Михайлович Корнилов (1862–1944), преподававший в то время в Кирилло-Мефодиевском приходском училище. А с 1889 г. он трудился в бесплатной городской библиотеке в качестве заведующего [1, д. 2, л. 36–37]. О приезде М. Горького в Арзамас Дмитрий Корнилов узнал за несколько дней, и с большим нетерпением стал ждать дня, когда сможет с ним познакомиться. Знакомство с писателем состоялось в доме инспектора народных училищ А.М. Храброва [2, с. 2]. Позднее они часто встречались, много беседовали о литературе. В один из таких дней М. Горький подарил Д. Корнилову на память об их знакомстве пепельницу «Башмак». Долгие годы учитель хранил у себя эту реликвию. Спустя много лет он передал ее своему другу – Казимиру Иосифовичу Чайковскому (1888–1938).

Семейство Чайковских прибыло на арзамасскую землю из Белоруссии. Глава семьи, Казимир Иосифович, был по профессии агрономом. С 1926 г. он работал землемером и состоял членом уездной земельной комиссии [3, д. 1186, л. 67]. Позднее избирался членом Арзамасского горсовета. В последние годы жизни он был землеустроителем при районном земельном отделе [3, д. 968, л. 9]. В ноябре 1937 г. для семьи Чайковских настали «черные дни». Неожиданно для всех 18 числа был арестован и заключен в тюрьму Казимир Чайковский. Вскоре «тройка» вынесла приговор – ВМН (высшая мера наказания – расстрел). Через три месяца, 20 января 1938 г. приговор был приведен в исполнение [4, с. 521]. Семья долгое время ничего не знала о его судьбе. В документах ЗАГСа 21 марта 1945 г. была сделана следующая запись: *«Док. ф. ПРО АЭ 611238»*. Вероятно, тогда жена и сын Казимира Иосифовича Чайковского узнали о его смерти. Реабилитирован он был в 1956 г.

После смерти отца хранителем пепельницы «Башмак» стал сын К.И. Чайковского – Евгений, который являлся одним из учеников Д.М. Корнилова. Он мечтал стать учителем и после окончания школы поступил в Арзамасский учительский институт. Когда началась Великая Отечественная

война, его призвали в действующую армию. Вскоре Евгения Чайковского зачислили в 145-ю стрелковую дивизию, 403-й стрелковый полк. В одном из боев он был тяжело ранен, а затем оказался в госпитале № 2823 в Арзамасе, где пробыл до сентября 1942 г. Именно в это время, находясь в Арзамасе, Евгений Чайковский навещал своего старого учителя Д.М. Корнилова, слушал его рассказы о встречах с писателем М. Горьким.

И снова фронт. Евгений прошел всю войну, участвовал в освобождении Варшавы и взятии Берлина. За доблесть и мужество был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, орденом Славы 4-й степени и многими боевыми медалями. Вернувшись с фронта в Арзамас, он узнал, что его учитель не дожил до Победы всего несколько месяцев.

После войны Евгений Чайковский решил поступить учиться в Горьковский педагогический институт на филологический факультет. После окончания учебы вернулся в родной город, где преподавал в школе русский язык и литературу.

В 1982 г. на открытии музея М. Горького Е.К. Чайковский передал пепельницу «Башмак» в дар музею. Так, спустя восемьдесят лет пепельница М. Горького вернулась к писателю, став одним из уникальных экспонатов мемориального музея.

Источники и литература

1. Государственный архив Нижегородской области, г. Арзамас (далее – ГАНО, г. Арзамас). Ф. 41. Оп. 1.

2. Корнилов Д.М. Воспоминание о Горьком // Арзамасская правда. –1936. – 21 июня. – № 143.

3. ГАНО, г. Арзамас. Ф. Р-23. Оп. 1.

4. Книга памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области. – Н. Новгород: Нижегородский печатник, 1997. – Т. 1.

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ. ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СЕМЬИ ГОЛИКОВЫХ

М.Ф. Кочеткова

Литературно-мемориальный музей А.П. Гайдара
г. Арзамаса Нижегородской области
старший научный сотрудник
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. Горького, д. 18а
E-mail: arzgaidar@mail.ru

В статье раскрывается история побега 10-летнего Аркадия Голикова (Гайдара) к отцу на фронт и последовавшего после это случая приобретения карты Европейской России в 1914 году.

Ключевые слова: *Арзамас; Первая мировая война; 1914 г.; карта Европейской части России; А. Голиков; побег на фронт.*

В 2019 году мы отметили юбилей Мемориально-бытового музея А.П. Гайдара. В далеком 1964 г., в день 60-летия писателя он гостеприимно распахнул свои двери для первых посетителей – родственников Гайдара, друзей его детства и юности, писателей, тимуровцев. Большинство экспонатов в музее – подлинные. Многие из них передали сестры Аркадия Петровича; они же помогли воссоздать знакомую им с детства обстановку комнат. Каждый предмет в доме имеет свою историю. Особое внимание заслуживает географическая карта, которая, как и прежде, висит над кроватью юного Аркадия Голикова в детской комнате. Полное ее название – «Настольная генеральная карта Европейской России», составленная по новейшим сведениям А. Ильиным. Издание Картографического Заведения А. Ильина, С. Петербург. Масштаб в Английском дюйме 100 верст (в 1 см 42 км). Карта довольно большая и подробная (на нее нанесены Арзамас и Лукоянов). Карта выполнена в цвете, состоит из 24 фрагментов, наклеенных на тканевую основу. Она была куплена для Аркадия матерью в Арзамасе, в магазине «Книжное дело», где можно было приобрести все необходимое для учебы. Купила ее Наталья Аркадьевна для сына после его неудачного побега на фронт. Наталья Аркадьевна Голикова в это время работала в военном госпитале, который располагался в здании Спасского храма.

А дело было так. В 1914 г., когда будущий писатель поступил в реальное училище, началась Первая мировая война, и отца взяли в солдаты. *«Перед отъездом на германский фронт он забежал домой на Новоплотинную. Был отец в серой папахе, на ногах – тяжелые, кованные железом сапоги…»* [1, с. 29]. Петр Исидорович просил Аркадия хорошо учиться, не огорчать и беречь маму, заботиться о сестренках и помогать им на правах единственного мужчины в семье.

На вокзал Петр Исидорович отправился один. Но Аркадий не выдержал и последовал за ним чуть поодаль, на пригорке *«смотрел… и сдерживал слезы. “Неужели?.. – пронеслось в голове. – Неужели его могут убить?..” А поезд уходил все дальше и дальше… Мерно стукал он по рельсам, и отрывалось что-то от души и уносилось вдаль за поездом, к нему – милому, дорогому…»* [2, с. 53].

Аркадию очень не хватало родного человека – большого, крепкого, всезнающего. Он тосковал. *«Все на свете, кажется, отдал бы только бы увидеть его живым и невредимым, только бы прижаться к его жесткой щеке… Он много и упорно думал о том, как повидать отца»* [2, с. 51].

А вопросов, как назло, становилось все больше, особенно про войну. В городе все разговоры только об этом. Но мальчишке сложно было разобраться: одни говорили одно, другие – другое. У самого Аркадия представление о войне было довольно смутное. Он знал, что там сражаются, убивают, оттуда привозят раненых и пленных, и все. Вот отец, он бы все объяснил. И захотелось к нему сильно-сильно. А тут еще такой случай… Заглянул он как-то к Бабайкиным и увидел в прихожей на столике открытку почтовую. Ну письмо и письмо, что тут особенного. Да, но почерк-то отца, Петра Исидоровича. Он просил, чтобы «в случае чего» Бабайкины не оставили его семью, позаботились о ней. У Аркадия перехватило дыхание. Дома он взял у тетки Даши холщовый мешочек для сухарей и решил подкопить денег. Мешочек наполнился быстро, и в кармане лежал целый гривенник. Вот теперь можно отправляться в дорогу. Утром он, как обычно, быстро собрался как бы на учебу, поцеловал мамочку и пошагал на станцию Арзамас-1.

В «Обыкновенной биографии в необыкновенное время» (1934) А.П. Гайдар писал об этом так: *«Я только что поступил в первый класс реального училища. Через месяц я сбежал пешком к отцу на фронт.*

На фронт я, конечно, не попал и был задержан на станции Кудьма, в 90 верстах от своего города.

Когда меня усталого и голодного задержали, то я и сам был рад, потому что на фронт мне уже не хотелось, а сильно хотелось домой, но самому вернуться было стыдно» [3, с. 35].

Продолжение этой истории Аркадий Петрович превосходно описал в своей автобиографической повести «Школа»: *«На уроке географии учитель вызвал беглеца к доске:*

– Тэк-с! Скажите, молодой человек, на какой же это вы фронт убежать хотели? На японский, что ли?

– Нет, – ответил, побагровев Тупиков, – на германский.

– Тэк-с! – ехидно продолжал Малиновский. – А позвольте вас спросить, за каким же вас чертом на Нижний Новгород понесло? Где ваша голова и где в оной мои уроки географии? Вы должны были направиться через Москву… А вы поперли прямо в противоположную сторону… Вы учитесь у меня для того, чтобы уметь на практике применять полученные знания, а не держать их в голове, как в мусорном ящике. Садитесь. Ставлю вам два. И стыдитесь, молодой человек!»

Надо заметить, что следствием этой речи было то, что первоклассники, внезапно уяснив себе пользу наук, с совершенно необычным рвением принялись за изучение географии и даже выдумали новую игру, называвшуюся “беглец”» [3, с. 84–85].

Впоследствии углубленное изучение географии пригодилось Аркадию Голикову во время службы в Красной армии. Так, в январе 1919 г. 15-летний тогда мальчишка исполнял обязанности адъютанта командующего войсками по охране железных дорог Республики под началом Ефима Осиповича Ефимова. Он должен был предоставлять сведения, поступавшие за ночь с железнодорожных узлов и станций. Утренние доклады состояли из двух частей: общее положение на фронтах и обстановка на железных дорогах. Аркадий прекрасно помнил все географические названия. Мало того, *«когда главнокомандующий Вооруженными силами Республики Иоаким Иоакимович Вацетис вызывал к себе Ефимова, тот брал Голикова с собой. Для рапорта требовалось множество карт. Если фабричных карт определенной местности не было, Аркадий разворачивал схемы, которые изготовлял сам, и давал пояснения по ним»* [4, с. 330].

По воспоминаниям друзей и близких писателя, где бы он ни квартировал, первым делом вешал на стену географическую карту.

Источники и литература

1. Малюгин В. Жизнь такая, как надо. – Горький, 1980.

2. Гольдин А. Невыдуманная жизнь. – М., 1984.

3. Гайдар А. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. – М., 1979.

4. Камов Б. Аркадий Гайдар. Мишень для газетных киллеров: спецрасследование. – М., 2009.

ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНЫЙ ПРОЕКТ МУЗЕЯ «ВЕЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК ТЕАТР» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ АРЗАМАСА XIX–XX ВВ.

О.Н. Коннова[1], С.А. Скрябина[2]

Историко-художественный музей г. Арзамаса Нижегородской области,

[1] научный сотрудник, e-mail: konnovajlga8@yandex.ru;

[2] кандидат филологических наук, научный сотрудник

607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, пл. Соборная, д. 9

E-mail: rodinasvet@yandex.ru

В статье дается описание экспозиционно-выставочного проекта историко-художественного музея «Великий волшебник ТЕАТР», который освещает развитие театрального искусства в провинциальном Арзамасе в XIX–XX веках. Характеризуются изобразительные, документальные и вещевые источники из фондовых коллекций музея, отражающие зарождение, становление и разные направления развития одного из самых зрелищных видов искусства.

Ключевые слова: *театр; выставка; актер; актриса; Е.Н. Судьина; спектакль; театральная постановка; афиша; экспонат.*

В современной России существует традиция объявлять каждый год посвященным какой-либо дате, событию или явлению, чтобы привлечь к ним внимание общественности. Согласно указу Президента Российской Федерации В.В. Путина, 2019 год был объявлен Годом театра. Одной из основных задач его проведения стала возможность сделать театр частью жизни каждого из нас.

Учитывая данное общероссийское событие, историко-художественный музей не мог остаться в стороне, и в плане работы на 2019 год была утверждена выставка по истории театрального искусства Арзамаса. Тема охватывает более чем два столетия. Источниковая база нашего музея позволила в полной мере раскрыть тему лишь применительно к XX веку.

Главными целями построения экспозиционно-выставочного проекта явилось приобщение посетителей музея разных возрастных категорий к историческому и культурному прошлому своего родного края, а также популяризация музейного собрания.

Название нашего проекта «Великий волшебник ТЕАТР» совсем не случайное. Оно довольно полно раскрывает восприятие посетителями увиденного в музее: подлинные экспонаты восхищают своей уникальностью, костюмы поражают своим великолепием, включенность в театральное действо завораживает. Именно таким – волшебным – мир театра мы и увидели на картине, пожалуй, самого известного в Арзамасе театрального оформителя, художника Геннадия Ромашкина. Его эскиз к спектаклю А.П. Чехова «Вишневый сад» из фондов нашего музея навеял нам эти мотивы и лег в основу афиши экспозиционно-выставочного проекта.

Главной источниковой базой выставки «Великий волшебник ТЕАТР» стали фонды историко-художественного музея г. Арзамаса. В данном проекте были использованы, в основном, две музейных коллекции: «Документы» и «Фотографии». Единично представлены «Ткани», «Дерево», «Предметы печат-

ной продукции», «Металлы», «Нумизматика». Практически вся выставка построена на личных коллекциях двух известных арзамасских актеров – Е.Н. Судьиной и А.А. Евстигнеева. Эти коллекции содержат уникальные документы и фотографии не только личного характера, но и освещают развитие театрального искусства в городе.

Исходя из всего вышесказанного, тема театра для нового выставочного проекта показалась нам очень интересной, интригующей, а самое главное, для посетителей она должна была стать легкой в восприятии, красивой и лаконичной, благодатной на отзывы и отклики в душах арзамасцев, ведь для многих из них данный вид искусства является одним из самых востребованных и, можно сказать, впитанным с молоком матери.

Арзамас – город с давними театральными традициями. Именно это мы и попытались отразить в первой витрине нашей выставки. Еще в XVII–XVIII вв. в округе то в одном дворянском имении, то в другом (Салтыковых, Шаховских и Баженовых) с успехом играли в театральных постановках крепостные актеры и музыканты [1, с. 1]. К сожалению, источники по истории зарождения театрального искусства в крае в фондах музея отсутствуют. Хронологически первым экспонатом на выставке является фото здания художественной школы А.В. Ступина, сделанное известным арзамасским фотографом Н. Сажиным. Оно дает представление посетителям о первом любительском театре в Арзамасе, который сформировался из учеников школы живописи академика А.В. Ступина.

Его сын Рафаил личным примером пристрастил воспитанников к чтению и декламации. В годы своей учебы в Петербурге, в Академии художеств он брал уроки актерского мастерства в домашнем театре Академии у известного трагика Императорского театра А.С. Яковлева и стал горячим поклонником сценического искусства. Вернувшись в Арзамас из столицы в 1817 г., Рафаил организовал при школе живописи самодеятельный театральный коллектив. Ученики не только сами исполняли все роли, но и расписывали декорации к спектаклям [2, с. 10]. Театр при школе существовал до конца 1840-х гг. Кроме того, ставились спектакли на дворянских съездах, в Общественном собрании, а с 1903 г. – в «Царском павильоне». Фотография этого павильона, построенного к приезду Николая II, направлявшегося в Саров на открытие мощей Серафима Саровского, также заняла достойное место в витрине.

Первая же профессиональная труппа в Арзамасе была создана уже в начале советского периода – в 1919 г. уездным политпросветотделом. В 1922–1923 гг. труппу возглавлял режиссер из Москвы Б.С. Холодный. В состав труппы входили А.А. Евстигнеев, А.Н. Панов, М.М. Демиховский (позднее ему было присвоено почетное звание Заслуженного артиста РСФСР). Администраторами и распорядителями театра в те годы были братья Иван и Борис Потехины. Многих из названных выше лиц можно увидеть на фотографии театральной труппы, созданной в фотомастерской Сажиных в начале 1920-х гг.

Среди первых актеров в труппе арзамасского театра был и И.И. Персонов. Он часто выступал под псевдонимом И. Аратский. В своей автобиографии он писал: *«Увлечение театром породило непреоборимое желание пройти настоящую театральную школу»* [3]. И в 1921 г. Иван Иванович уехал из Арзамаса в

Москву поступать на драматическое отделение Московского театрального техникума [3]. На выставке представлена его фотография, датированная сентябрем 1920 г., афиша спектакля с указанием в действующих лицах Аратского и его пьеса «Великий еретик».

Значительное место на выставке уделено афишам, отражающим репертуар театра тех лет ***(Приложение 9, фото 1 и 2)***. В них содержится уникальная информация об актерах того времени, директорах и режиссерах театра, стоимости билетов на спектакли, а также об особенностях организации посещения театра: работал буфет, каждый спектакль заканчивался танцами, которые могли продолжаться до трех и пяти часов утра, а отапливаемый зал был дополнительным преимуществом театрального времяпрепровождения.

Первым спектаклем, постановку которого осуществил театр, были «Дни нашей жизни» по пьесе Леонида Андреева. Он стал первым и в творческой биографии известной арзамасской актрисы Елены Николаевны Судьиной, что отражено в документе – «Трудовой книжке артиста», представленной в витрине. В ней первой записью от 18 апреля 1920 г. значится спектакль «Дни нашей жизни»; здесь же указано и ее амплуа в этой постановке – роль Ольги Николаевны, а также отзыв режиссера Горова – «Хорошо».

Елена Николаевна Судьина не просто стояла у истоков зарождения театрального кружка в городе, она отдала театру всю свою жизнь. *«Скажу, что судьба творческая мне выпала счастливой. Я играла все заглавные роли в нашем театре, те роли, которые мне хотелось играть, на которые у меня хватало сил»*, – вспоминала актриса [4]. В начале 1960-х гг. Е.Н. Судьина, прослужив в Арзамасском драмтеатре около 20 лет, закончила артистическую карьеру. В ее репертуаре более 200 ролей в различных спектаклях, в душе – безграничная любовь и признание зрителей. В истории Арзамасского драматического театра она навсегда останется актрисой высокой культуры, посвятившей себя благородному искусству сцены [4].

Яркая и долгая театральная судьба Судьиной нашла свое отражение в богатой музейной коллекции актрисы, переданной в музей лично в 1971 г. Тридцать два предмета из этой коллекции представлены на выставке. Фотографии, личные вещи, документы рассказывают о жизненном и творческом пути Судьиной, а документально воссозданный интерьер ее гримерной комнаты ***(Приложение 9, фото 3)*** передает атмосферу театрального закулисья.

К началу 1930-х гг. театр в Арзамасе прекратил свое существование. Одной из последних постановок был спектакль «Подкидыш» по пьесе местного журналиста Степана Масленникова (псевдоним – С. Горемыка), о чем на выставке рассказывает фотография труппы после премьеры, датированная 1932 г. А с 1937 г. Арзамас стал базой для Областного колхозного театра, что отражено в театральных программах того периода, представленных в экспозиции.

13 апреля 1943 г. исполком Горьковского областного Совета принял решение об открытии в Арзамасе постоянного государственного театра. Именно с этой даты наш театр и ведет свою историю. Театр был создан на базе Дома соцкультуры по ул. М. Горького, где был зал с хорошей акустикой и большое фойе. В витрине представлены фотография здания театра, датированная 1955 г.,

а также фотография и личные документы Б.Л. Симанского, ставшего первым руководителем драматического театра.

Многочисленные театральные программки, фотографии со сценами из спектаклей, дипломы и благодарности, представленные на выставке, отражают основные этапы развития арзамасского драматического театра:

– в 1940-х гг. театр прочно занимает свое место в центре культурной жизни города;

– в 1950-е гг. наступает период творческой стабильности арзамасской труппы, ставится русская и зарубежная классика;

– 1950–1970-е гг. – укрепление творческого потенциала труппы и расширение актерского состава, определение собственной репертуарной политики. На это во многом повлиял тот факт, что в 1963 г. драмтеатр обрел свою постоянную сцену в переданном ему здании городского Дома культуры;

– 1980–1990-е гг. – одна из наиболее ярких страниц творческой биографии театра. Новый главный режиссер В. Осьминин, сохранив классическую традицию, обратился к лучшим произведениям современной русской литературы, а также осуществил постановки по арзамасской тематике: «Военная тайна» А. Гайдара и драма «Выстрел в галерее» (1983 г.) по пьесе П.В. Еремеева, повествующая о ступинской школе живописи.

Одной из творческих удач арзамасского драмтеатра можно назвать и постановку «Алена Арзамасская» по пьесе Янины Алтаевой в 1978 г. (режиссер В. Белодворцев). В фондах музея хранится целая коллекция фотографий со сценами из этого спектакля. В витрине представлены две из них: на первой – актер Б. Ветров, на второй в центре – в роли Алены Наталья Белодворцева. В спектакле был занят весь состав труппы, а посвящен он был 400-летнему юбилею города.

Не каждый провинциальный город может похвастаться наличием трех театров. Арзамасу повезло. У нас было три театра: театр юного зрителя, оперный театр и театр драмы. Музейная коллекция, отражающая этот период, к сожалению, страдает пробелами. Источниковая база по истории театра юного зрителя в фондах отсутствует, и музей обратился к историкам, краеведам, жителям города с просьбой помочь восполнить этот информационный пробел.

История театра оперы отражена достаточно подробно. С 1977 г. на сцене городского Дома культуры силами самодеятельных певцов и музыкантов осуществлялась постановка опер и оперетт. Режиссуру спектаклей осуществлял В. Агабабов, дирижером и художественным руководителем был И. Симонов. За годы существования оперного театра было поставлено 13 опер, 9 оперетт и 25 детских спектаклей. На выставке представлены фото сцен из спектаклей театра, афиши и документы. В 1980 г. коллективу Арзамасского оперного театра было присвоено звание народного.

Современный этап развития арзамасской театральной жизни связан с объединением Арзамасского театра драмы с ТЮЗом (в 2000 г.) и театром оперы (в 2010 г.). Кроме того, в городе существуют молодежные театральные студии и объединения: народный молодежный театр «Делий» под руководством Н.Н. Винокуровой, Образцовый детский музыкальный театр Детской музы-

кальной школы №1 им. М.К. Бутаковой (руководитель Е.И. Субботина) и театральная студия «У фонтана», возглавляемая актрисой Татьяной Нестеровой.

Выставка не была бы полной без театральных костюмов, предоставленных нам сообществом реконструкторов г. Арзамаса. Авторы костюмов – Екатерина Горбатова и Мария Хамутова – изготовили качественные стилизации костюмов разных стран, воссоздав особенности покроя, стиля различных эпох, подобрав близкие к аутентичным ткани и аксессуары. Данный раздел выставки наглядно воссоздает образы театральных персонажей, о которых идет речь во время экскурсии, позволяет увидеть мир театра изнутри.

Завершающая часть выставки – «Театральная сцена» – позволила нам включить компонент интерактивности, самостоятельного творчества посетителей. Собрав небольшую «Костюмерную» из костюмов, головных уборов, париков, аксессуаров и подготовив коллекцию забавных сценок из известных пьес, мы предлагаем посетителям стать актерами нашего импровизированного театра.

«Театр начинается с вешалки», а заканчивается занавесом и аплодисментами. И наша выставка не стала исключением. Каждый ее посетитель может пережить этот волнительный момент, перевоплотившись в образ известного литературного персонажа в импровизированной костюмерной, выйти на сцену и сыграть, может быть, свою самую главную в жизни роль – Дубровского, Бальзаминова, Снежной королевы, Стрекозы или Гуся. Наградой за это будут самые настоящие аплодисменты, ради которых многие артисты и посвящают свою жизнь служению этому великому волшебнику Театру.

По нашему мнению, данный выставочный проект удался. Подтверждением этому являются восторженные отзывы посетителей разных возрастных категорий. За время работы выставки (всего лишь за два с небольшим месяца) соприкоснулись с волшебством театрального искусства 1 027 человек. И это ли не доказательство того, что наша работа признана, а музей развивается в нужном направлении.

Источники и литература

1. 50 лет Арзамасскому драмтеатру / автор и сост. Г.А. Пучкова. – Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 1993.

2. Арзамасская школа А.В. Ступина. Система и метод академического образования в провинции в XIX веке: Альбом. – М.: Издательство академии акварели и изящных искусств, 2015.

3. Панкратов В. В сетях времени и судьбы // Арзамасские новости. – 2015. – № 95.

4. Филиппович С. Мечта, воплощенная в жизнь // Арзамасские новости. – 1999. – № 4.

5. Еремеев П. Монолог актрисы // Арзамасская правда. – 1993. – № 174 (14137).

АРЗАМАСЦЫ – ЧЛЕНЫ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Б.С. Кондратьев
Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет,
кафедра русского языка и литературы,
доктор филологических наук, профессор
607220, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: kobos52@mail.ru

В статье систематизируются историко-литературные и биографические сведения об арзамасских поэтах, прозаиках, публицистах, литературных критиках, которые являются членами Союза писателей. Анализируется их роль в формировании литературной традиции. Делается вывод о наличии особого арзамасского текста российской словесности.

Ключевые слова: *Арзамас; литература; традиция; поэзия; провинция; творчество.*

Особо значимую роль в России во все времена играла культура провинциальная, своими корнями прямо связанная с национальной почвой, с народной стихией. Мария Жукова, Аркадий Гайдар, Михаил Шестериков, Александр Плотников, Петр Еремеев, Николай Рачков. Эти имена всегда были и будут на слуху, составляли и составляют славу и гордость Арзамаса. Однако это лишь самая вершина «айсберга», который являет собой историю культуры нашего края. Круг тех, кто добавил свое Слово в арзамасский текст российской словесности, кто вошел в местные летописи и остался в исторической памяти, значительно шире.

Особенностью культурной жизни советской и постсоветской России стало создание общественных профессиональных творческих объединений. В 1934 г. на Первом съезде писателей СССР по инициативе М. Горького был создан Союз писателей СССР, в дальнейшем преобразованный в Союз писателей России. В соответствии с Уставом, это была общероссийская общественная организация, объединяющая писателей России в творческое содружество для создания условий их профессионального роста, а также для защиты их законных прав и интересов. Членство в Союзе писателей (далее – СП) не было пустой формальностью, но означало признание творческих заслуг и значимого вклада в отечественную литературу.

В современную структуру Союза входят областные организации. В Нижегородской области их две – городская и областная. Арзамас в силу своей особой культурной значимости имеет права Отделения в рамках Областной писательской организации и объединяет девять членов Союза. Преимущественно – это преподаватели Арзамасского филиала ННГУ, поэтому и творческая жизнь города в значительной степени связана с данной организацией. Именно Арзамасским филиалом Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и Арзамасским отделением Нижегородской областной организации Союза писателей России издается литературно-художественный и историко-краеведческий альманах «Арзамасская сторона».

Любопытно проследить историю этого издания. В 1990-е гг. свою особую нишу в духовной и творческой жизни Арзамаса заняло культурно-

просветительское объединение «Русский клуб». С 1991 г. «Русский клуб» начинает выпуск ежемесячной газеты «Арзамасская сторона». Первый номер этого необычного для районного центра издания был приурочен к официальному празднованию Дня славянской письменности и культуры и вышел тиражом в 3 тыс. экземпляров. Чаемое возрождение России как великой державы члены «Русского клуба» связывали с возращением к национальным традициям и православно-нравственным идеалам Руси, поэтому главными рубриками просветительской газеты стали: «Семейный альбом», «Соборная площадь», «Литературный разворот», «Домострой», «Народное творчество».

Выход в свет первого номера «Арзамасской стороны» вызвал самый живой интерес далеко за пределами Нижегородчины. Редакция получила многочисленные письма поддержки и одобрения. Поэт Н.Б. Рачков откликнулся заметкой «Сердце мое ликует», в которой отметил: «Горжусь своими земляками, своими друзьями, кто взял на себя нелегкую, но благородную миссию нести людям свет, следовать исконным национальным традициям, возрождению устоев человечности, нравственности, обычаев родных, забытых, по которым душа истосковалась». Теплые приветственные слова в адрес редакции прислали нижегородский писатель В. Шамшурин, главный редактор журнала «Современник» С. Куняев, статью о провинциальной русской газете опубликовала столичная «Литературная Россия». Бессменным редактором издания вплоть до своей смерти был талантливый писатель и журналист Сергей Кондаков.

В дальнейшем газета была преобразована в одноименный журнал, объединивший творческий потенциал большого региона. А с 2009 г. началась новая жизнь «Арзамасской стороны». Теперь это – ежегодный альманах, со сложившейся профессиональной редакционной коллегией, состоящей в своей основе из членов Союза писателей РФ. Это Б.С. Кондратьев, Ю.А. Курдин, С.Н. Пяткин, Е.П. Титков. Активно сотрудничают с «Арзамасской стороной» и другие члены писательского сообщества города – поэты Г.С. Дядина, Н.Ф. Донсков, Н.А. Князева, прозаики и публицисты В.М. Панкратов, А.С. Чеснов, а также живущий ныне в Ялте поэт и публицист, известный чеховед Г.А. Шалюгин. Свой вклад в культурную жизнь города внесли, к сожалению, рано ушедшие поэт Ю.В. Назаров и прозаик О.В. Широкова. Альманах «Арзамасская сторона» – это визитная карточка культурной жизни российского города, обладающего большой и славной историей; издание, ориентированное на разновозрастную читательскую аудиторию и способное стать книгой для семейного чтения; знак делового содружества и духовного единомыслия творческой интеллигенции города и региона.

Заслуживает особого внимания и сама история участия арзамасцев в деятельности Союза писателей СССР (с 1990-х гг. – Российской Федерации). Еще в 1930-е гг. были приняты в СП А.П. Гайдар, И.И. Персонов и М.В. Шестериков. Они, по сути дела, стояли у истоков формирования этого первого общероссийского творческого объединения. И если имя Аркадия Гайдара широко известно и не требует в рамках данной статьи дополнительного

комментария [1, с. 3–11], то о личности и творчестве Ивана Персонова и Михаила Шестерикова стоит сказать несколько слов [2, с. 217–218; 515–516.].

И.И. Персонов родился 17 ноября 1899 г. в селе Кочуново Княгининского уезда (ныне Бутурлинский район Нижегородской области) в семье зажиточных крестьян. Начальное образование получил в церковно-приходской школе. В 1910 г. поступил учиться в Арзамасское реальное училище. В 1916 г. Персонов издал свой первый стихотворный сборник «Звук». В 1921 г. Иван Иванович уезжает в Москву. Первую пьесу «Урожай» Персонов опубликовал в 1924 г. В ней, как и в последующих произведениях, перед зрителем предстают картины из жизни земляков автора – кочуновских крестьян. Автор целиком отдается литературной работе. Одна за другой появляются пьесы: «Свои и чужие», «Нелады», «По волчьему следу», «Собственность» и другие. Пьеса «Собственность» имела большой успех, перешагнула океан и была поставлена на нью-йоркской сцене, выдержала 14 изданий на разных языках народов СССР. За эту пьесу Иван Персонов в 1933 г. получил премию газеты «Известия», а затем был принят в Союз писателей СССР. Членский билет Персонову вручал А.М. Горький. Пьеса «Великий еретик», написанная в соавторстве с Г. Доброжинским, была поставлена 40 театрами страны. Ивану Персонову принадлежат также историческая драма «Безумство храбрых» и рассказы «Праздник мордобоя», «Пармен». В 1935 г. выходит сборник его драматических произведений. Рецензии на пьесы Персонова публикуются на страницах центральных газет и театральных журналов. Критики и историки литературы называли Ивана Ивановича ярким зачинателем советской деревенской драматургии, «деревенским Шекспиром». И.И. Персонов скончался 23 мая 1938 г. в Москве.

М.В. Шестериков родился 15 ноября 1906 г. в семье фельдшера в селе Хватовке Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Свои первые стихи напечатал в 1926 г. в областной газете «Молодая рать». Он стоял у истоков Нижегородской ассоциации пролетарских писателей (НАПП), был одним из создателей Горьковского отделения Союза писателей СССР. Встречался с Маяковским, Серафимовичем, Горьким. В 1934 г. принят в Союз советских писателей, делегирован в Москву на его Первый съезд. В 1948–1960 гг. возглавлял Горьковскую писательскую организацию. В октябре 1967 г. награжден орденом «Знак Почета». Умер 30 ноября 1974 г.

Обратим внимание на такую важную деталь. Все трое вошли в историю русской литературы XX века как ***зачинатели:*** Гайдар – детской литературы, Персонов – драматургии о русской деревне, Шестериков – организации литературного дела в Нижегородской области. Арзамас, несомненно, в их личностном и творческом становлении сыграл значимую роль. И в этом контексте членство в общероссийской писательской организации является ***знаком*** глубокой духовной связи столицы и провинции.

Новый важный этап в истории арзамасской культуры, связанный с Союзом писателей, начинается в 1960-е гг. За точку отсчета здесь можно принять 1957 год, когда был принят в Союз Петр Петрович Мелибеев. Он родился 23 мая 1908 г. в городе Арзамасе Нижегородской губернии в семье врача. В 1923–

1927 гг. по путевке комсомола Мелибеев учился в Арзамасском педагогическом техникуме. После окончания техникума работал пионервожатым, затем директором детской технической станции в Горьком. С 1934-го по 1937 г. работал литературным редактором на радио в Пятигорске. В 1943 г. Мелибеева назначают начальником отдела по делам искусств Ставропольского края. В эти годы он написал две пьесы: «Товарищ Ксения» о чекистке из Кисловодска и «Никакого шума». Обе пьесы в 1944 г. были поставлены и с успехом шли в театрах Ставропольского края. С 1951 г. литературный труд стал профессией Петра Петровича. В соавторстве с писательницей В.И. Туренской он выпустил свои повести для детей «Конец тихой обители» и «Гость из космоса». В 1970-е гг. Мелибеев исполнял обязанности главного редактора альманаха «Ставрополье» и члена бюро Ставропольского отделения писательской организации. В 1971 г. за заслуги в области литературы и искусства был награжден орденом «Знак почета». Умер 22 февраля 1985 г.

Еще одна знаковая дата – 1962 год. Вышла в свет первая книга стихов Александра Ивановича Плотникова «Земное притяжение». Сегодня трудно оценить всю значимость этого события. А тогда книга, изданная в Горьком, в государственном издательстве, трехтысячным тиражом, являлась своего рода «удостоверением личности» поэта, его ответственного права разговаривать с читателем от имени великой русской литературы. А если при этом учесть, что впервые издавался местный поэт, да к тому же из деревенской глубинки, то событие это для арзамасской культуры стало, без преувеличения, эпохальным.

Родился Плотников 7 февраля 1920 г. в селе Абрамово Арзамасского района Нижегородской области в крестьянской семье. Трудовую деятельность в 1936 г. начал рядовым колхозником в абрамовском колхозе «Борьба». Потом учился в техникуме механизации сельского хозяйства. Осенью 1940 г. был призван в Красную армию. Проходил службу на Дальнем Востоке, в Приморье, у самой границы с Маньчжурией. Война застала Александра Ивановича на дальнем рубеже Отчизны. Публиковал стихи в дальневосточных газетах «Тревога», «На защиту Родины», «Тихоокеанская звезда» и др.

В 1947 г. возвратился в родное Абрамово. Окончил Арзамасский учительский институт. Двадцать восемь лет работал учителем в сельских школах, преподавал русский язык и литературу. И разумеется, все эти годы писал стихи.

Свыше 40 лет Александр Иванович руководил литературным объединением при редакции газеты «Арзамасская правда». С его легкой руки вышел в большую поэзию лауреат многих литературных премий Николай Рачков. Под его крылом выросли арзамасские поэты В. Васильев, А. Погодин, Е. Терехин, М. Кислов. Воспитанниками А.И. Плотникова являются члены Союза писателей России Е. Липатова, С. Кондаков и другие талантливые журналисты и учителя.

Александр Иванович немало сделал, чтобы были изданы книги арзамасских поэтов и прозаиков. Стремясь как можно ярче показать творческое лицо местных авторов, он был инициатором издания сборника стихов и рассказов «Рамзай» (1991), антологии «Голос музы арзамасской» (2000).

А.И. Плотников – автор 16 поэтических сборников. Стихи его публиковались в журналах «Наш современник», «Волга», «Нижний Новгород», «Провинция», «Арзамасская сторона», «Роман-журнал XXI век», альманахе «Поэзия», «Медный всадник», в еженедельнике «Литературная Россия», газетах «Правда», «Советская Россия», «Учительская газета», в местной и областной прессе. Он был делегатом V съезда писателей РСФСР. Умер в возрасте 92 лет.

Если Плотникова можно назвать основоположником современной поэтической арзамасской традиции, то главное слово в прозе, несомненно, принадлежит Петру Васильевичу Еремееву. Он родился 9 мая 1930 г. в селе Большой Ишим Ужурского района Красноярского края. Свои первые очерки и рассказы публиковал в районных газетах «Алтайская правда» и «Коммунист Севера». Житейские дороги привели Петра Васильевича в конце 1961 г. в старинный Арзамас на благословенную Нижегородскую землю. Первый прозаический сборник «Пятая мата» вышел в одном из московских издательств в 1981 г. В мае 1983 г. на сцене Арзамасского театра драмы состоялась премьера спектакля по его пьесе «Выстрел в галерее» – о трагической судьбе талантливого художника из крепостных Григория Мясникова. В 1990 г. в Московском издательстве вышла его книга материнских рассказов-быличек «Обиход», которую высоко оценил академик Д.С. Лихачев. О городе Арзамасе, ставшем для писателя второй родиной, написано им немало интересных повестей и рассказов. А книга «Арзамас-городок. Рассказы о былом» давно стала настольной для всех, кто интересуется арзамасской историей. Умер 12 мая 2005 г.

Из ныне здравствующих творцов Слова первенство, безусловно, принадлежит Николаю Борисовичу Рачкову, в поэзии которого сошлись все линии арзамасской культурной традиции [3, с. 99–104]. Он родился 23 сентября 1941 г. в селе Кирилловке Арзамасского района Горьковской области в крестьянской семье. В 1964 г. окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического института, работал учителем в сельской школе, редактором многотиражной газеты на заводе в г. Арзамасе (1967–1987). С 1987 г. живет в г. Тосно Ленинградской области. Н.Б. Рачков – лауреат Всероссийских литературных премий – им. А. Твардовского и «Ладога» им. А. Прокофьева, Большой литературной премии России (2003 г., за книги стихов «Рябиновая Русь» и «Золотой венец»). Николай Рачков – без преувеличения сегодня первый поэт России. Он автор 22 поэтических книг.

Предложенный в статье «послужной список» людей, многие из которых известны далеко за пределами земли Нижегородской, заставляет нас не просто гордиться своим городом, но и невольно верить в особую духовную избранность земли Арзамасской.

Источники и литература

1. Аркадий Гайдар в современной школе: книга для учителя / отв. ред. Б.С. Кондратьев; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: АФ ННГУ, 2017. – 497 с.

2. Литературное краеведение Арзамасского края. В 2 кн. Кн. 1: учебное пособие / отв. ред. С.Н. Пяткин; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 686 с.

3. Кондратьев Б.С. Нижегородская земля в поэзии Николая Рачкова // Нижегородский текст русской словесности как художественное постижение национальной ментальности: сборник статей по материалам VII Международной научной конференции / отв. ред. В.Т. Захарова. – Н. Новгород: Мининский университет, 2019. – С. 99–104.

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ НА УРОКАХ ИСТОРИИ
(на материалах краеведческого музея «Родные просторы»)

Т.Н. Лазарева
ГБПОУ «Шатковский агротехнический техникум», преподаватель
607700, Нижегородская область, р.п. Шатки, ул. 1 Микрорайон, д. 12
E-mail: lazareva.tatiana1019@yandex.ru

В статье приводятся примеры создания творческих групп при краеведческих музеях, их исследовательской и просветительской деятельности среди студентов не только Шатковского техникума, но и других образовательных учреждений.

Ключевые слова: *краеведческий музей; просветительская деятельность; предметные кружки; исследовательская деятельность; лектории.*

Сложное время переживает сегодня система образования. Нам необходимо привить молодежи интерес к изучению истории и современной общественно-политической жизни России. Значительную роль в удовлетворении этого интереса играют исторические кружки, клубы, общества, краеведческие музеи учебных заведений, района, области. Развернутая краеведческая работа преподавателя истории – это большая поисковая работа: сбор материалов, информации о жизни людей разных эпох, выявление мест сражений в годы Великой Отечественной войны и ее участников-земляков. Это также изучение и поиск документов профтехобразования «трудовых резервов», изучение и охрана памятников истории и культуры района. Общественно-научная направленность, разнообразие и увлекательность учебных занятий и внеклассных мероприятий, взаимодействие в работе техникума и организаций района, участие общественности в организации внеучебного времени студентов и, наконец, возможность каждому студенту в свободное от занятий время сделать полезное дело – вот принципы взаимодействия уроков истории и лекций краеведческого музея, его документов, материалов прикладного искусства, предметов труда и быта. Патриотическое и нравственное воспитание молодежи – общая тема всей учебной деятельности. Говоря словами ветеранов, «мы не вправе предавать забвению то, что было нашей славой и по праву большого наследства обязаны перейти в память и дела сыновей и внуков». Именно кропотливая музейная работа формирует у молодежи патриотические и интернациональные чувства [1, с. 46].

Воспитательное воздействие краеведения состоит в том, что оно ставит обучающегося в положение исследователя, что вызывает у него уважение к историческому факту, стремление к самостоятельной поисковой работе. Для это-

го при музее работает поисковая, лекторская группа студентов по изучению истории учебного заведения, развитию района, области. Студенты изучают историю образования сельских поселений; исторические сведения, связанные с именем Ивана Грозного, участием в народном ополчении К. Минина и Д. Пожарского, с восстаниями под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. На Совет музея ложится большая ответственность, связанная с научным подходом к выявлению, собиранию, хранению и использованию исторических документов. Все это облегчает морально-этическое и эстетическое воспитание обучающихся в условиях достаточно высокой загрузки рабочих программ учебным материалом [2, с. 51].

Читательские конференции по истории, проведение экскурсий и подготовка экскурсоводов из членов лекторского кружка, проведение уроков Мужества, дней Воинской славы, знакомство с орудиями труда и предметами быта крестьян проводятся на краеведческом материале музея. Особенно интересен урок в музее. Популярны уроки-семинары по вопросам экономики на собранном районном материале, проведение исследовательских работ по вопросам развития образования и медицины, о лучших людях района, их вкладе в развитие региона, о выпускниках профессионального училища. В музее накоплен неплохой материал по этим направлениям. Данные экспозиции весьма интересны, ведь в них включен материал о трудовых делах и самих студентов, и педагогов, что позволяет молодому человеку увидеть своих близких с разных сторон. Например, собран материал о династии Макаровых, Янченковых (в нашем учебном заведении обучались и родители, и дети, оставившие заметный след в истории техникума). Интересен материал о династии Селедкиных-Фокиных: от первого учителя в нашем поселке до учительской династии техникума. Собран документальный материал, имеющий огромное воспитательное значение – о студентах, погибших в «горячих точках» (в Афганистане, Чечне, Нагорном Карабахе).

Наличие фонда подлинных материалов – неукоснительное требование к краеведческому музею, хотя накопление документов – дело длительное. На уроках используется очень важный и интересный материал экспозиций музея: «Я – российский солдат», «Горит под ногами родная земля. Чечня…». «Ветераны труда техникума», «Начало пути профессионального». Уроки по тематике Великой Отечественной войны очень эмоциональны и хорошо запоминаемы, если использовать на них краеведческий материал музея или проводить уроки непосредственно около могилы ленинградской школьницы Тани Савичевой или же на мемориале «Пусть помнит мир спасенный».

При работе в музее очень важно, чтобы поиск и сбор исторических источников проводился студентами самостоятельно, чтобы была «искра поиска». Учитель должен направлять этот студенческий поиск. Пути сбора материала для музея разнообразны. Главное – заинтересовать студентов, помочь расширить их поиск. В этих целях практикуются посещения музея Шатковского района имени Тани Савичевой, музеев профессионально-технического образования Нижегородской области, где нашим студентам интересно и увлекательно рас-

сказывают о создании системы трудовых резервов, о подвигах выпускников профтехобразования в годы Великой Отечественной войны. В свою очередь, наши студенты делятся собранным материалом об истории техникума, о выпускниках, погибших в период восстановления конституционного строя в Чечне, о лучших людях района. Совместно с музеем проведены уроки «Письмо солдата», «Дни войны. Помним!», «Стань над миром, Савичева Таня…»

Мы пишем историю своими делами. Наш долг – сохранить ее для тех, кто идет на смену уже сегодня, кто придет завтра. Отечественная история является неиссякаемым источником патриотических чувств, способствует воспитанию в подрастающем поколении самых лучших гражданских качеств. Любить свой край, знать его особенности, его богатства, его историю – на этих чувствах к родным местам и воспитывается подлинный патриотизм молодежи.

Вся тематика нашего краеведческого музея посвящена истории нашей малой родины, уголка России – Шатков: «Люблю тебя, мой край родной!»

Вне зависимости от формы урока важно, чтобы студенты активно и самостоятельно участвовали в работе над определенной темой, вели поиск, применяли теоретические знания на практике, показывали зрелость своих суждений, замыслов, идей.

Материалы музея могут использоваться в разных формах:

– демонстрация музейного экспоната непосредственно в кабинете;

– урок-экскурсия в музей;

– обобщающие уроки в музее;

– рекомендация учащимся в порядке домашнего задания подробнее ознакомиться с тем или иным разделов музея;

– выполнение творческих письменных работ (рефератов, докладов, сочинений и пр.) на материалах музея;

– углубленная самостоятельная работа с фондами музея в связи с сообщением на уроках или на занятиях предметных кружков;

– проведение театрализованных игр («Я – гражданин России», «Хочу быть президентом…», «Россия, Русь, храни себя, храни»).

Вот пример использования музейного материала «Герои-нижегородцы. Подвиг К. Минина и Д. Пожарского». На основе собранного материала студенты готовят сценарий. Этот материал имеет как познавательную, так и патриотическую направленность. Студенты приходят к выводам о массовом героизме многонационального российского народа, о том, что совместные усилия позволили отстоять независимость страны. В данном материале используются и стихи, и сценки из жизни, а главное – нижегородский фольклор, собранный студентами из исторических источников. Прикоснуться к истории, понять ее, сделать смыслом своей жизни – таков смысл данного мероприятия. Ведь не случайно мы говорим: «Не зная прошлого, нельзя построить будущее».

Далее заострим внимание на исследовательской функции музея. Отправной точкой при выполнении исследовательских работ учащихся могут быть материалы музея, являющиеся важными историческими источниками по истории родного края. На основе материалов музея студенты пишут творческие работы,

которые становятся призерами научно-практических конференций разного уровня (районных, городских, всероссийских): «Мемориальный комплекс Тани Савичевой», «История моей семьи», «Эхо войны сердце тревожит», «История Красноборской церкви» и др. [3, с. 30].

Студенты техникума пишут работы, опираясь и на материалы музея, и на информацию, полученную при личной встрече с тружениками тыла, и на материалы областного архива. Знакомство с материалами музея может подтолкнуть учащихся к изучению семейного архива. Так, студентка 1-го курса по специальности «Управляющий сельской усадьбой» О. Панкратова исследовала генеалогическое древо своей семьи. Вполне очевидно, что любая исследовательская работа предполагает обработку материала, что способствует формированию навыков творческой исследовательской работы у учащихся.

Научно-исследовательская работа на основе материалов музея техникума и школы способствует не только формированию учебно-исследовательских навыков, умению самостоятельно приобретать исторические знания, формулировать собственную точку зрения, но и воспитывает любовь к малой родине, уважение к людям с активной жизненной позицией – своим землякам. Результатом творческих работ учащихся являются пополненные фонды музея.

Экспозиция имени Тани Савичевой.

В экспозиции использованы следующие тематические разделы:

1. Блокадный Ленинград.
2. Быт жителей блокадного города.
3. Дневник Тани Савичевой.
4. Эвакуация на Большую землю.
5. Таня Савичева на Шатковской земле.
6. Поисковая работа и увековечивание памяти Тани Савичевой.

Экспозиционные тематические разделы размещены в хронологической и логической последовательности.

Первый экспозиционный раздел – ***«Блокадный Ленинград»*** – показывает в целом планы гитлеровского командования (директива Гитлера от 29 сентября 1941 г. «Будущее города Петербурга») и то, каким образом эти планы осуществлялись. На фотографиях представлена жизнь блокадного Ленинграда. Следствием блокады стал голод. В витрине центральное место занимает буханка хлеба, испеченная по одному из блокадных рецептов, и весы. Здесь же рецепт блокадного хлеба, муляж блокадных карточек, коробка спичек и сушеные картофелины.

Следующий раздел – ***«Быт жителей блокадного города»*** – раскрывается на примере судьбы семьи Савичевых. Для раскрытия темы в экспозицию введен жизненный комплекс-ансамбль. Это фрагмент интерьера ленинградской квартиры, воссозданный по описаниям и воспоминаниям на основе предметов, аутентичных тому времени. Круглый стол, за которым по вечерам любила собираться семья, венские стулья, шкаф… В экспозиции представлены платье и игрушка на столе – они были переданы в музей людьми, эвакуированными во время войны в Горьковскую область.

В экспозицию включены также элементы, несущие определенную идейную и смысловую нагрузку:

– окно с видом на Петропавловский собор и великокняжескую усыпальницу, заклеенное крест-накрест бумагой, позволяет взглянуть из окна квартиры на блокадный заснеженный город;

– громкоговоритель свидетельствует о важной роли пропаганды: выступлений писателей, поэтов и официальных сообщений, поддерживающих моральный дух ленинградцев;

– фотографии семьи представляют нам большую семью Савичевых в лицах;

– фонарь с печкой-буржуйкой и поломанным стулом наглядно показывают отсутствие тепла и света в долгие ледяные блокадные ночи. Буржуйка – единственное отопительное средство в квартирах. В них сжигалось все, что могло гореть, в т.ч. мебель.

Экспозиционный раздел ***«Дневник Тани Савичевой»***.

Дневник как документ, обличающий фашизм, представлен на отдельном стенде фотокопиями страниц с портретом Тани; здесь же на карте изображен путь эвакуации Тани из Ленинграда в Шатки.

Тематический раздел ***«Эвакуация»*** открывают документальные материалы из архива: это опись имущества квартиры с автографом Тани, документы об опеке Тани, а также о расторжении опеки и определении девочки в детский дом. Эвакуация происходила по Дороге жизни. Ее значение и роль в спасении ленинградцев представлены на стенде с фотоматериалами (обозы, грузовики-«полуторки» на маршруте) и таблицей с информацией о количестве грузов и эвакуированных. Для наглядности представлен макет Дороги жизни с движущимися по ней «полуторками», пунктами обогрева, зенитными частями охраны, советскими и фашистскими самолетами. В вертикальной плоскости макета представлена карта-схема Дороги жизни.

«Таня Савичева на Шатковской земле». Пребывание детей в детском доме в селе Красный Бор показано в воспоминаниях воспитанников детского дома, фельдшера, директора детского дома и иллюстрировано фотоматериалом. О пребывании Т. Савичевой в Понетаевском доме инвалидов свидетельствует фотография корпуса, где находилась Таня Савичева, и информация о переводе ее туда как инвалида 2-й группы. Последние дни жизни девочки в Шатковской центральной районной больнице. Здесь фотография больницы и копия из книги регистрации больных.

«Поисковая работа и увековечивание памяти Тани Савичевой». На стенде представлены этапы поисковой работы и этапы увековечивания (фотоматериалы, воспоминания). В витринах размещаются вещественные материалы: книги, открытки, журналы, документы. Здесь представлена посуда из детского дома с. Красный Бор; журнал «Огонек», где впервые были опубликованы странички дневника Т. Савичевой; пластинка болгарского композитора Эмина Эмануилова с песней-балладой «Дневник Тани» в исполнении Петра Чернева

на международном фестивале молодежной политической песни в Сочи в 1975 г. [4, с. 79].

Здесь же представлен журнал «Костер» о поисковой работе, переписка, открытки, книги с автографами, подаренные ленинградцами первым поисковикам, книга А. Смирнова «Сердце и дневник», информация о музее Шатковской средней школы, где размещалась и до сих пор размещается первая экспозиция, посвященная Тане.

Последний стенд тематического раздела музейной экспозиции посвящен выжившим членам семьи Савичевых – Нине и Михаилу. Здесь запечатлены: последний приезд Нины Николаевны Савичевой в Шатки, прием у главы администрации; копия заявления о том, что прах Тани Савичевой должен остаться на Шатковской земле, книги с автографами Нины и Михаила Савичевых.

В своей урочной и внеурочной работе мы стремимся воспитывать в ребятах любознательность, почтение к своим предкам и их делам. Гордиться подвигами своего народа – в этом основа деятельности музея. Необходимо заинтересовать учащихся изучением истории своей малой родины: быта народа, его национальных и культурных традиций. История края – обязательный элемент знаний по истории страны. Данное положение закреплено в программе по истории России.

Использование материалов музея можно разделить на три направления:

1. Исследовательская работа.
2. Уроки.
3. Внеклассные занятия.

Важное место в историко-краеведческой работе занимает работа исследовательская, которая пробуждает интерес к прошлому, самостоятельность мышления, чувство ответственности за проделанную работу. Исследовательская деятельность способствует формированию способности критического восприятия фактов, умения их анализировать, побуждает к творчеству. Исследовательская работа позволяет учащимся под руководством учителя внести свой пусть и небольшой, но реальный вклад в развитие музея, увидеть специфику исторического, социологического и других видов исследования, а главное – получить опыт исследовательской деятельности. Учащиеся приобретают определенный набор знаний, умений и навыков, которые пригодятся в будущей взрослой жизни.

Все работы используются на тех или иных уроках. Работы «Листая семейный альбом», «Война в истории моей семьи», «Война глазами детей» помогают ребятам на примерах знакомых им людей (жителей района) проследить судьбу простых солдат на фронтах Великой Отечественной войны. Рассказы и воспоминания родных – живых свидетелей, очевидцев и участников событий – оживляют историю, приближают ее к ребенку. Ребятам важно понять ту нить, которая связывает все поколения. Прочувствовать, что история страны непосредственно связана с историей города, историей своей семьи. Ребята на уроках отвечают на вопрос, как история страны связана с историей их семьи.

Музейные экспонаты расширяют возможности учебного процесса. При словесном описании на уроках истории событий и явлений прошлого в подавляющем числе случаев не имеется возможности опереться на непосредственное наблюдение учащимися предметов описания или повествования потому, что это явление уже прошедшее, недоступное живому, непосредственному восприятию обучаемых.

Применение исторических источников при обучении истории имеет специфическое значение, существенно отличаясь от аналогичного метода преподавания естественных наук. Под предметной наглядностью в изучении истории понимается непосредственное восприятие не самого исторического прошлого, а вещественных памятников прошлого, его материальных следов. Исторические памятники – это тот вид наглядности, при помощи которого на уроке истории представления и понятия учащихся формируются на основе непосредственного восприятия самого предмета изучения. Именно на основе непосредственного восприятия предметов или с помощью наглядности в процессе обучения у учащихся и формируются образные представления и понятия об историческом прошлом. Вещественные и документальные экспонаты музея могут играть большую вспомогательную роль в познании социальных отношений прошлого, помогут выразить эти отношения, передать их конкретные проявления.

К предметной наглядности, таким образом, относятся вещественные памятники прошлого, памятные места исторических событий, произведения искусства и предметы быта прошлых времен, подлинные древности, составляющие музейную экспозицию.

Экспонаты экспозиций музея очень важны при установлении связи исторического прошлого с современностью, в процессе познания общественных отношений, в раскрытии понятий о русском народе и его образе жизни, в изучении науки и техники, экономики и культуры. Привлечение музейного материала создает благоприятные условия для организации различных заданий творческого характера, широкого использования местных источников и самостоятельной работы школьников, применения в учебной работе разнообразных элементов поиска и исследования [5, с. 69].

Но для того чтобы что-либо исследовать, нужно иметь перед собой объект исследования. И здесь на помощь ученикам приходит музей, в котором собраны экспонаты двух типов: вещественные и документальные. К вещественным относятся орудия труда, предметы быта, изделия местных промыслов, монеты, предметы культа. Документальные экспонаты представлены фотографиями, документами, книгами, газетами и журналами, письмами. Все экспонаты собраны руками учащихся, учителей и родителей, что способствует проявлению интереса работы с ними.

Практика показывает, что использование музейных экспонатов на уроках и уроки на базе музея не только не вызывают перегрузки учащихся, а наоборот, значительно облегчают усвоение курса истории России, делают знания учащихся более прочными и глубокими.

Музей – это учреждение, где знание неотделимо от нравственности, это связующая нить поколений, поэтому использование музейного материала на уроках истории облегчает усилия учителя в деле воспитания у учащихся гражданственности и нравственных идеалов.

Источники и литература

1. Медведева Е.Б., Юхневич М.Ю. Музейная педагогика как новая научная дисциплина // Культурно-образовательная деятельность музеев: сб. трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела. – М., 1997. – С. 43–48.

2. Медведева Е.Б. О значении термина «музейная педагогика» в теории и практике современной деятельности российских музеев // Музей. Образование. Культура: процессы интеграции. – М., 1999. – С. 48–52.

3. Кузнецова Н. Развитие художественного восприятия в системе «школа – вуз – музей» // Искусство в школе. – 2007. – № 2. – С. 28–30.

4. Сборник исследовательских и поисковых работ обучающихся профессиональных образовательных организаций и организаций высшего образования (по итогам проведения Международного молодежного форума «Миссия молодых: сохранить историю Великих Побед!», посвященного 70-летнему юбилею Победы в Великой Отечественной войне). – Н. Новгород, 2014.

5. Столяров Б.А. Педагогическая деятельность музея // Дошкольное воспитание. – 2002. – № 11. – С. 66–71.

* * *

К 70-летию Галины Ивановны Родиной,
доктора филологических наук,
профессора кафедры истории и обществознания

ДВА ПОЭТА-ЗЕМЛЯКА
(к 100-летию со дня рождения А.И. Плотникова)

Г.И. Родина

Арзамасский филиал ННГУ, историко-филологический факультет, кафедра истории и обществознания, доктор филологических наук, профессор
607220 Нижегородская область, г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36
E-mail: grodina@yandex.ru

Рассматривается значение личности и творчества поэта М.В. Шестерикова в формировании поэтического таланта А.И. Плотникова и поэтики его произведений; утверждается мысль, что в типологии их творчества отражается близость их мировоззрения, обусловленная советской эпохой: оба коммунисты, участники Великой Отечественной войны, истинные патриоты своей страны.

Ключевые слова: *А.И. Плотников; М.В. Шестериков; советская поэзия; газеты «Арзамасская правда»; «Горьковская правда»; А.С. Пушкин; Гете.*

Мировосприятие и образ жизни арзамасского поэта А.И. Плотникова (1920–2012) можно выразить известными стихотворными строчками – «В звоне каждого дня // Как я счастлив, что нет мне покоя». Такая жизненная позиция,

оптимистическая и деятельная, помогала Александру Ивановичу оставаться активным в творчестве, к становлению которого непосредственное отношение имеет наш земляк, известный советский поэт М.В. Шестериков (1906–1974).

Интерес к его творчеству пробудился в Александре Ивановиче, по его словам, после прочтения им поэмы Шестерикова «Тараканы» (1936), в которой автор не без юмора, с характерной «шестериковской лукавинкой» рассказывает о старой деревенской жизни и призывает начинать жизнь новую.

Но прежде чем оба поэта познакомятся, встретятся их публикации – в 1937 г. в газете «Арзамасская правда».

Шестериков, к этому времени уже известный горьковский поэт и публицист, печатался в областной и центральной периодике. В арзамасской же газете его первая публикация состоялась 12 февраля 1937 г. и была приурочена к печальной дате, которую вспоминала вся страна, – 100-летие со дня гибели Пушкина. Это было семистрофное стихотворение «Тебя поёт страна» (здесь особо подчеркнем, что посвященные Пушкину мероприятия, проводимые в городе и районе, газета освещала в материалах каждого номера с 3 по 17 февраля, т.е. две полных недели).

Спустя четыре месяца (2 июня) в газете печатается стихотворение Плотникова «На северном полюсе» – одна из первых его публикаций. Как и стихотворение Шестерикова, это был отклик начинающего поэта на событие, значимое для всей страны, – приступила к работе первая советская дрейфующая станция СП-1.

Личное знакомство поэтов-земляков состоялось спустя годы. Шестериков обладал даром безошибочно разглядеть в человеке поэтический талант, а разглядев, бескорыстно способствовал его развитию. Так было со многими: он дал рекомендации для вступления в Союз советских писателей таким ныне известным мастерам художественного слова, как В. Шамшурин, Л. Калинина, Н. Рачков... Так было и с Плотниковым ***(Приложение)***, стихи которого, по мнению Шестерикова, – это *«подлинная поэзия […], идущая от души»* [1, с. 4].

В связи с этим высказыванием поэта вспоминается гётевская строка: *«Если форму дарит гений, // Содержание – душа»* [2, с. 143–144]. Гёте и Шестериков, по сути, говорят об одном и том же – *душа* пишущего определяет содержательную наполненность творческого процесса. Шестериков увидел в стихах Плотникова и обусловленное «душой» глубокое «содержание», и соответствующую ему форму художественного выражения. Шестериков всегда был требователен к уровню профессионального мастерства, пафосно декларируя: *«С нас, поэтов, спрос большой, и наша задача: писать лучше, глубже и ярче!»* [1, с. 4]. Определяя стихи Плотникова как «подлинную поэзию», Шестериков признаёт и завершенность их формы, их художественность.

В 1971 г. после опубликования двух сборников стихов («Земное притяжение», 1961 и «Зерно», 1970) Плотников принят в Союз советских писателей. Рекомендовавший его Шестериков посылает ему через газету «Горьковская правда» теплые слова: *«Читателям, следящим за развитием горьковской поэзии, за творчеством местных стихотворцев, известно имя хорошего поэта*

Александра Плотникова. […] Поздравляя поэта с почетным и ответственным званием члена Союза писателей, хочется пожелать ему больших успехов в создании новых поэтических книг, доставляющих подлинную радость читателям» [3, с. 4].

За сорок лет, прошедшие с этой даты, арзамасский поэт достойно выполнил поручение своего старшего друга, написав много прекрасных стихов, издав пятнадцать поэтических сборников. Плотников не уставал благодарно повторять, что отношение к нему Михаила Васильевича было не только *«учительским»*, но и *«отеческим»* [4].

Поэт вспоминает и о том, что Шестериков *«заботливо помогал становлению арзамасской литературной группы»* [4]. Эту его эстафету Александр Иванович принял: более полувека – с 1957 г. и до конца жизни – он пестовал поэтические силы Арзамаса, его «литературные среды» объединяли тех, кто ценит художественное слово. И ныне литературная группа не распалась, она продолжает сплоченно трудиться, переняв эстафету от своего учителя.

Творческие и дружеские отношения с Шестериковым не прошли бесследно для поэзии Плотникова. В реминисценциях и аллюзиях на поэзию Шестерикова, в мотивике произведений, в отдельных элементах формы, в отточенности заключительных строф, в поисках композиции ощутимо влияние поэтики старшего наставника.

И это закономерно: в произведениях поэтов-земляков звучала эпоха, диктовавшая и поэтику, и типологическое сходство их творчества.

Приложение

(из личного архива Г.И. Родиной. Публикуется впервые)

Р Е К О М Е Н Д А Ц И Я
Александру Ивановичу Плотникову для вступления
в члены Союза писателей СССР

Александр Иванович Плотников, русский поэт, родился в 1920 году. Служил военную службу и воевал на Дальнем Востоке. После окончил Арзамасский учительский институт. Сейчас живёт и учительствует в родном своём селе – Абрамово, Арзамасского района Горьковской области. Коммунист. Пишет и печатается с 40-х гг. В 1951 году в коллективном сборнике «О самом дорогом» (Горьковское государственное издательство) напечатал несколько стихотворений рядом со стихами горьковских поэтов Виктора Авдеева и Михаила Тимонина. В 1962 году у Плотникова появилась первая книга стихов «Земное притяжение». Это был сборник набиравшего опыт и силу поэта. Не всё в ней было ровно, но во всём виделся поэт, поэт советский, стремящийся писать хорошие стихи, от которых была бы польза людям, которые помогали бы советской власти.

В 1970 году Александр Плотников издал второй стихотворный сборник «Зерно». В этой книге тема хлеба – главная, но не единственная. Немало здесь

читатель найдёт великолепных стихов о красоте, которой на земле много и которую надо не только любить, но и беречь. Именно там, где имеется красота, поэт особенно содержателен и ярок. Его хорошие стихи хочется твердить наизусть. К ним я отношу «Апрель», «Июнь», «Сосна», «Жаворонок», «Красота», «Женщина» и многие другие. Эта книга – свидетельство талантливости поэта и его безусловного творческого роста.

Александр Плотников живёт не только для своей поэзии. 15 лет он руководит литературной группой при редакции газеты «Арзамасская правда» и многим молодым поэтам Арзамаса помог освоить основы поэтического мастерства. Он не жалеет дорогого времени для поэтической молодёжи, и она ценит его, считается с его советами и всегда благодарна ему.

Учитывая всё это, а также и то, что Александр Плотников – замечательный человек, рекомендую его принять в члены Союза писателей как поэта, имеющего полное право находиться в рядах писателей.

Член Союза писателей
29 мая 1970 г. членский билет № 1829
М. Шестериков

Источники и литература

1. Шестериков М.В. С нас, поэтов, спрос большой // Арзамасская правда. – 1964. – 31 января (№ 18). – С. 3–4.

2. Гете. Вечное в мгновенном. Перевод Б. Заходера // Новый мир. – 1966. – № 6. – С. 143–144.

3. Шестериков М.В. Песня о России (из нового цикла стихов) // Горьковская правда. – 1971. – 13 июня (№ 141). – С. 4.

4. Материалы из личного архива Г.И. Родиной.

«ТРУД ЕСТЬ СОВЕСТЬ…»

В.М. Панкратов

Валерий Николаевич Ганичев, главный редактор журнала «Роман-журнал XXI век», председатель Союза писателей России, в редакторской статье «Три дня в Арзамасе» так отозвался о педагогическом институте, где он побывал в марте 2003 г.: *«Здесь многому можно поучиться»*. В частности, он дал высокую оценку спецкурсу «Арзамасоведение», который преподается не в аудитории, а на улицах города: *«Очень правильная педагогика – делать реальное, полезное дело. Ученика, студента готовить к жизненному стоянию надо долго и не одними уроками, а соучастием, сопереживанием»* [1, с. 5].

В.Н. Ганичев приводит отзывы студентов о занятиях по спецкурсу: *«Изучая достопримечательности Арзамаса, я обогатилась знаниями по русской культуре. И теперь, проходя по городу, я не перестаю удивляться одухотворенности нашей культуры. Посетив храм и прослушав в нем лекцию, я всей душой прониклась бытом и незыблемой верой людей в прошлое»*; *«…Я понял, ка-*

кое место занимают малые города России в ее истории и культуре: они, духовно сообщаясь, определяют ее путь» [1, с. 5].

Ведет этот спецкурс доктор филологических наук, профессор Г.И. Родина. Причем инициатором введения этих занятий в учебную программу была она сама. Казалось бы, зачем ей, специалисту по зарубежной литературе, дополнительная обуза? Ответ прост – потребность души, основанная на том, что Пушкин называл «любовью к отеческим гробам». И потребность эту она ощутила еще в детстве, классе во втором, когда каким-то чутьем вдруг осознала силу слова. То было летом, в родной Хватовке. Шел дождь, капли его шуршали по листьям яблонь, и эта музыка дождя настолько завораживала, что девочка взяла карандаш и начала писать сочинение. А ведь никто не заставлял! Просто ей необходимо было через слово выразить все то, что видела и ощущала она в тот момент, свое душевное состояние, свою связь с миром природы и «малой родины».

«Всякий раз, открывая книгу, – говорит Галина Ивановна, – я предвкушаю чувство радости от общения со словом». Наверное, в этом есть заслуга и предков, и родителей, людей умных и мудрых, трудолюбивых и честных. Примечательный факт: Галине Ивановне по наследству от прадеда по материнской линии досталось дореволюционное издание «Исторических сведений о городе Арзамасе» Н. Щеголькова. О чем это говорит? Да о том, что в этом роду главным жизненным ориентиром всегда было стремление к знаниям и к образованию, которые ценились дороже материальных благ.

Галина Ивановна может подолгу рассказывать о своих предках. Кажется, она все знает о каждом из них: прадед по отцовской линии Василий Андреевич Шестериков (?–1916) был сельским фельдшером (участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах), его сын Михаил стал известным советским поэтом, а брат Николай был художником (окончив до революции в Петербурге художественную академию, он там женился и работал; его дочь Тамара Кирсанова (Шестерикова) (1913–1989) была солисткой балета Мариинского театра, танцевавшей там одновременно с Г. Улановой, а внучки стали одна художницей, другая модельером.

Однако, как признаётся наша собеседница, еще много неизученных ветвей генеалогического древа, значит, нужно обращаться в архивы. Кстати, десять лет назад по инициативе Г.И. Родиной дорожку в архив проторили и ее студенты, начав заниматься своими родословными.

Интересуюсь у Галины Ивановны, повлиял ли на ее отношение к литературе, к жизни Михаил Васильевич Шестериков?

«Конечно, повлиял. Я помню наши беседы с ним о сказках, о Пушкине, о литературе. С его поэзией я знакомилась и по сборникам, которые он дарил моему папе (своему племяннику). Всем своим творчеством он, как коммунист и истинный патриот, воспевал достижения советской страны, за которую сражался в Великую Отечественную войну, будучи корреспондентом армейской газеты “Красное знамя” 4-й гвардейской армии. Став руководителем Горьковского областного отделения Союза советских писателей (1948–1960 гг.), он особо за-

ботился о молодежи и помог становлению многих талантливых поэтов, в том числе наших земляков А.И. Плотникова и Н.Б. Рачкова».

В Арзамасском пединституте Г.И. Родина обратила на себя внимание уже при поступлении: и тем, что окончила школу с золотой медалью, и тем, что на первом экзамене ее сочинение – единственное! – получило высший балл, и председатель приемной комиссии на собрании абитуриентов в актовом зале объявила, что Г. Родина принята на факультет русского языка и литературы без прохождения остальных экзаменов. Она и вуз закончила с красным дипломом, что и послужило «пропуском» на работу в городскую школу, тогда как выпускников пединститута направляли, как правило, в село. Однако она чувствовала в себе острую потребность учиться дальше, и те два года, что проработала в школе, использовала наилучшим способом, сдав в Горьковском пединституте экзамены кандидатского минимума.

Тогда же, в начале 1970-х гг., М.В. Шестериков познакомил свою внучатую племянницу со своим другом – известным германистом, переводчиком, кандидатом филологических наук А.Л. Ященко, который и порекомендовал ей заняться изучением творчества немецкого писателя и драматурга Германа Зудермана. Много позднее она поинтересуется у Ященко, почему он предложил этого автора, и услышит в ответ: «Вы похожи на зудермановскую женщину».

Шестериков не приветствовал ее интереса к зарубежной литературе: «Ты посмотри, – убеждал он, – сколько в русской литературе рубежа XIX–XX веков белых пятен. Вот куда тебе надо идти!». Но она выбрала для себя германистику – один раз и на всю жизнь: ее кандидатская и докторская диссертации посвящены немецкой литературе рубежа XIX–XX вв. Сегодня Галина Ивановна является членом Союза германистов России и единственным в нашем литературоведении специалистом по творчеству Зудермана.

Ее научными трудами заинтересовались в Германии. В июне 2014 г. в АФ ННГУ из Немецкой национальной библиотеки Лейпцига пришло официальное письмо с просьбой прислать монографии Г.И. Родиной о Зудермане. Просьба была выполнена, и библиотека получила в свой фонд три книги профессора из России.

«Русская и зарубежная литературы всегда находятся в процессе взаимодействия и взаимовлияния, – говорит Г.И. Родина. – Одно из ярчайших свидетельств этого – интерес к произведениям Зудермана таких видных представителей отечественного искусства, как П. Боборыкин, А. Буров, З. Венгерова, К. Головин, М. Горький, В. Мейерхольд, В. Немирович-Данченко, Г. Плеханов, К. Станиславский, А. Суворин, А. Таиров, Л. Толстой, А. Чехов и др. М.Н. Ермолова и В.Ф. Комиссаржевская всю жизнь играли в спектаклях по его пьесам, которые четверть века шли в театрах России, начиная с 1891 г. Это имя знала вся русская интеллигенция на рубеже XIX–XX вв. И наш город не был исключением. Арзамасская учительница немецкого языка И.Н. Атрощенко подарила мне в 1976 г. немецкое издание романа Зудермана “Забота”. Она читала его в 30-е гг., будучи студенткой переводческого факультета Московского инженерно-экономического института».

О многогранной научной деятельности Галины Ивановны свидетельствуют такие факты: она автор двухсот научных статей и четырех монографий; у нее есть аспиранты; она постоянно участвует в межвузовских научных конференциях; входит в состав двух диссертационных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций (в Нижегородском лингвистическом университете и в ННГУ им. Н.И. Лобачевского); она член редакционного совета научного журнала «Научный диалог», член Союза журналистов России. Интересна и насыщенна жизнь Г.И. Родиной – первой на арзамасской земле женщины, защитившей докторскую диссертацию.

Преподавая мировую художественную культуру на разных факультетах, она учит студентов чувствовать красоту и выразительность художественного слова, понимать языки искусств и следовать в жизни нравственному правилу – «труд есть совесть».

Литература

1. Ганичев В.Н. Три дня в Арзамасе // Роман-журнал XXI век. – 2003. – № 5–6.

«ХОРОШО УЧИТЬСЯ – ЭТО ПАТРИОТИЧНО»

Л.Н. Маринина

Большинство людей старшего поколения твердо уверены в том, что в современной жизни чрезвычайно возрастает роль патриотического воспитания подрастающего поколения. Любовь к малой и большой родине – это высокое нравственное чувство – формируется не только в процессе семейного и школьного воспитания, но и вузовского обучения. Радостно сознавать, что такая работа ведется со студентами педагогического института, в том числе в рамках предмета «Мировая художественная культура», который преподает доктор филологических наук, профессор Родина Галина Ивановна. Когда она рассказывает о русской и европейской архитектуре, о живописи, аудиториями для занятий становятся городские улицы. Она выводит своих студентов на старые уютные улочки деревянного Арзамаса, на Соборную площадь и Саровское подворье, к Ильинской церкви, к Спасскому, Никольскому и Алексеевскому монастырям и неутомимо, с неиссякающим энтузиазмом вот уже многие годы доказывает своим молодым слушателям, что наш городок является яркой частичкой русской и мировой культуры.

– Галина Ивановна, каким образом история и культура нашего города вписываются в ваш предмет?

– История и культура нашего города предоставляют богатейший материал для продуктивного изучения моего непростого, но очень интересного предмета. Например, знакомясь с античной, византийской или древнерусской архитектурой, мы отправляемся созерцать архитектурные памятники города; изучая иконопись, посещаем Воскресенский и другие храмы. Используем богатый потенциал здешних музеев и музыкального отдела городской библиотеки. Мы

также частые гости выставочного зала. Уже в сентябре мы приходили сюда, чтобы посмотреть картины художника В.А. Швецова, работающего в авангардной манере. Подобную живопись можно увидеть лишь в областных или столичных залах, а наши студенты такую возможность имеют здесь. Они общаются с художником, размышляют над сотворенным им миром живописных образов, столь непохожих на привычные реалистические.

Мне кажется, что целенаправленный ряд визуальных «живых» впечатлений очень важен для студентов. Их глаза привыкают к красоте, они не только *смотрят,* но и учатся *видеть.* А человек, научившийся видеть прекрасное, уже менее склонен быть агрессивным, т.к. красота – она же и гармония – умиротворяет.

Есть у нас со студентами экскурсия «Мемориальные доски Арзамаса», в ходе которой молодые люди, во-первых, искренне удивляются их количеству, не замечаемому ими ранее, а во-вторых, они осознают внешне невидимый «культурный слой» города, тот мощный культурологический пласт, что скрывается за этими мемориальными знаками. Но, оказывается, даже таким их количеством охвачено не все, достойно прославившее Арзамас. Как было бы приятно нам со студентами прочитать на доме № 19 по ул. Советской информацию о том, что здесь в 1889–1906 гг. жил Леонид Оболенский, податной инспектор, впоследствии находившийся на дипломатической службе, а в 1930 г. занимавший пост директора Эрмитажа. И в этом же доме родился его младший сын, Леонид Леонидович Оболенский (1902–1991), известный советский режиссер и соратник Эйзенштейна, актер, основоположник звукового кино, до 1941 г. преподавал во ВГИКе. Снимался в фильмах «Подросток», «Россия молодая», «Красное и черное», «Прости, прощай» и многих других.

– Есть ли у вас любимые места в Арзамасе?

– Интересен образ всего города, но привлекательнее, конечно же, «деревянный» Арзамас, к сожалению, тающий на глазах. Через какое-то время это будет уже другой город. Я очень люблю ходить пешком. Только в пеших прогулках постоянно высвечивается новое в привычном, неожиданные ракурсы, приятные для глаза пейзажи, прелестное узорочье наличников, фризов, пилястр... Есть на улице Ленина местечко (не доходя немного до Нижней Набережной), откуда открывается восхитительный вид на Воскресенский собор. На пересечении улиц Верхней Набережной и Владимирского есть маленькая площадка с камнем (я называю его «бел горюч камень Алатырь»), сидя на котором вы созерцаете дивную красоту раскрывающихся перед вами беспредельных далей и пространств, завораживающих причудливой игрой красок, контуров и линий.

– А в России?

– Я очень люблю путешествовать и в советское время каждый отпуск проводила в туристических поездках. Тогда это было вполне доступно для преподавателя вуза. Люблю города «Золотого кольца» России, Кирилло-Белозерский монастырь, сильное впечатление осталось от Ферапонтова. Трепетное чувство пробуждают Псков, Михайловское. На мой взгляд, в Михайловском и в Дивееве должен побывать каждый русский человек. Особая привязан-

ность к Коктебелю – романтический уголок Крыма, где жил поэт и живописец Максимилиан Волошин, художественный мир которого мне очень интересен.

– 15 лет вы преподавали в Винницком педуниверситете на Украине. Как вы восприняли разделение двух родственных культур – украинской и русской?

– Следует сказать, что эти культуры как национально самобытные были самостоятельными и в советское время. Сосуществуя, они развивались параллельно и в творческом взаимодействии. Вопрос, а вернее, камень преткновения, здесь, очевидно, в другом. Когда Украина стала «нэзалэжной и самостийной» (т.е. независимой и самостоятельной), новые политики и идеологи новой власти, следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», сразу же начали манипулировать древнерусской культурой, внедряя в сознание людей антирусские настроения. Примеров могу привести множество. Так, первый канал украинского телевидения просвещал свой народ в том, что построенный в Киеве самый первый православный храм – Успенская (Десятинная) церковь – был разрушен москалями (т.е. русскими); а ведь достаточно было консультации с архитекторами и историками, чтобы эту ложь не тиражировать. С начала 90-х годов вырастают поколения, которые уже не знают русского языка и русской культуры, зато в них вложена информация о том, что «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» и др. принадлежат только украинской культуре. Русская литература в мизерном количестве входит лишь в школьный курс «История зарубежной литературы» (уровень мотивации – если вы не изучаете нашего Шевченко, почему мы должны изучать вашего Пушкина?). Естественно, что русские писатели наравне с английскими, немецкими изучаются в переводе как с иностранного языка на украинский.

– Как вам работается с современными студентами?

– На мой взгляд, ни труднее, ни легче, т.к. в целом контингент студентов остался прежним. И сейчас есть немало умных, начитанных, самостоятельно мыслящих студентов, которые стремятся к знаниям. К сожалению, к нам поступают и те, кто изначально не намерен связывать свое будущее с профессией учителя. Такие студенты не заинтересованы в получении качественных профессиональных знаний, и работать с ними скучно и неинтересно. С сожалением приходится также констатировать еще один негативный момент, весьма заметный в последние годы, – снижение уровня общей нравственной культуры молодых коллективов. Внешние запреты нынешним временем разрушены, внутренние (нравственные) запреты, если даже и сформированы семьей, ослабевают в контексте социума; нет сознательной установки, к примеру, на почтительность и вежливость, на уважение к женщине и к старшим, на элементарные этикетные слова. Конечно, очень сложно воспитывать возвышающие душу чувства в условиях, когда мутными потоками непрерывно льется на нас со всех сторон деформирующая психику и нравственность оболванивающая негативная информация, словно в нашей стране ничто и никем не созидается. Тем большая ответственность лежит в этих условиях на семье и на самом человеке. Ведь у каждого хотя бы на бытовом уровне всегда есть свобода выбора: смотреть или

НЕ смотреть вульгарный и огрубляющий чувства фильм, сказать или НЕ сказать грязное слово, помогать своим бабушкам и дедушкам или НЕ делать этого и т.д.

В эпоху Возрождения итальянские гуманисты говорили о воспитании человеком самого себя, о его личной ответственности за то, что ты собой представляешь и какую альтернативу предпочитаешь: движение вверх – к ангелам – по вертикали развития личности или движение вниз, к животным. Естественно, что движение вверх сопряжено с необходимостью саморазвития, с соблюдением запретов (без которых, кстати, нет культуры), с усилиями по преодолению инертности нашего тела. А движение вниз не требует от человека никаких усилий, оно примитивное и стремительное.

– Каковы ваши пожелания студентам в новом учебном году?

– Хотелось бы, чтобы молодые люди понимали: хорошо учиться – это патриотично; чтобы они любили свой дом, свое село или город, свою страну; чтобы они помнили о душе и шли по выбранному жизненному пути честно, с уважением к окружающим и предпочитали движение вверх по вертикали личностного развития. Уместно обратиться в связи с новым учебным годом и к мудрым советам жившего в Оптиной пустыни преподобного старца Нектария (1857–1928), который учил *внимательности* в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать – это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думанье, займитесь мышлением. Была “Дума”, которая думала, а не мыслила государственно. Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум». А еще старец говорил так: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям».

Беседовала Л.Н. Маринина

На последней странице обложки:
памятник А.П. Гайдару в г. Арзамасе, 1966 г.
(скульптор Ю. Стручков)

Научное издание
ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей участников
Региональной научно-практической конференции
5 декабря 2019 г.

Научный редактор *А.А. Исаков*
Ответственный редактор *В.И. Грубов*
Технический и художественный редактор *С.П. Никонов*
Корректор *Н.В. Жучкова*
Дизайн обложки *Д.С. Парадеев*
Верстка и вывод оригинал-макета *З.Ю. Скочигоровой*

Подписано в печать 30.04.2020 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ. листов 17,5. Тираж 300 экз. Заказ № 231

Издательство Арзамасского филиала ННГУ
607220, Россия, Нижегородская обл., г. Арзамас, ул. К. Маркса, д. 36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
603000, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37

Приложение 1

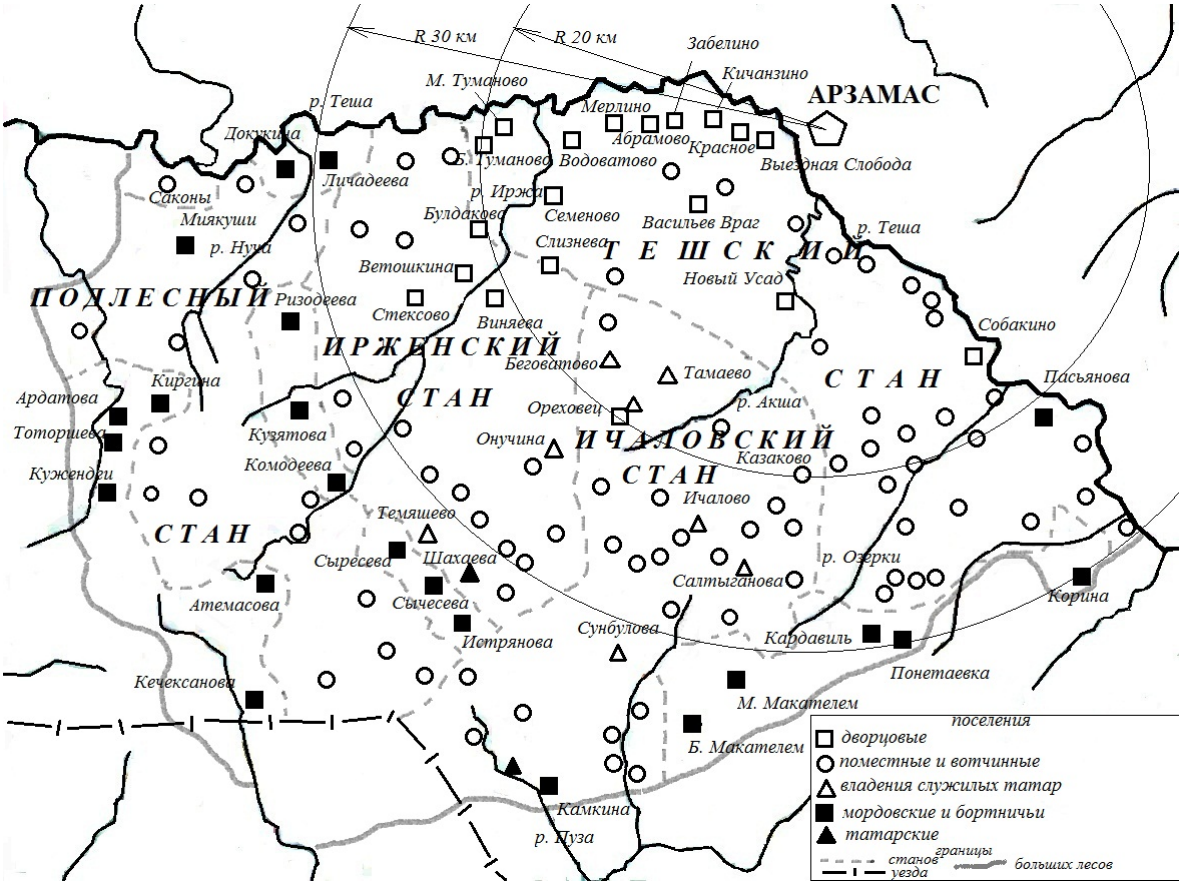


Рис. 1. Утишье в конце XVI – начале XVII века.

Приложение 2

Рис. 1. Фрагмент карты Г. Делиля («Atlas nouveau», Амстердам, 1742 г.).

Рис. 2. Фрагмент карты 1778–1798 гг.

Рис. 3. Фрагмент карты генерального межевания
(квадрат с буквами «Ц.З.» отмечен стрелкой).

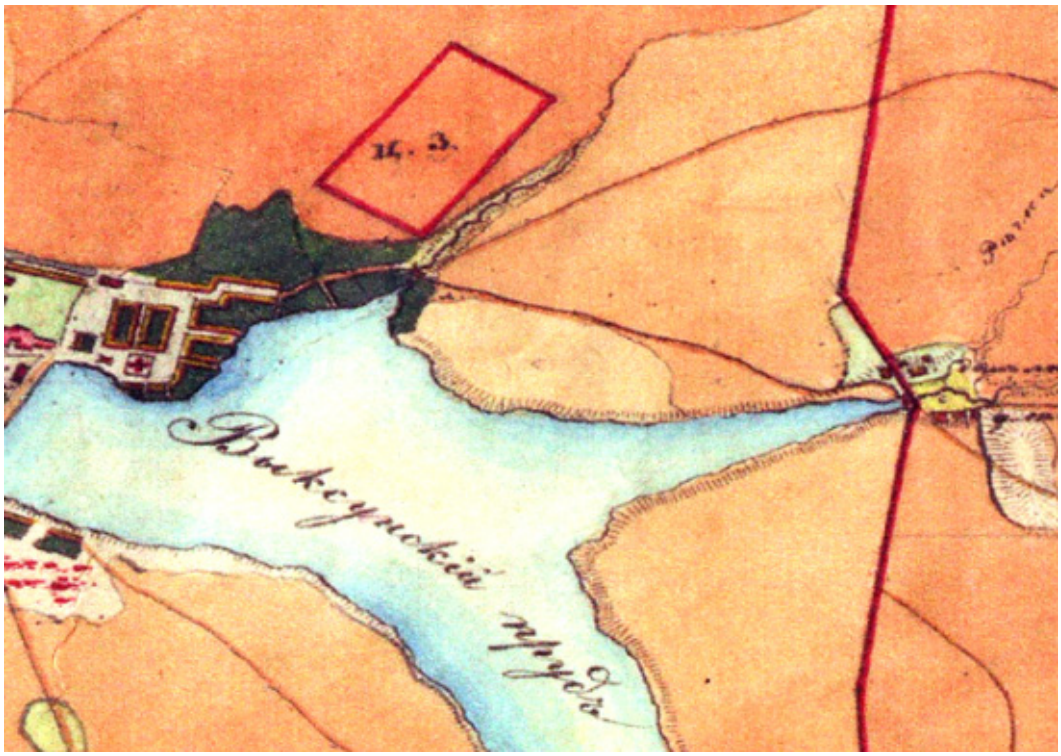


Рис. 4. Фрагмент карты генерала Менде (1850 г.).

Приложение 3

Фото 1. Т.И. Бабайкина проводит урок в начальной школе.

Фото 2. М.П. Михайлова с учениками арзамасской школы им. Чкалова. 1948 г.

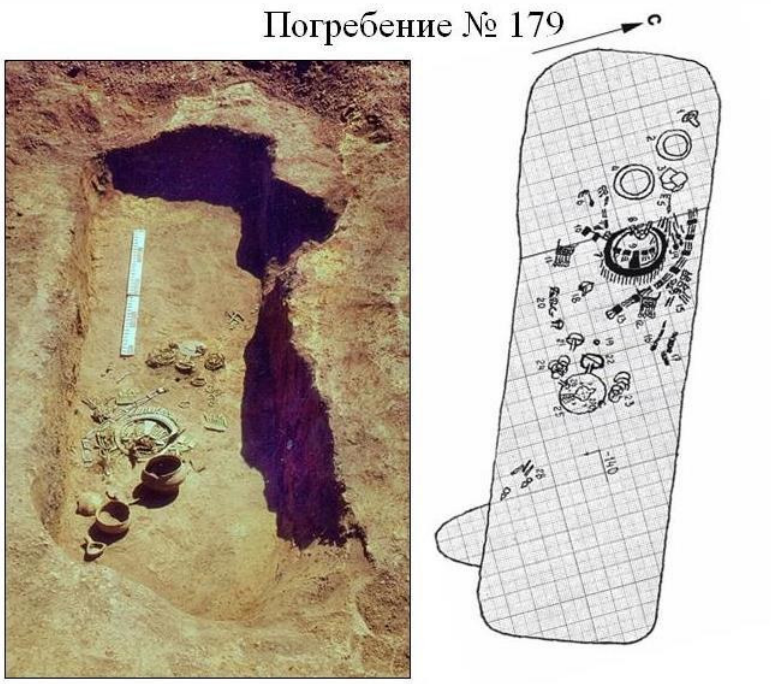
Приложение 4

Фото 1. Иван Андреевич Яшин с женой.

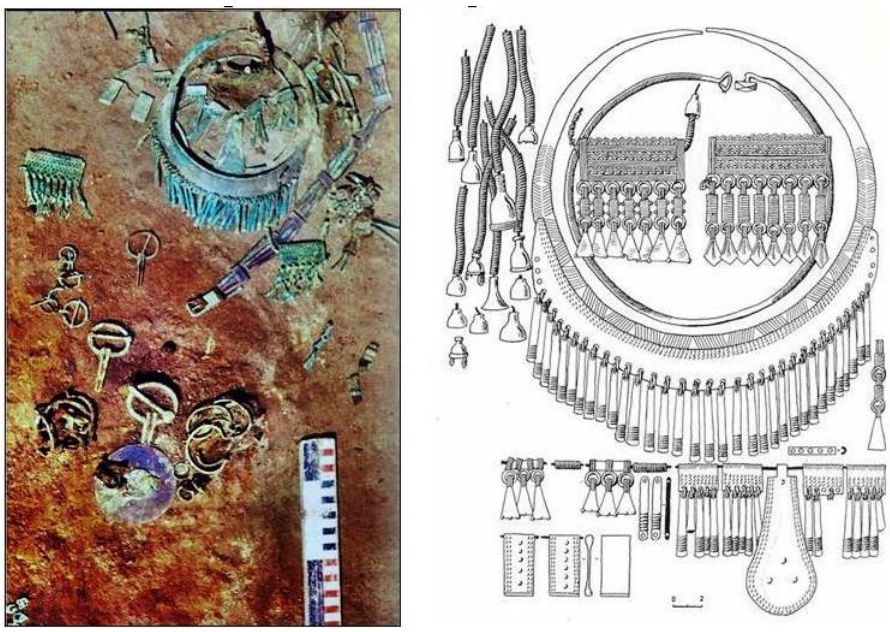
Приложение 5

Рис. 1. План-схема Старопустынского озерного ландшафта.

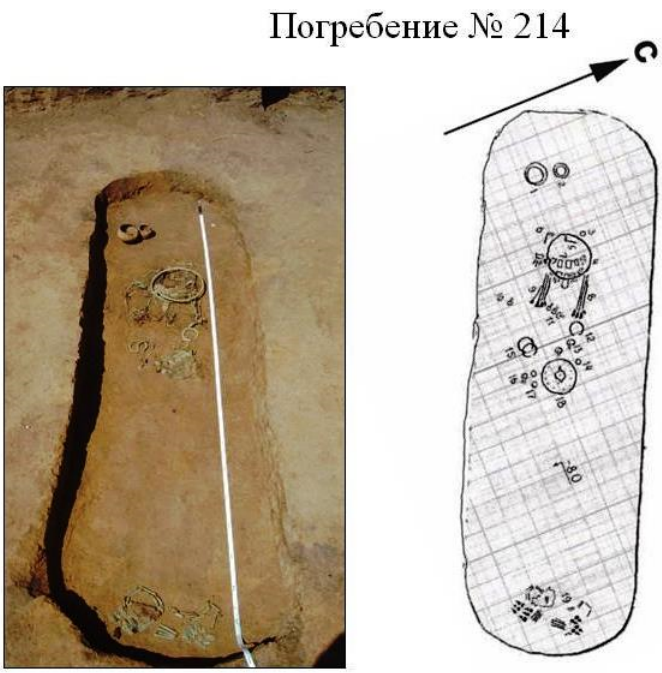
Приложение 6



Илл. 1. Могильник Стёксово II, погребение 179.
Раскоп В.Н. Мартьянова (2003 г.).



Илл. 2. Могильник Стёксово II, погребение 179.
Комплекс украшений из цветного металла.
Прорисовка В.Н. Мартьянова.



Илл. 3. Могильник Стёксово II, погребение 214.
Раскоп В.Н. Мартьянова (2006 г.).

Илл. 4. Могильник Стёксово II, погребение 214.
Комплекс украшений из цветного металла.

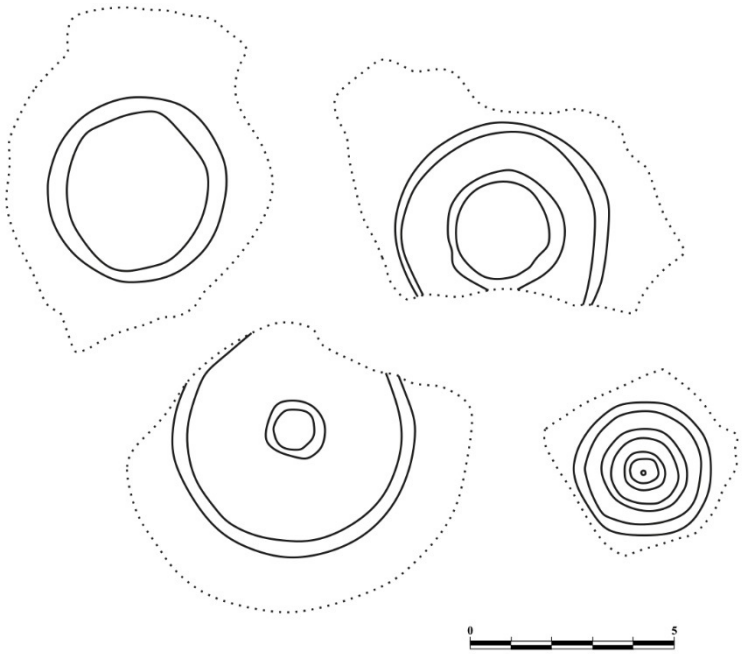


Рис. 1. Геометрические изображения на клеймах (окружности).

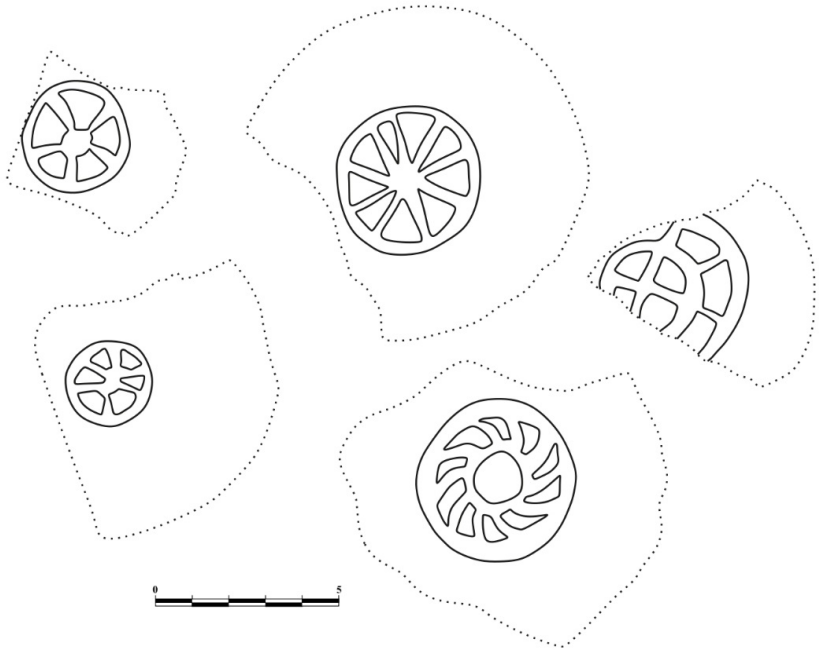


Рис. 2. Геометрические изображения на клеймах (колеса).

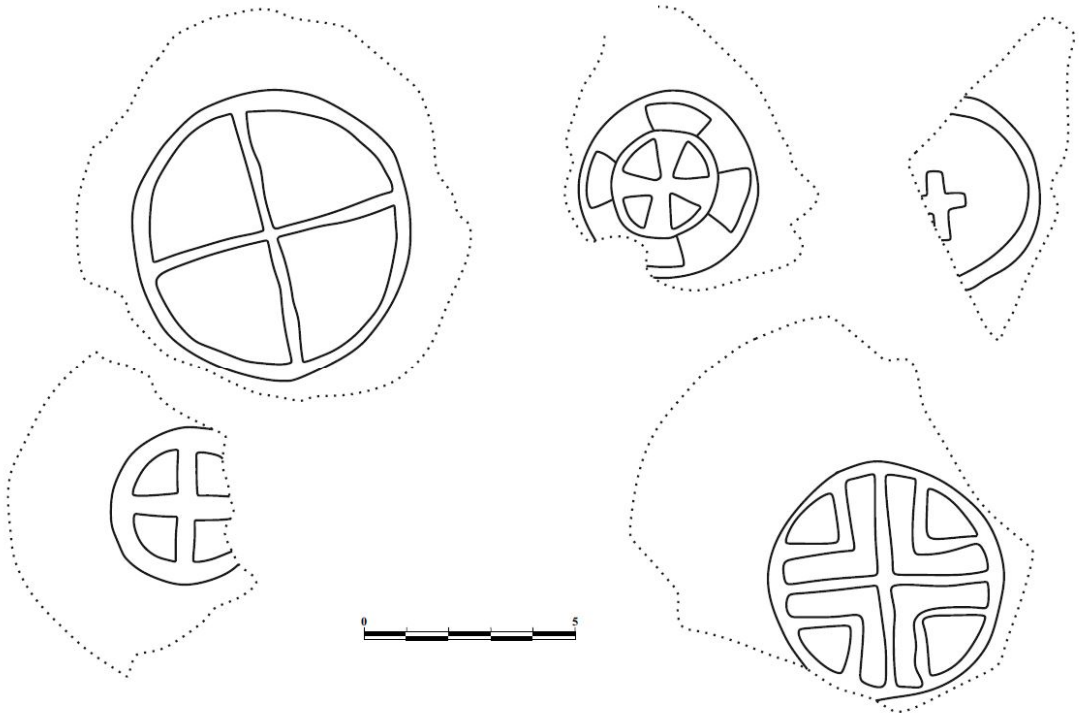


Рис. 3. Геометрические изображения на клеймах (кресты).

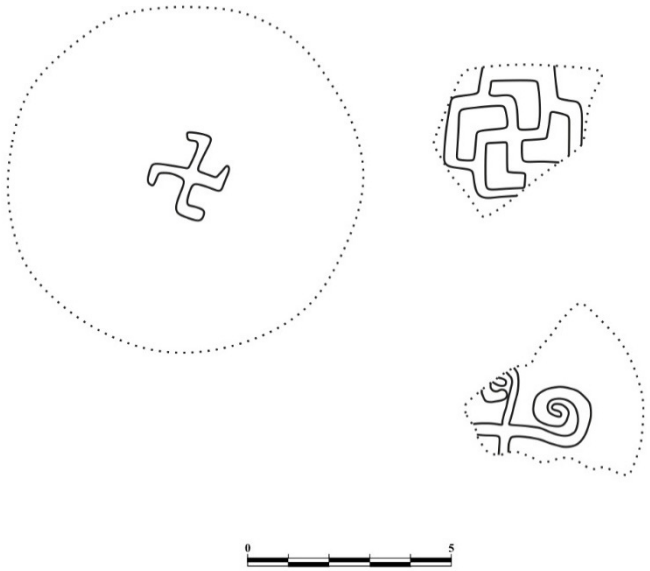
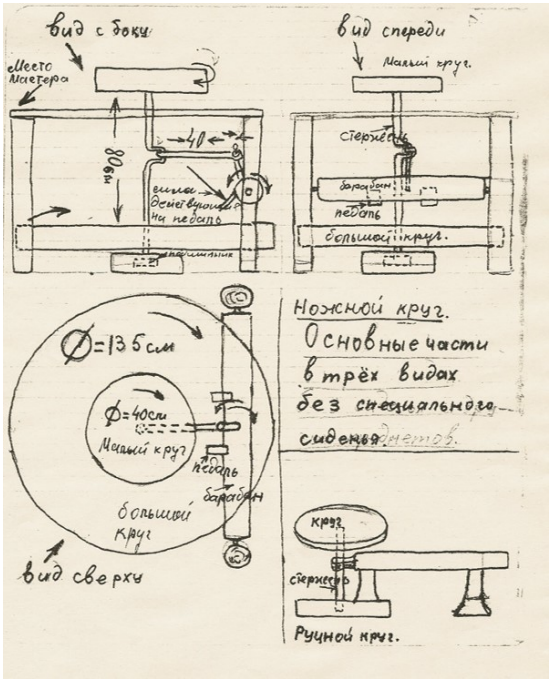
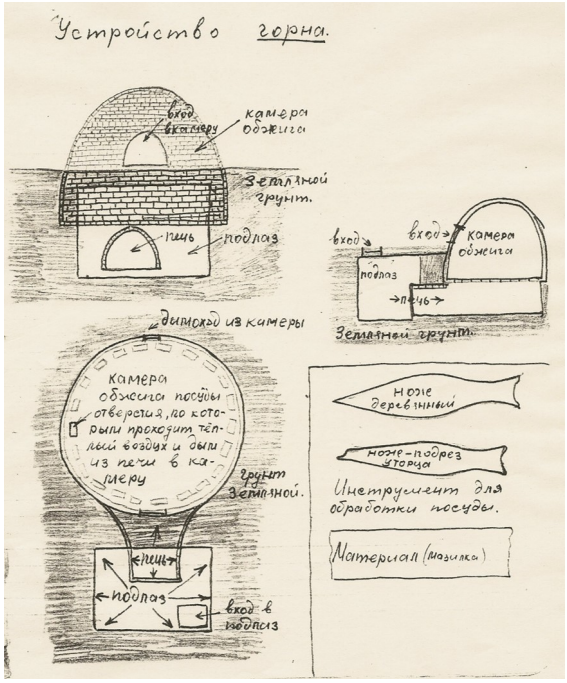


Рис. 4. Геометрические изображения на клеймах (свастики).

Илл. 1. Петр Алексеевич Аляпин.



Илл. 2. Ножной гончарный круг (д. Забелино, 1961 г.)



Илл. 3. Горн (д. Забелино, 1961 г.)

Фото 1. Афиша спектакля «Лес», Арзамас, 1923 г.

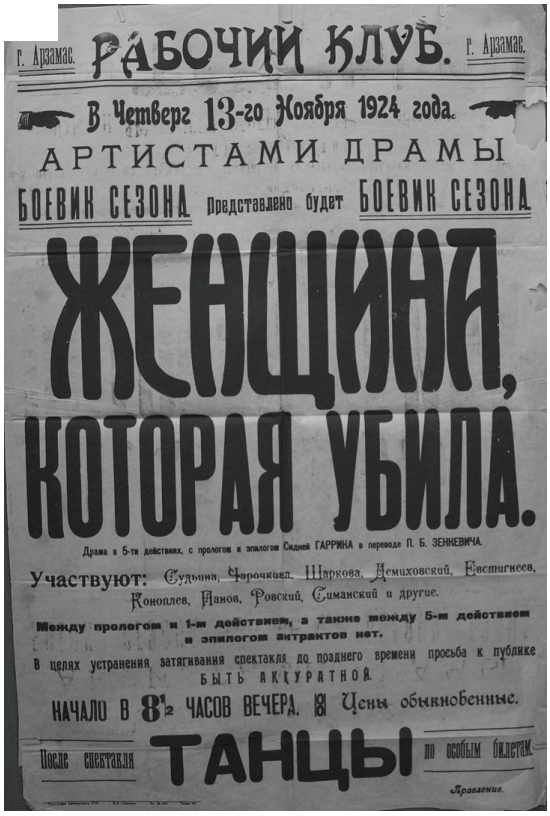


Фото 2. Афиша спектакля «Женщина, которая убила», Арзамас, 1924 г.

Фото 3. Интерьер гримерной комнаты актрисы Е.Н. Судьиной.